Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

VII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

29–30 марта 2017 года

НОВОСИБИРСК
2017

ББК 81.001.2я431+60.524.224.022я431
М 436

Утверждено к печати Оргкомитетом конференции

ОРГКОМИТЕТ

VII международной научно-практической конференции
«Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты»

Вострецов А.Г., д-р техн. наук, профессор, проректор по научной работе
Мелехина Е.А., канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой ИЯ ГФ

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Мандрикова Г.М., д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой филологии НГТУ
Влавацкая М.В., д-р филол. наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков ГФ НГТУ
Голышкина Л.А., канд. филол. наук, доцент, декан ФПК НГТУ
Казачихина И.А., канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков ГФ НГТУ
Ивлева М.А., канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков ГФ НГТУ
Кучина С.А., канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков ГФ НГТУ
Винник Е.В., ст. преподаватель кафедры иностранных языков ГФ НГТУ
Архипова Е.И., преподаватель кафедры иностранных языков ГФ НГТУ

М 436 **Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты:** сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 372 с.

ISBN 978-5-7782-3355-3

Сборник содержит статьи, которые посвящены актуальным вопросам теории и практики межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, переводоведения, лингвистики и анализа текста. Сборник подготовлен к изданию кафедрами иностранных языков ГФ и филологии НГТУ.

Редакционная коллегия:

Редакторы:

Кротова А.Г., канд. филол. наук, доцент кафедры филологии НГТУ
Мандрикова Г.М., д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой филологии НГТУ

ББК 81.001.2я431+60.524.224.022я431

ISBN 978-5-7782-3355-3

© Коллектив авторов, 2017
© Новосибирский государственный
технический университет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово от организаторов 6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ 7

Антропова В.В., *Грошева А.В.* Возможности лингвокультурологического изучения аксиосферы СМИ: опыт описания базовых концептов дискурса «толстых» журналов 7

Белова М.С. Национально-культурные ценности русских через призму восприятия китайских студентов 13

Богатырева О.А. Концептуализация чувства любви во французской и русской картинах мира 20

Голышкина Л.А., *Машкович О.А.* Аксиологические трансформации отечественного риторического идеала в коммуникативном сознании российского студенчества в условиях глобализации 24

Грицко М.И. Психолингвистический аспект исследования российской идентичности современной молодежи на материале русских ассоциативных баз данных 33

Зайкина З.М. Универсальные и идиоэтнические особенности языков и культур 41

Мелкадзе Н.С. «Неделя»: к сопоставлению темпоральных фрагментов русской, грузинской и английской языковой картины мира 49

Нагаева К.Э. Сопоставительный анализ семантики идеологем «либерализм / libéralisme» в русской и французской лингвокультурах 56

Ольховская А.И. Лингвокультурное преломление лексемы «путь» 62

Отургашева Н.В. Образы любви на перекрестках культур 70

Савицкая С.В. Этнокультурная специфика цветообозначений в языковом сознании носителей русского и якутского языков 79

Смирнов Е.С. Нарративы русских старожилов Приангарья о «чужих» в лингвоаксиологическом аспекте 87

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА 95

Блинова А.О. Трудности культурной адаптации иностранных студентов в сибирском вузе 95

Брем Н.С. Поликультурная языковая личность и поликультурная личность: к разграничению понятий 101

Василенко Т.Е. Китайская культура за пределами символов 105

Дебренн М. Межкультурная коммуникация между Францией и Россией: опыт межкультурного билингва 109

Карпова Е.В. «С русского на русский»: метатекст языковых переключений 118

Кротова А.Г. Интернет-мемы: глобальное и национальное 124

Кузнецова А.А. Тактики конфирмативной и дисконфирмативной стратегий в межличностной коммуникации 128

Массалова А.Э. Социокультурная адаптация иностранных учащихся в военном вузе (на примере инженерного училища)..... 132

Масюк (*Басырова*) *А.Е*. Проблемы восприятия иностранцами лингвокультурной информации в русскоязычном инфографическом тексте 137

Ржаникова Ю.В. Межкультурная коммуникация курсантов из разных стран в военном вузе 140

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА 143

Архипова Е.И. Реалии как носители культурологического компонента..... 143

Бентя Е.В. Английские заимствования в русском языке (на материале Русской региональной ассоциативной базы данных – СИБАС)..... 147

Захарова Е.З., *Русанова С.В*. Слова с корнем благ-/блаж- как зона пересечения языков и культур 153

Imjaminova Sh., *Rajabova S*. Zum Problem der Klassifikation der Phraseologismen der deutschen und der russischen Sprachen 159

Коломейцев Е.А. Особенности выражения криптотипии на материале отрицательных префиксов глаголов в английском языке 163

Колышкина С.С. Классификация заимствованных слов русского языка в японском языке..... 168

Коршунова А.В. Окказиональная синтагматика как способ представления авторской картины мира (на материале произведений Дж. Фаулза) 173

Курчина М.А., *Русанова С.В*. Словообразовательный супплетивизм в родопоповых парадигмах *петух – курица*, *бык – корова*, *конь – лошадь*: историко-этимологический аспект..... 180

Николенко О.Ю., *Шалда Д.А*. Лексикографическое описание слов группы «Украшения»: прикладной аспект..... 186

Соснина А.А. Русское «жихарь» в лингвистическом и историко-культурном аспектах..... 192

Цвенгер Л.В. Аспекты изучения цветовых обозначений в лингвистических исследованиях 200

Шабунина К.Д. Коллокации в исследованиях русских и зарубежных языковедов.... 207

Шапошникова И.В. Междисциплинарность современной лингвистики: поиск новых путей к объекту..... 212

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ. АНАЛИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА 219

Абаева Е.С. Структурный анализ отрывков текста с юмористическим эффектом как единиц перевода 219

Варламенко И.Г. Перцептивные фразеологизмы как элемент когнитивного стиля автора (на материале романов Г. Дж. Уэллса)..... 225

Гилёва Е.В. Опыт перевода поэтического текста в условиях языкового невежества 230

Деркач А.В. Грамматические трудности перевода с немецкого языка на русский..... 239

Ковалёва Д.И. Междометия в переводном японском тексте манга 243
Кокова А.В. Развитие и становление немецкого газетно-публицистического стиля во второй половине XIX столетия (историко-культурные аспекты) 249
Кушнина Л.В. Культурное измерение перевода: в поисках критериев.. 255
Мелёхина Е.А. Художественный перевод глазами будущих переводчиков 259
Онал И.О. Метафора в англоязычной политической карикатуре 264
Осолодченко М.Н. Анализ основных лексических и грамматических трудностей перевода с немецкого языка на русский 271
Трофимова-Коваленко Н.И. Особенности реализации переводческих трансформаций в репрезентативных речевых актах художественного дискурса 274
Чжао Хун, *Дубкова О.В.* Приемы перевода на русский язык китайской безэквивалентной лексики в сунских цы 280
Яцко В.В. Образность как существенный компонент концептосферы современного шведского политического дискурса (на примере реализации концепта UTVECKLING ‘развитие’) 287
АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА 295
Агакишиева У.Д., *Сироткина Т.А.* Средства создания образа ханты в идиостиле Е. Д. Айпина 295
Букаты Е.М. Роль эпиграфов из «Египетских ночей» А. С. Пушкина в романе Ф. Розинера «Некто Финкельмайер» 301
Воробьёва Т.Л. Литературное произведение в контексте диалога культур: знаки культурного кода итальянской комедии дель арте в отечественных пьесах 1920-х годов 307
Жихарева Т.Ю. Фигуративный аспект символики пространства в романе «The painted veil» У. С. Моэма 315
Зайналова Л.А. Некоторые лингвистические и культурологические аспекты песенных текстов Д. Маликова 322
Катермина В.В. Концептуализация понятия «путешествие» в творчестве Марка Твена 324
Масолова Е.А., *Чжан Сюань*. Роман Толстого «Анна Каренина» в перекрестке суждений китайских и русских ученых: герои и композиция 333
Полянкина С.Ю. Социолект как средство языковой репрезентации профессиональной картины мира в англоязычной художественной прозе 340
Смолина А.Н. Жанр прощания в русской монашеской эпистолярной культуре XX века: содержательные и языковые особенности 347
Чернова И.В. Концептуальный анализ базовых компонентов содержания понятия отель (на материале романа Артура Хейли «Отель») 354
Чурляева Т.Н. «Посторонний» Камю в аспекте прагматики 360
Сведения об авторах 367

СЛОВО ОТ ОРГАНИЗАТОРОВ

В 2017 году в Новосибирском государственном техническом университете прошла VII международная научно-практическая конференция «Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты».

Программа конференции получилась весьма насыщенной: в первый день работали пять секций, на которых обсуждались актуальные проблемы лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, переводоведения, теории и истории языка, анализа текста. Во второй день участники конференции имели возможность посетить мастер-классы и обсудить практические вопросы, связанные с межкультурным общением. Кроме того, в рамках конференции было организовано повышение квалификации по программе «Лингвистические исследования в полипарадигматическом рассмотрении».

Нам очень приятно, что в этом в году география участников значительно расширилась: докладчики из Новосибирска, Омска, Томска, Тюмени, Кемерова, Красноярска, Сургута, Перми, Москвы, Кубани, Дагестана, Башкирии, Грузии, Узбекистана, Китая обсудили проблемы межкультурной коммуникации, что, безусловно, свидетельствует об актуальности и глобальности заявленной проблематики.

Думаем, что сборник будет интересен как «теоретикам», так и «практикам», поскольку включает не только статьи общеметодологического, концептуального характера, осмысливающие общие вопросы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, но и содержит наблюдения, связанные с лингвокультурными особенностями представителей различных национальностей, что может пригодиться в преподавании иностранных языков, при переводе, в процессе реальной межкультурной коммуникации.

Мы считаем важным объединять в рамках научных дискуссий магистрантов, аспирантов, кандидатов и докторов наук, поскольку в этом случае конференция действительно дает возможность молодым стать частью научного сообщества, апробировать результаты своих исследований в авторитетной аудитории. Поэтому хотелось бы пригласить на следующую VIII международную научно-практическую конференцию по межкультурной коммуникации в качестве ее участников не только авторов данного сборника, но и их коллег и учеников.

До новых встреч на факультете гуманитарного образования Опорного регионального университета – НГТУ!

Оргкомитет конференции
Редколлегия сборника

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 81-13+07

ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АКСИОСФЕРЫ СМИ: ОПЫТ ОПИСАНИЯ БАЗОВЫХ КОНЦЕПТОВ ДИСКУРСА «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛОВ

Антропова Вера Владимировна, Грошева Алла Владимировна

Челябинский государственный университет, *Челябинск*, *Россия*
ava45@yandex.ru, *bagi-94@mail.ru*

Аннотация. В эпоху аксиологического кризиса, усиленного новейшими социокультурными трансформациями и потрясениями, актуализировался ценностный модус анализа действительности, в результате чего возникли новые исследовательские парадигмы (например, лингвокультурология, аксиология журналистики). Проблематика статьи сводит воедино лингвоаксиологические, медиаценностные интенции на основе анализа массмедийного дискурса как феномена современной культуры.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт; культура; ценности; «толстые» журналы.

POSSIBILITIES OF LINGUISTIC AND CULTURAL STUDY OF THE MEDIA AXIOSPHERE: THE EXPERIENCE OF DESCRIBING THE BASIC CONCEPTS OF THE "THICK" JOURNALS DISCOURSE

Antropova Vera Vladimirovna, Grosheva Alla Vladimirovna

Chelyabinsk State University, *Chelyabinsk*, *Russia*
ava45@yandex.ru, *bagi-94@mail.ru*

Abstract. In the era of the axiological crisis, which strengthened the latest sociocultural transformations and upheavals, actualized value of modus analysis of reality. As a result, a new research paradigm (cultural linguistics, axiology of journalism). Perspective article brings together lingvoeconomics, mediacentre's intentions on the basis of analysis of mass media discourse as a phenomenon of modern culture.

Keywords: linguistic and cultural concept; culture; values; "thick" magazines.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 16-18-02032

Межкультурная коммуникация, помимо международного общения, в широком понимании предполагает еще и общение в пределах одной страны, но в рамках мультикультурального общества. Многосоставность культурной среды привела к тому, что многие специалисты выделяют три типа современных культур: элитарную, традиционную и массовую (например, А. В. Костина). СМИ, функционируя в рамках существующих типов культур, продуцируют и репродуцируют их, а значит, они могут быть соотнесены с ними. В частности, мы можем говорить о том, что элитарную культуру транслируют элитарные СМИ, традиционную – качественные издания (типа «Русский репортер»), массовую – массовая периодика (например, «Комсомольская правда»). При этом не стоит забывать, что главным основанием любой культуры являются ценности. Медиалингвисты (А. В. Полонский, М. Ю. Казак, И. В. Ерофеева и мн. др.) изучают ценностные смыслы через медиатексты. Предлагаем использовать лингвокультурный концепт (Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Г. В. Токарев) как надежный методологический инструмент измерения ценностей массмедиа, поскольку ядерно-периферийная организация концептуального поля позволяет ранжировать ценностные смыслы медиадискурса в порядке их важности, значимости. Структуру концепта чаще всего исследователи описывают как трехчастную, выделяя в ней понятийную, значимостную и образную составляющие.

К элитарным СМИ мы относим так называемые «толстые» журналы как проводники элитарной культуры, ценности которой репрезентируется через базовые для соответствующего дискурса лингвокультурные концепты. С помощью контент-анализа мы выяснили, что одним из главных концептов дискурса «толстых» журналов является концепт «свобода», поскольку духовной миссией подобных изданий, как показывает их история, стало свободное, независимое выражение мнений, идей авторов журналистских материалов.

Итак, мы обратились к различным словарям с целью выяснения понятийного, метафорически-образного и значимостного компонентов структуры концепта «свобода», а также с целью определения семантического объема лексической единицы «свобода», которая явилась именем концепта, – все это позволило выявить узуальную природу данного ментального конструкта.

Понятийный компонент любого концепта отражается в признаковой и дефиниционной структуре слова, давшего имя концепту; его, как правило, реконструируют на базе толковых словарей. Сравнительный анализ словарных определений показал, что семы «отсутствие каких-либо ограничений», «отсутствие неволи, рабства», «возможность проявления своей воли» будут общими для просмотренных нами толковых словарей В. И. Даля, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Ушакова [4; 5; 10]. Таким образом, ядерную зону русского лингвокультурного концепта «свобода» будут составлять названные концептуальные признаки.

Значимостная составляющая концепта (чаще – околоядероная зона и ближайшая периферия) определяется местом, которое занимает имя концепта в

лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также этимологические, ассоциативные характеристики этого имени, его словообразовательная продуктивность (С. Г. Воркачев) [3]. Данные этимологических и ассоциативных словарей выявили высокий значимостный потенциал имени концепта.

Так, в словообразовательном словаре А. Н. Тихонова лексема «свобода» имеет процессуальную природу, связана в основном с действиями индивида, поскольку образует множество глаголов и намного меньше существительных и прилагательных («вы-свобод-и-ть», «о-свобод-и-ть», «высвобожд-а-ть», «освободи-ться», «освобожд-ться», «освободи-тельн-ый», «освобожд-е-ни[j э]» и т. д.) [9, с. 623].

В этимологических словарях М. Фасмера, Г. А. Крылова, А. Г. Преображенского, Н. М. Шанского указано, что лексема «свобода» имеет старославянское происхождение: восходит корнями к «собьство», «особенность». Таким образом, «свобода» буквально – «свое, собственное, отдельное от других положение» [16; 19; 8]. Согласно словарю М. Фасмера, искомое слово связано с укр. *свобо́да*, блр. *слобода*, др.-русск. *свобода* – «независимость», а также «свободное поселение» [16]. Можно говорить о том, что «свобода» связана с обособленностью, особенностью, индивидуальным.

Также мы обратились к идеографическому словарю русского языка О. С. Баранова, чтобы выяснить, с какими тематическими блокам соотносится «свобода». Данная лексема коррелирует со следующими тематическим блокам: «отсутствие ограничений», «личная свобода», «неограниченный», образуя существительные (*освобождение*), прилагательные (*свободный*), глаголы (*освободить*, *освободиться*) [2].

В семантическом словаре русского языка значения лексемы «свобода» объединяют следующие составляющие: «Возможность действовать (поступать) без каких-н. ограничений, стеснений» [14].

Русский ассоциативный словарь показал такие наиболее частотные реакции на стимул «свобода»: «слова» (16), «действий» (7), «полная» (5), «независимость» (4) и т. д. [13]. Обратный Русский ассоциативный словарь продемонстрировал следующие стимулы на данную реакцию: «демократия» (11), «воля» (8), «тюрьма» (8), «США» (8), «права человека» (3) и т. д. [13]. Из этого следует, что свобода осмысляется также через политику (внешнюю и внутреннюю), уголовную ответственность.

Наконец, образный компонент структуры концепта (ближняя и дальняя периферия) фиксируют когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании. Наиболее полную картину об образной составляющей концепта «свобода» дает словарь эпитетов: «Абсолютная, безбрежная, безграничная, безусловная, бесконтрольная, благоденственная (устар.), бродяжническая, благотворная, вечная, временная, неприкосновенная, нерушимая, нравственная, общественная, политическая, социалистическая, творческая, физическая, экономическая» и т. д. [9]. Видно, что в основе таких номинаций лежат пространственные, временные, социальные метафоры.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ментальный конструкт «свобода» имеет процессуально-динамическую природу, мыслится, прежде всего, через действия волевой личности, порой – через получение знаний; практически не связан с абстрактным мышлением, а переживается через конкретные образы, ассоциации. Свобода осмысляется через нравственные, социально-политические аспекты, через время и пространство как главные категории человеческого бытия.

Анализ концепта «свобода» в дискурсе «толстых» журналов мы проводили на основе всего массива текстов журнала «Наш современник» за 2016 год. Журнал издаётся с 1956 года, в нём печатаются российские авторы. В 1970-е годы редакция активно публиковала произведения, относящиеся к «деревенской прозе». Сегодня журнал позиционирует себя как трибуну для «виднейших политиков патриотического направления» и «оппозицией прозападным ценностям» [6].

Стоит обратить внимание на то, что мы анализировали медиатексты из рубрики «Очерк и публицистика» и некоторых других журналистских рубрик, не рассматривая рубрики «Поэзия», «Проза», поскольку они представляют собой уже художественные тексты. Всего нам встретился 41 вербализатор с корнем *-свобод-* в материалах на разную тематику: от истории до политики и культуры. Отметим, что объективаторы с корнем *-свобод-* никак не проявили себя в названии материалов, например: «Свет земных мадонн», «Прощён и милостью окован…», «Слава героям! Фашистским?», «Русская литература как «зарубежная», «Феномен Трампа», «Анна» и многие другие. Показательно, что практически все материалы с данными вербализаторами, так или иначе, имеют политическую тематику. Порой, апеллируя к концепту «свобода», авторы материалов усиливают пафос величия России или актуализируют национально-политическую проблематику, делают её острее в материалах:

Ещё допрашивая декабристов, *он не без успеха убеждал их в своих намерениях стать* ***царём-освободителем***: «*Зачем вам революция*? *Я сам вам революция*: *я сам сделаю всё*, *чего вы стремитесь достигнуть революцией…*» [7].

– Ты по-украински говоришь?

– Да, ***свободно****... Только устала от него*. *Наверное*, *потому*, *что мне его слишком активно навязывали…*[12].

Меньшиков – Бирон – крах; *революционеры – суды 1930-х – залоговые аукционы*! *– что дальше*? «*Люди гибнут за металл*» *и за власть*, *обрамляя это красивыми словами о* «***свободе***», «*демократии*», «*божественном*». *Ельцин со свечой в церкви – что может быть более карикатурным для коммунизма и для церкви*?! *Что может быть более карикатурным*, *чем* «*капитализм*», *выгрызающийся из коммунизма*, *подобно Чужому из тела человека*? [17].

В последнем примере также видим, как реализуется смысл «демократия», что и продемонстрировал Обратный Русский ассоциативный словарь.

Концепт «свобода» даже в политическом ключе осмысляется как снятие ограничений, запретов, дарование воли, отсутствие препятствий, что не противоречит узуальной модели, языковой картине мира. Это связано с тем, что тема свободы, воли всегда была важна для отечественной истории, особенно в ее

политико-идеологическом преломлении. Показательно и то, что данный концепт в таком национально-консервативном издании, каким является «Наш современник», реализуется не только через национальные политические коды, но транснациональные. Мы можем предположить, что это связано с последними тенденциями в России и мире – привычкой переходить на тему политики в любых типах дискурса, в том числе разговорно-бытовом; усилением роли политики в повседневной жизни и её проникновением в другие сферы жизни; глобалистскими тенденциями.

Таким образом, концепт «свобода» в своей дискурсивной реализации все же претерпевает изменения, поскольку в дискурсивной модели подчеркивается его социально-политическая основа, в то время как нравственно-экзистенциальная уходит на второй план. И напротив, зоны совпадений узуальной и дискурсивной моделей можно объяснить феноменом «толстых» журналов, а именно ориентацией на интеллектуальную элиту общества, на сохранение традиций русской языковой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропова В. В., Бурдуковская Е. А. Лингвокультурный концепт «семья» в текстах специализированного журнала «Батя»: методологический и практический аспекты исследования аксиосферы СМИ // Знак. – 2013. – № 1. – С. 67–74.

2. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.endic.ru/rus_ideographic/Duhovnost-3879. html – Загл. с экрана.

3. Воркачев С. Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре: монография. – Волгоград: Парадигма, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lincon.narod.ru/books.htm – Загл. с экрана.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – Т. 4. – М.: Рус. яз., 1999. – 683 с.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: ок. 80 000 слов и фраз. выраж. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.

6. Наш современник. О журнале [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.nash-sovremennik.ru/main.php?m=about – Загл. с экрана.

7. Прилепин З. Анна // Наш современник. – 2016. – № 6. – С. 189–200.

8. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etymolog.ruslang.ru/doc/ preobrazhenskijP-S.pdf – Загл. с экрана.

9. Словарь эпитетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// epithet.slovaronline.com – Загл. с экрана.

10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovonline.ru/slovar_ushakov/b-18/p-1/ – Загл. с экрана.

11. Тихонов А. С. Словообразовательный словарь русского языка: ок. 145 000 слов. – М: Русский язык, 1990. – 856 с.

12. Разумихин А. «Прощён и милостью окован…» // Наш современник. – 2016. – № 6. – С. 273–286.

13. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tesaurus.ru/dict/dict.php – Загл. с экрана.

14. Русский семантический словарь [Электронный ресурс] / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Режим доступа: http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem3&wi=3986 – Загл. с экрана.

15. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nauka.x-pdf.ru/17jazykoznanie/527627-5-nv-ufimceva-yazikovoe-soznanie-dinamika-variativnost-moskva-bbk-recenzenti-chlen-korrespondent-rossiyskoy-akademii.php – Загл. с экрана.

16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – М: Прогресс, 1986. – Т. I. – 576 с.

17. Фурсов А. Ситуация может призвать диктатора // Наш современник. – 2016. – № 11. – С. 157–165.

18. Этимологический словарь русского языка / под общ. ред. Н. М. Шанского. – Вып. 5. – Т. I. – М: изд-во Московского университета, 1973. – 301 с.

19. Этимологический словарь русского языка / составитель Крылов П. А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gufo.me/krilov_a – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Antropova V. V., Burdukovskaya E. A. Lingvokul'turnyy kontsept «sem'ya» v tekstakh spetsializirovannogo zhurnala «Batya»: metodologicheskiy i prakticheskiy aspekty issledovaniya aksiosfery SMI // Znak. – 2013. – № 1. – S. 67–74. [In Russian]

2. Baranov O. S. Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.endic.ru/rus_ideographic/Duhovnost-3879.html – Zagl. s ekrana. [In Russian]

3. Vorkachev S. G. Spetsifichnost' universal'nogo: ideya spravedlivosti v lingvokul'ture: monografiya. – Volgograd: Paradigma, 2010 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://lincon.narod.ru/books.htm – Zagl. s ekrana. [In Russian]

4. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t. – T. 4. – M.: Rus. yaz., 1999. – 683 s. [In Russian]

5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: ok. 80 000 slov i fraz. vyrazh. – M.: AZ, 1995. – 928 s. [In Russian]

6. Nash sovremennik. O zhurnale [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.nash-sovremennik.ru/main.php?m=about – Zagl. s ekrana. [In Russian]

7. Prilepin Z. Anna // Nash sovremennik. – 2016. – № 6. – S. 189–200. [In Russian]

8. Preobrazhenskiy A. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://etymolog.ruslang.ru/doc/preobrazhenskijP-S.pdf – Zagl. s ekrana. [In Russian]

9. Slovar' epitetov [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http:// epithet.slovaronline.com – Zagl. s ekrana. [In Russian]

10. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. D. N. Ushakova [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://slovonline.ru/slovar_ushakov/b-18/p-1/ – Zagl. s ekrana. [In Russian]

11. Tikhonov A. S. Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: ok. 145 000 slov. – M: Russkiy yazyk, 1990. – 856 s. [In Russian]

12. Razumikhin A. «Proshchen i milost'yu okovan…» // Nash sovremennik. – 2016. – № 6. – S. 273–286. [In Russian]

13. Russkiy assotsiativnyy slovar' [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http:// tesaurus.ru/dict/dict.php – Zagl. s ekrana. [In Russian]

14. Russkiy semanticheskiy slovar' [Elektronnyy resurs] / pod obshch. red. N. Yu. Shvedovoy. – Rezhim dostupa: http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem3&wi=3986 – Zagl. s ekrana. [In Russian]

15. Ufimtseva N. V. Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.nauka.x-pdf.ru/17jazykoznanie/527627-5-nv-ufimceva-yazikovoe-soznanie-dinamika-variativnost-moskva-bbk-recenzenti-chlen-korrespondent-rossiyskoy-akademii.php – Zagl. s ekrana. [In Russian]

16. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. – M: Progress, 1986. – T. I. – 576 s. [In Russian]

17. Fursov A. Situatsiya mozhet prizvat' diktatora // Nash sovremennik. – 2016. – № 11. – S. 157–165. [In Russian]

18. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod obshch. red. N. M. Shanskogo. – Vyp. 5. – T. I. – M: izd-vo Moskovskogo universiteta, 1973. – 301 s. [In Russian]

19. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka / sostavitel' Krylov P. A. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://gufo.me/krilov_a – Zagl. s ekrana. [In Russian]

УДК 81’33

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКИХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОСПРИЯТИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Белова Марина Сергеевна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *m.s.belova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается понятие «национально-культурные ценности», описывается эксперимент, в рамках которого была предпринята попытка ознакомления китайских студентов с национально-культурными ценностями русских. Приводятся мнения/интерпретации информантов, комментирующих национально-культурные ценности русских.

Ключевые слова: национально-культурные ценности; культурный диалог; интерпретации русских пословиц.

NATIONAL VALUES OF RUSSIANS THROUGH THE PRISM OF PERCEPTION OF CHINESE STUDENTS

Belova Marina Sergeevna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The article deals with the concept of national and cultural values, describes the experiment, within the framework of which an attempt to acquaint Chinese students with the national and cultural values of Russians was made. Opinions/interpretations of informants commenting on national and cultural values of Russians are given.

Keywords: national and cultural values; cultural dialog; interpretations of Russian proverbs.

Идея о том, что добрососедские отношения разных народов определяются знакомством или изучением культуры соседнего народа, является общеизвестной. К одному из главных компонентов культуры относится язык. О тесной взаимосвязи языка и культуры в свое время писали Э. Сепир и Б. Уорф, в отечественной лингвистике эту идею продолжали Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, С. Г. Тер-Минасова, Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая, В. В. Красных и т. д. Сегодня каждое уважаемое издание по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации считает своим долгом об этой связи также упомянуть.

Одним из ключевых составляющих любой культуры, безусловно, являются так называемые ценности. По определению Э. Клакхон, они представляют собой «выраженные или скрытые понятия о том, что является желательным для индивида или группы людей, которые оказывают влияние на выбор форм, средств и целей поведения» (цит. по: [2]). В рамках межкультурной коммуникации мы можем говорить о культурных или национально-культурных ценностях. По словам Ю. Рот, Г. Коптельцевой, культурными считаются те ценности, которые разделяются группой людей, объединенных одной культурой (например, в рамках одной нации) и чаще всего относятся к неосознаваемой ее части. Любая ценностная система, заложенная в основе той или иной культуры, является стабильным образованием, она осознается и принимается народом интуитивно. Любые же ее изменения совершаются крайне медленно и, как правило, под влиянием извне [2].

Традиционно базовыми национально-культурными ценностями русских считаются соборность и коллективизм, душевность социальных отношений, высокая требовательность в человеческих отношениях, искренность в выражениях эмоций, историческая терпеливость, азартность и т. д. (см. работы Ю. Е. Прохорова, И. А. Стернина, А. Вежбицкой, А. Д. Шмелева, Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, В. В. Воробьева и др.). Как известно, одним из способов отражения национально-культурных ценностей выступают пословицы и поговорки, выражающие народную мудрость, полученную в ходе многолетних наблюдений и опыта многих поколений. Таким образом, можно предположить, что знакомство иностранцев с пословицами русского народа является наиболее простым и доступным способом знакомства с национально-культурными ценностями русских.

В данной статье мы представляем результаты эксперимента, целью которого было знакомство китайцев с базовыми национально-культурными ценностями русских, и, как следствие, попытка выявления приятия / неприятия ценностной системы русских китайцами. В качестве респондентов выступили китайские студенты, приехавшие в Россию по программе включенного обучения и владеющие русским языком на уровне первого сертификационного.

Эксперимент состоял из двух этапов.

На первом этапе происходило знакомство респондентов с ценностями русских через интерпретацию русских пословиц. Респонденты были разделены на микрогруппы, за каждой микрогруппой был закреплен русский фасилитатор. Вопросы для обсуждения в микрогруппах звучали следующим образом:

1. ***Попытайтесь объяснить значение каждой пословицы. В чем состоит ее основная мысль***?

2. ***К каким важным для русских понятиям может иметь отношение данная пословица***?

Представим некоторые известные русские пословицы и соответствующие им ценности, предложенные для обсуждения в микрогруппах (см. таблицу 1).

Таблица 1

Примеры русских пословиц и соответствующих им ценностей

Пословица	Ценность
1. Под лежачий камень вода не течёт.	Деятельность, инициатива
2. Поспешишь – людей насмешишь.	Коллективизм, осторожность и неторопливость
3. С мира по нитке – голому рубашка.	Коллективизм, соборность
4. Работа – не волк, в лес не убежит.	Относительная важность работы в повседневной жизни
5. Делу время – потехе час.	Трудолюбие, планирование времени
6. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.	Дружба, социальные связи
7. Смех без причины – признак дурачины.	Искренность в выражении эмоций
8. Кто не рискует, тот не выигрывает.	Азарт, риск
9. Русский долго запрягает, но быстро ездит.	Сочетание неторопливости и быстроты, азартности действий
10. Бог терпел и нам велел.	Терпение и страдание

(по материалам [2, с. 83], дополнено нами – *М.Б.*)

Необходимым элементом на этом этапе является участие русских фасилитаторов, организующих коммуникацию и формирующих так называемый культурный диалог в рамках обсуждения. В своих микрогруппах респонденты самостоятельно определяли / предполагали национально-культурные ценности русских, после чего проходило общее обсуждение – сравнение полученных результатов.

На втором этапе участникам эксперимента было предложено выбрать некоторые цитаты из текста «Ценности русских» (см. Приложение) и написать к ним свои комментарии, после чего написать синквейн[1] на тему «Ценности». Заметим, что на этом этапе происходит рефлексия, во время которой респонденты сами организуют то, что можно назвать культурным диалогом, они как бы «пропускают» ценности русских через себя.

[1] Синквейн (от фр. cinquains, англ. cinquain) – это творческая работа, которая имеет короткую форму стихотворения, состоящего из пяти нерифмованных строк, направленная на анализ, синтез и оценку информации.

Приведем комментарии респондентов к некоторым цитатам из текста о той или иной ценности русских.

Коллективизм, соборность русского человека

«Коллективизм, потребность существовать вместе со своим социумом – одна из ярчайших черт русского народа»: «*Русские очень ценят коллективизм. Они привыкли надеяться на поддержку своего мира, своей общины. Такая особенность приводит к тому, что русские легко откладывают свои дела и помогают другим, поэтому русский – соборный человек*»; «*Я думаю, что моя народность тоже ценит коллективизм, потому что у нас есть пословица "Все собирают хворост, и пламя распыхается"*»; «*Да, это значит сотрудничать и коллектив очень важно. В Китае тоже есть такая пословица: "Человек легко сломает одну палочку, но трудно сломает десять палочек вместе"*».

«У русских цели и интересы коллектива всегда выше личных интересов и целей»: «*В Китае тоже есть, и часто родители и учителя говорили нам, если тебе надо, нужно уступать*»; «*В Китае тоже есть такое мнение. По-моему, это правильно. Ведь без государства, Родины мы не можем выжить*»; «*Да, я тоже думаю, что это очень важно. Это ценность для страны, для семьи. Только так страна будет сильнее и сильнее*»; «*Да. Я сейчас тоже заметила. По-моему, русские и китайцы очень похожи*»; «*Об этом не совсем понятно, но мне кажется, что тоже главная и важная у китайской нации. Перед интересами коллектива личные интересы ничего не стоят*»; «*Коллективизм – это хорошая и важная ценность для страны. Каждому надо помочь другим. Если у каждого будет коллективизм, эта страна сможет победить все*».

Любовь к справедливости

«Ещё одна базовая русская национальная ценность – это справедливость»: «*Раньше я об этом не знала, но теперь подумала и поняла. Например, я думаю, стоять в очереди – это воплощение справедливости, потому что таким образом каждый человек сможет выполнить свою цель без ропота*»; «*Интересно, я первый раз слышу. Но в Китае, по-моему, в обществе не очень справедливо. Хотя мы тоже стремимся к справедливости, но часто не получается*»; «*По-моему, абсолютной справедливости не существует, но если она заключается в социальном равенстве людей, составляющих общность, она будет лучше*».

«Без четкого понимания и воплощения справедливости невозможна жизнь в коллективе»: «*Очень правильно. Если в коллективе появилось неравное, то люди не могут сотрудничать и душа людей не может крепко взаимо…*».

Отношение русских к труду

Всем хорошо известна поговорка «Работа не волк, в лес не убежит», в которой следует, что в системе русских ценностей труд занимает не первое

место: «*Эта поговорка значит, что для русских труд не занимает первое место, они не слишком ориентированы на труд…*»; «*сначала я думала, что нам надо иметь определенную цель, не нужно заниматься бесцельно, только сейчас я поняла, что это значит, что труд – не самое важное дело в жизни*»; «*Я согласна на этот счет. Я надеюсь, что китайские родители могут понять такую суть*»; «*не стоит спешить сделать что-то, что вполне может подождать*».

Терпение и страдание

«Другими характерными чертами в системе русских национальных ценностей являются терпение и страдание»: «*Есть жизнь в трудных условиях, ведущих человека к терпению. Не все могут это получить, но всем нужны эти ценности*»; «*Все знают, что русские смелы. Они пережили войны и победили. А теперь они терпеливы. Может быть, от холода они обязательно терпят, потому что в Новосибирске очень холодно…*»; «*Терпение и страдание значит не только терпеть трудности внешние, но и свои духовные эмоции и настроение*».

«Бог терпел и нам велел»: «*Эта пословица значит, что надо относиться к другим с терпением, эта пословица также отражает ценность русских – терпение*»; «*По-моему, важнейшее для людей – терпение. Да, это правильно. Только если вы терпите ошибки и недостатки других, то вы обязательно получите большое уважение*»; «*Они* (*русские – М. Б.*) *часто говорят*: *“Все будет хорошо, и поэтому терпите”*«.

Патриотизм и смерть за родину

«Подвиг у русских – это смерть за Отечество и Родину, подвиг за своих друзей»: «*Я думаю, русские как китайцы испытывали многие бедствия, они могут умереть за свое Отечество и Родину, за своих друзей. Это тоже ценность русских*»; «*Я думаю, это поэтому в России есть много городов-героев и праздники о героях*».

Из ответов видно, что участники эксперимента стремились не просто правильно интерпретировать каждую пословицу, но и пытались установить сходства / различия между русской и китайской культурой, ср.: «*русские и китайцы, по-моему, очень похожи*», «*русские как китайцы…*», «*в Китае тоже так*», «*в Китае тоже есть такая пословица*» и т. п. Некоторые ценности русских (коллективизм, любовь к справедливости, терпение) ими полностью разделялись. В результате информантами был сделан вывод о том, что у русских и китайцев больше общего, чем различного.

В свое время мы рассматривали проблему этнокультурных «барьеров», препятствующих успешной адаптации китайских студентов в России и установлению необходимого русско-китайского культурного диалога [1]. Проведенный нами эксперимент, как кажется, был успешным шагом к снятию подобных барьеров.

В заключение хотелось бы привести некоторые синквейны на тему «Ценности», написанные китайцами о национально-культурных ценностях.

Ценность
Значительная, вечная
Появилась, охранялась, запомнилась
В сердце люди знают, что важнее
Благо.

(Ли Сюлянь, Китай)

Ценность
Традиционная, общая
Поступает, получаем, продолжаем
То, что нам надо беречь как сокровище
Богатство.

(Бао Мейсю, Китай)

Ценности
Наиважнейшие, устойчивые
Передаются, укрепляются, воспеваются
Играют важную роль в развитии народа и государства
Критерий.

(Го Янься, Китай)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Русские ценности как основа русской культуры

В основе русской культуры лежат русские национальные ценности. Чтобы понять, что такое русская культура, надо сначала разобраться в исторически сложившихся, традиционных ценностях русского народа, осознать ментальную систему ценностей русского человека. Ведь русскую культуру создают именно русские люди со своим мировоззрением и душевным укладом.

Очень важную роль в развитии русского народа и русского государства сыграла земледельческая крестьянская община, то есть начало русской культуры идёт **от системы ценностей русской общины.**

У русских цели и интересы коллектива всегда выше личных интересов и целей отдельного человека – всё индивидуальное русские легко приносят в жертву общему. В ответ на это, русский человек надеется на поддержку своей общины. Такая особенность приводит к тому, что русский человек легко откладывает свои личные дела и полностью посвящает себя общему делу. Поэтому, можно сказать, что русские **являются государственным народом**, то есть таким народом, который умеет формировать что-то общее.

Истинно русский человек считает, что сначала надо выполнить общие социально-значимые дела, а уже потом результат этих дел будет работать на всех

членов общины. **Коллективизм**, потребность существовать вместе со своим социумом – одна из ярчайших черт русского народа. «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», – учит нас известная пословица. Русский человек – это соборный человек

Ещё одна базовая русская национальная ценность – это **справедливость**, так как без чёткого понимания и воплощения справедливости невозможна жизнь в коллективе. Суть русского понимания справедливости заключается в социальном равенстве людей. Общество, которое основано на идеях равенства и справедливости, не считает богатство как ценность: стремление к безграничному увеличению богатства – грех. В то же время **жить зажиточно до определённой степени** было нормальным.

Своеобразна ещё одна национальная особенность русских – **отношение к труду**. С одной стороны, работа сама по себе не является ценностью. Всем хорошо известна поговорка «Работа не волк, в лес не убежит», которая показывает, что в системе русских ценностей работа занимает не первое место. С другой стороны, **труд очень важен для русских, о чём говорится во многих пословицах: «Делу время – потехе час», «Без труда не выловишь и рыбку из пруда».**

Другими характерными чертами в системе русских национальных ценностей являются **терпение и страдание**. Это такие же важные критерии для русского, как и самоограничение и воздержание. Постоянная готовность пожертвовать чем-то в пользу другого человека является продолжением готовности терпеть и страдать. В русском обществе конкретный человек не сможет получить высокий статус и уважение к себе без его искренней личной жертвенности. «Бог терпел, и нам велел», – говорится в известной русской пословице.

Подвиг у русских – это смерть за Отечество и Родину, подвиг за своих друзей. В основе русского военного подвига всегда лежало презрение к смерти и только потом – ненависть к врагу. Когда русский человек страдает, он получает личную внутреннюю свободу. **В русском понимании** мир устойчиво существует только благодаря жертвам, терпению и самоограничению. В этом можно увидеть причину русского долготерпения: настоящий русский может терпеть очень долго, если будет знать, зачем это нужно.

(по материалам [3], адаптировано нами – *М.Б.*)

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова М. С. О влиянии некоторых этнокультурных «барьеров» на адаптацию китайских студентов в России / Языковое образование в вузе: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 3-4 марта 2016 года: сб. науч. ст. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – С. 181–187.

2. Рот Ю. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: учебно-методическое пособие / Ю. Рот, Г. Коптельцева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 223 с.

3. Русские ценности как основа русской культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iamruss.ru/russian-cultural-wealth-as-basis-of-culture/

REFERENCES

1. Belova M. S. O vliyanii nekotorykh etnokul'turnykh «bar'erov» na adaptatsiyu kitayskikh studentov v Rossii / Yazykovoe obrazovanie v vuze: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 3-4 marta 2016 goda: sb. nauch. st. – Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2016. – S. 181–187. [in Russian]

2. Rot Yu. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Teoriya i trening: uchebno-metodicheskoe posobie / Yu. Rot, G. Koptel'tseva. – M.: YuNITI-DANA, 2006. – 223 s. [in Russian]

3. Russkie tsennosti kak osnova russkoy kul'tury [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://iamruss.ru/russian-cultural-wealth-as-basis-of-culture/ [in Russian]

УДК 81'37

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧУВСТВА ЛЮБВИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ КАРТИНАХ МИРА

Богатырева Оксана Александровна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *bogatirevaoksana@mail.ru*

Аннотация. Актуальность вопросов, связанных с культурными особенностями разных народов, приобрела в настоящее время необычайную остроту. Язык, являясь мощным инструментом культуры, формирует личность носителя языка через заложенное в языке видение мира. Цель статьи – рассмотреть общие черты и выявить особенности французской и русской картины мира на примере концепта «любовь».

Ключевые слова: картина мира; концепт «любовь»; стереотип; сознание; ценность.

CONCEPTUALIZATION OF “LOVE” IN FRENCH AND RUSSIAN WORLD IMAGES

Bogatyreva Oksana Aleksandrovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. Issues concerned with cultural particularities of different peoples increased radically at present. Language as a powerful culture element forms personality of native speaker through the language vision of the world. The purpose of the article is to consider similarities and identify distinguishing features of French and Russian world images by the example of ‘love’ concept.

Keywords: world image; ’love’ concept; stereotype; consciousness; value.

В настоящее время весь мир испытывает озабоченность проблемами межкультурного общения и межнациональных конфликтов. Язык – это не только слова с определенными значениями, это кладовая культурных ценностей, представленных в виде грамматики, лексики, пословиц, поговорок, идиоматических выражений, художественной и научной литературы. Таким образом, для эффективной коммуникации языки необходимо изучать в неразрывном единстве с культурой народов, говорящих на этих языках, чтобы получить представление о национальной картине мира, отражающей особенности мышления представителей той или иной культуры. Главная трудность – необходимость изменить свою родную картину мира, перестроить мышление.

Весьма показательны стереотипы и разнообразные культурные ассоциации. Франция – это любовь, мода, обходительность, искусство, кухня, Шанель № 5, увидеть и умереть. Россия – это зима, икра, береза, мишка, матрешка, щедрость, открытость, непредсказуемость. Слово «стереотип» имеет негативную окраску, так как это нечто шаблонное, лишенное оригинальности. Однако именно стереотипы помогают человеку выйти за рамки своего представления о мире и подготовиться к столкновению с чужой культурой.

В современных когнитивных теориях неотъемлемой частью познания является язык. Естественный язык отражает действительность, что, по словам Р. Джакендоффа, является спроецированным миром. Такой мир отличается от реальной действительности, что является, с одной стороны, результатом специфики отдельно взятых культур, с другой стороны, потому, что отдельно взятый индивид воспринимает действительность в силу своих человеческих особенностей.

Рассмотрим основные черты концептуализации базового чувства «любовь» во французской и русской картинах мира. Е.С. Кубрякова считает, что понятие «концепт» отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания [3, с. 90]. Ю.С. Степанов определил «концепт» как «сгусток культуры в сознании человека» [5, с. 43].

Толковый словарь С.И. Ожегова определяет любовь как сердечное влечение (выйти замуж по любви), чувство самоотверженной и глубокой привязанности (к родине, к детям), склонность, пристрастие к чему-либо (к спорту, чтению), интимную связь.

Larousse, давая определение любви, прежде всего останавливается на любви к божеству, к идеализированному существу, идее, любви к Богу (Mouvement de dévotion qui porte un être vers une divinité, vers une entité idéalisée; adhésion à une idée, à un idéal: *Amour de Dieu*), затем следуют любовь к определенным вещам-источникам удовольствия, предметам искусства (Intérêt, goût très vif manifesté par quelqu'un pour une catégorie de choses, pour telle source de plaisir ou de satisfaction: *Amour des objets d'art*). Существует любовь между членами семьи, отцовская любовь (Affection ou tendresse entre les membres d'une famille: *Amour paternal*), под любовью понимают влечение, носящее сек-

суальный характер (*Et moi*, *qui avais tant désiré d'inspirer un amour sans bornes*!). Лексема *любовь* используется при обращении к любимому человеку (*Mon amour*), и, наконец, любовь – это символическое представление желания любви маленьким ребенком или маленьким купидоном.

Любовь выражается разными видами предикатов, в первую очередь глаголами. Н.Д. Арутюнова определяет суть предиката в обозначении и оценке статических свойств и динамических проявлений предметов действительности, их отношений друг к другу [2, с. 172]. В синонимичный ряд глагола aimer (любить) словарь Larousse включает *adorer*, *affectionner*, *chérir* для выражения привязанности (Crois-moi, elle va t`adorer – Поверь мне, она будет любить тебя); *brûler pour*, *être épris de* – для выражения влюбленности, *apprecier*,*goûter* – для выражения удовольствия от чего-либо (*Je n'ai guère goûté ce livre*. *– Мне не понравилась эта книга*. *Il n'a pas goûté la plaisanterie*. *– Ему не понравилась шутка*), используется глагол *raffoler*, когда речь идет о животном или растении.

Следующей группой предикатной лексики со значением любви являются существительные. Larousse представляет ряд субстантивных номинаций: *amour*, *adoration*, *dévotion* как общее понятие (*Puis*, *elle reportait ses regards sur sa mère avec une adoration tyrannique*. *– Затем ее взор с тиранническим обожанием вновь обращался к матери*.); *attachement*, *culte*, *passion*, *penchant* как интерес к чему-либо (*Il avait surtout la passion du jeu*. *– Но особенно владела им страсть к игре*); *affection*, *amitié*, *attachement*, *sentiment*, *tendresse* как привязанность членов семьи (*Et croyez-vous*, *dit le comte Christian*, *partagé entre sa dévotion et sa tendresse paternelle*, *que l'appareil d'une cérémonie plus riante*, *plus conforme aux voeux de son esprit*, *puisse lui rendre la vie*? *– А не думаете ли вы*, *доктор*, *что обряд более радостный и желанный может вернуть его к жизни*? *– спросил граф Христиан*, *в котором происходила борьба между благочестием и отцовской любовью*); *amourette*, *aventure*, *flirt*, *intrigue*, *passade* как любовное приключение, связь (*Au diable les amorettes s'écria-t-il*. *– Чертовы любовные истории*! *– воскликнул он*). Особенностью французского языка является употребление существительного *amour для обозначения рыбы* (*amour blanc* «*белый амур*»).

Синонимами прилагательного *amoureux* (*влюбленный*) являются: *ardent*, *chaud*, *lascif*, *passionné*, *sensuel*, *voluptueux* (*Dites-moi*, *avez-vous été quelquefois amoureux naïvement et sincèrement*? *– Скажите*, *были вы когда-нибудь влюблены простодушно и искренно*?). Русскому прилагательному *любовный* может соответствовать во французском существительное *amour* с предлогом *de*, как например, *любовная записка – lettre d`amour*, *любовный пламень – feu de l`amour* (*Ничего*, *– ответил он*, *вскидывая на нее глаза*, *в которых потух свет души и любовный пламень*. *– Rien*, *répondit-il en montrant des yeux d'où la lumière de l'âme et le feu de l'amour s'étaient retirés*), существительное passion с предлогом de, как, например, *les combats stratégiques de la passion – стратегия любовной борьбы* (Стратегия любовной борьбы, кокетство, составляющие половину существа парижанки, – ничего этого здесь нет и в помине. – Les

combats stratégiques de la passion, les coquetteries, qui sont la moitié de la Parisienne, rien de tout cela n'existe ici.). *Любовные прогулки* передаются сочетанием существительного *promenades* и прилагательного *sentimentales*, а *любовная связь* выражается существительным *liason* (*Jamais liaison plus paisible ne s'était prolongée ainsi*, *jusqu'au bout*. *– Никогда еще любовная связь не продолжалась столь мирно до самого конца*). Интересен перевод на французский язык словосочетания *любовный роман – Harlequin romance* (*роман Арлекина*), что ассоциируется с шутовством и несерьезной любовной связью (*И это нормально*: *вы же не можете читать дешевые любовные романы за столиком в «Липп» или «Де-Маго»*. *– C'est normal*, *vous ne pouvez quand même pas lire des romans Harlequin attablé chez Lipp ou aux Deux-Magots*).

Фразеологические словари делают акцент на том, что чувство любви локализуется чаще всего в сердце (*Вы очень умные и изобретательные дети*, *– сказал он им*, *– и я полюбил вас всем сердцем*. *– Vous êtes des enfants pleins d'esprit et d'invention*, *leur dit-il*, *et je vous aime de tout mon coeur*). Иногда слово *сердце* можно заменить словом *душа* (*Люблю Вас всей душой*. *– Je vous chéris de toute mon âme*, *vous le savez*. *Он любит вас всей душой*, *но у него мало денег*. *– Il vous aime de toute son âme*, *mais il n'a pas assez de fortune*).

Однако французская и русская картина мира имеют свои отличительные черты. В русской картине мира у любви актуализируется признак конечности/бесконечности (*любовь до гроба*, *старая любовь не забывается – прошла любовь*, *завяли помидоры*). Для русских, с одной стороны, любовь – это высшее благо (*нет ценности супротив любви*; *мир и любовь – всему голова*), с другой стороны – страдание (*любить – чужое горе носить*; *бьет – значит любит*; *любовь зла – полюбишь и козла*; *милый не злодей*, *а иссушит до костей*).

Во французской картине мира любовь связана с дружбой, чего не наблюдается в русском языке (*L`amitie finit parfois en amour*, *mais rarement l`amour en amitie*. *– Дружба иногда заканчивается любовью*, *любовь редко заканчивается дружбой*. *L'amitié est une preuve de l'amour*. *– Дружба является доказательством любви*.). Кроме того, любовь у французов неразрывно связана с ненавистью (*Il ya un temps pour aimer et un temps pour haïr*. *– Всегда найдется время для любви и для ненависти*. *On aime sans raison*, *et sans raison l`on hait*. *– Любят без причины и ненавидят без причины*). В русском языке можно наблюдать это противопоставление в утверждении, что *от любви до ненависти один шаг*.

Анализируя данные языки, можно сделать вывод о том, что общим у них является представление о любви как об очень сильном чувстве, о пристрастии к чему-либо или увлеченности. Данное чувство оценивается как положительное, однако достаточно субъективное и противоречивое. В каждом языке существуют определенные особенности понимания этого чувства, что во многом объясняется особенностями национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина. – М.: Русская литература, 1988. – 431 с.
2. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 171–174.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ.ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 922 с.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

REFERENCES

1. Russkie poslovitsy i pogovorki / pod red. V.P. Anikina. – M.: Russkaya literatura, 1988. – 431 s. [in Russian]
2. Arutyunova N.D. K probleme funktsional'nykh tipov leksicheskogo znacheniya // Aspekty semanticheskikh issledovaniy. – M.: Nauka, 1980. – S.171–174. [in Russian]
3. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / Pod obshch.red. E.S. Kubryakovoy. – M.: Izd-vo MGU, 1996. – 245 s. [in Russian]
4. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka / Pod red N.Yu. Shvedovoy. – M.: Russkiy yazyk, 1990. – 922 s. [in Russian]
5. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. – M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. – 824 s. [in Russian]

УДК 808: 316.776

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА В КОММУНИКАТИВНОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Голышкина Людмила Александровна, Машкович Ольга Александровна

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, *Россия*, *ludmila200273@mail.ru*, *mashkovich.olya@yandex.ru*

Аннотация. В условиях глобализации характерные для той или иной лингвокультуры представления о риторическом идеале и хорошей речи неизбежно претерпевают аксиологические трансформации. Результаты проведенного анкетирования российских студентов демонстрируют, что традиционные представления о риторическом идеале замещаются новым гибридным типом, синтезирующим отечественные и западные коммуникативно-речевые ценности.

Ключевые слова: глобализация; риторический идеал; аксиологические трансформации; гибридный тип; российское студенчество; анкетирование.

AXIOLOGIC TRANSFORMATIONS OF DOMESTIC RHETORICAL IDEAL IN THE COMMUNICATIVE MIND OF RUSSIAN STUDENTS IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Golyshkina Lyudmila Aleksandrovna, Mashkovich Olga Aleksandrovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. In conditions of globalization different linguocultural ideas about rhetorical ideal and good speech inevitably undergo axiological transformations The results of the survey demonstrate that traditional ideas about rhetorical ideal are substituted be new hybrid type which includes domestic and western communicative values.

Keywords: globalization; rhetorical ideal; axiological transformations; hybrid type; Russian students; survey.

Наблюдаемые сегодня в социуме аксиологические трансформации обусловлены в значительной степени процессом глобализации. О взаимодействии и взаимопроникновении культур рассуждал К. Леви-Стросс, который, отмечая двоякое значение прогресса, утверждал, что цивилизация подразумевает сосуществование культур, представляющих максимум разнообразия, и она как раз состоит в этом сосуществовании. Мировая цивилизация, по мнению ученого, может быть в мировом масштабе только коалицией культур, каждая из которых сохраняет свою самобытность [1], соответственно, и свою систему ценностей.

Тем не менее в качестве одной из важнейших проблем вовлеченного в глобализацию современного мира выделяют так называемую унификацию культурного ландшафта [7, с. 115], универсализацию ценностей, претензию на гегемонию одной культуры [6, с. 135], вследствие чего появляется угроза утраты культурной самобытности. Как отмечает М. Т. Степанянц, уникальность российской ситуации заключается в том, что после распада СССР Россия «утратила» ранее имевшуюся идентичность, ценностные основания своего бытия и тем самым оказалась чрезвычайно уязвимой для веяний извне. Если разрушены, размыты, неопределенны «границы», укрепленные культурными ценностями и институтами, значит, отсутствует иммунитет, способность сопротивляться инокультурному «вторжению» [6, с. 134].

В таких условиях обостряется потребность поиска основ отечественной культуры и осмысления ее ценностных доминант, значимых для обретения и утверждения национальной идентичности.

Диагностика ценностных ориентиров общества возможна путем обращения к феномену риторического идеала (далее – РИ), представляющему собой некую иерархию ценностей – требований к речи и к речевому поведению людей – носителей данной культуры [2, с. 47]. РИ – воплощенная в массовом сознании идея «хорошей речи», формирующая определенные представления об

образцовом варианте коммуникативно-речевого поведения личности, отражающем ценностные приоритеты общества.

Сегодня в отечественной коммуникативно-речевой среде, подверженной тенденциям глобализации, сосуществуют как минимум два РИ.

Первый, называемый американизированным, считается наиболее распространенным, поскольку именно он принят сегодня на вооружение средствами массовой информации. Этот РИ восходит к идеалу софистов и, по сути, является его обновленной модификацией: выдвигает на первый план манипулирующую силу слова и агональное речевое поведение, нацелен на субъектно-объектный, или монологический, тип отношений коммуникантов, характеризуется смысловым и нравственным релятивизмом [2, с. 47–79]. РИ американизированного типа приветствует естественное, не стесненное нормами коммуникативного поведения проявление чувств, эмоций и желаний, постулирует установку на успешность.

Второй РИ – отечественный, традиционный русский, восточно-христианский, близкий к идеалу Платона и Сократа, для которого основными ценностными ориентирами являются истинность и нравственность. Восточно-христианский речевой идеал предстает как диалогический по содержанию, или субъект-субъектный, т. е. реализующий ситуацию, когда говорящий видит в собеседнике живого, чувствующего, деятельного субъекта; как диалогический по форме, т. е. не учитывающий статусные различия говорящих. Тем самым отечественный РИ нацелен на гармонизацию отношений между говорящим и слушающим. Кроме того, этот РИ определяется как онтологический (истинностный), а также постулирующий скромность как высокое нравственное качество [2, с. 47–77]. Таким образом, базовыми коммуникативными доминантами РИ отечественного типа являются искренность, нравственность, демонстрация уважения к собеседнику и скромность как соответствие христианскому представлению о добродетельности.

Наблюдения над современной коммуникативной практикой порождают актуальный вопрос: существует ли сегодня в условиях глобализации отечественный риторический идеал в коммуникативном сознании молодого поколения, а именно российского студенчества?

Для ответа на поставленный вопрос нами было проведено экспериментально-аналитическое исследование, целью которого стало выявление ценностно-речевых приоритетов студентов, подтверждающих либо опровергающих существование традиционных ценностей отечественного риторического идеала в реальной коммуникативной практике.

Анкетирование проводилось среди студентов возрастной группы от 18 до 23 лет ведущих новосибирских вузов – Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) и Новосибирского государственного университета (НГУ). Такая целевая аудитория была выбрана не случайно. Сегодняшние студенты не застали старую коммуникативную эпоху, ориентированную на авторитарный стиль, на проверенные цензурой ценности, не помнят они и периода т. н. демократизации языковых процессов постперестроечного перио-

да. Это та аудитория, которая воспринимает современную речевую ситуацию как единственно возможную.

В ходе исследования было проанализировано 350 анкет, получено 2 800 реакций.

Структура анкеты состояла из восьми вопросов / заданий, шесть из которых имели аксиологическую направленность.

1. *Какие ассоциации вызывают у вас следующие слова и словосочетания*?

- *Оратор*
- *Риторика*
- *Хорошая речь*
- *Коммуникация*

Вопрос направлен на первичную диагностику риторических представлений путем выявления ассоциаций-реакций на заявленные стимулы: *оратор*, *риторика*, *хорошая речь*, *коммуникация*. Наиболее частотными ассоциациями к стимулу «*оратор*» явились: *выступление*, *речь*, *Цицерон*, *Древний Рим*, *дикция*, *лидер*, *красноречие*. На стимул «*риторика*» были получены следующие реакции: *грамотность*, *школьный предмет*, *наука*, *искусство*, *речь*. «*Хорошая речь*» (понятие, введенное в научный обиход О. Б. Сиротининой [4]) ассоциировалась у большинства респондентов с грамотностью, простотой, структурированностью, четкостью, ясностью. «*Коммуникация*» – с общением, обменом информацией, связью, взаимодействием. Полученные ответы демонстрируют традиционное понимание информантами заявленного предметно-понятийного поля.

Мы ожидали увидеть ответы, содержащие реакции *текст*, *создание текстов*, поскольку именно риторика связывает ораторскую практику не просто с мастерством устного публичного выступления, но в первую очередь с процедурой формирования текста, реализующего цели адресанта. Из общего числа испытуемых такая реакция была зафиксирована лишь в пяти анкетах, заполненных студентами-журналистами. Можно констатировать, что в целом студенты не соотносят представления о хорошей речи с процессом создания эффективного текста.

2. *Как вы понимаете значение выражения* «*хорошая речь*»?

Перечислите основные, *с вашей точки зрения*, *свойства хорошей речи*.

При ответе на этот вопрос 82% респондентов с большей или меньшей точностью дали следующее определение: *хорошая речь – это искусство правильно и четко говорить*. При этом в ряде ответов «*четко*» было связано с умением доступно, доходчиво формулировать свои мысли, в остальных же случаях четкость понималась как характеристика речи, обусловленная хорошей дикцией и артикуляцией. Соответственно, среди выделенных респондентами признаков хорошей речи наиболее частотными показателями выступили: *правильность*, *грамотность*, *логичность*, *четкость*, *понятность*, *красота*. Подчеркнем, что данные ответы полностью соотносятся с принятой в риторике и культуре речи системой требований, предъявляемых к коммуникативным качествам речи.

Оценка содержательно-смысловой стороны речи появляется лишь в ответах студентов-журналистов: встречаем такие характеристики, как *интересная*, *увлекающая слушателей*, *со смыслом*, *без воды*, *построенная на аргументах*.

3. В приведенном ниже списке отметьте свойства, которые, на ваш взгляд, обеспечивают успех речи.

- *Агональность* (*соревновательность*, *победа любой ценой*)
- *Диалогичность*
- *Гармонизация*
- *Агрессивность*
- *Онтологичность* (*истинность*)
- *Нравственность*
- *Установка на успешность*
- *Естественность* (*демонстрация своих эмоций и желаний*)
- *Скромность*
- *Демонстрация уважения к собеседнику*

В условиях предложенного множественного выбора 89 % респондентов отметили такую ценностную доминанту РИ, как *демонстрация уважения к собеседнику*, 67 % – *диалогичность*, 62 % – *естественность*. При этом естественность (судя по самостоятельно добавленным некоторыми испытуемыми комментариям) была интерпретирована скорее не как коммуникативная вседозволенность, а как искренность в проявлении эмоций. 58 % респондентов указали на *онтологичность* как фактор речевой успешности. Очевидно, что полученные результаты свидетельствуют о доминировании в сознании респондентов представлений о РИ отечественного типа.

Рис. 1. Результаты множественного выбора испытуемыми свойств, обеспечивающих успех речи

4. *Отметьте свойства, которые в большей степени характеризуют речевое поведение русских, отражают их национальную специфичность.*

- *Агональность* (*соревновательность*, *победа любой ценой*)
- *Диалогичность*
- *Гармонизация*

- *Агрессивность*
- *Онтологичность* (*истинность*)
- *Нравственность*
- *Установка на успешность*
- *Естественность* (*демонстрация своих эмоций и желаний*)
- *Скромность*
- *Демонстрация уважения к собеседнику*

В условиях предложенного множественного выбора наибольшее количество голосов, а именно 80 %, было отдано такой характеристике речевого поведения русских, как *естественность*. 51 % респондентов обозначили *агрессивность* в качестве специфической коммуникативно-речевой черты русского народа. 44 % опрошенных отметили *агональность* как свойство, характеризующее речевое поведение русских. Таким образом, наиболее частотные ответы не указывают на доминирование в коммуникативном сознании испытуемых представлений об отечественном РИ. Отмеченные свойства больше соответствуют представлениям об американизированном типе РИ.

Рис. 2. Результаты множественного выбора испытуемыми речевых свойств, отражающих национальную специфичность

Результаты проведенного анкетирования выявляют смешанный характер РИ, существующего в сознании группы испытуемых. С одной стороны, при оценке свойств хорошей речи обнаруживается тяготение к ценностным доминантам отечественного РИ. А при оценке речевых характеристик русских получаем парадоксальный вывод: отмечаем лидерство ответов, демонстрирующих ориентацию на ценности американизированного РИ. При этом скромность как черта речевого поведения не получает соответствующего признания.

5. *Как вы считаете, кто из политиков и общественных деятелей является успешным оратором, человеком, хорошо владеющим речью и достигающим своих целей посредством речи*?

Ответы на этот вопрос выявили существенное риторическое преимущество В. Путина: 46 % респондентов признали президента Российской Федерации

успешным оратором. 15 % опрошенных отметили В. Жириновского в качестве эффективного коммуникатора. 8 % указали С. Лаврова, министра иностранных дел Российской Федерации. А. Гитлер был отмечен 6 % испытуемых. В. Познер получил признание у 5 % респондентов, такой же процент голосов был отдан и В. Ленину. 3 % голосов опрошенных получил А. Малахов. Группа единичных ответов составила 12 %, куда попали по преимуществу журналисты и телеведущие, такие как В. Соловьев, А. Гордон, И. Ургант. В качестве оригинальных ответов хотелось бы отметить выбор несколькими студентами факультета энергетики НГТУ в качестве успешного оратора декана своего факультета. К оригинальным единичным ответам отнесем и признание эффективными риторами И. Сталина, С. Джобса, Дж. Кеннеди, Д. Русеф.

Таблица 1

Представления испытуемых об успешных ораторах

Успешный оратор: ответы респондентов	Количественные показатели выбора, %
В. Путин	46
В. Жириновский	15
С. Лавров	8
А. Гитлер	6
В. Познер	5
В. Ленин	5
А. Малахов	3
Группа единичных ответов (В. Соловьев, А. Гордон, И. Ургант и др.)	12

Ответы на этот вопрос позволяют утверждать, что речевая эффективность в коммуникативном сознании студентов напрямую связывается с высоким социальным статусом, часто с общественно-политическим лидерством. Вряд ли современные студенты целенаправленно слушали и, тем более, анализировали записи выступлений В. Ленина и А. Гитлера, чтобы дать объективную оценку их риторической практики. Есть основания утверждать, что и речевая деятельность современных политиков интересна современной молодежи скорее с позиции медийной популярности, «раскрученности» тех или иных публичных образов, нежели с точки зрения оценки вербально-смыслового качества тех текстов, которые звезды политики и массмедиа продуцируют и транслируют в пространстве массовой коммуникации.

6. *Ощущаете ли Вы влияние западной культуры на отечественные традиции общения*? *Если да*, *то каким образом оно происходит*?

Здесь 82 % респондентов дали утвердительный ответ. При этом в качестве тенденций влияния западной культуры на отечественные традиции общения данная группа информантов отметила использование заимствованных слов, копирование моделей поведения, а также появления в массовой коммуникативной практике установки на успешность, на выраженное лидерство. 12 %

ответили отрицательно и, к сожалению, не привели никаких суждений и аргументов. 6 % респондентов воздержались от ответа.

С одной стороны, при оценке свойств РИ студенты тяготеют к отечественным коммуникативным ценностям, таким как демонстрация уважения к собеседнику и диалогичность. А при оценке речевых характеристик русских мы отмечаем лидерство ответов, свидетельствующих об ориентации на ценности американизированного РИ: естественность, агрессивность, агональность. Сделанные наблюдения свидетельствует о том, что РИ отечественного типа, несомненно, присутствует в коммуникативном сознании студенчества. Но оценка отечественной модели речевого поведения основана не столько на учете ее ценностных параметров, которые в той или иной степени воплощают профессиональные риторы, сколько на практике наблюдения над массовым коммуникативным поведением россиян, которые отличаются определенной агрессивностью и непосредственностью в обыденном коммуникативном проявлении.

Результаты проведенного анкетирования выявляют синкретичный характер РИ, существующего в сознании испытуемых. Отмеченная тенденция есть демонстрация идеи о множественности культурных гибридов, выступающих следствием глобализации. По мнению Н.Е. Покровского, в условиях глобализации «культура становится результирующей бурного процесса – самозарождения “политизированной соревновательности и конфликтности” (politicized contestation). Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных социокультурных гибридов, с присущим им весьма коротким периодом полураспада, стабильностью, несоответствием традиционному контексту» [3, с. 27].

Таким образом, в современной коммуникативной практике мы наблюдаем формирование нового гибридного, или синтетического, типа РИ. Очевидно, что одной из причин формирования такого гибридного феномена являются новые информационно-коммуникацинные условия жизни, способствующие достаточно быстрому изменению традиционных представлений о коммуникативно-речевом взаимодействии, мобильному освоению новых моделей коммуникативного / речевого поведения, ценностные основания которых представители той или иной лингвокультуры, вовлеченные в процесс глобализации, просто не успевают осмыслить.

Результаты проведенного исследования обнажают необходимость целенаправленного сохранения в условиях глобализации ценностного потенциала отечественного РИ. Однако такое сохранение должно осуществляться не догматически, а с учетом универсальных общемировых требований, предъявляемых в настоящее время к качеству речевой коммуникации: так, сегодня сложно сомневаться в актуальности таких ценностных доминант, как коммуникативная соревновательность и речевая успешность, требовать от человека, вовлеченного в постоянный информационный обмен и публичное взаимодействие, выраженной скромности. Тогда, согласно разделяемому нами мнению А. П. Сковородникова, РИ может рассматриваться не только в качестве теоретического конструкта, но и инструмента эффективной речевой деятельности

[5, с. 31], выполняющего в условиях глобализации как функцию сохранения национальной идентичности, так и функцию соответствия новым информационно-коммуникационным условиям бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леви-Стросс К. Раса и история / К. Леви-Стросс // Путь масок. – М.: Республика, 2000. – 399 с.

2. Михальская А. К. Сравнительно-историческая риторика: учебное пособие / А. К. Михальская. – М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2015. – 320 с.

3. Покровский Н. Е. Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество / Н. Е. Покровский // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – III. – № 3. – С. 21–31.

4. Сиротинина О. Б. Хорошая речь / О. Б. Сиротинина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович и др.; под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. – Изд. 2-е, испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 16–28.

5. Сковородников А. П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности / А. П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюллетень Красноярского гос. университета. – Вып. 5. – Красноярск–Ачинск, 1997. – С. 27–37.

6. Степанянц М. Т. Россия в глобализирующемся мире / М. Т. Степанянц // Философский журнал. – 2008. – № 1. – С. 133–147.

7. Тарасова Ю. А. Ценности современного российского общества в условиях глобализации / Ю. А. Тарасова // Век глобализации. – № 4 (20). – 2016. – С. 115–121.

REFERENCES

1. Levi-Stross K. Rasa i istoriya / K. Levi-Stross // Put' masok. – M.: Respublika, 2000. – 399 s. [in Russian]

2. Mikhal'skaya A. K. Sravnitel'no-istoricheskaya ritorika: uchebnoe posobie / A. K. Mikhal'skaya. – M.: FORUM; INFRA-M, 2015. – 320 s. [in Russian]

3. Pokrovskiy N. E. Neizbezhnost' strannogo mira: vklyuchenie Rossii v global'noe soobshchestvo / N. E. Pokrovskiy // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. – 2000. – III. № 3. – S. 21–31. [in Russian]

4. Sirotinina O. B. Khoroshaya rech' / O. B. Sirotinina, N. I. Kuznetsova, E. V. Dzyakovich i dr.; pod red. M. A. Kormilitsynoy i O. B. Sirotininoy. – Izd. 2-e, ispr. – M.: Izd-vo LKI, 2007. – S. 16–28. [in Russian]

5. Skovorodnikov A. P. O soderzhanii ponyatiya «natsional'nyy ritoricheskiy ideal» primenitel'no k sovremennoy rossiyskoy deystvitel'nosti / A. P. Skovorodnikov // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya: nauch.-metod. byulleten' Krasnoyarskogo gos. universiteta. – Vyp. 5. – Krasnoyarsk–Achinsk, 1997. – S. 27–37. [in Russian]

6. Stepanyants M. T. Rossiya v globaliziruyushchemsya mire / M. T. Stepanyants // Filosofskiy zhurnal. – 2008. – № 1. – S. 133–147. [in Russian]

7. Tarasova Yu. A. Tsennosti sovremennogo rossiyskogo obshchestva v usloviyakh globalizatsii / Yu. A. Tarasova // Vek globalizatsii. – № 4 (20). – 2016. – S. 115–121. [in Russian]

УДК 81’23

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ АССОЦИАТИВНЫХ БАЗ ДАННЫХ

Грицко Мария Игоревна

Институт филологии СО РАН, *Новосибирск*, *Россия*,
marieg@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется возможность изучения процессов самоидентификации современной российской молодежи в психолингвистическом аспекте через образы массового языкового сознания, представленные в русских ассоциативных базах данных. Анализируются смысловое содержание и оценочный фактор ядерной зоны ассоциативных полей, отражающих трансформацию российской идентичности, учитывается влияние временного фактора на процессы идентификации общества за последние 20 лет. Акцентируется внимание на применении комплексного междисциплинарного подхода в изучении проблем идентичности с привлечением данных различных гуманитарных наук.

Ключевые слова: российская идентичность; самоидентификация; ассоциативно-вербальная сеть; ядро ассоциативного поля; региональные ассоциативные базы данных; образы языкового сознания.

THE STUDY OF MODERN RUSSIAN YOUTH IDENTITY IN PSYCHOLINGUISTIC ASPECT ON THE MATERIAL OF RUSSIAN ASSOCIATIVE DATABASES

Gritsko Maria Igorevna

Institute of Philology of SB RAN, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The article explores the possibility of studying self-identification processes of modern Russian youth in psycholinguistic aspect through the images of mass language consciousness, represented in the Russian associative databases. The semantic content and evaluation factor in the core zone of certain associative fields reflecting the transformation of Russian identity are analyzed; the time factor effect influencing the identifying process of the society for the last 20 years is also taken into account. The attention is focused on the use of comprehensive multidisciplinary approach to the identity problems involving data of different humanities.

Keywords: Russian identity; self-identification; associative verbal net; core of associative field; regional associative databases; images of language consciousness.

В условиях современных, постоянно изменяющихся геополитических ситуаций, затрагивающих все уровни существования и развития государств, наций, народов и отдельной человеческой личности, острое стремление к самоопре-

делению, осмыслению своего места в глобально трансформирующемся мире, является основной тенденцией, характеризующей общественные настроения начала XXI века. Понятия «идентификация», «идентичность», «кризис идентичности» прочно закрепились в исследовательских работах ученых социально-гуманитарных наук, однако говорить о единомыслии при изучении этих современных явлений не представляется возможным, поскольку каждая наука исследует их с позиций собственной теории и методологии, наполняет разными смыслами. При существующих на сегодняшний день определенных несоответствиях в подходах к пониманию сущности идентичности, процессов идентификации общества и личности важно отметить актуальность именно комплексного всестороннего междисциплинарного изучения проблем современной идентичности в различных аспектах геополитических, этнологических, социологических, экономических, философских, исторических, психологических, психолингвистических знаний.

Психолингвистические исследования, имеющие в своем арсенале методики проведения массовых ассоциативных экспериментов, вносят весомый вклад в изучение проблем идентичности в условиях трансформирующейся глобальной реальности с точки зрения исследования массового языкового сознания. Применение информационных технологий при обработке и систематизации данных, получаемых в ходе таких экспериментов, позволило выйти на новый уровень анализа получаемой информации, увеличить в разы количество опрашиваемых, предоставлять в режиме онлайн доступные всем достоверные статистические данные, проводить сравнительное изучение анализируемых единиц в различных временных срезах и многое другое. Сегодня для общего пользования доступны такие крупные психолингвистические электронные ресурсы, как СИБАС – русская региональная ассоциативная база данных, основанная на результатах эксперимента, проводимого на территории Сибири и Дальнего Востока среди студентов крупных вузов [8], ЕВРАС – Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус, включающий материалы ассоциативного опроса, проведенного в европейской части России [5], УрРАС – Русская региональная ассоциативная база данных, которая представляет материалы ассоциативного опроса, проведённого на Урале [9], а также РАС – Русский ассоциативный словарь, данные для которого собирались в ходе эксперимента в 90-ые годы XX века [7]. Пополнение региональных ассоциативных баз данных (СИБАС, ЕВРАС и УрРАС) продолжается и сегодня. На данный момент проводится второй этап эксперимента, в ходе которого планируется собрать не менее 8000 анкет со 100 словами-стимулами для каждой региональной ассоциативной базы[2].

Полученная по итогам первого этапа эксперимента ассоциативно-вербальная сеть (АВС), представленная в виде 1000 ассоциативных полей (АП) по числу слов-стимулов, предлагавшихся респондентам при опросе, представляет обширный материал для исследования образов языкового сознания российской

[2] Подробнее о СИБАС и этапах проведения эксперимента смотрите на сайте Института филологии СО РАН: http://adictru.nsu.ru/

молодежи, анализа теоретических аспектов системности лингвистических и экстралингвистических процессов, отраженных в АВС, построения ассоциативно-вербальной модели идентичности молодых людей современной России. По сути, ассоциативно-вербальная сеть является моделью языкового сознания и рассматривается нами вслед за И. В. Шапошниковой как «динамическая смысловая структура», в которой «отражается психически актуальное смыслообразование, характерное для идентификационных этнических процессов» [11, с. 120–121].

Процесс идентификации личности начинается, очевидно, с попытки человека соотнести себя с какой-либо группой, увидеть себя, свое место внутри этой группы как индивидуальную уникальную составляющую (образ «я»), и в то же время почувствовать себя единым целым со всеми членами этой группы (образ «мы»). Говоря о групповом уровне идентичности с позиции социально-психологического подхода, Л. М. Дробижева включает в «образ мы» «автостереотипы (представления о себе), которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представлениями о Других), а также представления о культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности» [3, с. 336]. Она также подчеркивает, что «этнонациональная идентичность на индивидуальном уровне ситуативна, изменчива» [Там же, с. 337], что подтверждается в ходе индивидуальных опросов, когда респонденты могут идентифицировать себя по самым разнообразным признакам (языку, этнической принадлежности родителей, культуре, общности исторической судьбы, реже – по территории, государственной принадлежности, религии и т. д.), но полного набора всех представлений в ответах одного человека быть не может. Обобщенные усредненные данные, свойственные групповому уровню идентичности, можно получить при анализе национальных культурных кодов, символов, ценностных установок данного общества через произведения художественной литературы, язык средств массовой информации, социологические опросы, современный политический дискурс и т. д. С позиций психолингвистики возможно получить полный набор таких представлений, обратившись к ассоциативным базам данных. Об этом же говорит и Ю. Н. Караулов, анализируя свойства получаемых в ходе свободного массового ассоциативного эксперимента ассоциативных полей (представленных в ассоциативных базах данных и словарях в виде ассоциативных статей): «если в анкете мы имеем дело с индивидуальностью, то в ассоциативной статье статистическая градация ответов как бы стирает индивидуальные черты, превращает индивидуальность в «коллективную», или усредненную, языковую личность и заставляет говорить о «нормах», свойственных той языковой общности, к которой принадлежит эта личность» [6, с. 245].

Подчеркнем, что необходимо более внимательно относиться к использованию терминов «идентификация» и «идентичность», разграничивать их. Идентификация как процесс может одновременно происходить по разным признакам как в сознательной, так и в бессознательной форме (национальная, личностная, половая, классовая, религиозная, культурная, идентификация с раз-

личными группами и меньшинствами и т. д.), а ее результатом становится идентичность как «некая устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров, их самотождественность» [1, с. 343].

Рассмотрим ядерную часть АП «МЫ» и «Я» в современных региональных ассоциативных базах СИБАС (Сибирь и Дальний Восток) и ЕВРАС (Европейская часть России), поскольку именно эти ассоциативные поля могут содержать тот набор представлений молодых россиян о себе (на групповом и личностном уровнях идентификации), который отражает современные идентификационные процессы в молодежной среде России, а также сравним эти же поля во временной динамике, используя материалы базы данных РАС, составленной в 90-ых гг. прошлого столетия.

Таблица 1

Ядро АП «МЫ»

РАС (1994–1998)	ЕВРАС (2008–2014)	СИБАС (2008–2013)
Вместе **77**; люди **41**; вы **29**; они **21**; все, друзья **20**; я **19**; идем **17**; студенты **13**; не рабы, с тобой **9**; поем **7**; семья **6**; группа, и они, идиоты, коллектив, нижеподписавшиеся **4**; атеисты, веселы, дети, за мир, много, молодцы, молоды, пишем, победим, пошли, пришли, рабы, сила, ты **3**; бедняги, все вместе, говорим, должны, едем, едины, Замятин, знаем, и вы, коммунисты, комсомольцы, мир, молодые, народ, Николай II, общество, пионеры, решили, роман, с мамой, советские, советские люди, тоже, толпа, ты и я, уходим **2**.	Вместе **96**; люди **67**; друзья **42**; все **25**; я **21**; семья **20**; они **19**; вы **16**; студенты **14**; общество **11**; сила **9**; группа **7**; здесь, много **6**; курсанты, лучшие **5**; единство, Замятин, компания **4**; братья, двое, едины, местоимение, рады, ты **3**; дружба, есть, живы, идем, коллектив, круты, лучшее, любим, мир, молодцы, мы, нас, нация, непобедимы, Россия, россияне, с тобой, сильные, страна, счастливы, умные, целое, я и ты **2**.	Вместе **101**; люди **44**; друзья **36**; все **30**; вы **19**; они **17**; семья **16**; общество **10**; сила; студенты; я **9**; едины; компания; мир **6**; Замятин; команда; лучшие; счастливы **5**; единство **4**; группа; есть; идем; коллектив; любим; толпа **3**; близкие; гуляем; двое; дети; здесь; из будущего; лучше; любовь; молодцы; непобедимы; нет; пара; русские; страна; ты; хорошие; я и ты **2**.

При сравнении данных ЕВРАС и СИБАС наблюдается практически идентичный набор реакций в ядерной (устойчивой) части анализируемого АП, среди которых трудно увидеть черты какой-то одной модели идентичности. Отвечая для себя на вопрос «Кто мы?» современная молодежь видит себя частью единого общего целого (коллективная идентификация): мы – *вместе 96/101*[3]; *люди 67/44*; *все 25/30*; *я 21/0*; *общество 11/10*; *группа 7/3*; *единство 4/4*; *едины*

[3] Цифры отражают количество реакций, полученных на данный стимул, в разных ассоциативных базах данных: данные ЕВРАС / данные СИБАС.

3/6; *компания 4/6*; *коллектив 2/3*; *мир 2/6*; *целое 2/0*; *команда 0/5*; *толпа 0/3*; осознает свою причастность друг к другу в аспекте общественных и родственных связей: мы – *друзья 42/36*; *семья 20/16*; *братья 3/0*; *дружба 2/0*; *нация 2/0*; *страна 2/2*; *я и ты 2/2*; *близкие 0/2*; положительно оценивает коллектив, к которому себя относит и свои ощущения от пребывания в этом коллективе: мы – *сила 9/9*; *лучшие 5/5*; *рады 3/0*; *круты 2/0*; *лучшее 2/0*; *молодцы 2/2*; *непобедимы 2/2*; *сильные 2/0*; *счастливы 2/5*; *умные 2/0*; *лучше 0/2*; *любовь 0/2*; *хорошие 0/2*; выделяет значимость этого коллектива в данный момент и динамику его развития: мы – *здесь 6/2*; *есть 2/3*; *живы 2/0*; *идем 2/3*; *любим 2/3*; *мы 2/0*; *из будущего 0/2*. Молодые люди уверенно идентифицируют себя в аспекте профессиональной деятельности: мы – *студенты 14/9*; *курсанты 5/0*.

Один из подходов к исследованию российской идентичности подразумевает объединение в ее сути двух компонентов – гражданского и государственного. В таком аспекте российская идентичность понимается как государственно-гражданская или национально-гражданская идентичность – понятие, которое «включает не только лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, солидарность, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм» [4, с. 121]. Если при анализе АП «МЫ» рассмотреть российскую идентичность с позиций разделения ее на эти компоненты (разделение это условно, поскольку четких границ быть не может), то компонент государственной идентичности у молодых россиян, когда люди идентифицируют себя как «российская нация», «народ России», «россияне», пока еще слабо выражен. В ядерной зоне АП «МЫ» такие реакции, как *нация 2/0*; *Россия 2/0*; *россияне 2/0*; *страна 2/2*; *русские 0/2* достаточно редки.

При сопоставлении современных реакций (ЕВРАС, СИБАС) и реакций, полученных более 20-ти лет назад (РАС), видно, что ощущение принадлежности к какой-то группе, восприятие себя частью целого не изменились: мы – *вместе 77*; *люди 41*; *все*, *друзья 20*; *я 19*; *с тобой 9*; *семья 6*; *группа*, *коллектив 4*; *много*, *сила 3*; *все вместе*, *едины*, *народ*, *общество*, *толпа 2*. По прежнему сильна свойственная коллективному мироощущению дихотомия «свой – чужой» (отличие «мы» от «они»): мы – *вы 29*; *они 21*; *и они 4*; *и вы 2*.

Однако очевидны изменения смысловой структуры ядра АП идеологического характера. Такие реакции как *не рабы 9*; *нижеподписавшиеся 4*; *атеисты*, *за мир*, *победим*, *рабы 3*; *должны*, *коммунисты*, *комсомольцы*, *пионеры*, *советские*, *советские люди 2*, представленные в Русском ассоциативном словаре (РАС), полностью исчезли из ядерной зоны на сегодняшний день. Можно расценивать их как последние отголоски советской эпохи. Напомним, что время создания РАС приходится на период активного распада Советского Союза, когда острые общественные трансформации, развал сложившейся системы ценностей, отказ от прежней советской идеологии привели общество к состоянию затяжного идентификационного кризиса, в котором российское общество пребывает до сих пор. Об этом свидетельствует множественность постоянно меняющихся идентификационных и ценностных ориентиров, отсутствие еди-

ного идентификационного вектора. Тем не менее, современная молодежь по сравнению с обществом 20-тилетней давности ощущает себя более уверенно и позитивно: самоуничижительные реакции в РАС – *идиоты 4*; *рабы 3*; *бедняги 2* уступили место положительному самовосприятию в ЕВРАС и СИБАС – *лучшие 5/5*; *счастливы 2/5*; *рады 3/0*; *круты 2/0*; *молодцы 2/2*; *лучшее*, *сильные*, *умные 2/0*; *хорошие 0/2*.

Рассмотрим теперь ядерную зону АП «Я» в тех же информационных исследовательских ресурсах – ЕВРАС, СИБАС и РАС.

Таблица 2

Ядро АП «Я»

РАС (1994–1998)	ЕВРАС (2008–2014)	СИБАС (2008–2013)
Ты **77**; человек **62**; студент **21**; я **18**; мы **17**; личность, он **16**; сам 13; люблю, студентка, это я **11**; и ты, учусь **8**; иду, хороший **7**; женщина **6**; девушка, дурак, живу, кто, не я, никто, пишу, сама, свинья, устал, хорошая, хочу **4**; знаю, умница, учитель **3**; большая, вопрос, вселенная, гений, думаю, жду, и он, инженер, курсант, Люда, май, могу, молодец, не люблю, нечто, одна, они, оптимистка, пришел, самая, Света, семья, сижу, смотрю, такой, ушел, хороший человек, эгоист **2**.	Человек **98**; личность **48**; ты **20**; девушка **17**; студент **16**; я **10**; студентка **9**; люблю, молодец, хороший **8**; лучший, он **7**; есть, мы, хорошая **6**; бог, красивая, лучшая, умный **5**; буква, добрый, сок, эго **4**; крут, курсант, любимая, парень, сам, самая, супер, умная **3**; десантник, друг, женщина, живу, жизнь, и ты, индивид, индивидуальность, король, красавица, кто, лучше всех, любимый, мама, местоимение, не знаю, один, свободен, сплю, спортсмен, такая, умница **2**.	Человек **76**; личность **36**; ты **24**; студент **13**; я **11**; молодец **10**; лучший; он **9**; хороший **8**; мы; студентка **7**; буква; местоимение; это я **5**; девушка; есть; люблю; умная; хорошая **4**; Бог; живу; курсант; лучшая; мир; не знаю; один; сама; сок; супер; умный; эго; эгоист **3**; бог; герой; гордость; единственная; есть я; здесь; знаю; иду; и он; клевая; красавчик; красивая; кто; мужик; мужчина; нормальная; Слава; солнце; талант; устал; хочу домой; царь; Я **2**.

Для массива реакций АП «Я» в ЕВРАС и СИБАС также характерна «размытая», спонтанная идентификация. Полностью отсутствует компонент государственной идентичности: нет признаков отождествления себя с государством, национальностью, страной, в которой молодые люди проживают. В смысловой структуре АП «Я» существенен компонент личностной (индивидуальной) идентификации: я – *личность 48/36*; *я 10/11*; *это я 0/5*; *сам 3/0*; *сама 0/3*; *индивид 2/0*, *индивидуальность 2/0*; *один 2/3*; *единственная 0/2*; *есть я 0/2*; *Я 0/2*; есть признаки коллективной (групповой) идентификации: я – *человек 98/76*; *мы 6/7*; *и ты 2/0*; *и он 0/2*; *мир 0/3*; присутствует гендерная идентификация: я – *девушка 17/4*; *парень 3/0*; *женщина 2/0*; *мужик*, *мужчина 0/2*; частотны показатели профессиональной идентификации: я – *студент 16/13*; *студентка 9/17*; *курсант 3/3*; *десантник 2/0*; *спортсмен 2/0*.

Остальной массив ядерных реакций представляют реакции оценочного, крайне-положительного характера: я – *молодец 8/10*; *хороший 8/8*; *лучший 7/9*; *хорошая 6/4*; *бог* (*Бог*) *5/3*; *красивая 5/2*; *лучшая 5/3*; *умный 5/3*; *добрый 4/0*; *крут 3/0*; *любимая 3/0*; *самая 3/0*; *супер 3/3*; *умная 3/4*; *король 2/0*; *царь 0/2*; *красавица 2/0*; *красавчик 0/2*; *лучше всех 2/0*; *любимый 2/0*; *такая 2/0*; *умница 2/0*; *герой 0/3*; *клевая 0/3*; *нормальная 0/2*; *солнце 0/2*; *талант 0/2*. Мы полагаем, что такое количество положительных в отношении себя реакций свидетельствует, с одной стороны, о проявлении интереса молодежи к популярной сегодня модели «психологии победителя» – человека, уверенного в своих силах, способного мыслить категориями успеха, обладающего твердой жизненной позицией при достижении собственных целей и занимающего достойное место в обществе, а с другой, о растущих показателях эгоцентризма в молодежной среде (подробнее об этом см. [2, с. 441]). Об этом же свидетельствует анализ смысловой структуры АП «Я» в РАС, где отчетливо видно гораздо меньшее количество позитивных эгоцентричных самооценок людей 20 лет назад: я – *хороший 7*; *хорошая 4*; *умница 3*; *гений*, *молодец*, *оптимистка*, *самая*, *такой*, *хороший человек 2*, и даже негативные: я – *дурак*, *никто*, *свинья 4*; *эгоист 2*.

Проведенный анализ ядерной зоны АП «МЫ» и «Я» в ассоциативных базах данных РАС, ЕВРАС и СИБАС не подтверждает наличия признаков целостной российской идентичности и сложившейся национальной ценностной системы в российской молодежной среде, устойчивых к современным быстро изменяющимся внешним условиям (геополитическим, экономическим, социокультурным). Отраженные в АП признаки идентификационных процессов российской молодежи свидетельствуют об очень фрагментарной картине национальной российской идентичности на всех ее уровнях.

Таким образом, получаемая в результате психолингвистических массовых ассоциативных экспериментов смысловая структура всей ассоциативно-вербальной сети в целом и ассоциативных полей в частности позволяет отслеживать идентификационные и ценностные ориентиры современной молодежи. Они могут быть выражены эксплицитно и имплицитно через ассоциативные реакции, которые в совокупности «можно рассматривать как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующие в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос»» [10, с. 229]. Подобные психолингвистические исследования с привлечением достоверных результатов других гуманитарных наук представляют актуальный, комплексный, всесторонний подход к изучению процессов самоидентификации общества, трансформаций системы базовых и национальных ценностей, способности адаптации нации к новым глобальным вызовам и угрозам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобалистика – Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.; СПб.: ЕЛИМА; Питер, 2006. – 1160 с.

2. Грицко М. И. Ценностные ориентиры современной молодежи Сибири и Дальнего Востока в аспекте этнокультурной самоидентификации (на материале СИБАС) // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск: Параллель, 2016. – С. 437–442.

3. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России [Электронный ресурс]. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Drobizheva.pdf

4. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 116–135.

5. ЕВРАС: Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/main/publications/evras

6. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 328 с.

7. РАС: Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Т. 1–2. – М. 1994–1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php

8. СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2016) (авторы-составители И. В. Шапошникова, А. А. Романенко) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adictru.nsu.ru

9. УрРАС: Черкасова Г. А., Харченко Е. В. Русская региональная ассоциативная база данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/main/ publications/ urras

10. Уфимцева Н. А. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

11. Шапошникова И. В. «Государственность большого стиля» и «государственный минимализм»: актуальные смыслы в структуре русского языкового сознания? // Вопросы психолингвистики. – М.: ИЯЗ РАН, 2015. – Выпуск 24. – С. 120–133.

REFERENCES

1. Globalistika – Mezhdunarodnyy mezhdistsiplinarnyy entsiklopedicheskiy slovar'. – M.; SPb.: ELIMA; Piter, 2006. – 1160 s. [in Russian]

2. Gritsko M. I. Tsennostnye orientiry sovremennoy molodezhi Sibiri i Dal'nego Vostoka v aspekte etnokul'turnoy samoidentifikatsii (na materiale SIBAS) // Aziatskaya Rossiya: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.): materialy mezhdunar. nauch. konf. / otv. red. V. A. Lamin. – Novosibirsk: Parallel', 2016. – S. 437–442. [in Russian]

3. Drobizheva L.M. Sotsial'nye problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v postsovetskoy Rossii [Elektronnyy resurs] – M.: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostey, 2003. – 376 s. – Rezhim dostupa: https://www.civisbook.ru/files/File/Drobizheva.pdf [in Russian]

4. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. Rossiyskaya identichnost' i mezhetnicheskaya tolerantnost' // Sotsial'nye faktory konsolidatsii Rossiyskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie. – M.: Novyy khronograf, 2010. – S. 116–135. [in Russian]

5. EVRAS: Ufimtseva N.V., Cherkasova G. A. Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar'-tezaurus EVRAS [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://iling-ran.ru/main/publications/evras [in Russian]

6. Karaulov Yu. N. Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. – 328 s. [in Russian]

7. RAS: Russkiy assotsiativnyy slovar' / Sost. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova. T. 1–2. – M. 1994–1998 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php [in Russian]

8. SIBAS – Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh (2008 – 2016) (avtory-sostaviteli I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko) [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://adictru.nsu.ru [in Russian]

9. UrRAS: Cherkasova G. A., Kharchenko E. V. Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://iling-ran.ru/ main/ publications/urras [in Russian]

10. Ufimtseva N. A. Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'. – M., Kaluga: Institut yazykoznaniya RAN, 2011. – 252 s. [in Russian]

11. Shaposhnikova I. V. «Gosudarstvennost' bol'shogo stilya» i «gosudarstvennyy minimalizm»: aktual'nye smysly v strukture russkogo yazykovogo soznaniya? // Voprosy psikholingvistiki. – M.: IYaZ RAN, 2015. – Vypusk 24. – S. 120–133. [in Russian]

УДК 81.119

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ИДИОЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Зайкина Злата Михайловна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *zaykina_1991@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются понятия универсальной и идиоэтнической специфики языков и культур в различных областях лингвистических знаний. Для определения точного термина идиоэтнической специфики приводится семный анализ на основе интерпретаций данного понятия в концепциях языковедов. Подчеркивается значимость изучения универсальной и идиоэтнической специфики языков и культур при помощи анализа паремий, отражающих менталитет и своеобразие мировоззрений представителей языковых картин мира.

Ключевые слова: универсальная специфика; идиоэтнизм; языковая картина мира; паремия.

UNIVERSAL AND IDIOETHNIC FEATURES OF LANGUAGES AND CULTURES

Zajkina Zlata Mihajlovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The article considers definitions «universal and idioethnic features of languages and cultures» in different aspects of linguistic knowledge. To define the certain term «idioethnic features» the componential analysis is performed based on interpretation of the given notions in linguists' approaches. In conclusion, the article emphasizes the importance of studying the universal and idioethnic features of languages and cultures with the help of proverbs' analysis that reflects the mentality and peculiarity of people's view in different linguistic world images.

Keywords: universal features; idioethnism; linguistic world images; paroimia.

Известно, что развитие человечества приводит, в целом, к схожему представлению окружающей действительности носителями определенных языков. Однако разделение людей на различные этнические группы, представляющие собой исторически сложившиеся совокупности, объединённые менталитетом, географическим расположением и культурой, ведет к появлению отличительных характеристик объектов мира. Общее и различное понимание окружающей действительности в лингвокультурах фиксируется посредством языков, сопоставительное изучение которых позволяет выявить универсальные и идиоэтнические, или национально-культурные, особенности окружающего мира, и в частности специфику языковой картины мира.

Впервые проблема универсальной стороны языка была освещена в грамматике Пор-Рояля (1660), которая описывала номенклатуру понятий и принципов общих для всех людей при восприятии и осмыслении действительности, а также представила необходимый набор языковых единиц для выражения мысли в речи, применявшийся в XVIII веке [18, с. 536]. Идея универсальной грамматики зарождается в связи с тем, что у людей одной лингвокультуры имеется одинаковое мышление, которое проявляется посредством универсальных суждений и понятий. Последователи универсальной грамматики (Дж. Хэррис, Й. Майнер, Э. Кондильяк, Ц. Дюмарсэ, Н. Бозэ, И. Аделунг) считали, что языки отличаются только звуковой формой, тогда как их семантическая сторона одинакова. Отсюда вытекает, что язык является механизмом фиксации одного и того же суждения об исследуемом аспекте мира [2].

Согласно данной теории, представление у всех народов об одном и том же объекте действительности одинаковое и не имеет национально-культурной специфики по причине общности характеристик объектов мира. Например, с точки зрения плана содержания, как считают универсалисты, труд – это явление окружающего нас мира, характерное для носителя любого языка, однако его план выражения в разных языках, как правило, не идентичен: в русском

языке – *труд*, в английском – *labor*, в немецком языке – *die Arbeit*. Универсальный план содержания языковых единиц, репрезентирующих объекты и явления вокруг нас, наблюдается в любых языках вследствие познания окружающей действительности, существующей объективно, независимо от человека [6, с. 62].

Тем не менее, в течение культурно-исторического развития каждого этноса и влияния экстралингвистических факторов (социальных, геополитических, экономических и др.) появляются отличные значения языковых единиц, означающие идиоэтнические особенности предметов и объектов окружающей действительности и фиксируемые при помощи языка.

Впервые национально-культурный характер языка рассматривал В. Гумбольдт, акцентируя свое внимание на изучении значения языковых единиц как результата своеобразного мировидения различных этнических групп, т. е. наличия идиоэтнической специфики языковых картин мира [3, с. 37].

Понятие языковой картины мира может интерпретироваться по-разному: 1) «мир в зеркале языка», совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития [15, с. 72]; 2) языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенное в системных значениях слов, информация о мире [5, с. 121]; 3) совокупность представлений народа о действительности на определенном этапе его развития, отраженных в значениях языковых знаков [10, с. 53].

Из приведённых дефиниций можно заключить, что языковые картины мира разных народов всегда различны и представляют собой системы духовных содержаний, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности и обусловливающих существование и функционирование самого языка. Справедливо рассматривать языковую картину мира как общекультурное достояние нации, обеспечивающее понимание внешнего мира, а также духовные, культурные и национальные ценности человека [5, с. 122].

Обобщая приведенные интерпретации, языковую картину мира можно определить как представление о мире, выраженное в совокупности языковых знаков, раскрывающих идиоэтническую специфику каждого рассматриваемого объекта действительности.

Изучение идиоэтнических особенностей языка и культуры играет важную роль, их значимость отражается в различных областях лингвистических знаний. Так, например, в **лингвокультурологии** идиоэтническая специфика языка проявляется в содержащихся в языковых единицах семантических признаках, которые формируются в границах определенной этнокультурной и национально-языковой общности [9, с. 93]. С другой стороны, идиоэтническая специфика языка – часть значения языковых единиц, которая отражает связь знака с предметом (референтом) культуры и которая, в конечном счете, обусловлена национальной культурой [13, с. 19]. Данная специфика языковых единиц отражена в той части их семантики, которая выражает менталитет представителей конкретного национально-культурного языкового сообщества, обуслов-

ленного своеобразием социально-исторического бытия, географии, религии, литературы, образования и т. д. [1, с. 7]. Идиоэтническую специфику языка представляют те компоненты языковой системы, которые отражают национально-культурную специфику общества и позволяют личности обеспечить развитие способностей, формирование мировоззрения и духовности для жизнедеятельности в определенном обществе [16, с. 11]. Данная специфика языка подобна лингвокультурологической универсалии, которая обладает выраженной национальной спецификой, обусловленной факторами менталитета и культуры того или иного народа [17, с. 7].

В рамках **межкультурной коммуникации** идиоэтническая специфика языка – совокупность особенностей средств национального языка, обусловленная своеобразной национально-культурной действительностью, в которой живет определенная нация [6, с. 59]. В **социолингвистике** – это фиксирование в языковых единицах знаний социумных и культурных различий, маркирующих исключительную принадлежность того или иного феномена определенной культуры [4, с. 31]. В **контрастивной лексикологии** национально-культурная специфика языка понимается как отличие языковой единицы по значению от сходных по семантике единиц сравнения, свидетельствующее о разнообразии предмета в определенной языковой картине мира [8, с. 6]. В области **психолингвистики** идиоэтническая специфика языка эксплицируется из-за различия национальных (этнических) сознаний разных народов, своеобразие образов которых репрезентируются при помощи языковых единиц [7, с. 4].

Ещё одна интерпретация понятия «национально-культурной специфики языка» изложена в рамках **когнитивной лингвистики** и представляет собой национально-культурные черты, отраженные в языке и сформированные в процессе схематизации опыта в соответствии с системой ценностей и особенностями мировосприятия того или иного народа [11, с. 8]. В ракурсе **этнолингвистики** идиоэтническая специфика языка заложена в языковых единицах, репрезентирующих этнокультурные представления об объектах действительности [14, с. 3].

Для точного определения термина «идиоэтническая (национально-культурная) специфика языка» проведем семный анализ, основывающийся на приведённых выше дефинициях, который поможет нам выявить его главные и второстепенные семантические признаки (см. таблицу 1).

Учитывая приведённые в таблице данные, выведем определение термина «идиоэтническая специфика языка» согласно нашему пониманию. Так, **идиоэтническая специфика языка – это та часть семантики языковых единиц, которая обусловлена национально-культурной спецификой и отражает отличительные черты менталитета, жизненного опыта, а также социокультурных ценностей, принадлежащих определенной национально-языковой общности.**

Изучая идиоэтническую специфику определенного языка, извлекая её из семантики языковых единиц, мы аккумулируем знания о языковой картине мира, в которой заложены особенности представления данного этноса об окружающей

действительности. Таким образом, справедливо назвать **идиоэтническую специфику языка**, или **идиоэтнизм**, составляющей языковой картины мира, которая указывает на национальное своеобразие мировоззрения, заложенное в том или ином языке и проистекающее из ментальных и культурных особенностей народа (этноса), создавшего данный язык [3, с. 37].

Таблица 1

Сопоставительный семный анализ дефиниций термина «идиоэтническая специфика языка» из разных разделов лингвистики

Семантические признаки / Исследователи	Семантика языковых единиц	Национально-культурная обусловленность	Национально-языковая общность	Мировоззрение	Менталитет/ жизненный опыт/ценности	Национальное сознание	Репрезентация окружающей действительности	Социально-культурное различие
Ву Т.	+	+	+	+	_	_	_	_
Дубровская О.Г.	+	+	_	_	_	_	_	+
Исенко Л.А.	+	+	+	_	_	_	+	_
Кечина Э.А.	+	_	_	_	_	+	_	_
Книга А.В.	+	_	+	_	_	_	_	_
Комаров Г.В.	+	+	+	_	_	_	_	_
Рахматуллаева Н.Г.	+	+	_	_	+	_	_	_
Семенова Е.П.	+	+	_	_	_	_	_	_
Сурикова О.Д.	+	+	_	_	_	_	+	_
Халупо О.И.	+	+	+	+	+	_	_	_
Хань Ч.	+	+	_	_	+	_	_	_

Принимая во внимание тот факт, что идиоэтническая специфика языка отражается в тех языковых единицах, которые репрезентируют менталитет, культурно-исторические и национальные особенности мировоззрения, одними из наиболее значимых и эффективных единиц для изучения универсальной и национально-культурных особенностей языковых картин мира являются **паремии** (пословицы, поговорки, антипословицы). Паремия является устойчивой в речевом обиходе культурно-обусловленной языковой единицей, представляющей собой целостное предложение, наполненное назидательным характером [12].

В контексте нашего, паремиологического, исследования приведём следующие примеры. Немецкая пословица *Wohl begonnen ist halb gewonnen* (досл.пер. *Хорошо начатое – наполовину сделанное дело*) подчеркивает успешность результата работы при условии ее своевременного начала. В семантике пословицы русского языка *Без веретена пряжи не спрядешь* отражена необходимость инструмента для завершения работы. Приведенные пословицы содержат идиоэтническую специфику представлений о труде в русской и немецкой картинах мира.

Однако при изучении определенной языковой картины мира стоит рассматривать не только идиоэтнические особенности языка, но и универсальные. Универсальные свойства объективного мира – это те свойства, которые не зависят от менталитета и культуры носителей данного языка и отражаются в языковых единицах разных или всех языков. Так, пословицы: рус. *Без труда нет плода*; анг. *No sweet without* (*some*) *sweat* (досл.пер.: *Нет сладости без пота*) и нем. *Werden Kern essen will*, *muß die Nuß knacken* (досл.пер.: *Кто хочет съесть орех*, *тот должен расколоть его*) отражают универсальный признак «труд как ценностная деятельность человека», что характерно для всех представленных языковых картин мира.

Из всего сказанного выше, следует сделать вывод о том, что в языках наблюдается две важные составляющие [2]: 1) универсально-объективная (универсальная) – та часть языка, которая отображает объективную реальность, т. е. признаки предмета окружающей действительности, являющиеся общими для носителей любых языков; 2) субъективно-национальная (идиоэтническая) – та часть языка, которая выражает дифференциальные признаки объектов в сознании представителей различных языковых картин мира, обусловленные своеобразием менталитета, жизненного опыта и культурных ценностей народа. Таким образом, изучение семантики языковых единиц, в том числе паремий, позволит выявить и описать универсальные и идиоэтнические особенности различных языков и культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ву Т. Национально-культурная специфика русскоязычного рекламного текста в восприятии носителя вьетнамского языка: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2013. – 24 с.

2. Даниленко В. П. Универсализм и идиоэтнизм в концепции В. Гумбольдта // Вестник ИГЛУ. Язык. Сознание. Этнос. Культура. Серия «Психолингвистика». – Иркутск, 2002. – Вып. 5. – С. 13–18.

3. Даниленко Л. В. Универсальное и идиоэтническое в культуре (на примере языковой картины мира в сравнении с научной): дис. … канд. истор. наук: 24.00.01. – Улан-Удэ, 2003. – 141 с.

4. Дубровская О. Г. Субъективный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. …д-ра филол. наук: 10.02.19. – Тамбов, 2014. – 383 с.

5. Закирова Ю. А. Мужская картина мира в паремиях (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков) // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – М., 2011. – № 4. – С. 121–128.

6. Исенко Л.А. Национально-культурная специфика функционирования временных форм индикатива в телевизионных рекламных текстах (на материале пиренейского и уругвайского национальных вариантов испанского языка): дис. … канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2009. – 140 с.

7. Кечина Э. А. Национально-культурная специфика ценностных ориентаций в языковом сознании носителя языка (на материале русского и арабского языков): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2012. – 24 с.

8. Книга А. В. Денотативная общность и национальная специфика семантики слова (на материале наименований явлений природы в русском и английском языках): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 2015. – 20 с.

9. Комаров Г. В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2007. – 147 с.

10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.

11. Рахматуллаева Н. Г. Когнитивные основания структурно-семантической аналогии во фразеологии английского языка: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2016. – 25 с.

12. Савенкова Л. А. Пословица, поговорка и паремия как термины филологии // Филологический вестник РГУ. – Ростов, 1997. – №1. – С. 36 – 43.

13. Семенова Е. П. Языковая репрезентация культурно-специфической информации в художественном тексте (на материале современной русской прозы и ее переводов на английский язык): дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Калининград, 2012. – 175 с.

14. Сурикова О. Д. Лексические единицы с приставкой и предлогом *без* в русских народных говоре и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2016. – 24 с.

15. Тихомирова В. А. Национально-специфическая характеристика интерпретаций традиционных басенных сюжетов (на материале русского, французского и английского языков): дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Ярославль, 2007. – 201 с.

16. Халупо О. И. Лингвокультурные аспекты взаимодействия субъектов национальных коммуникативных пространств: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Уфа, 2016. – 45 с.

17. Хань Ч. Национальная специфика ассоциативной лакунарности в межкультурном взаимодействии (на материале русского и китайского языков): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Благовещенск, 2016. – 23 с.

18. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

REFERENCES

1. Vu T. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika russkoyazychnogo reklamnogo teksta v vospriyatii nositelya v'etnamskogo yazyka: avtoref. diss. … kand. filol. nauk: 10.02.01. – M., 2013. – 24 s. [in Russian]

2. Danilenko V. P. Universalizm i idioetnizm v kontseptsii V. Gumbol'dta // Vestnik IGLU. Yazyk. Soznanie. Etnos. Kul'tura. Seriya «Psikholingvistika». – Irkutsk, 2002. – Vyp. 5. – S. 13 – 18. [in Russian]

3. Danilenko L. V. Universal'noe i idioetnicheskoe v kul'ture (na primere yazykovoy kartiny mirav sravnenii s nauchnoy): dis. … kand. istor. nauk: 24.00.01. – Ulan-Ude, 2003. – 141 s. [in Russian]

4. Dubrovskaya O. G. Sub"ektivnyy printsip formirovaniya sotsiokul'turnoy spetsifiki diskursa: dis. …d-ra.filol. nauk: 10.02.19. – Tambov, 2014. – 383 s. [in Russian]

5. Zakirova Yu. A. Muzhskaya kartina mira v paremiyakh (na materiale russkogo, angliyskogo, nemetskogo i ital'yanskogo yazykov) // Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika». – M., 2011. – № 4. – S. 121–128. [in Russian]

6. Isenko L. A. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika funktsionirovaniya vremennykh form indikativa v televizionnykh reklamnykh tekstakh (na materiale pireneyskogo i

urugvayskogo natsional'nykh variantov ispanskogo yazyka): dis. … kand. filol. nauk: 10.02.05. – M., 2009. – 140 s. [in Russian]

7. Kechina E. A. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika tsennostnykh orientatsiy v yazykovom soznanii nositelya yazyka (na materiale russkogo i arabskogo yazykov): avtoref. diss. … kand. filol. nauk: 10.02.01. – M., 2012. – 24 s. [in Russian]

8. Kniga A. V. Denotativnaya obshchnost' i natsional'naya spetsifika semantiki slova (na materiale naimenovaniy yavleniy prirody v russkom i angliyskom yazykakh): avtoref. diss. … kand. filol. nauk: 10.02.19. – Voronezh, 2015. – 20 s. [in Russian]

9. Komarov G. V. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika novoy leksiki angliyskogo yazyka: dis. … kand. filol. nauk: 10.02.19. – Krasnodar, 2007. – 147 s. [in Russian]

10. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika. – M.: ACT: Vostok-Zapad, 2010. – 314 s. [in Russian]

11. Rakhmatullaeva N. G. Kognitivnye osnovaniya strukturno-semanticheskoy analogii vo frazeologii angliyskogo yazyka: avtoref. diss. … kand. filol. nauk: 10.02.04. – M., 2016. – 25 s. [in Russian]

12. Savenkova L. A. Poslovitsa, pogovorka i paremiya kak terminy filologii // Filologicheskiy vestnik RGU. – Rostov, 1997. – №1. – S. 36 – 43. [in Russian]

13. Semenova E. P. Yazykovaya reprezentatsiya kul'turno-spetsificheskoy informatsii v khudozhestvennom tekste (na materiale sovremennoy russkoy prozy i ee perevodov na angliyskiy yazyk): dis. … kand. filol. nauk: 10.02.19. – Kaliningrad, 2012. – 175 s. [in Russian]

14. Surikova O. D. Leksicheskie edinitsy s pristavkoy i predlogom bez v russkikh narodnykh govore i fol'klore: semantiko-motivatsionnyy i etnolingvisticheskiy aspekty: avtoref. diss. … kand. filol. nauk: 10.02.01. – Ekaterinburg, 2016. – 24 s. [in Russian]

15. Tikhomirova V. A. Natsional'no-spetsificheskaya kharakteristika interpretatsiy traditsionnykh basennykh syuzhetov (na materiale russkogo, frantsuzskogo i angliyskogo yazykov): dis. … kand. filol. nauk: 10.02.19. – Yaroslavl', 2007. – 201 s. [in Russian]

16. Khalupo O. I. Linvokul'turnye aspekty vzaimodeystviya sub"ektov natsional'nykh kommunikativnykh prostranstv: avtoref. diss. … kand. filol. nauk: 10.02.19. – Ufa, 2016. – 45 s. [in Russian]

17. Khan' Ch. Natsional'naya spetsifika assotsiativnoy lakunarnosti v mezhkul'turnom vzaimodeystvii (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov): avtoref. diss. … kand. filol. nauk: 10.02.19. – Blagoveshchensk, 2016. – 23 s. [in Russian]

18. Yartseva V. N. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. – M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. – 685 s. [in Russian]

УДК 1751

НЕДЕЛЯ: К СОПОСТАВЛЕНИЮ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ РУССКОЙ, ГРУЗИНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Мелкадзе Нанули Самсоновна

Государственный университет имени Акакия Церетели, *Кутаиси*, *Грузия*, *melkadzenana@yandex. com*

Аннотация. В статье исследуется одна из когнитивных категорий концепта «Время» – неделя; прослеживается история традиций наименований дней недели, изменение содержательного «наполнения» концепта в диахронии. Определяются два принципа номинаций дней недели: языческий, увязываемый с наименованиями планет, и нумерация дней с разной точкой отсчёта. В соответствии с этими принципами описываются разные лингвистические модели: планетарная в английском, немецком, романских языках; ветхозаветная модель в языках авраамических религий; новозаветная модель в балтийских, уральских; смешанная модель в славянских и др. языках.

Ключевые слова: концепт «время»; номинация дней недели; планетарная, ветхозаветная, новозаветная и смешанная модель недели.

WEEK: COMPARISON OF TEMPORAL FRAGMENTS OF THE RUSSIAN, GEORGIAN AND ENGLISH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Melkadze Nanuli Samsonovna

Akaki Tsereteli State University, *Kutaisi*, *Georgia*, *melkadzenana@yandex. Com*

Abstract. Researched topic is one of the cognitive categories of the concept "Time" – a week. The article traces the history of the tradition of the names of weekdays, meaningful change "filling" concept in diachrony. Two principle nominations of weekdays are determined pagan, mixed with the names of the planets and numbering days with different starting point. In accordance with these principles various linguistic models are described. Planetary model in English, German, Romance languages; old testament model in the languages of Abrahamic religions; the new testament model in Baltic, Uralic; a mixed model in Slavonic and other languages.

Keywords: the concept of "time"; the nomination day of the week; old testament, new testament and mixed model of the week.

В связи с глобализацией и расширением международных контактов изменились и подходы к изучению иностранного языка. Согласно Н. Д. Гальсковой, собственно стратегическая цель обучения на современном этапе – «разви-

тие у обучаемого черт вторичной языковой личности, делающих его способным быть эффективным участником межкультурной коммуникации» [2, с. 46], что предполагает освоение студентами лингвокультурного уровня, который соотносится со знаниями о мире, формирующими вторичное когнитивное сознание и общую картину мира на уровне концептуальной системы.

Исследуемая нами тема – одна из когнитивных категорий концепта «Время» – *неделя* ‘определённый отрезок времени’, а именно: номинация дней недели в современном английском, русском и грузинском языках.

Дни недели в указанных языках имеют соответствующие названия.

Таблица 1

Дни недели	Английский	Русский	Грузинский
воскресенье	Sunday		
понедельник	Monday	понедельник	orshabati ‘второй день’
вторник	Tuesday	вторник	samshabati ‘третий день’
среда	Wednesday	среда	otkhshabati ‘четвертый день
четверг	Thursday	четверг	khutshabati ‘пятый день’
пятница	Friday	пятница	paraskevi
суббота	Saturday	суббота	shabati
воскресенье		воскресенье	kvira

Очевидно некоторое сходство русского и грузинского языков в плане нумерации, однако сама нумерация не совпадает. Второму дню недели в русском языке в грузинском соответствует samshabati ‘третий день недели’; четвёртому – khutshabati ‘пятый день’ и т. д.

Совершенно иное наименование дней недели в английском языке.

Обратимся к истории, поскольку понимание происхождения данных слов поможет не только лучше запомнить их название и написание, но и расширить фоновые знания студентов.

В истории наименований дней недели выделяются три этапа.

I этап. Первые сведения о семидневном временном цикле известны с доисторических времён. Обнаружив на небе семь подвижных светил, вавилонские астрономы назвали их именами своих богов. Впоследствии имена планет-покровительниц были присвоены дням недели. Позже древние греки заимствовали у вавилонян идею о связи богов и планет. Они дали планетам имена своих богов, которые соответствовали вавилонским. Затем римляне в свою очередь органично соединили культы греческих богов со своими культами. В итоге современные названия семи известных в древности планет носят имена именно римских богов.

С латынью наименования дней недели попали в другие языки Южной и Западной Европы.

Как видно из таблицы, характер наименований дней древнеанглийской недели обнаруживает чёткие параллели с номинациями дней недели в римском

календаре. Древние англосаксы приняли римскую неделю и лишь заменили наименования дней античных богов на наиболее почитаемые из местных. Тив так же, как и Марс, бог войны; Воден, как и Меркурий, обладает высоким интеллектом и тайными знаниями; Тюнор и Юпитер – самые могущественные из богов; Фригг и Венера – прекраснейшие из богинь-дев.

Таблица 2

Дни недели	Вавилонские названия планет	Греческие наименования планет	Латинские (римские) наименования
Понедельник	Син	Селена	Луна
Вторник	Нергал	Арес	Марс
Среда	Набу	Гермес	Меркурий
Четверг	Мардук	Зевс	Юпитер
Пятница	Иштар	Афродита	Венера
Суббота	Нинурта	Кронос	Сатурн
Воскресенье	Шамаш	Гелиос	Соль (Солнце)

Таблица 3

Дни недели	Латинский	Др. английский	Др. греческий	Др. грузинский
понедельник	dies Lunae (день Луны)	Monnandaeg (день Луны)	Ημερα Σεληνης (день Луны)	mtovarisa (день Луны)
вторник	dies Martis (день Марса)	Tiwesdaeg (день Тива)	Ημερα Άρεως (день Марса)	areasi (день Марса)
среда	dies Mercur (день Меркурия)	Wodnesdaeg (день Водена)	Ημερα Ερμου (день Меркурия)	ermisa (день Меркурия)
четверг	dies Jovis (день Юпитера Иовиса)	Thunresdaeg (день Тюнора)	Ημερα Διος (день Юпитера)	diasi (день Юпитера)
пятница	dies Veneris (день Венеры)	Frigedaeg (день Фриг)	Ημερα Αφροδιτης (день Афродиты)	aproditisa (день Афродиты)
суббота	dies Saturni (день Сатурна)	Sæterdaeg (день Сатурна)	Ημερα Κρονου (день Сатурна)	kronosisa (день Сатурна)
воскресенье	dies Solis (день Солнца)	Sunnandaeg (день Солнца)	Ημερα Ηλιου (день Солнца)	mzis dge (день Солнца)

Очевидно, что современные английский, немецкий, романские языки сохранили планетарную модель наименований дней недели.

Совершенно идентичны наименования дней недели в древнегреческом и древнегрузинском языках: Ημερα Ηλιου = mzis dkhe = день Солнца; Ημερα Σεληνης = mtovarisa = день Луны и т. д., что, естественно, является свидетельством ранних связей Древней Греции и Колхиды. Интересно, что мегрельский диалект грузинского языка сохранил древние наименования дней недели – народные и планетарные названия.

Таблица 4

Дни недели	Др.грузинский	Мегрельский	
понедельник	mtovarisa	tutashkha день Луны	
вторник	areasi	takhashkha день Тахи	
среда	ermisa	jumashkha день Джухи, покровителя пастухов	
четверг	diasi	caashkha день Неба, рождение светового дня	
пятница	aproditisa	obishkha день Вобы	
суббота	kronosisa	shurishkha	
воскресенье	mzis dkhe	zhashkha-bzhashdkhe, день Солнца	მზის დღე

Zha(bzha) в переводе с мегрельского – солнце, tuta – луна. По мнению И. Джавахишвили, название вторника tashkha / takhashkha – древнегруз. наименование Марса; название среды – juma – Меркурия; пятницы – obishkha – Юпитера; четверга – caashkha – в честь утренней звезды [1, с. 67].

II. Второй этап. Планетарная модель наименований дней недели сменяется ветхозаветной. Счёт дней недели начинается с воскресенья, соответствующего «первому дню творенья», и кончается субботой – иудейским выходным днём. Дни нумеруются.

Эта традиция сохраняется в Греции, в странах Западной Европы, Азии.

Таблица 5

Соответствие «недели творения	Иврит	Латынь	Португ. язык	Казахск. язык	Новогреч. язык	Грузинский язык
1-ый день = воскресение	Йом ришон	Dominica	Domingo	жексенбі	Κυριακη	kvira
2-ой день = понедельник	Йом шени	Feria secunda	Segunda-Feira	дуйсенбі	Δευτέρα	orshabati
3-ий день = вторник	Йом шлиши	Feria tertia	Ferca-Feira	сейсенбі	Τριτη	samshabati
4-ый день = среда	Йом ревиии	Feria quarta	Quarta-Feira	сэрсенбі	Τεταρτη	otkhshabati
5-ый день = четверг	Йом хамиши	Feria quanta	Quanta-Feira	бейсенбі	Πεμπτη	khutshabati
6-ой день = пятница	Йом шиши	Feria sexta	Sexta-Feira	жума	Παρασκευή	paraskevi
7-ой день = суббота	Йом шабат	sabbatum	Sabado	сенбі	Σαββατο	shabati

Как видно из таблицы, в современном грузинском языке номинанты дней недели полностью совпадают с греческими. Совпадает не только нумерация

дней недели: «Δευτέρα» и «orshabati» ‘второй день’, «Τριτη» и «samshabati» ‘третий день’ и т. д., но и наименования воскресенья и пятницы. Греческое Κυριακη – ‘день Господа’ от «κιριος» ‘господь’ и аналогичное ему наименование в грузинском – kvira, которое, предположительно, является заимствованием из греческого. Но, с другой стороны, Квирия – очень почитаемое многофункциональное божество в древнегрузинской мифологии. В Восточной Грузии на него возложена ответственная миссия посредника между Высшим Богом и людьми и исполнителя правосудия. В Западной Грузии – это бог, распоряжающийся небесами и небесными водами. Квирия предстоит перед Божьим Сыном, а в некоторых случаях идентифицируется с Иисусом Христом. С принятием христианства Квирия трансформируется в св. Квирике.

Идентичны наименования *пятницы* – это имя святой Параскевы, буквально означает ‘подготовка’, день приготовления перед иудейской субботой [3, с. 191].

Такая же модель наименования дней недели в других языках авраамических религий: в армянском, таджикском, персидском, арабском и др. языках.

III. Третий этап связан с принятием христианства. День отдыха сместился с субботы на воскресенье, однако христиане по-прежнему празднуют субботу (до II в. н. э.), пока император Адриан не наложил запрет на субботний праздник. Именно тогда день отдыха перенесли на воскресенье, в конец недели по аналогии с «неделей творения», а в 321 году римский император Константин узаконил этот день как еженедельный государственный праздник.

Модель недели, где первое место занимает понедельник, характерна для славянских, балтийских и уральских (кроме финского) языков.

Таблица 6

Дни недели	Украинск.	Болгарский	Польский	Латышский	Литовский язык
понедельник	понеділок	понеделник	poniedziałek	pirmdiena	pirmãdienis ‘первый’
вторник	вівторок	вторник	wtorek	otrdiena	antradienis ‘второй’
среда	середа	сряда	ŝroda	trešdiena	trečiadienis ‘третий’
четверг	четвер	четвъртък	czwartek	ceturtdiena	ketrvertadienis четвертый’
пятница	п’ятниця	петък	piątek	piektdiena	penktadienis ‘пятый’
суббота	субботa	събота	sobota	sestdiena	šeštadienis ‘шестой’
воскресение	неділя	неделя	niedziela	svētdiena	sekmadienis ‘праздничный

Как видно из таблицы, в балтийских языках наименования дней недели абсолютно прозрачны: шесть номинаций представляют шесть порядковых числительных: первый, второй и т. д. и седьмой день «праздничный».
Смешанную модель представляют славянские языки. Древнерусская седмица приблизительно имела такой вид:

Таблица 7

понедельник	понделы, понеделок
вторник	вторни, второк
среда	среда, середа, третейник
четверг	четверк, четвер
пятница	пятница, пятник, пятак
суббота	шестерка, шестерик
воскресение	неделя

В отличие от рассмотренных нами выше моделей номинаций дней недели в древних языках, в которых они увязываются с именами планет (см. таблицу 3), в Древней Руси не было этой традиции, хотя пантеон языческих богов существовал, и у каждого дня был свой покровитель: понедельник – Род (Луна), вторник – Морена (Марс), среда – Ярила (Меркурий), четверг – Перун (Юпитер, небо), пятница – Лада, Макошь (Венера), суббота – Стрибог (Сатурн), воскресенье – Даждьбог (Солнце).

В современной славянской неделе оказались совмещенными два начала, две модели: названия четырёх дней соответствуют новозаветной традиции: понедельник – ‘первый день’, вторник – ‘второй’, четверг – ‘четвёртый’, пятница – ‘пятый’. Но пятница в языке православных славян не просто пятый по счёту день, но и день св. Параскевы-Пятницы, названный в честь греческой святой Параскевы (3 век н. э.), обезглавленной во имя христианской веры. Интересно, что и в языческой традиции покровительницей этого дня была женщина – греческая богиня Афродита, римская богиня Венера, древнерусская богиня Макошь. С принятием христианства Макошь трансформировалась в св. Пятницу-Параскеву. Но культ Матери Богини Параскевы продержался ещё несколько сотен лет.

Названия остальных трёх дней – среда, суббота, воскресенье – требуют детального рассмотрения.

Среда – значение ‘средний день недели’ получила в порядке калькирования д.-в.-н. mittawëcha ‘среда’ [4, с. 607]. Но среда – середина только в том случае, если отсчёт начинается с воскресенья. Кроме того, оказываются оторванными два дня недели: неделя ‘воскресенье’ и понедельник ‘день, следующий за неделей’. Во всех славянских языках, кроме русского, воскресный день попрежнему называется неделей. Лишь в русском языке этот день связан с главным христианским праздником – Пасхой – воскресением Иисуса Христа. Изначально это только одно воскресение Пасхальное и только с XVI века – еженедельный праздник. Интересна история слова *суббота*, самого распространённого наименования дня недели.

В планетарной языческой традиции наименований дней недели последний день, которым управлял Сатурн (см. табл. 2), считался самым несчастливым. Поэтому в этот день не работали, и слово *шаббат* – ‘покой’ у вавилонян стало обозначением вынужденного отдыха. От вавилонян слово *шаббат* перешло к древним евреям. Еврейское название для субботы вместе с христианством распространилось в Римской империи и по всей Европе. От слова *шаббат* происходят все русские и славянские названия субботы. Аналогично происхождение слова в армянском (*шабат*), в грузинском (*шабати*), таджикском (*шанбе*). Более того, в языках авраамических религий с ветхозаветной традицией, суббота – своеобразная точка отсчёта. Дни недели нумеруются, начиная с субботы (португальский, греческий языки). Дни считаются субботами в таджикском, казахском, грузинском языках. В грузинском orshabati – ‘второй день от субботы’, samshabati – ‘третий день от субботы’ и т. д. Ср., в древнегрузинском языке, наряду с планетарным наименованием воскресения mzisa – ‘день солнца’, было и другое: ertshabati – ‘первый день от субботы’.

Таким образом, в основе номинаций дней недели действуют два принципа: планетарный, когда каждому дню соответствует определённая планета-покровитель (языческая традиция), и принцип нумерации дней, где определяющим является начало недели. Воскресение – начало недели в ветхозаветной традиции; понедельник – в новозаветной традиции; суббота – начало мусульманской недели. Имеющееся на сегодняшний день многообразие моделей – это результат сохранившихся с доисторических времён языческих наименований (планетарная модель) и появившихся впоследствии новых номинант как результат смены религиозных воззрений (ветхозаветная, новозаветная, смешанная модели).

ЛИТЕРАТУРА

1. Джавахишвили И. История грузинского этноса. – Тб.: Мецниереба, 1983. – Т. 2. – 394 с.

2. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. – М.: АРКТИ-ГЛОССА, 2000. – 165 с.

3. Γιαννακοπούλου Π. Επίτομον ετυμολογικόν λεξικόν. – Αθηναι, 1973. – 209 с.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. –832 с.

REFERENCES

1. Dzhavahishvili I. A. Qartuli eris istoria. – Tb.: Mecniereba, 1983. – T. 2. – 394 s. [in Georgian]

2. Gal'skova N. D. Sovremennaja metodika obuchenija inostrannym jazykam. – M.: ARKTI-GLOSSA, 2000. – 165 s. [in Russian]

3. Giannakopoulou P. Epitomon etimologikon leksikon. – Atenai, 1973. – 209 s. [in Greek]

4. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. – M.: Progress, 1987. – T. 3. – 832 s. [in Russian]

УДК 81'37

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ИДЕОЛОГЕМ *ЛИБЕРАЛИЗМ / LIBÉRALISME* В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Нагаева Ксения Эдуардовна

Московский государственный лингвистический университет, *Москва*, *Россия*, *zlobovsky@mail.ru*

Аннотация. Статья написана на стыке межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и политической лингвистики. Автор анализирует идеологемы *либерализм* / *libéralisme* и выявляет различие в их значениях и коннотациях. Анализ проводится на материале толковых словарей.

Ключевые слова: идеологема; значение; коннотация.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SEMANTICS OF THE IDEOLOGEMS *ЛИБЕРАЛИЗМ* / *LIBÉRALISME* IN RUSSIAN AND FRENCH LINGUISTIC CULTURE

Nagaeva Xenia Eduardovna

Moscow State University of linguistics, *Moscow*, *Russia*

Abstract. The article is written in the context of intercultural communication and linguocultural approach in terms of political linguistics. The author analyses the ideologems *либерализм* / *libéralisme* and reveals differences in their meanings and connotations. The study is based on materials of explanatory dictionaries.

Keywords: ideologem; meaning; connotation.

Для удачной межкультурной коммуникации важно избегать употребления интернациональных слов, имеющих смысловые различия. Иногда такими «ложными друзьями переводчика» являются, в том числе, идеологемы, обладающие национальной спецификой семантического развития. Под идеологемой мы, вслед за А. П. Чудиновым, подразумеваем, лексико-фразеологическую единицу, «в значение которой входит идеологический компонент» [11, с. 92]. К таким словам относятся русское социально-политическое заимствование *либерализм* и его французский первоисточник. Для того чтобы лучше понять семантические различия обеих лексем, необходим их сопоставительный анализ. Поскольку данные лексемы рассматриваются нами не как термины, а как общеупотребительные слова, обладающие национально-культурной коннотацией и принадлежащие к политической лексике, из анализа были исключены специализированные словари и энциклопедии.

Начать анализ целесообразно с идеологемы-первоисточника – *libéralisme*.

Лексема образовалась между 1816–1818 гг. от имени существительного libéral [13; 14; 15], поэтому ее первое значение, которые словари считают устаревшим, – «взгляды, доктрина либералов, сторонников политической свобод, свободы совести». В современном понимании: «Система доктрин, гарантирующих индивидуальные свободы от произвола государства от правительственного произвола путем ограничения полномочий исполнительной власти и от влияния (социальных) групп путем ограничения власти партий и профсоюзов» [14]: « *Et*, *chose étrange* ! *dans cette ardeur généreuse à me pousser dehors*, *les hommes qui me signifiaient leur volonté n'étaient ni mes amis*, *ni les copartageants de mes opinions politiques*. *Je devais m'immoler sur-le-champ au libéralisme*, *à la doctrine qui m'avait continuellement attaqué* (…) » – « *И*, *странная вещь*! *В этой благородной пылкости*, *которая выталкивала меня наружу*, *люди*, *объявлявшие мне свою волю*, *не были ни моими друзьями*, *ни единомышленниками*. *Я немедленно должен был принести себя в жертву либерализму*, *доктрине*, *нападкам со стороны которой я регулярно подвергался*» [Chateaubriand, Mémoires d'outre-tombe, t. III, p. 564 (éd. Levaillant) Цит. по 14].

Второе актуальное значение идеологемы *libéralisme* – «классическая экономическая доктрина, проповедующая свободу предпринимательства, конкуренции и индивидуальной инициативы» (в противоположность этатизму и социализму) [15]; «доктрина, согласно которой экономическая свобода, свободное действие «естественных законов» (свобода конкуренции, свобода предпринимательства, свобода передвижения) не должны ограничиваться вмешательством власти» [14]; «экономическая доктрина, ставящая на первое место индивида», «система экономических доктрин, основанных на невмешательстве (или ограничении вмешательства) государства в предпринимательство, обмен, прибыль» [13]. В качестве синонимов словари приводят слова *капитализм*, *индивидуализм*, в качестве примеров употребления данной лексемы – следующие выражения и фразы: « *Le libéralisme des physiocrates*, *d'A*. *Smith*, *de Bastiat…*» – «либерализм физиократов, А. Смита, Бастиа…»; «*Le* « *laisser faire*, *laisser passer* «, *formule du libéralisme*» – «"невмешательство государства", формула либерализма». «*Le libéralisme préconise la libre concurrence*, *la liberté du travail et des échanges*» – «Либерализм проповедует свободную конкуренцию, свободу труда и обмена» [14]; « *Le libéralisme s'oppose à l'intervention de l'État*, *à la constitution de monopoles privés* « – «*Либерализм противостоит государственному вмешательству*, *созданию частных монополий*» [15]. Интересен следующий пример из экономического дискурса, дающий представление об обстоятельствах формирования данного значения идеологемы: *Ce fut à peu près à cette époque* (*entre 1830 et 1850*) *que s'effectua ce qu'on pourrait appeler la conjonction de la liberté politique et de la liberté économique*, *qui désormais furent confondues dans un même culte et portèrent un seul et même nom* : *le libéralisme*. *La liberté économique*, *c'est-à-dire celle du travail et des échanges*, *fut élevée au même rang que la liberté de conscience ou la liberté de la presse*. – «Приблизительно в эту же эпоху (между 1830 и 1850 гг.) произошло то, что можно было бы назвать объединение свободы политической и экономической, которые от-

ныне сливались в одну веру и носили одно название: либерализм. Экономическая свобода, то есть свободный труд и свободный обмен, были возведены на ту же высоту, что и свобода совести или печати» [Gide et Rist, Hist. des doctrines économiques…, p. 382. Цит. по 14]. В последнее десятилетие XX в. данное значение лексемы соответствует доктрине и системе финансового капитализма, при этом оттенок чрезмерности выражается приставками néo- и ultra- [16]. Следует отметить, что некоторые словари ставят данное значение идеологемы на первое место [12].

Последнее, но не менее важное, чем первые два, значение идеологемы *libéralisme* – «уважительное отношение к независимости другого (человека), толерантность по отношению к его взглядам» [14; 15]; «понимание, которое приводит к толерантности» [13]. Словари весьма лаконичны в раскрытии этого значения идеологемы, приводя в качестве синонима идеологему *толерантность*, а в качестве антонимов – *фанатизм* и *сектантство* [12; 14], *непримиримость* и *авторитаризм* [13]; лишь один из них приводит примеры употребления лексемы в данном значении: *faire preuve de libéralisme dans ses opinions* – высказывать либеральные взгляды; «*Nous entrons dans une époque où le libéralisme va devenir la plus suspecte et la plus impraticable des vertus* – «*Мы входим в такую эпоху*, *где либерализм станет наиболее подозрительной и наименее исполнимой добродетелью*» [Journal Gallimard. Цит. по 13]; « *Une mouche m'agace*, *je la tue* : *on tue ce qui vous agace*. *Si je n'avais pas tué la mouche*, *c'eût été par pur libéralisme* : *je suis libéral pour ne pas être un assassin*» – «*Если мне досаждает муха*, *я убиваю ее*: *уничтожаешь то*, *что тебя раздражает*. *Если бы я не убил муху*, *это был бы либерализм*; *я становлюсь либералом*, *чтобы не стать убийцей*» [R. Barthes, Roland Barthes, p. 121. Цит. по 13].

К третьему значению французской идеологемы примыкает еще одно значение, приведенное в словарях [12; 13]: в протестантской религии – эквивалент католического модернизма. В свою очередь, это значение близко к уже устаревшему [13]: независимость сознания, в частности, от религиозных догм: *La prière est morte sur les lèvres de ce vieux libéralisme du dix-huitième siècle*, *qui n'avait lui-même rien de vivant que sa haine froide contre les choses de l'âme* [LAMART., *Voy*. *Orient*, t. 1, 1835, p. 37. Цит. по 13].

Анализ трех значений французской идеологемы *libéralisme* выявил синонимические и антонимические ряды, в которые входит идеологема в каждом из них: *capitalisme-individualisme / collectivisme-communisme-dirigisme-étatisme-socialisme* с одной стороны, и *tolérance/ absolutisme- autocratie-autoritarisme-caporalisme-césarisme-despotisme*, с другой. Учитывая отрицательную коннотацию, присущую идеологемам-антонимам во французской лингвокультуре, можно сделать вывод о скорее положительной коннотации французской идеологемы, что подтверждается положительной коннотацией как ее политического значения, рожденного в эпоху Просвещения, так и ее синонимом – идеологемой *толерантность*, которой также присуща положительная коннотация во французской лингвокультуре.

Русская идеологема *либерализм* произошла от французской в начале XIX в. [3]. Ее первоначальное значение, по мнению одних словарей, ныне устаревшее

[3; 8], а по мнению других [4] – последнее значение: «свободомыслие», «вольнодумство». Словарь приводит интересный пример употребления данной лексемы: «*Слово «либерализм» в это время только что начало входить в употребление. Что значило оно? В настоящем смысле щедрость; только оно проистекало от другого слова: liberté, то есть свобода*» [Вигель Записки. Цит. по 3]. Здесь речь идет не только о происхождении русской лексемы, но и о значении первоисточника ее французского аналога, деривата от имени прилагательного *libéral*, первым значением которого было «щедрый».

Итак, русская идеологема в начале своего существования является синонимом лексем *свободомыслие* и *вольномыслие*. Все три синонима имеют положительную коннотацию.

Основным актуальным значением русской идеологемы является «общественно-политическое течение, объединяющее сторонников парламентаризма, правовых свобод и свободного предпринимательства» [4]. Похожие определения содержатся и в других словарях: «**идеологическое и политическое течение**, **объединяющее сторонников демократических свобод и свободного предпринимательства**» [7; 9]; «идеологическое и общественно-политическое течение, объединяющее сторонников парламентского строя, широких политических свобод и частного предпринимательства» [2]; «**идеологическое и политическое течение**, **объединяющее сторонников парламентского строя и демократических свобод»** [6]. Некоторые постсоветские словари воспроизводят проникнутое духом идеологии марксизма, свойственной советской эпохе, понимание *либерализма*: «**буржуазное политическое и идеологическое течение**, **отстаивающее свободу предпринимательства**, **буржуазно-парламентский строй и буржуазную демократию**: **либерализм получил наибольшее развитие в капиталистических странах в XIX в.**; **в эпоху империализма *либерализм* переживает кризис»** [8]; «политическое направление, отстаивавшее свободу и права буржуазии в эпоху буржуазных революций и ставшее реакционным с установлением ее политического господства и с развитием революционной борьбы пролетариата» [3].

Практически все современные словари констатируют второе значение идеологемы *либерализм*: «излишняя терпимость, снисходительность, вредное попустительство» [2; 3; 7; 8; 9]. Итак, *либерализм* в постсоветскую эпоху – это «снисходительность к кому-, чему-л., приводящие порой к попустительству чего-л. предосудительного, достойного порицания» [2]. Словари приводят примеры подобной снисходительности: «*либерализм* в оценке знаний» [9]; «проявлять ненужный *либерализм* в отношении к бездельникам» [7]; «не допускать *либерализма* по отношению к преступникам»; «*либерализм* в воспитании иногда вредно сказывается на характере человека» [2]. Таким образом, идеологема либерализм во втором своем значении встраивается в следующий синонимический ряд [1; 10]: *нетребовательность*, *невзыскательность*, *мягкость*, *снисхождение*, *попустительство*, *снисходительность*, *толерантность*, *либерализм*, *потакание*, *терпимость*. Практически все синонимы имеют отрицательную коннотацию.

Наш вывод об актуальной отрицательной коннотации русской идеологемы *либерализм* совпадает с результатом анализа употребления этой идеологемы в политическом дискурсе [5].

Таким образом, сопоставив значения французской и русской идеологем, приходим к следующим выводам: 1) французская идеологема имеет более структурированную систему значений (например, различаются политический и экономический либерализм, в то время как в русской идеологеме такое различие не наблюдается); 2) французская идеологема, в отличие от русской, обладает более развитой антонимией, в то время как русская идеологема входит в более развитый синонимический ряд; 3) французская идеологема, в отличие от русской, благодаря совпадению знаков коннотаций в первоначальном и последнем значении, является положительно окрашенной. Русская же идеологема, изначально окрашенная положительно, благодаря архаизации данного значения и развитию нового, утрачивает положительную коннотацию и приобретает отрицательную окраску.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. – 13-е изд., стер. – М.: Русский язык – Медиа, 2005. – 568 с.

2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.

3. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс]. – Москва, 2010. – Режим доступа: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm

4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.

5. Каблуков Е. В. Идеологема «либерализм» в современном российском проправительственном медиадискурсе // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 14–15 апреля 2016 года. – Екатеринбург, 2016. – С. 209–212.

6. Комлев Н. Г.Словарь иностранных слов. – М.: Эксмо-Пресс, 1999. – 672 с.

7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. Изд. 2-е, доп. – М.: Русский язык, 2000. – 856 с.

8. Новый словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18 изд., стер. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с.

10. Тришин В. Н Словарь синонимов ASIS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // dic.academic.ru

11. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 256 с.

12. Dictionnaires de français Larousse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/lib%c3%a9ral/46971?q=lib%c3%a9ral#46891

13. Encyclopédie Universelle. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// encyclopedie_universelle.fracademic.com/

14. Le Grand Robert de la langue française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lerobert.com/grands-dictionnaires.html

15. Le Petit Robert de la langue française [Электронный ресурс].– 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

16. Rey A. et d'autres. Le dictionnaire hitorique de la langue française. – P.: Le Robert, 2010. – 2614 p.

REFERENCES

1. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskiy spravochnik. – 13-e izd., ster. – M.: Russkiy yazyk – Media, 2005. – 568 s. [in Russian]

2. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / Gl. red. S. A. Kuznetsov. – SPb.: Norint, 2001. – 1536 s. [in Russian]

3. Epishkin N. I. Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. – M., 2010. – Rezhim dostupa: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm [in Russian]

4. Efremova T. F. Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. – M.: Russkiy yazyk, 2000. – 1233 s. [in Russian]

5. Kablukov E. V. Ideologema «liberalizm» v sovremennom rossiyskom propravitel'stvennom mediadiskurse // Zhurnalistika tsifrovoy epokhi: kak menyaetsya professiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Ekaterinburg, 14–15 aprelya 2016. – Ekaterinburg, 2016. – S. 209–212. [in Russian]

6. Komlev N. G. Slovar' inostrannykh slov. – M.: Eksmo-Press, 1999. – 672 s. [in Russian]

7. Krysin L. P. Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov. Izd. 2-e, dop. – M.: Russkiy yazyk, 2000. – 856 s. [in Russian]

8. Novyy slovar' inostrannykh slov [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http: // http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ [in Russian]

9. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / Pod red. chl.-korr. AN SSSR N. Yu. Shvedovoy. – 18 izd., ster. – M.: Russkiy yazyk, 1987. – 797 s. [in Russian]

10. Trishin V. N Slovar' sinonimov ASIS [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http: // dic.academic.ru [in Russian]

11. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. – M.: Flinta: Nauka, 2007. – 256 s. [in Russian]

12. Dictionnaires de français Larousse [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/lib%c3%a9ral/46971?q=lib%c3%a9ral#46891

13. Encyclopédie Universelle [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http:// encyclopedie_universelle.fracademic.com/

14. Le Grand Robert de la langue française [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http:// www.lerobert.com/grands-dictionnaires.html

15. Le Petit Robert de la langue française [Elektronnyy resurs]. – 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).

16. Rey A. et d'autres.Le dictionnaire hitorique de la langue française. – P .: Le Robert, 2010. – 2614 p.

УДК 811.161.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ *ПУТЬ*

Ольховская Александра Игоревна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, *Москва*, *Россия*, *aleksandra_olhovskaya@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается лексема *путь* как носитель специфически русского мировоззрения. Автор уделяет внимание концептуально-символическому сопоставлению синонимов *путь – дорога*, а также анализу дериватов со значением оценки человека и его деятельности.

Ключевые слова: лингвокультурология; картина мира; концепт пути; концепт дороги; эпидигматика.

WORD *ПУТЬ* IN TERMS OF CULTURAL LINGUISTICS

Olkhovskaya Aleksandra Igorevna

Pushkin State Russian Language Institute, *Moscow*, *Russia*

Abstract. The article deals with the word *путь* as exponent of a specifically Russian world outlook. Much attention is given to a conceptual and symbolical comparison of synonyms *путь – дорога* and an analysis of derivatives designating the assessment of the person and his activity.

Keywords: cultural linguistics; worldview, concept of way; concept of road; family of words.

Наряду со ставшими сегодня хрестоматийными «сугубо русскими» единицами вроде *душа*, *воля*, *авось*, *небось*, *справедливость*, *истина* и т. д. смысловой насыщенностью и энергетической напряжённостью русского мировоззрения обладает, как кажется, лексема *путь*. В рамках настоящей статьи лингвокультурное своеобразие указанной лексической единицы высвечивается, во-первых, на основе её сопоставления с синонимом *дорога*, во-вторых, посредством анализа её словообразовательного окружения (эпидигматики).

Что касается соотношения слов *путь* и *дорога*, то их семантические структуры, согласно данным словарей, демонстрируют высокую степень аналогии. Ср.: ‘полоса земли, предназначенная для передвижения’ (*шоссейная дорога*; *каменистый путь*) → ‘место, по которому происходит передвижение’ (*Уйди с дороги*!; *Не стой на пути*!) → ‘путешествие, поездка’ (*отдохнуть после дороги*; *простудиться в пути*) → ‘направление, маршрут передвижения’ (*показать дорогу куда-л.*; *сбиться с пути*) → ‘расстояние, которое преодолевается при передвижении’ (*короткая дорога*; *сократить путь*) → ‘доступ к чему-л.’ (*В это общество ему нет дороги*; *Музыка легко находит путь к сердцу*) →

‘направление деятельности, путь развития’ (*найти свою дорогу в жизни*; *творческий путь композитора*) → ‘средство, способ достижения какой-л. цели’ (*верная дорога к благосостоянию*; *достигнуть чего-л. мирным путём*).

Именно благодаря столь существенным смысловым пересечениям возможны синонимически-усилительные повторы вроде *путь-дорога*, а также фразеологически связанные недифференцированные употребления, напр., *кому-л.* (*не*) *по дороге* / *по пути*; *стоять на чьей-л. дороге* / *на чьём-л. пути*, *стоять поперёк дороги* / *пути*; *чьи-л. дороги* / *пути разошлись*; *идти своей дорогой* / *своим путём*; *встать на какую-л. дорогу* / *на какой-л. путь*; *прокладывать дорогу* / *путь* и нек. др.

Между тем аналогичность семантики слов *дорога* и *путь* не получает значения тождества. Это проявляется, во-первых, в неполном совпадении семантических структур (ср., *железная дорога*, но не *путь*; *лунная дорога на ночном море*, но не *путь*; *торговый путь*, но не *дорога*; *дыхательные пути*, но не *дороги*; *завершить жизненный путь*, но не *дорогу* и др.), а во-вторых, и это самое важное, в неодинаковой культурно-символической концептуализации.

Вообще говоря, и *путь*, и *дорога* в символическом ключе осмысляются как жизненный курс, маршрут, идейный и идеологический ориентир личности, однако степень и, если можно так выразиться, накал этого осмысления оказываются различными. Так, путь – это в большей степени человеческая стезя, чем дорога. Об этом говорит, например, выделение у слова *путь* в некоторых словарях не просто чрезвычайно широкого и неопределённого значения ‘направление развития чего-л.’, а конкретизированного значения ‘жизнь человека’. Ср., напр., «4) * Иногда берётся за жизнь, или дѣла и намѣренїя человѣческїя. *Вся пути моя провидѣлъ еси*. Псал. CXXXVIII. 3. *Вѣсть Господь пути непорочныхъ*. Псал. XXXVI. 18. *Тебя Зиждитель сохранитъ Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну*. Лом.» [6, с. 1211]; «11. Жизнь человека, её течение. *Оглянуться на пройденный п*. *Завершить свой жизненный п*. *Тернистый п*.; *бесславный*, *славный п*. (*высок*.)» [1, с. 1049]; «1.5. *перен*., *с оттенком книжн*. Жизнь человека, её течение и развитие от начала к концу, от этапа к этапу. *Славный п*. *Оглянуться на пройденный п*. *кого-л*. *П*. *жизни кого-л*. *На её долгом жизненном пути всякое случалось*» [7, с. 962].

Как видно из приведённых словарных фрагментов, для слова *путь* характерны обобщённо-абстрактные употребления, в которых жизнь человека предстаёт как целостное и качественно определённое явление. Такого рода употребления совершенно не свойственны слову *дорога*, которая в метафорическом ключе осмысляется как направление жизненного развития, ср. *найти свою дорогу в жизни*. Поэтому, вообще говоря, можно пройти свой путь по «неправильной» дороге (напр., *Он оглянулся на пройденный путь и понял*, *что выбрал не ту дорогу*).

В энциклопедии «Культурология. XX век» слово *путь* комментируется следующим образом: «мифологема движения, пространственно-временной ориентации и цели; аспект смысла жизни и вектор истории; универсалия научного и художественного познания и культурного творчества» [4]. *Путь*, таким

образом, претендует не только на символический субститут протяжённого во времени существования чего-л., но и аспект смысла жизни, что вряд ли можно сказать о *дороге*, которая, вероятно, развивает соответствующее метафорическое значение благодаря действию языковых механизмов аналогии, т. е. калькирования семантической структуры синонимического слова (ср. закон иррадиации синонимов, описанный в [8]).

Анализ контекстов употребления обеих лексем делает, по-видимому, небессмысленным предположение, согласно которому слова *дорога – путь* образуют аксиологически поляризованную пару на шкале «высокое – низкое» в насквозь раздвоенной христианским мировоззрением русской картине мира (ср. размышления о парах *радость – удовольствие*, *благо – добро*, *долг – обязанность* в [2]). При этом очевидно, что *дорога* представляет собой «приземлённую плоскость» в противовес высокому *пути*, ср. *проводить в последний путь*, *Пути Господни неисповедимы*; *праведный* (*правый*) *путь*, *духовный путь*, *наставить* (*обратить*) *кого-л. на путь истины / на истинный путь*; *сбиться* (*совратиться*) *с истинного пути*, *крестный путь*, *путь на Голгофу*, ср. также христианские контексты употребления: «Пути Твоя, Господи, скажи ми, и стезям Твоим научи мя»; «Благ и прав Господь, сего ради законоположит согрешающым на пути»; «Наставит кроткия на суд, научит кроткия путем Своим»; «Вси путие Господни милость и истина, взыскающым завета Его, и свидения Его» (Пс. 24); «Настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истине Твоей; да возвеселится сердце мое боятися имене Твоего» (Пс. 85).

С другой стороны, язык даёт в распоряжение обилие выражений, в которых слово *дорога*, осмысленное как жизненный путь, выступает в экспрессивно-неодобрительном ключе: *встать на кривую дорожку*; *встретиться на узкой дорожке*; *перейти кому-л. дорогу*; *Туда ему и дорога*; *Скатертью дорога*; *избитая дорога*; *проторённая дорога*; *одна дорога* [*осталась кому-л.*]. Кроме того, многочисленные культурно-ориентированные прочтения дороги лежат, как правило, в бытовой области народных примет и суеверий, напр., *присесть на дорожку*, *выпить на дорожку*, *чёрная кошка дорогу перебежала*. Дорога тем самым, в отличие от «духовного» пути, всецело погружена в бытовой контекст.

Другим немаловажным и на этот раз абсолютно семантическим различием между рассматриваемыми словами является «активность» пути в противовес общей «пассивности» дороги. Дело в том, что дорога воспринимается преимущественно как поверхность, по которой осуществляется движение, а путь – как движение, перемещение по этой поверхности. Так, словосочетание *конец пути* без всяких пояснений, скорее всего, будет истолковано как прекращение движения, а *конец дороги* – как окончание дорожной полосы, напр., *Помню древние ворота И конец пути – Там со мною шедший кто-то Мне сказал*: «*Прости…*» (А. А. Ахматова. Чёрная вилась дорога); *Где ж конец дороги*? *За верстой последней*, *Омывая берег у скалы соседней*, *Под лучами солнца*, *в блеске с небом споря*, *Плещется и бьётся золотое море* (А. Н. Апухтин. Божий мир) Из этого вытекает деятельностная трактовка пути: путь – это в первую очередь

события, происходящие при перемещении, усилия, затраченные путником в дороге, принятые им решения и мн. др. Такое осмысление пути закономерным образом сближает его с жизнью, наполненной разного рода событиями и требующей личностных усилий.

Причины такого смыслового распределения очевидным образом кроются во внутренней форме рассматриваемых слов. М. Фасмер возводит слово *дорога* к и.-е. корню *dorgh-, связанному с *дёргать* (продранное в лесу место) [8, с. 530]. П. Я. Черных высказывается на этот счёт аккуратнее, однако в конечном счёте предлагает аналогичную интерпретацию: «В этимологическом отношении слово не вполне ясное. Связывают – на славянской почве – с о.-с. *dъrgati – «дёргать», «тащить к себе рывками», «рвать», выдвигая то заслуживающее внимания соображение, что *дорогой* (о.-с. *dorga) первоначально мог быть назван, напр., волок или лесная тропа, проход, выкорчеванный в лесу» [10, с. 263]. Источником современного слова *путь*, по свидетельству П. Я. Черныха, является и.-е. корень *pent- (: *pont-?): pont(h)ā-: $pn_{o}t(h)ə$- – «ступать», «идти», «дорога» [10, с. 85]. Интересно указание М. Фасмера (с отсылкой к работам Э. Бенвениста) на наличие в древнем значении корня *pont- смыслового элемента «преодоление; дорога, изобилующая опасностями» [9, с. 413]. Сходное замечание находим у В.В. Колесова: «По общему смыслу слова *путь* в древности это было нечто, что можно связать и с дорогой (у славян и балтов), и с морем (у греков), и с мостом (у римлян), и с бродом (у армян). Принимая во внимание такой разброс со-значений в древнейшем слове, учёные пришли к выводу, что со словом *путь* связано обозначение не просто пространства, но ещё и некоего труда, необходимого для преодоления такого пространства, и опасности движения по нему» [3, с. 265–266].

Приведённые этимологические справки подтверждают предположение о различных смысловых акцентах рассматриваемых слов: *дорога* первоначально есть расчищенное место для перемещения, а *путь* – само перемещение, причём наполненное если не опасностями и неожиданностями, то как минимум какими-либо событиями. Иными словами, *дорога* – это ГДЕ я иду, а *путь* – это КОГДА И КАК я иду, а также ЧТО Я ДЕЛАЮ и ЧТО СЛУЧАЕТСЯ, КОГДА я иду.

Таким образом, основное семантическое отличие слова *путь* от синонимического слова *дорога* состоит, во-первых, в принадлежности первого к сфере возвышенных, духовных, даже божественно-христианских категорий, а во-вторых, в наличии у него имплицитной семы ‘активная деятельность’, которая осмысляется обычно как жизнетворчество и личностное вмешательство в происходящее.

Обратимся теперь к рассмотрению эпидигматики лексемы *путь*. В словообразовательном ключе обращает на себя внимание тот факт, что многие её дериваты – в отличие, кстати говоря, от дериватов слова *дорога* – связаны с характеристикой личностных качеств человека или его поступков и тем самым моделируют поистине антропоцентрическую сферу языковых оценок. Так, например, о человеке (а также метонимически – о его жизни и судьбе) можно

сказать *непутёвый*, *непутный*, *беспутный*, *беспутый*, имея в виду целый комплекс отрицательных черт: неприспособленность к жизни, непрагматичность, неделовитость, безответственность, иногда бытие за рамками закона и даже просто бесполезность. Концепт беспутства часто соседствует с концептами пьянства, безделья и распутства, ср. «Она у меня непутёвая была – её потом устроили работать продавщицей мороженого с лотка, а она в первый же вечер напилась, и раздала всё бесплатно, и уснула прямо около своего рабочего места» (М. Шишкин. Венерин волос); «В эту серую морозь и слизь Мне приснилось рязанское небо И моя непутёвая жизнь. Много женщин меня любило, Да и сам я любил не одну, Не от этого ль тёмная сила Приучила меня к вину» (С. Есенин. Я усталым таким еще не был...); «Весь мир делила на «путёвых» и «непутёвых». Непутёвыми называла бездельников и пьяниц» (Г. Жженов. Прожитое).

При этом нельзя говорить о радикально отрицательной оценке непутёвости в русской языковой картине мира. Непутёвость, например, вовсе не означает отсутствие ума и таланта, она, скорее, предполагает неумение и нежелание воспользоваться ими в практических целях, напр., «..дочь будет исправно звонить мне два раза в неделю и рассказывать о похождениях своего непутёвого, но неизменно гениального мужа» (М. Голованивская. Я люблю тебя); «Первого представителя этой труппы московских беспутных и подчас почти гениальных клоунов я встретил году в 71-м..» (Н. Климонтович. Далее – везде). Учитывая русское осуждение излишнего прагматизма, меркантильности и мелочности, непутёвость может выступать в оправдательно-положительном ключе.

Непутёвый человек, в частности, как раз благодаря нежеланию строить карьеру часто характеризуется добротой и честностью, ср. «Сын её был тогда уже гимназистом четвёртого класса, добрейшим мальчиком, но очень беспутным и неуравновешенным» (Г. А. Газданов. Вечер у Клэр); «Да ничего подобного, смешной очень человек, непутёвый, не великого ума, просто – добрый» (А. Найман. Любовный интерес); «Он просто непутёвый, и всё. Зато в нём совершенно нет лицемерия» (С. Таранов. Мстители), а также ввиду необременённости житейскими заботами весёлостью и некоторой лихостью, напр., *беспутные забавы*, *беспутная юность*, *беспутная богемная жизнь*, ср. «Станиславский вспоминает, как однажды к нему в уборную зашёл один очень близкий ему человек, очень жизнерадостный, хотя и слегка беспутный» (Р. Киреев. Чехов. Посещение Бога); «Но Венька и тогда ухитрялся кружить головы одноклассницам, внушая каждой соблазняемой, что это раньше он жил «и беспутно, и лихо», но встреча с ней рассеяла мрак и он готов креститься, в смысле, жениться» (Е. Козырева. Дамская охота).

Человека ответственного и разумного, напротив, назовут *путным* или *путёвым*, напр., «..мужчины задерживали на ней алчущие взоры. И путёвые мужики, с хорошими перспективами в дальнейшей жизни» (В. Астафьев. Пролётный гусь); «Путёвые люди – это прежде всего работящие люди, труженики» (Г. Жженов. Прожитое), а соответствие норме в разговорной речи обозначается наречием *путём*, напр., «Во взгляде у Прохорова: «Ну как?» У Гуревича: «Все путём»» (В. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора).

Интересно смысловое распределение внутри, казалось бы, абсолютно синонимической пары *путёвый* и *путный*. Если первая единица характеризует обычно человека в целом, то вторая осмысляется обезличенно, через оценку поведенческой, интеллектуальной и речевой деятельности, напр., «И скрытая обида просквозила в голосе Данилы: ни профессии у него нет, ни образования путного, одни мечты и надежды» (В. Астафьев. Пролётный гусь); «После чего в Москву пришла телеграмма, извещающая о том, что финдиректор Варьете оказался в состоянии невменяемости, что на вопросы он путных ответов не даёт или не желает давать...» (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита). Важность и употребительность слова *путный* в отвлечённо-оценочном ключе приводит к возникновению субстантивированной единицы *путное* со значением ‘нечто дельное, разумное, толковое’, ср. «Я ведь даже повесть хотел, Жора, о тебе написать, несколько раз садился, брал тетрадку, исписывал несколько страниц, но только что-то ничего путного у меня не выходило» (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных людей).

В связи со сказанным было бы весьма соблазнительно предположить, что русский язык позволяет оценивать личность и её поведение с точки зрения наличия или отсутствия у неё жизненного пути, избранного направления деятельности, и противопоставить его «насквозь рационализаторским» западноевропейским языкам, в которых смысл ‘непутёвый’ выражается единицами со значением ‘бесполезный’ (ср. рус. *бестолковый*), напр., англ. *useless*; нем. *nichtsnutzig*, или ‘беспорядочный’, ‘свободный’, напр., франц. *désordonné*, *libertin*, исп. *desordenado*, *libertino*, а смысл ‘путёвый’ – единицами со значением ‘разумный’, ‘пригодный’ англ. *sensible*, нем. *tauglich*, франц. *sensé*, исп. *sensato*.

Однако, по-видимому, для подобных выводов нет объективных оснований. Дело в том, что в просторечии русское слово *путь* в недалёком прошлом имело значение ‘толк, польза’, ср. «5) * Въ просторѣчїи: польза, успѣхъ. *Ему ничего въ путь нейдетъ*. *Затѣялъ дѣло*: *будетъ ли только путь*? 6) * Прокъ; способность къ чему. *Въ семъ юношѣ будетъ путь*, *не будетъ пути*» [6, с. 1212]; «7. Разг. устар. Польза, прок, толк. – *Слушай*, *брат*, *Андрей Гаврилович*: *коли в твоем Володьке будет путь*, *так отдам за него Машу*. Пушкин, Дубровский» [7, с. 1080], ср. также просторечное выражение *Без пути* в значении ‘напрасно, без цели, без результата’. Если это так, основания номинации, лёгшие в основу слов вроде *путный* и *непутёвый*, совпадают с основаниями, лёгшими в основу соответствующих западноевропейских слов.

Тем не менее народно-разговорное сближение в русском языке смысловых квантов ‘толк, польза’ и ‘путь’, которое не наблюдается ни в одном другом из известных нам языков, не может не обратить на себя внимание. По-видимому, данный семантический переход обусловлен тем, что достижение пространственной цели возможно лишь при условии знания точного пути к ней, в то время как его незнание влечёт за собой бессмысленные блуждания по необъятным родным просторам, не всегда снабжённым дорогами. Следовательно, смысловой переход от пути к толку (и, соответственно, от беспутья к бестол-

ковости) может быть смоделирован таким образом: знание пути → достижение цели → польза, толк; незнание пути → безрезультатность → бесполезность, бестолковость => путь ≈ толк, польза; беспутье ≈ бестолковость, бесполезность.

Сходную семантическую конфигурацию заключают в себе слова *распутный*, *распутство*, *распутник*, *распутница*. Лексема *распутный* демонстрирует интересный случай переосмысления внутренней формы в наивном метаязыковом сознании носителей языка. Будучи первоначально «контаминацией *распустный* ‘разведённый’ (от распустить «позволить разойтись, развестись») и *беспутный* ‘легкомысленный’» [11] (аналогичное замечание находим в [12, с. 175–177]), она постепенно сближается с единицей *путь*, причём так, что мыслится теперь как её производное. В связи с этим испорченность нравов и аморальность (*распутство*) предстаёт как своего рода блуждание (ср. *блуд*, *блудить*) по нескольким дорогам одновременно или даже по бездорожью в разных направлениях. В отличие от прилагательного *распутный* его синоним *развратный*, по-видимому, изначально связан с идеей отсутствия единого направления, бесконечного вращения в разные стороны, которое не приводит ни к какому результату и потому бестолково.

Среди других дериватов, подчёркивающих метафорическое значение слова *путь*, можно отметить слова *путёвка* (*путёвка в жизнь*), *напутствие* (*напутствие перед экзаменом*), *напутственный* (*напутственное слово*, *напутственные советы*), *напутствовать* (*напутствовать перед ответственным делом*), *перепутье* (*быть на перепутье*), распутье (*быть на распутье*), *спутник* (*спутник жизни*), *спутница*, *сопутствовать* (*сопутствовать в благих начинаниях*), *путеводитель* (*путеводитель по миру сказок*, *Честность – его путеводитель по жизни*), *путеводный* (*путеводная звезда* – изначально в рождественской фабуле Евангелия, *путеводная нить*).

Любопытно мерцание идеи пути в антропонимах, особенно тех, которые занимают ключевые позиции в истории России. Я имею в виду, в частности, весьма неоднозначное прочтение полумифической фигуры Григория Распутина, ср. «По законам жанра авторы мультфильма напустили на девушку коварного и страшного Григория Распутина, который изо всех сил старается уничтожить царскую семью и вместе с ней всю Россию» (В. Казаков. Целлулоидные куклы), и противоположную ему и в целом положительную интерпретацию образа Владимира Путина, ср. хотя бы название общественной организации «Путин – наш путь!». Особенно интересно здесь сближение фигуры президента с идеей обретения Россией истинного пути, с которого она сбилась ввиду ряда исторических событий. Однако это, разумеется, предмет отдельного ономастического исследования.

Таким образом, лексема *путь*, хотя и не относится к безэквивалентной и труднопереводимой лексике русского языка, оказывается важной в лингвокультурном отношении. Она, в частности, обслуживает представление о высоком, духовно-идеологическом аспекте жизненного пути человека, а также заключает в себе идею толка, пользы, целесообразности и моделирует в языке сферы положительной и отрицательной оценки человека и его деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.

2. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

3. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.

4. Культурология. XX век. Энциклопедия. / Гл. ред. С. Я. Левит. В 2-х.т. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_ culture/603/ПУТЬ.

5. Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. – М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.

6. Словарь Академии Российской 1789–1794: Т.1–6. – М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.

7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова (СУ). – М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1939.

8. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – 1970. – Вып. 5. – С. 250–299.

9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – М.: Прогресс, 1986–1987.

10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1–2. – М.: Рус. яз., 1993.

11. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. – М.: Дрофа, 2000. – 400 с.

12. Шмелёв Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 248 с.

REFERENCES

1. BTS – Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. – SPb.: «Norint», 1998. – 1536 s. [in Russian]

2. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: Sb. st. – M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. – 544 s. [in Russian]

3. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. – 624 s. [in Russian]

4. Kul'turologiya. XX vek. Entsiklopediya. / Gl. red. S. Ya. Levit. V 2-kh.t. – SPb.: Universitetskaya kniga; OOO "Aleteyya", 1998. – URL: http://dic.academic.ru/ dic.nsf/ enc_culture/603/PUT". [in Russian]

5. Morkovkin V. V., Bogacheva G. F., Lutskaya N. M. Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka / Pod red. V. V. Morkovkina. – M.: Slovari XXI veka; AST-PRESS ShKOLA, 2016. – 1456 s. [in Russian]

6. Slovar' Akademii Rossiyskoy 1789–1794: T.1–6. – M.: MGI im. E. R. Dashkovoy, 2001–2006. [in Russian]

7. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. – M.: Gos. in-t «Sovetskaya entsiklopediya»; Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey, 1935–1939. [in Russian]

8. Ul'man S. Semanticheskie universalii // Novoe v lingvistike. – 1970. – Vyp. 5. – S. 250–299. [in Russian]

9. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.: per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva / pod red. i s predisl. B. A. Larina. – M.: Progress, 1986–1987. [in Russian]

10. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. T. 1–2. – M.: Rus. yaz., 1993. [in Russian]

11. Shanskiy N. M., Bobrova T. A. Shkol'nyy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov. – M.: Drofa, 2000. – 400 s. [in Russian]

12. Shmelev D. N. Ocherki po semasiologii russkogo yazyka. – M.: Izd-vo LKI, 2008. – 248 s. [in Russian]

УДК 801.73

ОБРАЗЫ ЛЮБВИ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР

Отургашева Наталья Вадимовна

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, *Новосибирск*, *Россия*, *vialuna@list.ru*

Аннотация. Образы любви – вечная тема искусства – существуют в мировой литературе как самые яркие проявления человеческого духа и выражают не только универсальное значение любви для человечества, но и специфические особенности ее переживания в разных национальных системах координат. В статье представлен анализ результатов студенческого опроса, посвященного литературным героям. Автор полагает, что в силу литературоцентричности русской культуры именно литературные персонажи зачастую репрезентируют смыслы, наиболее актуальные и значимые для коллективного сознания этноса. Задача настоящей статьи – анализ полученных результатов в контексте размышлений о содержании национальной персоносферы и уточнение восприятия художественного образа любви молодыми читателями русской литературы.

Ключевые слова: национальная персоносфера; литературный персонаж; художественный образ.

IMAGES OF LOVE AT THE CROSSROADS OF CULTURES

Oturgasheva Natalya Vadimovna

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of People's Economy and Public Administration by RF President, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. Images of love – the eternal theme of art exist in the world literature as the most vivid manifestations of the human spirit and express not only the universal importance of love for humanity, but also specific features of its experiences in dif-

ferent national coordinate systems. The article presents an analysis of the student survey results, dedicated to literary heroes. The author believes that, by virtue literaturotsentrichnosti Russian culture is literary characters often represent meanings, the most relevant and significant for the collective consciousness of the ethnic group. The objective of this article – the analysis of the results obtained in the context of thinking about the content of the national personosphere and clarify the perception of the artistic image of love young readers of Russian literature.

Keywords: national personosphere; literary character; artistic image.

Образы любви – вечная тема искусства – существуют в мировой литературе как самые яркие проявления человеческого духа и выражают не только универсальное значение любви для человечества, но и специфические особенности ее переживания в разных национальных системах координат. Герои литературы, созданные писателями разных стран, отражают черты менталитета, коммуникативные модели, этические абсолюты, социальные предпочтения национального сообщества и, конечно, особое понимание любви, для него характерное. Наряду с реальными историческими личностями, фольклорными и библейскими персонажами, герои художественных произведений являются представителями национальной персоносферы – «персонифицированного духа нации» – и «находят отклик в душах людей именно потому, что являются носителями «узнаваемых» большинством представителей этноса характерных индивидуальных признаков, неотделимых от концептуальной памяти нации» [5, с. 154].

Русская культура литературоцентрична, поэтому именно литературные персонажи зачастую репрезентируют смыслы, наиболее актуальные и значимые для коллективного сознания этноса. Принимая во внимание это предварительное обстоятельство, автор настоящей статьи предложил студентам опросный лист, где, среди прочих, значились следующие вопросы:

Назовите ваших любимых литературных героев и те качества, *которые вы особенно в них цените*.

Какой образ в искусстве / литературе является для вас символом настоящей любви? *Какие качества героя дают вам основание это утверждать*?

Кроме того, респонденты должны были выбрать из нескольких высказываний о России, принадлежащих русским писателям, поэтам и мыслителям (от А. С. Пушкина и П. Чаадаева до Е. Евтушенко), такие, которые совпадают с их восприятием Родины.

Результаты опроса представлены в таблицах № 1 и № 2 с указанием количества ответов в процентном соотношении к числу всех респондентов. В тексте эти данные, при необходимости, указываются в скобках.

Задача настоящей статьи – анализ полученных результатов в контексте размышлений о содержании национальной персоносферы и уточнение восприятия художественного образа любви молодыми читателями русской литературы.

Философ и культуролог Георгий Гачев, обсуждая в книге «Русский Эрос» национальные особенности человеческих взаимоотношений, проницательно

Таблица 1

Литературные герои, символизирующие настоящую любовь

№	Литературный персонаж	Кол-во ответов в %	Качества, отмеченные респондентами
1	Желтков «Гранатовый браслет» А.Н. Куприн	13	***преданность*** *своей любви*, *чистая*, ***бескорыстная любовь***, *способность ради любви на все*, ***умение любить без требования ответа***, ***искренняя любовь***, *упорство*, *надежда*, *честь*, *умение ждать*, *самоотверженность*;
2	Маргарита «Мастер и Маргарита» М. Булгаков	9	*умение любить* ***преданно***, ***верность***, ***любовь***, *упорство*; *готовность пойти на все ради своей любви*, *даже продать свою душу дьяволу*; *храбрость*, *искренность*, *целеустремленность*; ***жертвенность***,
3	Татьяна Ларина «Евгений Онегин» А.С. Пушкин	9	*Верность*, *искренность*, *чистая*, ***бескорыстная любовь***
4	Наташа Ростова «Война и мир» Л.Н. Толстой	5	*Простота*, ***искренность***, *честность*, *любовь к окружающему миру*; *любящая жена*, *мать*, *символ любви*; *целомудрие*, *вечная юность*; *никогда не скрывала своих чувств*,
5	Ромео и Джульетта	5	***преданность*** *друг другу*, *любовь вне запрета*, ***самопожертвование***; *реальная любовь*, *пренебрежение преградами и препятствиями*; ***искренность***.

Таблица 2

Любимые литературные персонажи

№	Любимые литературные персонажи	Кол-во ответов в %	Выделенные респондентами достоинства героя
1	Маргарита («Мастер и Маргарита» М. Булгаков)	14	*Умение* ***любить по-настоящему*** *5*, ***смелость 4***, ***способность к самопожертвованию 3***, ***верность*** *3*, *бесстрашие*, *искренность*, *целеустремленность*, *преданность чувствам*, *доброе сердце*
2	Наташа Ростова («Война и мир» Л. Н. Толстой)	11	***искренность 6***, ***доброта 4***, ***открытость 2***, *наивность*, *чистота*, *жизнелюбие*, *хорошее отношение к людям*, *ранимость*, *порядочность*, *делает*, *что хочет*,
3	Гарри Поттер (серия романов о Гарри Потере Дж.К. Роулинг)	11	***смелость 3***, *честность*, *готовность помочь*, *ум*, *умение учиться*; ***отвага***, ***храбрость***, ***мужество***, *преданность*; *вера в себя*; *целеустремленность*, *ценит дружбу*, *упорство*, *героизм*,

Окончание табл. 2

№	Любимые литературные персонажи	Кол-во ответов в %	Выделенные респондентами достоинства героя
4	Базаров («Отцы и дети» И.В. Тургенев)	9	*честность*, *мужество*, *храбрость*, *стремление к* ***знаниям***; ***противостояние обществу***; *непоколебимая вера в свои цели и идеалы*, ***умение отстаивать свою точку зрения***,
5	Евгений Онегин («Евгений Онегин» А.С. Пушкин)	9	*сдержанность*, ***ум 2***, ***умение учиться 2 и осознавать***; *целеустремленность*, *настойчивость*, *отрешенность от всего и всех*, *необычайность*.

заметил, что «русская любовь между мужчиной и женщиной – той же природы, что и любовь к родине», два этих чувства схожи между собой силой переживания и проникновенной трогательностью какой-то изначальной неосуществимости: «жизнь разводит влюбленных, как мосты над Невой, – верно, для того, чтобы усиливались духовные тяготения и чтобы стягивалась из конца в конец вся необъятная Русь перекрестными симпатиями рассеянных по ней существ» [2].

Обратим внимание: размышляя о России, студенты выбрали в качестве наиболее созвучных своему восприятию Родины те высказывания, в которых отражена идея невероятного, немыслимого напряжения сил – физических и душевных. Они представлены фрагментами из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»:

«*Да разве найдутся на свете такие огни*, *муки и такая сила*, *которая бы пересилила русскую силу*!» *Н. Гоголь*. «*Тарас Бульба*».

«*Бывали и в других землях товарищи*, *но таких*, *как в Русской земле*, *не было таких товарищей… Нет*, *братцы*, *так любить*, *как русская душа*, *– любить не то чтобы умом или чем другим*, *а всем*, *чем дал бог*, *что ни есть в тебе*, *а… Нет*, *так любить никто не может*». *Н. Гоголь* «*Тарас Бульба*».

Образ России ассоциируется для большинства респондентов с непреодолимостью «русской силы» и умением человека любить без оглядки, всей душой, беззаветно, «не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе». Именно такой силы чувство характеризует литературных персонажей, которые являются, по их мнению, символами настоящей любви: ими становились, чаще других, герои произведений А. Куприна «Гранатовый браслет», М. Булгакова «Мастер и Маргарита», А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Самым ценными и репрезентативными качествами этих персонажей студенты называют способность к самопожертвованию, бескорыстность и искренность, верность и преданность любящего сердца, способность любить вопреки сложившимся обстоятельствам. Такой взгляд вполне объясним, по мысли Г. Гачева, характером русской культуры: «в России легко дышится, и дух человека легко уносится ветром в даль; душа не чувствует себя очень уж привязанной к телу – отсюда и самоотверженность, готовность на жертвы, и не такая

уж обязательность телесных наслаждений, которые легко переключаются на радости более духовные» [2].

Присмотримся внимательно к литературным персонажам, отмеченным молодыми читателями в ответах: Маргарита, главная героиня романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», возглавила иерархию их любимых литературных героев и заняла второе место в списке персонажей, олицетворяющих для студентов чувство настоящей любви.

Маргарита – героиня с богатой предысторией, которая усиливает многозначность и антиномичность образа, насыщает его литературными аллюзиями и смысловыми обертонами и противоречиями. «*Она была красива и умна…ей нужен был он*, *мастер*, *а вовсе не готический особняк*, *и не отдельный сад*, *и не деньги*. *Она любила его*, *она говорила правду*» [1, с. 211–212][4]. Гимн любви – одна из самых сокровенных мелодий романа: «*Кто сказал тебе*, *что нет на свете настоящей*, *верной*, *вечной любви*? *… За мной*, *мой читатель*,*… и я покажу тебе такую любовь*». Маргарита – и олицетворение «вечной женственности», напоминающей нам об исканиях символистов, и реальная, полная чувственности натура, которую Мастер постоянно называет подругой, тайной женой, любовницей. В Маргарите уживаются черты обыкновенной, не слишком добродетельной женщины и возвышенные чувства милосердия, сострадания и верности: именно она вступается за Фриду на балу у Воланда и требует у него отпустить на покой душу Понтия Пилата.

Из этих противоречий соткан образ любящей и прошедшей через многие испытания женщины, способной ради любви на дерзкие, рискованные и отчаянные поступки. Маргарита изменяет мужу, как Эмма Бовари, но сохраняет верность Мастеру, даже потеряв надежду увидеть его, как Сольвейг; героиня Булгакова готова к самопожертвованию, как Гретхен в трагедии Гете, и в то же время, она деятельна, изобретательна и полна достоинства, как королева Марго у Дюма-отца: «*одна из французских королев*, *жившая в шестнадцатом веке*, *надо полагать*, *очень изумилась бы*, *если бы кто-нибудь сказал ей*, *что ее прелестную прапрапраправнучку я по прошествии многих лет буду вести под руку в Москве по бальным залам*».

Ее речевая характеристика выдает в ней женщину волевую, целеустремленную, откровенную, готовую отвечать за свои слова. Формулировки Маргариты кратки, определенны и отчетливы, они свидетельствуют об уме и способности анализировать происходящее. Странным и в то же время органичным образом сочетаются в приведенной ниже цитате антиномии *сила*, *мощь*, *твердая надежда* и *легкомысленный человек*.

– Нет, *– с* ***силой*** *ответила Маргарита*, *– я знаю*, *что с вами можно разговаривать только откровенно*, *и я откровенно вам скажу*: *я* ***легкомысленный человек***. *Я попросила вас за Фриду только потому*, *что имела неосторожность подать ей* ***твердую надежду***. *Она ждет*, *мессир*, *она верит в мою* ***мощь***. *И если она останется обманутой*, *я попаду в ужасное положение*. *Я не буду иметь покоя всю жизнь*. *Ничего не поделаешь*. *Так уж вышло* [1, с. 276–277].

[4] Далее текст цитируется по указанному изданию: см. список литературы.

Два последних предложения констатируют неизбежность происходящего, но за этой констатацией – неистребимая решимость Маргариты выполнить свое обещание, деятельная готовность – даже вопреки своему счастью – помочь Фриде.

Неисчерпаемость, амбивалентность образа Маргариты позволяют читателям воспринимать и актуализировать самые разные, зачастую противоположные грани ее характера: завтраки, приготовленные для Мастера в подвале, и полеты над ночной Москвой (*невидима и свободна*!), бесстрашие и трепетную нежность, греховность и жертвенность, разрушительную агрессию и деятельную всепоглощающую любовь. Среди богатой палитры красок образа Маргариты студенты выделили, прежде всего, умение *любить по-настоящему* (*5*), *смелость* (*4*), *способность к самопожертвованию* (*3*), *верность* (*3*).

Сложность и глубина образов романа М. Булгакова делают их органичной частью актуальной художественной культуры, склонной к эпатажу и парадоксу, и привлекают к ним внимание и любовь читателей.

Герой повести А. Н. Куприна «Гранатовый браслет», чиновник контрольной палаты Желтков, является читателю в фокусе напряженных размышлений о настоящей любви, как точка преломления различных взглядов на этику взаимоотношений мужчины и женщины, как ответ на поставленный генералом Аносовым вопрос: «*А где же любовь- то*? *Любовь бескорыстная*, *самоотверженная*, *не ждущая награды*? *Та*, *про которую сказано* – «*сильна как смерть*»? *Понимаешь*, *такая любовь*, *для которой совершить любой подвиг*, *отдать жизнь*, *пойти на мучение – вовсе не труд*, *а одна радость*» [3, с. 717][5].

Художественная оптика настроена автором определенным образом: в структуре повести образ Желткова – смысловой центр, к которому стянуты все сюжетные линии, все случившиеся разговоры, все персонажи, так или иначе соотносимые с этим камертоном высокого чувства. Его понимает и жалеет князь Шеин («*я чувствую*, *что присутствую при какой-то громадной трагедии души*»), напротив, не способен на сочувствие и понимание брат Веры Николай («*вы переступили те границы*, *где кончается наше терпение*»). Генерал Аносов угадывает в нем силу и благородство настоящего чувства: ««*…может быть*, *твой жизненный путь*, *Верочка*, *пересекла именно такая любовь*, *о которой грезят женщины и на которую больше не способны мужчины*».

Письмо Желткова к Вере – композиционный центр произведения, поэтическая декларация настоящей любви – самоотверженной и бескорыстной: «*… для меня вся жизнь заключается только в Вас. … Я бесконечно благодарен Вам только за то*, *что Вы существуете. … каждое мгновение дня заполнено Вами*, *мыслью о Вас*, *мечтами о Вас*…». Сама смерть Желткова заставляет героев повести продолжать разговор – то реальный, то умозрительный – о любви такой невероятной силы и жертвенности, которая ставит человека на грань жизни и смерти. И нет никого, кто мог бы судить такую любовь: «*… я не смею разбираться в его чувствах к тебе*», – замечает муж Веры. И высказать такую

[5] Далее текст цитируется по указанному изданию: см. список литературы

любовь можно только словами молитвы, произносимыми под божественную музыку Бетховена: «*Да святится имя твое*».

Повесть Куприна – как магический кристалл, за разными гранями которого, в самой глубине его, пульсирует и бьется возвышенное и трагическое чувство любви в своем первозданно прекрасном виде.

Образ Татьяны Лариной определен нравственными идеалами Пушкина: она обладает душевной непосредственностью и отвагой, пылкостью и способностью любить «не шутя», цельностью и ясностью души, глубоким и зрелым чувством нравственного долга. Любовь Татьяны к Онегину – неизбежна и неотвратима: перед ней предстал интеллектуальный герой «ее романа»: скептический ум и флер романтической разочарованности выдают в нем личность мыслящую, достойную занять место рядом с поэтом, который в лирическом отступлении замечает:

Мне нравились его черты.
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, *охлажденный ум* [4, с. 23][6]

В отношениях с Онегиным Татьяна демонстрирует душевную непосредственность, девическую неискушенность и поразительную для своего возраста и времени внутреннюю свободу – все это отражено в ее письме – открытом монологе, обращенном к герою:

Другой!.. *Нет*, *никому на свете*
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: *я твоя*;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, *ты мне послан богом*,
До гроба ты хранитель мой...

Ее признание наполнено лексикой идеальных значений (*воля неба*, *послан богом*, *до гроба*) и выдает в ней натуру мечтательную и склонную к душевным порывам. Отвергнутая Онегиным, она посещает его библиотеку, где с упоением предается чтению и открывает для себя бесконечный мир размышлений и страстей. Сильное, но безответное чувство и прочитанные книги формируют ее драматический жизненный опыт и определяют нравственные координаты духовного облика – неразрывность чувства и долга, как перед другими, так и перед собой.

По мере развития художественного замысла Татьяна превращается из провинциальной барышни в центральную героиню, которая, по свидетельству Пушкина,

[6] Далее текст цитируется по указанному изданию: см. список литературы.

… одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным…

Для читателей она – воплощение *чистой*, *бескорыстной*, *искренней и верной любви*, в финале – хозяйка светского салона, жена заслуженного и уважаемого в обществе генерала, сердце ее по-прежнему наполнено любовью, и, по-прежнему, – неосуществимой. Антитеза чувства и долга («*Я вас люблю*» – «*И буду век ему верна*» – «*Вы должны*») неразрешима, потому что для Татьяны эти духовные константы неразрывны как основополагающий фундамент самой жизни и как непреложное условие цельности ее личности – «драматической, но не сокрушенной» [6, с. 400]. Вместе с тем любовный конфликт находит свое разрешение в сфере исключительно духовной: «теперь любовь существует как вечная рана в сердце Татьяны, в душе Онегина – и в этой взаимной боли и божественном несчастье они неизменно принадлежат друг другу» [2].

Сопряженность любви с неразделенностью, жертвенностью, трагической неразрешимостью ситуации, наконец, гибелью героя – характерная черта почти всех произведений, которые отметили молодые люди в ответах на предложенный вопрос. Состоят в браке и княгиня Вера, и возлюбленная Мастера Маргарита, и Катерина из пьесы А. Островского – как были замужними «дамы сердца» средневековых рыцарей, что должно было подчеркнуть свободу истинного чувства, не отягощенного меркантильными соображениями матримониального свойства.

Заметим, что княгиня Вера вполне счастлива в своем супружестве, но и для генерала Аносова, и для Куприна это не отменяет сурового приговора: «*мы целыми поколениями не умели преклоняться и благоговеть перед любовью*». Любовь без трагического ореола теряет свою силу и тайну, превращаясь в добрую дружбу между супругами, не способную конкурировать с истинным чувством любви ни по силе, ни по глубине, ни по драматизму. Маргарита была замужем за человеком, от которого «*ничего не видела*, *кроме добра*». Князь Шеин – благородный и тонко чувствующий спутник Веры, муж Татьяны Лариной – князь N., почтенный и заслуженный генерал, Пьер Безухов – любящий, глубоко мыслящий отец семейства, однако представление об истинной любви связано у читателей совсем с другими героями этих произведений. Именно трагическая цена, которую заплатили за право любить Желтков, Маргарита, Андрей Болконский, Татьяна Ларина, способна убедить читателей в искренности и самоотверженности подлинного чувства. Без жертвенного подвига нет любви: показательно, что в качестве наиболее ценимых качеств указанных героев студенты называют именно *жертвенность*, *самопожертвование ради любви*, *бескорыстность*, *способность любить вопреки обстоятельствам*.

Думается, что подобное понимание любви доказывает то особое качество национального менталитета, которое исследователи называют бинарным мак-

симализмом и которое отчетливо выражается формулой «или все – или ничего». Истинное чувство должно быть сопряжено с внутренней конфликтностью образа, с драматической ситуацией, требующей от личности жертвенного самоотречения, напряженного духовного устремления, высокой, часто трагической платы за любовь – неслучайно «сквозь всю русскую литературу проходит высокая поэзия неосуществленной любви» [Гачев 1989], ибо только такая любовь может оставаться вечной и неизменной.

В русской литературе любовь понимается (и это в полной мере осознают современные читатели), прежде всего, как духовная максима, недостижимый идеал, поскольку она символизирует не только реальное человеческое чувство, но и напряженность душевного порыва личности в поисках нравственного абсолюта, без которого нет счастья русской душе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. Мастер и Маргарита. Театральный роман. Собачье сердце. – Томск: Томское книжное издательство, 1989. – С. 5–388.

2. Гачев Г. Русский эрос. Роман «Мысли» с «Жизнью» [Электронный ресурс] – М.: Интерпринт, 1994 – URL: http://philologos.narod.ru/texts/gachev-eros.htm (дата обращения: 2.02.2017).

3. Куприн А.Н. Избранное. – Кишинев: «Картя молдовеняскэ», 1971. – С.690–736.

4. Пушкин А.С. Романы и повести: Т. 2. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», «Самарский Дом печати», 1996. – С. 5–176.

5. Седых А.П. О персоносфере французской кульуры [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 2. – С. 154–156. – URL: http://www.gramota.net/materials/2/2011/2/45.html) (дата обращения: 1.02.2017).

6. Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1997. – С. 252–253, 399–400.

REFERENCES

1. Bulgakov M. Master i Margarita. Teatral'nyy roman. Sobach'e serdtse. – Tomsk: Tomskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. – S. 5–388. [in Russian]

2. Gachev G. Russkiy eros. Roman «Mysli» s «Zhizn'yu» [Elektronnyy resurs] – M.: Interprint, 1994 – URL: http://philologos.narod.ru/texts/gachev-eros.htm (data obrashcheniya: 2.02.2017). [in Russian]

3. Kuprin A.N. Izbrannoe. – Kishinev: «Kartya moldovenyaske», 1971. – S.690–736. [in Russian]

4. Pushkin A.S. Romany i povesti: T. 2. – M.: «RIPOL KLASSIK», «Samarskiy Dom pechati», 1996. – S. 5–176. [in Russian]

5. Sedykh A.P. O personosfere frantsuzskoy kul'ury [Elektronnyy resurs] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2011. – № 2. – S. 154–156. – URL: http://www.gramota.net/materials/2/2011/2/45.html) (data obrashcheniya: 1.02.2017). [in Russian]

6. Entsiklopediya literaturnykh geroev. – M.: Agraf, 1997. – S. 252–253, 399–400. [in Russian]

УДК 81’23

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ

Савицкая Сардана Валерьевна

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, *Новосибирск*, *Россия*, *sardana_3@rambler.ru*

Аннотация. Главной проблемой межкультурного диалога является наличие разных этнических сознаний у его участников. Психолингвистические исследования сознания позволяют выявить как общие черты, так и этнокультурную специфику образов сознания. Анализ и понимание этих сходств и различий способствуют оптимизации межэтнического и межкультурного взаимодействия. В статье рассмотрены некоторые аспекты специфики языка и культуры в цветообозначениях русского и якутского языков.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле; этнокультурная специфика; цветообозначение.

ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF COLOR TERMS IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS AND YAKUTS

Savitskaya Sardana Valerievna

Institute of Philology, *Siberian branch of Russian Academy of Sciences*, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The fact that each participant has his own specific consciousness (ethnic) is the main problem of intercultural communication. Psycholinguistic studies of consciousness help us to reveal generalities as well as ethnocultural specificity of mental images. Analysis and comprehension of these similarities and differences promote a better understanding in intercultural dialogue. Some aspects of linguistic and cultural specificity of Russian and Yakut color terms are discussed in the paper.

Keywords: intercultural communication; language consciousness; associative experiment; associative field; ethnocultural specificity; color term.

Характерной чертой современного мира является чрезвычайно высокая мобильность населения Земли, вследствие чего возросли объем, интенсивность, многообразие межкультурных контактов. В этих условиях межкультурная коммуникация как область исследования не утрачивает своей актуальности. Проблемы межкультурной коммуникации изучаются представителями различных наук: лингвистики, психологии, психолингвистики, культурологии и др. В отечественной науке равнозначно используются термины «межкультурная коммуникация» и «межкультурное общение».

Межкультурная коммуникация представляет собой общение носителей разных языков и культур. В этой краткой, но емкой формулировке содержатся три главных понятия всего проблемного поля межкультурной коммуникации как области науки: язык, культура и носитель. В обыденном понимании носитель языка и культуры – это человек, индивид. Но в данном контексте данное понятие употребляется в переносном смысле, метафорически. Носителем языка и культуры является не сам индивид как таковой, а его сознание. Е. Ф. Тарасов в статье «Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания» со ссылкой на ряд зарубежных исследователей пишет: «При помощи метафоры «носитель национальной культуры» обычно описывают качества сознания человека, которое сформировалось при «присвоении» определенной национальной культуры. Под этими качествами сознания в современной когнитивной психологии в первую очередь имеют в виду знания: перцептивные (сформулированные в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств), концептуальные (формируемые в ходе мыслительной деятельности, не опирающейся непосредственно на перцептивные данные), процедурные (описывающие способы и последовательность использования перцептивных и концептуальных данных). Например, носитель русской культуры имеет сознание, состоящее из психических образов и представлений, бытующих в русской культуре» [6].

Специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит 1) в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка, и 2) в специфике образов сознания, отображающих предметы конкретной национальной культуры. Следовательно, для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали 1) общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого общения), а также 2) общностью знаний о мире в форме образов сознаний [6].

Ключевым является следующий вывод: «Есть основание полагать, что главная причина непонимания при межкультурном общении не различие языков – сформировать навыки говорения (письма) и слушания (чтения) сравнительно просто, а различие национальных сознаний коммуникантов». Следовательно, «для анализа проблем взаимопонимания (непонимания) в межкультурном общении целесообразно проблему «общения носителей разных национальных культур» понимать как проблему «общения носителей разных национальных сознаний» [6].

Проблемы межкультурного общения, как и проблемы речевого общения в целом, напрямую связаны с темой языкового сознания. Знаковое общение, в том числе и речевое общение, – это процесс оперирования образами сознания, на которые коммуниканты указывают при помощи тел знаков (означающих); общность языковых сознаний – необходимая предпосылка речевого общения; неполная общность является основной причиной коммуникативных конфликтов – конфликтов непонимания партнерами друг друга – и есть следствие их принадлежности к разным национальным культурам. Таким образом, межкультурное общение – это случай функционирования сознания в аномальных

(«патологических») условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов [7].

Языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. Главное в этой дихотомии «сознание и язык», естественно, сознание [8].

Одним из способов овнешнения языкового сознания является ассоциативный эксперимент, а ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания [10, с. 206].

Исследования языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дают возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры [10, с. 207].

Как и какие формы та или иная культура накладывает на восприятие окружающей действительности, помогают понять результаты массовых ассоциативных экспериментов. Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов [10, с. 208].

В отечественной психолингвистике особое внимание уделено научно-экспериментальным исследованиям этнокультурной специфики языкового сознания, т. е. той самой уникальности и неповторимости образа мира каждой культуры, о чем писала Н. В. Уфимцева.

Межъязыковые сопоставления материалов ассоциативных словарей позволяют выявить специфику языка и культуры, заключенную в образе сознания, стоящего за словом-стимулом.

В данной работе в качестве материала для выявления этнокультурной специфики образа мира носителей разных культур, мы избрали ассоциативные поля цветообозначений **белый**, **зеленый** и **красный** и их коррелятов в якутском языке **маҥан**, **от күөх**, **кыһыл**, представленные в Русской региональной ассоциативной базе данных (СИБАС) [http://adictru.nsu.ru] и Якутском ассоциативном словаре [http://adictsakha.nsu.ru].

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных – представляет собой продукт реализации комплексных междисциплинарных проектов, направленных на исследование русского языкового сознания. СИБАС является частью более крупного, общероссийского проекта, разработанного в Институте языкознания РАН – проекта по созданию нового русского ассоциативного тезауруса. В СИБАС на текущий момент представлены результаты первого этапа массового ассоциативного эксперимента, проведенного в азиатской части России. Эксперимент проводился с 2008 по 2013 год в наиболее крупных городах азиатской части России – Новосибирске, Омске, Красноярске, Томске и Северске, Новокузнецке, Барнауле, Кемерово, Владивостоке, Хабаровске,

Чите и Иркутске. По окончании ассоциативного эксперимента было получено 5011 анкет, по сто стимулов в каждой (список стимулов для этого этапа составил 1000 единиц). В качестве испытуемых выступили студенты высших учебных заведений вышеперечисленных городов [http://adictru.nsu.ru/about].

В Ассоциативном словаре якутского языка представлены данные, полученные в ходе массового ассоциативного эксперимента, проводившегося с 2005 по 2010 годы среди студентов СВФУ (бывший ЯГУ), включая его филиалы в промышленных городах Мирный и Нерюнгри. В качестве респондентов в эксперименте приняли участие около 2000 студентов, носителей якутского языка, примерно одинаковое количество мужчин и женщин, обучавшихся по разным специальностям вуза. В результате отбора материала был составлен якутский ассоциативный словарь, включающий ответы 1220 респондентов на 140 стимулов [3].

Основную часть информации об окружающем мире человек получает через зрительный канал восприятия (по мнению исследователей, до 90% от общего объема информации, получаемой органами чувств в совокупности). Окружающий мир человек воспринимает цветным, поэтому цвет – это важнейшая составляющая всей зрительной информации.

В современных исследованиях цвет предстает как категория культуры. Цветообозначения являются языковыми единицами с выраженной этнокультурной спецификой. Они отражают особенности мировидения и миропонимания этноса.

Обратимся к ассоциативным полям вышеуказанных цветообозначений русского и якутского языков и рассмотрим несколько примеров экспликации этнокультурной специфики.

Ассоциативная пара **белый** *ангел*[7] репрезентирует распространенный в православии и русской культуре в целом религиозный образ: изображение белого ангела присутствует в произведениях живописи (иконы, фрески), графики (гравюры), в скульптуре и архитектуре. Пара S-R **белый** *Бим* отсылает нас к прецедентному тексту – названию повести Г. Н. Троепольского «Белый Бим Черное ухо» о трагической судьбе собаки, преданности животного и жестокости людей. Под прецедентными текстами понимаются «всякие явления культуры, хрестоматийно известные всем (или почти всем) носителям данного языка. Это могут быть собственно литературные или философские тексты» [4, с. 43]. Как видно из нашего примера, названия произведений также относятся к прецедентным текстам. «К числу прецедентных текстов» относятся также театральные спектакли, кино, телевизионные программы, реклама, песни, анекдоты, живописные полотна, скульптура, памятники архитектуры, музыкальные произведения и т. п. Естественно, если соответствующие произведения обладают широкой известностью, если они прецедентны в сознании среднего носителя языка. Прецедентны в том смысле, что, зная о них, он одно-

[7] В данной работе будем придерживаться следующего порядка условных обозначений: слова-стимулы представлены в полужирном начертании, реакции – в курсивном.

временно знает, что окружающие (в идеале все носители того же языка) тоже о них знают. Эти «тексты» – общее достояние нации, элементы «национальной памяти» [4, с. 44]. Реакция *невинный* на стимул **белый** отражает символизм этого цвета в русской культуре. Белый цвет ассоциируется с невинностью, чистотой, девственностью. Не случайно во многих культурах мира, равно как и в русской, невеста идет под венец в платье белого цвета.

Перейдем к рассмотрению ассоциативного поля стимула **маҥан** – якутского коррелята слова **белый**. Здесь интерес представляют ассоциаты *үрүҥ*, *үүт*, *сүөгэй*. В сочетании **маҥан**–*үрүҥ* прослеживается специфика якутского языка: цветонаименование «белый» в якутском языке имеет 2 варианта: маҥан и үрүҥ, которые отличаются по стилистической окраске. Маҥан является стилистически нейтральным словом, чаще используется в повседневной речи для описания предметов быта, одежды, внешности и т. д. Цветонаименование үрүҥ – стилистически более «возвышенное», чаще встречается в литературе, например, в якутском народном эпосе олонхо и имеет такие значения как «белый, светлый, благородный, божественный». Үрүҥ Айыы тойон – имя верховного божества в веровании якутов, дословно означает «светлый создатель властелин».

Основным занятием якутов было (и остается по сей день) разведение лошадей и крупного рогатого скота. В этой связи молочные («белые») продукты являются основой рациона (особенно в летний сезон). Таким образом, появление ассоциатов *үүт ‘молоко’*, *сүөгэй ‘сметана’* на стимул **маҥан** расценивается как проявление специфики культуры народа саха.

В русском языке слово **зеленый** имеет переносное (разговорное) значение ‘молодой’, ‘неопытный’, что мотивировало появление ассоциатов *молодой*, *юный*, *юнец*, *новобранец*.

Коррелятом слова **зеленый** в якутском языке выступает **от күөх**. Специфичной для якутов является связь **от күөх** – *алаас*, а также сочетание **от күөх** – *ыһыах*.

«Словом «алас» обозначается геологическое образование, характерное в основном для ландшафта равнинной Якутии. Вероятно, по этой причине якутское существительное *алаас* в научной практике утвердилось как самостоятельный термин, будучи заимствованным в русский язык» [2, с. 58]. В Географическом энциклопедическом словаре дается следующее определение данному термину: «АЛАСЫ (якут.), плоские округлые понижения с многочисл. озёрами, покрытые лугами и лугостепями. Распространены в районах залегания многолетнемёрзлых пород на С.-В. СССР, гл. обр. в Якутии. Площадь от десятков и сотен м^2 до неск. км^2. Глуб. 15–30 м. Возникают в результате вытаивания подземных льдов, сопровождающегося просадками грунта (термокарст и суффозия). Используются гл. обр. как сенокосы; местами распаханы» [1].

С незапамятных времен и практически до начала XX в. для якутов было типичным так называемое алаасное расселение, когда одна семья или род проживал обособленно в собственном алаасе. В те далекие времена якут мог прожить всю свою жизнь в алаасе, практически не удаляясь от него на значительные расстояния. Алаас был местом его постоянного проживания, где он занимался традиционным хозяйством: коневодством и скотоводством. Уни-

кальный природный ландшафт алаасов, включающий сенокосные угодья, озера и леса – места для охоты и собирательства, обеспечивал жизнедеятельность всего рода.

В теплое время года *алаас* окружен и утопает в **зелени**: деревья, кустарники, трава, цветы. Это обстоятельство и явилось предпосылкой появления ассоциативной связи **от күөх** – *алаас*.

Фактор этнокультурной специфики реализуется и в сочетании **от күөх** – *ыһыах*. Ыһыах (*русск*. ысыах) – национальный праздник якутов, уникальное духовное богатство якутского народа. Ысыах до сих пор остается той уникальной культурной нишей, где сохраняется этническая специфика народа: осознание этнической идентичности, национальная одежда, пища, праздничная утварь, ритуальный комплекс, музыкальная культура, фольклор, наконец, традиционное мировоззрение. Он был и пока остается главенствующим фактором сплочения якутского этноса, самовыражения его как нации. Ысыах – это символ якутской культуры, своеобразная миниатюра традиционной картины мира народа саха [12, с. 247–248].

Ысыах ассоциируется с **зеленым цветом**, так как традиционно он отмечается по всей Якутии в период с 20 по 23 июня, что совпадает с временем летнего солнцестояния. К этому моменту якутская природа полностью просыпается после долгой и холодной зимы: земля прогрелась, деревья полностью распустились, кругом буйство **зелени** и цветов, и в самой живописной местности (или в самом красивом алаасе) начинается праздник ысыаха, который может длиться, не прерываясь, до трех дней.

Рассмотрим цветообозначение **красный** и его коррелят в якутском языке – **кыһыл**.

Фактор языка и культуры проявляется в ассоциативных связях **красный** – *красивый* и **кыһыл** – *көмүс*, **кыһыл** – *оҕо*:

1) **красный** – *красивый*: в Толковом словаре Ушакова приводится значение слова красный – ‘красивый, нарядный, украшенный’ (устар. поэт. и нар.-поэт.). *Красная девка*. *Красная изба*. **Красная девица** – красивая девушка (нар.-поэт.) [9];

2) **кыһыл** – *көмүс*, **кыһыл** – *оҕо*: в якутском языке словосочетание кыһыл көмүс означает ‘золото’, кыһыл оҕо означает ‘младенец’, ‘новорожденный’ (досл. ‘красный ребенок’).

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) межкультурная коммуникация представляет собой общение носителей разных языков и культур, т. е. разных этнических сознаний;

2) для достижения взаимопонимания участники межкультурной коммуникации должны обладать общностью языка и общностью знаний о мире, т. е. иметь общие образы сознания;

3) сознание (=образы сознания), «выведенное» вовне при помощи средств языка – это языковое сознание. Изучая языковое сознание, можно выявить его этнокультурную специфику, понять особенности менталитета этноса, его мировосприятие и миропонимание.

4) анализ ассоциативных полей цветообозначений **белый**, **зеленый** и **красный** и их якутских коррелятов **маҥан**, **от күөх**, **кыһыл** позволил выявить наличие в их содержательно-смысловом наполнении элементов специфики языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Гл. ред. А. Ф. Трёшников; Ред. кол.: Э. Б. Алаев, П. М. Алампиев, А. Г. Воронов и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – 432 с.

2. Дьячковский Ф.Н., Попова Н.И. Алаас как концепт якутской лингвокультуры // Урало-алтайские исследования. – 2014. – № 1 (12). – С. 58–66.

3. Заморщикова Л.С. Ассоциативный тезаурус якутского языка [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 2. – URL: http://human.snauka.ru/2014/02/6027

4. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

5. СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2016) (авторы-составители И.В.Шапошникова, А.А.Романенко) [Электронный ресурс]. – URL: http://adictru.nsu.ru

6. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 7–22.

7. Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Институт языкознания РАН, 1998. – С. 30–34.

8. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.

9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940 [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/843190

10. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

11. Якутский ассоциативный словарь (авторы-составители Л.С. Заморщикова, А.А. Романенко) [Электронный ресурс]. . – URL: http://adictsakha.nsu.ru

12. Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – М.: Наука, 2013. – 599 с. – (Народы и культуры).

REFERENCES

1. Geograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Ponyatiya i terminy [Geographical encyclopedic dictionary. Concepts and terms]. Editor-in-chief A. F. Treshnikov. Editorial board: E. B. Alaev, P. M. Alampiev, A. G. Voronov et al. Moscow, Sov. Entsiklopediya publ., 1988, 432 p. [in Russian]

2. D'yachkovskiy F.N., Popova N.I. Alaas kak kontsept yakutskoy lingvokul'tury [Alaas as a concept of the Yakut (Sakha) linguoculture]. Uralo-altayskie issledovaniya [Ural-Altaic Studies], 2014, no 1 (12), pp. 58-66. [in Russian]

3. Zamorshchikova L.S. Assotsiativnyy tezaurus yakutskogo yazyka [Associative thesaurus of the Yakut language]. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanitarian scientific studies], 2014, no 2. Available at: http://human.snauka.ru/2014/02/6027. [in Russian]

4. Karaulov Yu.N. Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set' [Active grammar and the associative-verbal network]. Moscow, RAS (Russian Academy of Sciences) Institute of Linguistics publ., 1999, 180 p. [in Russian]

5. SIBAS – Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh [Russian Regional Associative Database] (2008 – 2016) (avtory-sostaviteli I.V.Shaposhnikova, A.A.Romanenko). Available at: http://adictru.nsu.ru

6. Tarasov E.F. Mezhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya. – M.: Institut yazykoznaniya RAN, 1996. S. 7-22. [in Russian]

7. Tarasov E.F. K postroeniyu teorii mezhkul'turnogo obshcheniya // Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie. – M.: Institut yazykoznaniya RAN, 1998. – S. 30-34. [in Russian]

8. Tarasov E.F. Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Current problems of the linguistic consciousness analysis]. Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness and the world image]. Moscow, RAS (Russian Academy of Sciences) Institute of Linguistics publ., 2000, pp. 24-32. [in Russian]

9. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. D. N. Ushakova [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Edited by Ushakov D.N.]. Moscow, Sov. Entsikl publ., 1935-1940. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/843190. [in Russian]

10. Ufimtseva N.V. Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. Moscow, RAS (Russian Academy of Sciences) Institute of Linguistics publ., 2011, 252 p. [in Russian]

11. Yakutskyy assotsiativnyy slovar' [Associative dictionary of the Yakut language] (avtory-sostaviteli L.S. Zamorshchikova, A.A. Romanenko). Available at: http://adictsakha.nsu.ru

12. Yakuty (Sakha) / otv. red. N.A. Alekseev, E.N. Romanova, Z.P. Sokolova; In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN; In-t gumanitarnykh issledovaniy i problem malochislennykh narodov Severa SO RAN. – M.: Nauka, 2013. – 599 s. – (Narody i kul'tury). [in Russian]

УДК 81-119

НАРРАТИВЫ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ПРИАНГАРЬЯ О «ЧУЖИХ» В ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Смирнов Евгений Сергеевич

Сибирский федеральный университет, *Красноярск*, *Россия*,
ses9215@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу устных рассказов русского коренного населения Приангарья об эвенках (тунгусах) в лингвоаксиологическом аспекте. В ходе исследования установлено, что в нарративах русских старожилов о коренном инородческом населении Сибири представлена лингвокультурная дихотомия «свои – чужие». Преобладает эксплицитный способ выражения оценки «чужих» по этническому признаку с помощью коннотативов, прилагательных, наречий и глаголов с оценочным компонентом в семантике.

Ключевые слова: нарратив; концепт «чужие»; русские старожилы; тунгусы (эвенки); лингвоаксиологический аспект; ангарская лингвокультура.

NARRATIVES OF THE RUSSIAN NATIVE POPULATION OF THE ANGARA REGION ABOUT «ANOTHER» IN THE LINGUISTIC AXIOLOGICAL ASPECT

Smirnov Evgenij Sergeevich

Siberian Federal University, *Krasnoyarsk*, *Russia*

Abstract. The article is about the analysis of verbal narrative of the Russian native population of the Angara region about Evenks (Tunguses) in the linguistic axiological aspect. During the research was stated that there is the linguistic culture dichotomy «mine – another» in the narratives of the Russian native population of the Angara region about native aboriginal population of Siberia. There is the explicit method of the statement of the value of the «another» on the ethnical feature by connotatives, adjectives, adverbs and verbs with evaluative component in the semantics.

Key words: narrative, concept «another», Russian native population, Tunguses (Evenks), linguistic axiological aspect, Angara linguistic culture.

Одной из актуальных задач современной лингвистики является исследование концепта «чужие» [4; 11]. На региональном материале данный концепт изучен недостаточно.

В задачи данной статьи входит анализ особенностей экспликации оценки в нарративах о коренных малочисленных народах Сибири (о «чужих»). Источ-

никами исследования служат устные рассказы русских старожилов Приангарья о коренных малочисленных народах Сибири, представленные в иллюстративной части «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» [2]. Выбор данных текстов обусловлен тем, что в них представлена лингвокультурная дихотомия «свои – чужие». «Чужими» для русского населения Приангарья были инородцы, ссыльные, иноверцы и т. п. Как известно, для макроконцепта «чужие» характерны такие признаки, как групповая идентификация, универсальность, наличие в обыденном и научном сознании, ярко выраженный аксиологический слой и др. [8; 13]

Инородческое коренное население Приангарья состояло в основном из эвенков. Существует две номинации этого этноса в лингвокультуре русских старожилов: тунг**У**сы и эв**Е**нки, а также акцентологические, фонетические и экспрессивные словообразовательные варианты этих лексем: тунгус**Ы**, танг**У**сы, тангус**И**шки, тангуш**О**нки; ав**Е**нки, **А**венки, **А**вены, ав**Е**ны, **А**вноки.

Эвенки (тунгусы) обосновались на берегах Ангары за несколько веков до того, как туда в XVII веке пришли русские. Об этом свидетельствуют гидронимы и ойконимы эвенкийского происхождения: Мотыгино [6], Иркинеева, Тасеева [3].

В начале XVII века русские начали регулярно посещать Нижнюю Ангару для сбора ясака. На рубеже XVII–XVIII вв. началось активное хозяйственное освоение этого сибирского региона русскими засельщиками Сибири. Историки свидетельствуют, что тунгусы, проживавшие по берегам Ангары, особенно к концу XIX века, начали массово подвергаться христианизации, что, безусловно, приобщало их к русской культуре. Но, несмотря на это, инородческое коренное население Приангарья смогло сохранить свою культуру, традиции и язык [Там же; 9]

Все последующие годы русские тесно взаимодействовали с проживавшими в Приангарье тунгусами. Диалектологами записано немало историй о смешанных браках:

«*Я большая была девка*, *работали там*, *жали*. *Покосы хороши там*. *А потом уже оне*, *тунгусы*, *стали жаниться на русских*. *Вот так у их и было*. *Уже смешалася кров*, *русска-нерусска*. *Тунгусы всё равно люди же ведь оне*» [СГРСБС, Т. 10, с. 205]. «*Дак а этого тунгуса-то Вариона*, *кто его не знатто*, *Господи*?! *Четыре или чё ли у него бабы было*. *Тунгус этот жанился на четырёх бабах на русских*: *одна умрёт при родах – другу берёт*. *То в Кондратьево*, *то в Петропавловку съездит*. *На Дёшимой жил же он там*, *в Бродовой*. *Бродова и Дёшима*, *там тунгусы жили*, *у речки*. *Там тунгусы юртошные*, *юрты стояли у них там*, *потом избы начали строить*. *А У Вариона там изба*, *тунгусы там*, *полная изба на зиму собиралася*, *в яруса спали*, *двухатажно*, *полати*» [СГРСБС, Т.4, с.331]. «*Это Костя у меня*, *он там жил у них*, *он доморошшенный там*, *потому что его мать за тунгуса там выходила*, *вот оне на этой Бродовой и жили*» [СГРСБС, Т. 4, с. 331].

Контакты русского и эвенкийского населения нашли отражение в русских говорах северных районов Красноярского края. Например, в лексикон русского населения Нижнего Приангарья вошли такие эвенкийские слова, как ***атраконка*** – «старуха», ***косник –*** «украшение на голову в виде кусочка кожи овальной формы, украшенного бисером и медными пуговицами», ***гуль*** – «дом, жилище», ***курпан*** – «посуда из бересты, обшитая оленьей шкурой», ***суглан*** – «советовать», ***нульдиться*** – «собираться в дорогу, в поездку» и др. [10]. В русские говоры Приангарья было заимствовано немало специальной лексики: ***пурт*** – «охотничий нож», ***турсук*** – «наспинный мешок», ***кокольды*** – «рукавицы с отверстием со стороны ладони, чтобы стрелять, не снимая их», ***гуливун*** – «ночёвка у костра», ***паняга*** – «наспинная доска, к которой привязывают всю дорожную ношу» и др. [Там же, с. 7].

Русские старожилы Приангарья, повествуя об инородческом коренном населении, оценивают их поведение, морально-нравственные качества, трудолюбие, охотничьи навыки, особые способности к лечению, занятие шаманизмом и уровень жизни. При этом полюсы оценки резко различаются. Анализ оценочных высказываний коренного русского населения Приангарья об эвенках позволил выявить, что преобладают такие типы оценок, как общая оценка и частная оценка (рационалистическая утилитарная и нормативная оценка, сублимированная этическая оценка) [1]. Оценка (как положительная, так и отрицательная) в нарративах об эвенках (тунгусах) выражается эксплицитно словами разных частей речи. По мнению многих лингвистов, оценка наиболее ярко выражается именно с помощью прилагательного, так как эта часть речи обозначает признак, свойство и качество предмета (является дескриптивной частью речи) [5; 7]:

А) **оценочные прилагательные**

Авенки-то были раньше каки ***умные***, *труженики*, ***добрые*** *охотники* [СГРСБС, Т.1, с.159]. *Тунгусы от нас недалеко жили*, *двадцать пять километров отсюда*, *Гаврильская называтся… Жила одна семья там тунгусов*, *а мы в Кежек ездили молотить*. *Но и едем обратон-то*, *а тётка Анна говорит*, *тунгуска же она*, ***хорошая*** *женшшина*, *говорит*:

– Пойдёмте, *девки*, *ко мне*.

Ну а мы зашли, *а у их на пече этот*, *тунгус жил*, *у его зоб большой такой*, *помню хорошо*, *как поймат нас за голову – мы испугались*, *ага*. *Он засмеялся*. *Тётка Анна*:

– Да не бойтесь, *– говорит*, *он шутит с вам* [СГРСБС, Т. 9, с. 204–205]. *Авенки*, *оне* ***хорошие*** *были охотницы <…>*. ***Хорошие*** *были*. *Они* ***хорошие*** *охотницы были*, *они и медведей добывали*, *и сохатых*, *и всё* [СГРСБС, Т. 1, с. 160–161]. *Ну*, *авенки же охотой жили*, *оленеводством*, *больше они ничем не занимались*, *но летом рыбалка вот ешшо*, *себе поись добывали*. *И женски охотилися у их*. *Охотники же они* ***хорошие***, *всю жизь в тайге живут*, *рожаются в тайге*. *С малых лет он охотник* ***хороший***, *авенк* [СГРСБС, Т.7, с. 439].

Вот так. Он без собак, безо всего. Белок бьют. Тангусишка. В Чечуе он. Оне же ***ловки****, охотники-то, авенки-то* [СГРСБС, Т. 1, с. 155–156].

Качественные прилагательные (*умные*, *добрые*, *хорошие*, *-ая*, *ловкие*) отражают положительное отношение коренного русского населения Приангарья к инородцам, а также то, что русские старожилы уважали охотничьи навыки эвенков.

Б) **качественные наречия**

В приведённых ниже примерах оценка заложена в семантике самих качественных наречий, с помощью которых выражается общая положительная оценка отношений коренных ангарцев и эвенков, а также уровень жизни самого инородческого населения Приангарья. Также стоит отметить, что качественные наречия соотносительны по функциям с качественными прилагательными. Они обозначают характеристику и выражают оценку действия, признака, состояния.

Авенки в лесу жили. Оне ***хорошо*** *жили. От деревни недалёко стояли, километрох пять-шесть. Мы вот соберёмся, много-много нас, табунам ребятнито, и бегали в гости к имям. А оне принимали нас* ***хорошо***! *В чумах. И чаю напьёмся, и всё. Рады, что бегаем далёко* [СГРСБС, Т.1, с.159]. *Руцки всегда* ***дружно*** *жили с авенками. В войну колхоз авенский с Чайки весь сюда, в нашу деревню, перевели <…>. И всех этих ребятишек, и всех этих баб, и всех-всех-всех привезли авенкох. Потом весной сплавили дома их оттуда. Все они жили в домах. Ну, на лето уходили в чум. У нас там называлаша Черемозник, дак туда. Они там чумы наставят, и там лето в чумах живут. Авенки. Им было как-то плохо в домах жить* [СГРСБС, Т.1, с.160–161].

В) **глаголы с оценочным компонентом в семантике**

Наряду с другими частями речи (прилагательное, существительное, наречие и др.) глагол тоже может нести оценочное значение, так как некоторые глаголы имеют в своём толковании указание на качественную характеристику действия, процесса, состояния.

Вон на той стороне, вон тут, тоже скоко чумов было. Все оне в чумах жили. Стойбишше цело было <…>. И ***дружили*** *все: руцки и аванки* [СГРСБС, Т. 1, с. 157]. *А тунгусы у нас жили в Гаврильской. Там моя мама родлась. Там уж никого не осталося, поумирали все, стары-то тунгусы-то. Они* ***всё знали****. Там двенадцать домов стояло. Там все жили, и руцки, и тунгусы* [СГРСБС, Т. 9, с. 204]. *А звали его Николай Петрович Коненков, он шаман был, тангус. Он умер в пятьдесят седьмым. Хоронили. Гопчики таки раньше делали, деревянные гопчики, туда ложили его одёжу. У него специальная одёжа была, с бубунцами <…>.*

– А Николай Петрович Коненков он был сильным шаманом?

Ну, сильный. Но ***лечил****,* ***узнавал*** *всё, кто воровал,* ***знал*** [СГРСБС, Т. 11, с. 235–236].

В приведённых выше примерах глагол *дружить* обладает качественной характеристикой взаимного душевного расположения людей разных этносов друг к другу; глагол *знать* имеет значение «обладать познаниями эзотерического характера». Информанты оценивают магические (шаманские) способности эвенков.

В нарративах русских старожилов о коренном инородческом населении Сибири используются и особые средства языка для оценки «чужих», например, **существительные-коннотативы**.

Такие отечественные лингвисты, как В. Н. Телия и В. И. Шаховский связывают коннотацию с оценкой: «Коннотация – семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая *эмотивно-оценочное* (выделено мной – Е. С.) и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [12, с.5]. В данной работе мы разделяем это мнение. Отметим, что коннотативы предназначены для выражения эмоционального отношения рассказчика к называемому объекту и имеют двухсоставную структуру: называние объекта отражения через логико-предметный семантический компонент денотации и эмоциональное отношение к объекту через коннотативный семантический компонент [14]: *Авенки-то были раньше каки умные*, ***труженики***, *добрые охотники* [СГРСБС, Т. 1, с. 159].

В слове *труженики* положительная оценка содержится в коннотативном компоненте лексического значения. Стоит отметить, что эта лексема связана с одним из ключевых концептов ангарской лингвокультуры – «труд».

Экспликация отрицательной оценки в нарративах об эвенках (тунгусах)

Ангарские нарративы отражают страхи русского коренного населения перед эвенкийскими шаманами, которые могли навести порчу на своих обидчиков и недоброжелателей: *В Преображенке старик был авен*, *зашёл там к однем*, *а у их свадьба была*. *Зима*. *Замёрз*. *А Аксинья-то обносила всех*, *а ему не подала*, *обошла*. *Он встал и говорит*:

– Пожалела стакан бражки! *Всю жизнь помнить будешь*!

<…> Вот ей всё время чудилося. *Диканилася*. *Бегат*, *кричит*. *Авены – у их язык* ***плохой***. *Слово у их – камень* [СГРСБС, Т.1, с.170–171]. *Авенов обидишь – всю жизнь будешь помнить*. *Оне* ***злопомятны***, *их обижать нельзя*, *выгонять из дому* [СГРСБС, Т. 1, с. 170]. *Фёдор-то какой* ***вредливый***, *тангус*! *Он на неё говорит*:

– Скипятила чай?

– Скипятила.

–Но наливай!

Нальёт, *покушает – холодный*. *Он – раз*! *– в неё стакан с чаем выльет*. *Такой* ***вредливый*** *был дед* [СГРСБС, Т. 8, с. 413–414].

В данных примерах отрицательная оценка эксплицируется с помощью **оценочных прилагательных** *злопамятный*, *плохой*, *- ие*, *вредливый*.

Отрицательная оценка эвенкийских шаманов также выражается **глаголами с оценочным компонентом в семантике**: *Ой*, *оне же шаманить любили*, *ага*! *Оне человека могут* ***испортить***. *Да-а-а*! *А еслив захочут*, *так и скота не будет*, ***изведут*** *всего*. *Примерно*, *есть у меня скотина – боле у тебя не будет*. *Это могут*, *могли оне сделать*, *да*. *<…>*. *Охоту* ***портили*** *тоже*, *ага*. *Поедет если человек на охоту* (*я это помню*), *вот и старалися*, *чтоб он не знал*, *что он… Вот что*, *к примеру*, *вот у меня отец поехал на охоту*, *а тут живёт*, *может*, *тунгус-шаман*, *дак тятя не скажет ему*, *что он пошёл на охоту*, *нет*. *Он ночью*, *соберутся ночью и уедут на охоту* [СГРСБС, Т. 9, с. 205]. *А вот этот шаман был Николай Каманцев*, *дак он же Георгия-то* ***испортил***. *Георгий оленя по ошибке убил у него*, *у авенка у этого*. *А он шаман был*. *И он узнал*, *что он у него убил*. *Ну и говорит*:

– Ничё, *ты подавишься*.

И он умер от горла [СГРСБС, Т.7, с.410–411]. *Умирать будет шаман*, *он передаст другому*, *всё своё знатьё передаст*. *Любому передаст*. *Марья эта*, *тоже она шаманка была*, *авеночка <…>*. *Захочет чё-нибудь* ***повредничать***, *там чё-нидь вреда* ***навредить***, *и сделат* [СГРСБС, Т. 1, с. 164–165].

Таким образом, анализ особенностей экспликации оценки в нарративах русских старожилов Приангарья об эвенках (тунгусах) показал, что преобладает эксплицитный способ выражения оценки с помощью оценочных прилагательных и глаголов с оценочным компонентом в семантике, распределенных по шкале «хорошо – плохо». Отношение местного русского населения к коренным малочисленным народам Сибири в большинстве случаев было положительным, что выражается в нарративах с помощью оценочных прилагательных, качественных наречий, глаголов и коннотативов. С помощью оценочных прилагательных и глаголов с оценочным компонентом в семантике в устных рассказах русских старожилов отрицательно оцениваются в основном шаманы, которые своими действиями вредили людям. Также в нарративах содержится положительная и отрицательная общая оценка поведения инородческого коренного населения Приангарья и частная оценка, в типологии которой преобладает рационалистическая утилитарная оценка, выраженная словами разных частей речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

2. Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. – Иркутск, 2007. – Т. 1. – 576 с.; 2008. – Т. 4. – 544 с.; 2011. – Т. 7. – 544 с.; 2011. – Т. 8. – 536 с.; 2012. – Т. 9 – 528 с.; 2012. – Т. 10 – 496 с.; 2013. – Т. 11 – 480 с. – СГРСБС.

3. Баташев М. С., Макаров Н. П. К вопросу об этногенезе дорусского населения Северного Приангарья // Живёт облик родины с нами. – Красноярск: ООО РПБ «Амальгама», 2015. – С. 15–21.

4. Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. – М.: Изд-во «Индрик», 2005. – 288 с.

5. Вендина Т. И. Семантика оценки и её манифестация средствами словообразования // Славяноведение. – № 4. – 1997. – С. 41–48.

6. Захарцов М. Г. Историко-демографические процессы в Сибири на примере Мотыгинского района // Социокультурное освоение Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. – Красноярск: Резонанс, 2014. – С. 55–59.

7. Золотова Г. А. Коммуникативный аспект русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 386 с.

8. Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.

9. Полханова О.А. Дневники миссионеров Русской православной церкви как источник изучения этнографии коренных народов Енисейской губернии (середина XIX – начало XX в.) // Социокультурное освоение Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. – Красноярск: Резонанс, 2014. – С. 240–244.

10. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / Отв. ред. Г.Г. Белоусова. – Красноярск: Изд-во КГПИ, 1992. – 348 с.

11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

12. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

13. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 184 с.

14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt. – M.: Nauka, 1988. – 341 s. [in Russian]

2. Afanas'eva-Medvedeva G.V. Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri / nauchn. red. V.M. Gatsak, S.A. Myznikov. Irkutsk, 2007. – T. 1. – 576 s.; 2008. – T. 4. – 544 s.; 2011. – T. 7. – 544 s.; 2011. – T. 8. – 536 s.; 2012. – T. 9 – 528 s.; 2012. – T. 10 – 496 s.; 2013. – T. 11 – 480 s. – SGRSBS. [in Russian]

3. Batashev M. S., Makarov N. P. K voprosu ob etnogeneze dorusskogo naseleniya Severnogo Priangar'ya // Zhivet oblik rodiny s nami. – Krasnoyarsk: OOO RPB «Amal'gama», 2015. – S. 15–21. [in Russian]

4. Belova O. V. Etnokul'turne stereotipy v slavyanskoy narodnoy traditsii. – M.: Izd-vo «Indrik», 2005. – 288 s. [in Russian]

5. Vendina T. I. Semantika otsenki i ee manifestatsiya sredstvami slovoobrazovaniya // Slavyanovedenie. – № 4. – 1997. – S. 41–48. [in Russian]

6. Zakhartsov M. G. Istoriko-demograficheskie protsessy v Sibiri na primere Motyginskogo rayona // Sotsiokul'turnoe osvoenie Sibiri. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnoyarsk, 2–5 dekabrya 2014 g. – Krasnoyarsk: Rezonans, 2014. – S. 55–59. [in Russian]

7. Zolotova G. A. Kommunikativnyy aspekt russkogo sintaksisa. – M.: Nauka, 1982. – 386 s. [in Russian]

8. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Lingvokul'turologiya: problemy, poiski, resheniya: Monografiya. – Ufa: RITs BashGU, 2010. – 366 s. [in Russian]

9. Polkhanova O. A. Dnevniki missionerov Russkoy pravoslavnoy tserkvi kak istochnik izucheniya etnografii korennykh narodov Eniseyskoy gubernii (seredina XIX – nachalo XX v.) // Sotsiokul'turnoe osvoenie Sibiri. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnoyarsk, 2–5 dekabrya 2014 g. – Krasnoyarsk: Rezonans, 2014. – S. 240–244. [in Russian]

10. Slovar' russkikh govorov severnykh rayonov Krasnoyarskogo kraya / Otv. red. G.G. Belousova. – Krasnoyarsk: Izd-vo KGPI, 1992. – 348 s. [in Russian]

11. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. – M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. – 824 s. [in Russian]

12. Teliya V. N. Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits. – M.: Nauka, 1986. – 143 s. [in Russian]

13. Khrolenko A. T. Osnovy lingvokul'turologii. – 5-e izd. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 184 s. [in Russian]

14. Shakhovskiy V. I. Lingvisticheskaya teoriya emotsiy. – M.: Gnozis, 2008. – 416 s. [in Russian]

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 30.304

ТРУДНОСТИ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СИБИРСКОМ ВУЗЕ

Блинова Анастасия Олеговна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *Anastasiya_blinova_1994@mail.ru*

Аннотация. В статье поднимаются проблемы культурной и языковой адаптации иностранных учащихся в вузах Новосибирска. Анализ анкет учащихся показывает, какие проблемы возникают у них в процессе обучения в российском вузе и становления отношений с русскими студентами и преподавателями. Адекватное реагирование на полученные данные позволит выстроить эффективные стратегии адаптации иностранных студентов к реалиям российской действительности.

Ключевые слова: культурная адаптация; иностранные студенты; обучение русскому языку как иностранному.

THE FEATURES OF CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN THE SIBERIAN UNIVERSITY

Blinova Anastasiya Olegovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The article raises the problem of the cultural and linguistic adaptation of foreign students in universities of Novosibirsk. Analysis of students' profiles shows the problems which arises in their course of training in Russian high school and establishment of relations with Russian students and teachers. An adequate response to the data will help to build effective strategies of foreign students to adapt to the realities of Russian life.

Keywords: adaptation; foreign students; training.

В настоящее время многие российские вузы стремятся привлечь к обучению в своих стенах не только отечественного абитуриента, но и иностранного, поскольку количество обучающихся иностранцев является для вуза одним из серьезных показателей эффективности его работы. Для каких-то (особенно столичных) вузов принимать иностранцев на учебу – давно сложившаяся традиция, для других по сути инновация, которая требует немалой организационной работы международной службы (или отдела) вуза, не говоря уже о подготовке квалифицированных преподавателей русского языка как иностранного. Но даже и в этом случае успех (устойчивый набор иностранных учащихся в течение ряда лет) не гарантирован, поскольку большое значение имеет привлекательность региона, его климат, а главное – та социокультурная среда, в которой иностранцу придется не только учиться, но и жить. Следовательно, речь идет о необходимости культурной адаптации иностранного учащегося не только к языковой среде, но и вообще к условиям проживания в стране, городе, вузе. Под культурной адаптацией в современной науке понимается способ активного взаимодействия индивида с новой средой, ведущего к его развитию и личностному росту [3, с. 93].

Проблемы адаптации иностранных студентов активно исследуются с позиций разных гуманитарных дисциплин, при этом авторы работ при рассмотрении отдельных трудностей адаптации придерживаются схожих взглядов.

Ф. Линьли, рассматривая адаптацию в образовательной сфере, констатирует, что около половины иностранных студентов имеют проблемы с учёбой вследствие языковых проблем (особенно в устной речи). Кроме того, автор делает акцент на психологической (эмоциональной) адаптации, которая лежит в плоскости таких проблем, как одиночество, тоска по дому, непривычная еда, беспокойство о родных и близких. Все это связано с эмоциональным напряжением, порождаемым в значительной степени адаптационным процессом [4, с. 5]. П. П. Лях, изучая проблему адаптации, приводит ряд факторов, которые осложняют данный процесс. К таковым относятся:

а) трудности языковой адаптации;

б) проявление национальной неприязни;

в) неудовлетворительные социально-бытовыми условиями проживания;

г) социокультурные различия [5, с. 232].

По мнению Т. А. Глебовой, иностранцы испытывают:

1) психофизиологические трудности, связанные с переустройством личности, «вхождением» в новую среду, психоэмоциональным напряжением, сменой климата и т. д.;

2) учебно-познавательные трудности, связанные, в первую очередь, с недостаточной языковой подготовкой, преодолением различий в системах образования; адаптацией к новым требованиям и системе контроля знаний; организацией учебного процесса;

3) социокультурные трудности, связанные с освоением нового социального и культурного пространства вуза; преодолением языкового барьера в решении коммуникативных проблем в процессе межличностного общения внутри меж-

национальной малой учебной группы, учебного потока, на бытовом уровне [1, с. 319].

Общепризнанные представления об адаптации позволяют рассматривать ее не только как процесс приспособления организма к устойчивым и изменяющимся условиям среды, но и прежде всего как приспособление человека к жизни в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что позиции современных авторов по проблемам культурной адаптации иностранных студентов фактически совпадают. Их можно кратко сформулировать следующим образом: большинство иностранных студентов сталкиваются с трудностями физиологического, психологического и социально-бытового характера.

У иностранных студентов (особенно из стран – бывших советских республик) Российская Федерация сегодня считается одной из основных и престижных стран для получения высшего образования, поскольку российское образование общепризнано фундаментальным и относительно дешёвым. Иностранные студенты, приезжая учиться в Россию, поступают на различные факультеты: кто-то на языковые, чтобы выучить русский язык, кто-то на технические специальности, однако перед этим год или более они должны учить русский язык в России. Соответственно, для них существует ряд адаптационных трудностей, с которыми они сталкиваются по приезде в Россию, особенно в Сибирь.

Для более точного выявления трудностей культурной адаптации иностранных студентов сибирских вузов нами был проведён ассоциативный эксперимент и опрос студентов в виде интервью. Мы полагали, что слова-стимулы, предложенные нами студентам, должны вызвать у них определённые семантико-когнитивные ассоциации.

По мнению А. А. Залевской, ассоциативный эксперимент вскрывает такие характеристики психологической структуры значения слова, которые отражают языковой, когнитивный и эмоциональный «фон» или «контекст», специфичный для носителей того или иного языка. Таким образом, ассоциативное поле определяемого слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент концептосферы этноса, отражённый и закреплённый в сознании «среднего носителя этнического языка и культуры» [2, с. 113].

В проведенном нами эксперименте принимали участие студенты в возрасте от 20 до 25 лет из стран Европы (Италия, Германия, Чехия), Индии и Китая. Вопросы касались различных тем, начиная от студенческой жизни и заканчивая русской национальной кухней.

Результаты ассоциативного эксперимента позволили нам сделать выводы о том, в чем именно иностранные студенты испытывают наибольшие трудности. К таким трудностям, судя по полученным данным, можно отнести:

- **климат**. Большинство иностранных студентов боится сибирских морозов, сибирской зимы. Так, их первые ассоциации к слову «мороз» были: *Сибирь*, *минус сорок градусов*, *холод*. Понятно, что им трудно адаптироваться к российским погодным условиям;

- **еда**. Цены в магазинах пугают иностранцев, а нехватка овощей и фруктов не только зимой, но и летом усложняет их пребывание в Сибири. Не все из опрошенных студентов воспринимают нашу традиционную кухню, например, одной из ассоциаций к пельменям была *нехорошая еда*;
- **городская среда**. У многих иностранцев ассоциацией к слову «пробки» были *страх опоздания*, *много людей*. Однако стоит отметить, что все опрошенные итальянцы в первую очередь подумали о пробках от вина. Возможно, в Италии проблема с пробками на дорогах не так актуальна, как в России, или значение ‘дорожный затор’ им неизвестно. Кроме того, была затронута тема городского транспорта. Иностранные студенты говорили, что в Новосибирске недостаточно такси, что создаёт дополнительные трудности в передвижении по большому городу, хотя были и мнения о том, что Новосибирск – это маленький город;
- **университет** (условия обучения). У большинства опрошенных студентов слова-стимулы вызвали следующие ассоциации: *страх*, *плохая оценка*, *трудно*, *стресс*. Можно сделать вывод о том, что учёба в российских вузах даётся им нелегко и они испытывают трудности в обучении, в том числе и русскому языку.

Кроме эксперимента, мы задавали вопросы, связанные с пребыванием иностранцев в Сибири, во время неформальных встреч с иностранными студентами.

По ходу беседы «за чаем» студенты, приехавшие из Великобритании, охотно делились своими положительными и отрицательными впечатлениями о России. Так, например, иностранцам нравится русское гостеприимство, национальная кухня, кому-то нравятся сибирские морозы и, конечно, природа России. Однако они долго привыкали к российским дорогам и непунктуальности русских людей. Многие говорили о трудностях в обучении, о большом количестве домашней работы.

Как показал проведенный нами опрос иностранных учащихся, самым главным препятствием на пути освоения ими российской действительности является языковой барьер. Большинство опрошенных приехали в Россию, не зная русского языка или зная его лишь на разговорно-бытовом уровне. Это объясняется тем, что студенты не планировали приезд именно в Россию – главным для них было желание получить образование за границей, они выбирали место учебы, исходя из престижности вуза (в данном случае это был Томский государственный университет).

Важную роль в процессе адаптации играют отношения в группе, а именно возможность для иностранных студентов доверительно общаться со студентами – носителями языка, рассчитывать на их помощь. Как правило, сокурсники помогают им адаптироваться к университетской жизни: к условиям обучения и требованиям преподавателей, к новым социокультурным условиям, в том числе и к стилю общения с преподавателями. Иногда встречаются случаи насмешек над плохим русским языком иностранцев, их внешним видом, привычками, традициями. К сожалению, в последнее десятилетие в студенческой среде отмечаются случаи проявления национализма.

Таким образом, можно констатировать необходимость создания ряда условий для оптимизации процесса адаптации иностранных студентов к образовательной системе в России в целом и в сибирском вузе в частности.

Одним из способов адаптации в сибирских вузах можно назвать подселение иностранцев в общежития к русским студентам. Ежедневное общение с русскими людьми, совместный быт помогают быстрее адаптироваться, освоить русскую речь, что положительно сказывается на аккультурации студентов. Совместное приготовление пищи, взаимное угощение блюдами русской и, например, китайской кухни сближает представителей двух народов и создаёт необходимый комфортный психологический климат.

Отдельно стоит сказать о проблемах культурной адаптации студентов из Китая, обучающихся в Новосибирске, так как разница наших культур достаточно велика. Студенты из Китая проявляют интерес к искусству, творчеству, проблемам смысла жизни и интеллектуальным вопросам, при этом они испытывают серьёзные проблемы в общении с российскими студентами, плохо входят в социум и интегрируются в студенческое сообщество. Понимая эти проблемы, необходимо обучать их невербальным средствам общения, особенностям русской культуры и русским традициям – всему тому, что поможет преодолевать им не столько языковой, сколько культурный барьер.

Пребывание иностранных студентов в российских вузах включает три составляющие: обучение, воспитание и аккультурацию. Овладение русским языком и особенно базовыми знаниями русской культуры является для иностранцев одновременно условием успешной межкультурной коммуникации и инструментом общения, а также главным средством формирования профессиональной компетентности [6, с. 23].

Приобщить иностранных студентов к сибирским реалиям можно посредством культурных мероприятий: посещение историко-краеведческих музеев Сибири, участие в русских традиционных (Новый год, Старый новый год, колядование на Святки, Масленица и др.), а также современных праздниках (День города, День Победы, День студентов и т. д.). Вызвать положительные эмоции в условиях сурового сибирского климата, показать настоящую, красивую русскую зиму можно и через совместный досуг на базах отдыха, туризма (например, на Алтае, в Шерегеше и др.). Именно это приводит к более легкому вхождению в русскую культуру и язык. Конечно, в каждом случае необходим индивидуальный подход, учитывающий национальные и этнокультурные особенности иностранных учащихся, степень их подготовленности к российским реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глебова Т. А. Языковая подготовка студентов-иностранцев в поликультурной среде вуза // Вестник МГИМО Университета. – Вып. № 4 (37). – 2014. – С. 317–323.

2. Залевская А. А. Введение в психолингвситику. – М., 1999. – 348 с.

3. Колосовская Т. А., Едиханова Ю. М. Кросс-культурная адаптация студентов иностранцев в вузе // Вестник ШГПИ. – Вып. № 4/2015. – С. 117–122.

4. Линьли Ф. Особенности адаптации китайских студентов к профессиональному обучению за рубежом // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Вып. № 7 / 2010. – С. 127–131.

5. Лях П. П. Трудности языковой адаптации иностранных студентов в Тихоокеанском государственном университете [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». – Том 5. № 3. – 2014. – С. 232–238. – Режим доступа: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_5_143.pdf.

6. Романюк Е. С., Филимонова Н. Ю. Национально-психологические особенности китайских учащихся на предвузовском этапе обучения // Сборник научных трудов SWorld. – 2014. – Вып. 3, том 14. – С. 21–25.

REFERENCES

1. Glebova T. A. Yazykovaya podgotovka studentov-inostrantsev v polikul'turnoy srede vuza // Vestnik MGIMO Universiteta. – Vyp. № 4 (37). – 2014. – S. 317–323. [in Russian]

2. Zalevskaya A. A. Vvedenie v psikholingvsitiku. – M., 1999. – 348 s. [in Russian]

3. Kolosovskaya T. A., Edikhanova Yu. M. Kross-kul'turnaya adaptatsiya studentov inostrantsev v vuze // Vestnik ShGPI. – Vyp. №4/2015. – S.117–122. [in Russian]

4. Lin'li F. Osobennosti adaptatsii kitayskikh studentov k professional'nomu obucheniyu za rubezhom // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. – Vyp. № 7 / 2010. – S. 127–131. [in Russian]

5. Lyakh P. P. Trudnosti yazykovoy adaptatsii inostrannykh studentov v Tikhookeanskom gosudarstvennom universitete [Elektronnyy resurs] // Elektronnoe nauchnoe izdanie «Uchenye zametki TOGU». – Tom 5. № 3. – 2014. – S. 232–238. – Rezhim dostupa: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_5_143.pdf. [in Russian]

6. Romanyuk E. S., Filimonova N. Yu. Natsional'no-psikhologicheskie osobennosti kitayskikh uchashchikhsya na predvuzovskom etape obucheniya // Sbornik nauchnykh trudov SWorld. – 2014. – Vyp. 3, tom 14. – S. 21–25. [in Russian]

УДК 81.42

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ: К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Брем Наталья Сергеевна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирское высшее военное командное училище*, *Новосибирск*, *Россия*, *natasha.brem@gmail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка разграничить понятия «поликультурная личность» и «поликультурная языковая личность». Поликультурная личность рассматривается в ключе межкультурной коммуникации. Поликультурная языковая личность рассматривается с точки зрения теории языковой личности Ю.Н. Караулова.

Ключевые слова: языковая личность; вторичная языковая личность; поликультурная языковая личность; межкультурная коммуникация; культурный шок; лингвистический шок; языковой шок.

MULTICULTURAL LINGUISTIC PERSONALITY VS. POLYCULTURAL PERSONALITY

Brem Natalya Sergeevna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk Higher Military Command School*, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. This article aims to distinguish between the terms Multicultural linguistic personality and Polycultural personality. Polycultural personality is contemplated in the context of intercultural communication. Multicultural linguistic personality is contemplated from the point of view of Karaulov's theory of linguistic personality.

Keywords: polycultural personality; multicultural linguistic personality; linguistic personality; secondary linguistic personality; cultural shock; linguistic shock.

В последнее время в научной литературе активно обсуждается термин «поликультурная языковая личность», который предполагает его отнесение к родовому наименованию «языковая личность», ставшему широко известным после выхода в свет книги Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987 г.). По мнению автора, языковая личность обладает способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых текстов» [4, с. 3]. Ю. Н. Караулов предло-

жил уровневую модель языковой личности, состоящую из нижнего (вербально-семантического), среднего (когнитивного) и высшего (прагматического) уровней [4, с. 8]. Идея оказалась чрезвычайно продуктивной, и в последующие 25 лет теория языковой личности активно развивалась в различных направлениях, в том числе и типологическом [5, с. 241–242] (Таблица 1). Из таблицы следует, что тип той или иной языковой личности определяется на основании аспекта ее изучения.

Таблица 1

Типологии языковых личностей

Тип личности	Исследователь
полилектная («многочеловеческая») и идиолектная («частночеловеческая») личности	В. П. Нерознак
этносемантическая личность	С. Г. Воркачев
диалектная языковая личность	В. Н. Лютикова
элитарная языковая личность	О. Б. Сиротинина, Т. В. Кочеткова
русская языковая личность	Ю. Н. Караулов
языковая и речевая личность	Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова
словарная языковая личность	В. И. Карасик
эмоциональная языковая личность	В. И. Шаховский
типы личностей homo ludens	Т. А. Гридина

Обратимся к заявленному нами в начале статьи термину «поликультурная языковая личность». Этот термин, на наш взгляд, является логичным продолжением предшествующего ему термина «вторичная языковая личность».

Вторичная языковая личность – это совокупность черт человека, которая складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть «языковой картиной мира» носителей этого языка, и концептуальной картиной мира, позволяющей человеку понять новую для него социальную действительность [8, с. 17].

Известно, что язык – не прямолинейная система в том смысле, что если расположить все слова одного языка на одной линии, каждое слово будет иметь много ответвлений, делая линию похожей на дерево. Эти ответвления – значения слов. Каждое слово, как правило, имеет несколько значений, и мы принимаем решение о выборе правильной интерпретации слова исходя из контекста. По сути говоря, мы никогда не «воспринимаем» текстовые сообщения, мы, скорее, декодируем их [2].

Значения слов в разных языках редко совпадают полностью: большая часть лексики неполноэквивалентна. Когда мы говорим на родном языке о чем-то, что представлено в нашем сознании в виде определенной картинки, иностранец, слушая наше сообщение и правильно соотнося наш текст со словами в родном языке, правильно понимая грамматические связи, может в своей голо-

ве при этом рисовать совершенно другую картину. Ср., «пойти на ёлку» – ‘пойти на мероприятие’ (в представлении русского человека) и ‘движение вверх по дереву’ (в представлении иностранца) [3, с. 44–49]. С этой проблемой сталкиваются преподаватели иностранных языков. Оказывается, для адекватного восприятия текста на иностранном языке недостаточно знать перевод слов, необходимо знать разные значения этих слов, их взаимосвязи, их оттенки в разных контекстах.

Кроме различных значений, слова фиксируют различное отношение говорящего к предмету. Из-за эмотивных различий слов, к примеру, польский писатель Яцек Палкевич пишет свои польские книги о русском севере частично на русском языке. Автор объясняет свои трансформации следующим образом: и в русском, и в польском языке есть слово «печь», но в русском языке это слово женского рода, а в польском мужского. Женский род ассоциируется у русского человека с женским началом, поэтому «печь» – мать, кормилица. В польском языке мужской род лишает слово таких оттенков. В подобных случаях Яцек Палкевич пишет слова просто по-русски, чтобы сделать акцент на важных, по его мнению, различиях и максимально точно передать колорит.

Термин «поликультурная языковая личность» был введен Л. П. Халяпиной, которая определяет его так: «поликультурная языковая личность – это личность, в структуре которой средствами иностранного языка сформирован такой комплекс компетенций, который позволяет ей ориентироваться в концептосферах универсального, этнокультурного, социокультурного и индивидуально-культурного типов, что обеспечивает развитие её готовности и способности к активному позитивному взаимодействию с представителями поликультурного мира» [8, с. 22]. А. А. Корякина определяет поликультурную языковую личность как «полилингвальный, толерантный индивид, обладающий навыками поликультурной коммуникации в ситуации культурной плюралистической среды на всех уровнях межкультурной коммуникации: глобальном, межэтническом и межличностном» [6]. Другими словами, это вторичная языковая личность, имеющая черты поликультурной личности, готовой к межкультурной коммуникации.

Поскольку структура языковой личности не ограничивается только прагматическим уровнем, то, как нам кажется, и определение поликультурной языковой личности должно распространяться в том числе на когнитивный и семантический уровни языковой личности, т. е. затрагивать не только нормы поведения в поликультурном обществе, но и языковые умения.

Мы считаем логичным разграничить понятия «поликультурная личность» и «поликультурная языковая личность». Поликультурная личность, по определению Ю. В. Агранат, – это «личность, воспринимающая себя в качестве субъекта полилога культур, имеющая активную жизненную позицию, обладающая развитым чувством эмпатии и толерантности, эмоциональной устойчивостью, способная к продуктивной профессиональной деятельности в условиях культурного многообразия общества» [1, с. 7]. Другими словами, она не испытывает культурного шока или переживает его в более мягкой форме, а также не вызывает культурный шок у своего собеседника.

Проведем аналогию с поликультурной языковой личностью. В лингвистике существует термин «лингвистический шок», обозначающий явление в межкультурном общении, при котором иноязычные слова воспринимаются как созвучные с неприличными или нецензурными выражениями на родном языке. «Языковой шок» могут вызывать и грамматические явления, отсутствующие в родном языке, и потому непонятные или плохо понятные при изучении иностранного (например, категория вида в русском языке традиционно вызывает трудности у иностранцев). Учитывая это, термин «поликультурная языковая личность» можно условно определить так: это человек, который в новой языковой среде не испытывает языкового шока или переживает его в более мягкой форме.

Таким образом, поликультурная языковая личность – это лингвистически эрудированный, толерантный человек, открытый для изучения иностранных языков. Поликультурная языковая личность понимает и принимает многообразие языков, предполагает различия в языках, использует знания о родстве языков, видит структуру языка, умеет догадываться о значении слов и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранат Ю. В. Формирование поликультурной личности будущих специалистов социальной сферы при обучении иностранному языку в вузе: автореф. … канд. пед. наук. – Хабаровск, 2009. – 23 с.

2. Брагина М. А., Дронов В. В. Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка: учебное пособие / под научной ред. В. М. Филиппова. – М.: Московский университет дружбы народов, 2008. – 348 с.

3. Голандам А. К. Реалии русского языка в контексте межкультурной коммуникации и возможности их перевода на персидский язык // Языковые изменения: пространство, время, концепт. Материалы IV Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. – М.: Министерство обороны РФ Военный университет, 2010. – С. 44–49.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.

5. Кыштымова Т. В. Понятие «языковая личность» в современной лингвистике // Вестник ЧГПУ. – № 6. – 2014. – С. 241–242.

6. Корякина А. А. О поликультурной языковой личности [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки». – 2016. – Т. 4. – № 6. – Режим доступа: http://mir-nauki.com/PDF/25PDMN616.pdf.

7. Халяпина Л. П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам: автореф. … д-ра пед. наук. – СПб., 2006. – 48 с.

8. Халяпина Л. П. Трансформация концепта «языковая личность» в теории и методике обучения иностранным языкам // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – Т. 7. – №. 21-1. – С. 92–102.

REFERENCES

1. Agranat Yu. V. Formirovanie polikul'turnoy lichnosti budushchikh spetsialistov sotsial'noy sfery pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuze: Avtoref. … kand. ped. nauk. – Khabarovsk, 2009. – 23 s. [in Russian]
2. Bragina M. A., Dronov V. V. Lingvokul'turovedcheskie aspekty formirovaniya yazykovogo soznaniya inostrannykh studentov v protsesse izucheniya russkogo yazyka: uchebnoe posobie / pod nauchnoy red. V. M. Filippova. – M.: Moskovskiy universitet druzhby narodov, 2008. – 348 s. [in Russian]
3. Golandam A. K. Realii russkogo yazyka v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii i vozmozhnosti ikh perevoda na persidskiy yazyk // Yazykovye izmeneniya: prostranstvo, vremya, kontsept. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktual'nym problemam teorii yazyka i kommunikatsii. – M.: Ministerstvo oborony RF Voennyy universitet, 2010. – S. 44 – 49. [in Russian]
4. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. – M.: LKI, URSS Editorial, 2010. – 264 s. [in Russian]
5. Kyshtymova T. V. Ponyatie «yazykovaya lichnost'» v sovremennoy lingvistike // Vestnik ChGPU. – № 6. – 2014. – S. 241–242. [in Russian]
6. Koryakina A. A. O polikul'turnoy yazykovoy lichnosti [Elektronnyy resurs] // Internet-zhurnal «Mir nauki». – 2016. – T. 4. – № 6. – Rezhim dostupa: http://mir-nauki.com/PDF/25PDMN616.pdf. [in Russian]
7. Khalyapina L. P. Metodicheskaya sistema formirovaniya polikul'turnoy yazykovoy lichnosti posredstvom internet-kommunikatsii v protsesse obucheniya inostrannym yazykam: avtoref. … d-ra ped. nauk. – SPb., 2006. – 48 s. [in Russian]
8. Khalyapina L. P. Transformatsiya kontsepta «yazykovaya lichnost'» v teorii i metodike obucheniya inostrannym yazykam // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. – 2006. – T. 7. – №. 21-1. – S. 92–102. [in Russian]

УДК 81.42

КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА ЗА ПРЕДЕЛАМИ СИМВОЛОВ

Василенко Татьяна Егоровна

Новосибирский государственный технический университет,
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Новосибирск, Россия, t.e.vasilenko@gmail.com

Аннотация. В статье обозначается проблема формирования лингвокультурных знаний, позволяющих производить «дешифровку» привычных китайских культурных символов в условиях отсутствия специализированных востоковедческих курсов, а также в условиях дефицита времени.

Ключевые слова: китайский язык; востоковедение; второй иностранный язык.

CHINESE CULTURE BEYOND SYMBOLS

Vasilenko Tatyana Egorovna

Novosibirsk State Technical University, *Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of People's Economy and Public Administration by RF President Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. In the article we discuss a problem of forming lingvo-cultural knowledges which let the learner to "decode" usual Chinese culture symbols, under the circumstances of lack of specialized eastern studies courses and lack of time.

Keywords: Chinese language; oriental studies; second foreign language.

По словам С. Г. Тер-Минасовой, «языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [2, с. 27]. Необходимость включения культурологического аспекта очевидна и для изучающих китайский язык. По словам Дж. Ортон, главы Мельбурнского центра подготовки преподавателей китайского языка, вопрос, «что же такое китайская культура за пределами топиков на темы истории, общества и культуры» [3, с. 161], ставится нечасто. Несмотря на процессы глобализации и доступность любой информации, знания студентов о Китае и китайской культуре стереотипны и зачастую остаются таковыми. В вузе с профессиональной востоковедческой подготовкой стереотипы возможно преодолеть отдельными курсами по истории, литературе, культуре Китая, которые позволяют воспринять изучаемый язык в контексте страны и народа. В рамках неязыкового (невостоковедческого) вуза / факультета это сделать сложнее, так как специфических «восточных» курсов не так много или их нет вообще. В таком случае задача преодоления межкультурного разрыва встает перед преподавателем китайского языка. Возникает следующий вопрос: с какими аспектами китайской культуры, в какой степени и в какой форме знакомить студентов, чтобы выйти за пределы культурных символов? Нам представляется, что, так как курса культурологии у студентов нет и часов на собственно китайский язык отведено немного, то знания эти должны сочетаться с языковым материалом, подлежащим изучению в данный момент.

Известно, что изучать язык – значит изучать культуру того народа, который говорит на этом языке. Как преподнести такую культурологическую информацию? Китайская культура, как и китайское слово, представляется автору феноменом, имеющим атомарный вид – с ядром, вокруг которого вращаются факты личной и общественной жизни, политики, экономики, искусства и других сфер. Нам представляется, что китайской ментальности свойственны повторяемость и перетекание, взаимопроникновение одних сфер жизни в другие: медицины в повседневную жизнь и в особенности национальной кухни, национальной кухни в образ жизни, в праздники и пр. Изучение студентами различных аспектов китайской культуры должно быть также сконцентрировано вокруг некоего центра. Таким центром мы, вслед за академиком В. М. Алексе-

евым, считаем понятие «вэнь» (文) – очень широкое понятие, обозначающее духовную и материальную культуру и ее объекты, упорядоченность, цивилизованность, письменную культуру [1]. Само понятие «культура» в китайском языке –文化 (вэнь хуа) – состоит из двух иероглифов, первый из которых (вэнь) обозначает «знак, письменность, просвещение, образование, словесность, упорядоченность в противовес природному, стихийному началу» [Там же], а второй (хуа) – изменение, трансформация. Исходя из структуры слова и логики китайского словообразования, мы можем заключить, что культура – это трансформация из дикого, стихийного, природного состояния в цивилизованное и упорядоченное, в сторону вэнь и посредством вэнь, то есть, в узком смысле, письменного знака. Значение иероглифической письменности при изучении китайского языка трудно переоценить. Представителям западного мира, в том числе и российским студентам, при изучении китайского языка свойственно «сопротивляться» факту иероглифической письменности, она кажется студентам избыточной и запутанной, требующей огромного вложения сил и времени. Эти трудности действительно существуют, но могут быть преодолены при рациональном выстраивании учебного процесса. В течение первого года обучения студенты должны освоить артикуляцию китайского языка, тональную систему, систему черт, ключей и иероглифов. Предлагается ввести в курс иероглифики в кратком виде сведения о системах письменности вообще, об особенностях иероглифических письменностей, о взаимосвязи вида письменности и картины мира. Нам кажется, что изучение китайской культуры в ее истинном варианте возможно именно через слово, а не через лубочные картинки драконов, фонариков и изображений Китайской стены, которые есть только следствие понятия «вэнь», которое, подобно европейскому Логосу, творит и организует пространство вокруг себя. Мы предлагаем сделать иероглифику отправным пунктом для разговора о культурных реалиях.

На начальном этапе студенты изучают базовые бытовые темы, общие для всех языков и народов: этикетные фразы, счет, даты, семейные отношения, возраст, покупки, здоровье. Каждая из этих тем позволяет в большей или меньшей мере делать культурологические отступления, основанные на иероглифике, следуя принципу концентричности обучения. Так, на этапе изучения ключей, который мы считаем обязательным даже при небольшой часовой нагрузке в неделю, студенты встречают такое понятие, как циклические знаки десятеричного и двенадцатеричного циклов. Второй раз они встретятся студентам в теме «Время». На этом этапе можно познакомить студентов с понятием «страж», то есть деления суток на двоечасия, каждое из которых обозначено циклическим знаком двенадцатеричного цикла. В дальнейшем эта тема получит свое развитие при разговоре о календаре, зодиакальном цикле, медицине.

Рассуждая о китайских праздниках, следует отметить их народное происхождение и связь с сельскохозяйственным календарем и климатическими особенностями региона. В качестве примера моста между знаком и культурой мы можем привести само слово «праздник» – «节日» («цзе жи»). В его состав входят два иероглифа, первый из которых употребляется в значении собственно

«праздник», но помимо этого имеет значения «стык, коленце (бамбука), отрезок времени, сезон года». Значение «праздник» в списке значений – пятое. Значение слова «цзе жи» – это, дословно, день стыка сезонов, то есть один из двадцати четырех дней-начал сезонов по китайскому сельскохозяйственному (лунному) календарю, который и поныне играет большую роль в повседневной жизни Китая. Согласно китайским представлениям, каждый из этих двадцати четырех дней знаменует выраженную климатическую перемену, то есть является не столько праздничным, сколько значимым. Так как традиционные китайские праздники привязаны к лунному календарю, то тоже сохраняют эту особенность.

Несомненную сложность для русских учащихся составляют отличные от принятых в европейских языках принципы изложения мысли и разворачивания фразы. С самых первых уроков учащиеся сталкиваются с особенностями грамматического строя китайского языка, принципиально отличающегося от русского, поэтому предлагается познакомить студентов с позиционной грамматикой и топиковой структурой китайского языка, стараясь по возможности не применять термины европейских грамматик, а постепенно, по мере появления знакомить студентов с китайскими грамматическими терминами, делая акцент на различиях. Эти грамматические различия проистекают из особенностей слова в китайском языке и возвращают нас к понятию «вэнь».

При освоении таких базовых тем, как семейные и дружеские отношения, предлагается донести до студентов мысль о системе отношений (гуаньси) как о движущей силе китайской культуры, которая «провозглашает ценность социальной гармонии, поддерживаемой структурой иерархических прав» [2, с. 161]. Для достижения этой цели студентов необходимо познакомить с базовыми понятиями основных философских систем, сформировавших «китайскую картину мира»: с даосизмом, буддизмом и в особенности с конфуцианством. Представляется, что на основе полученных знаний дальнейшее знакомство с отдельными аспектами китайской культуры, будь то праздники, обычаи, даже каллиграфия и медицина, будет более продуктивным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобзев А. И., Меньшиков Л. В. Портал «Синология». Вэнь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://goo.gl/dlVkLD.

2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 624 с.

3. Jane Orton. Educating Chinese Language Teachers // Teaching and Learning Chinese in Global Contexts. London, UK: Continuum, 2011. – Pp. 151–164.

REFERENCES

1. Kobzev A. I., Men'shikov L. V. Portal «Sinologija». Vjen' [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://goo.gl/dlVkLD. [in Russian]

2. Ter-Minasova S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. – M., 2000. – 624 s. [in Russian]

3. Jane Orton. Educating Chinese Language Teachers // Teaching and Learning Chinese in Global Contexts. London, UK: Continuum, 2011. Pp. 151–164.

УДК 81.42

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И РОССИЕЙ: ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО БИЛИНГВА

Дебренн Мишель

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, *Новосибирск*, *Россия*, *micheledebrenne@gmail.com*

Аннотация. В настоящей работе собраны некоторые наблюдения о таких краеугольных темах практической межкультурной коммуникации, как первый контакт, обращение на «ты» или на «вы» и сквернословие, но в призме собственных жизненных наблюдений.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; приветствие; этикет; нецензурная лексика; гендер.

FRENCH-RUSSIAN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: BEING CROSS-CULTURAL BILINGUAL

Debrenne Michèle

Novosibirsk State University, *Novosibirsk*, *Russia*, *micheledebrenne@gmail.com*

Abstract. In this paper are collected some observations about such important topics in practical cross-cultural communication as: behavior during first contact, the use of “tu” vs “vous” in Russian end French and swearing, based on personal experience of living in Russia for over 40 years.

Key words: cross-cultural communication; salutation; etiquette; swearing; gender.

Основанная на личном опыте 40-летнего осознанного пребывания автора – француженки – в России при активных личных и профессиональных межкультурных контактах, настоящая статья продолжает серию публикаций, реализованных в направлении лингвистической интроспекции и написанных в стиле эссе [1; 2].

1. Первый контакт

В данном разделе пойдет речь о межкультурных различиях между носителями французской и русской лингвокультуры при встречах, а именно о практике рукопожатия, поцелуя и вербального приветствия.

1.1 Рукопожатие

Во Франции при первом контакте (знакомстве) два незнакомых человека подают друг другу руку для рукопожатия, независимо от половой принадлежности здоровающихся. Если в устарелых книгах о правилах этикета писалось,

что первая должна подать руку женщина, то сейчас об этом правиле немного позабыли и это движение происходит спонтанно. Отказ от рукопожатия справедливо воспринимается как оскорбление. В последнее время женское рукопожатие может даже служить признаком ассимиляции для представительниц мусульманской лингвокультуры, а воздержание от протягивания руки по отношению к мусульманке (ожидая, что она сама это сделает) – показателем хорошего (толерантного) воспитания со стороны молодого человека.

В России, как известно, ситуация немного другая. Как правило, за руку здороваются только мужчины, между собой женщины не пожимают руку, этого не происходит в смешанных парах. Полагая, что тем дамам, кому, как и мне, приходится часто переходить из одной коммуникативной среды в другую, знакомо чувство неловкости, когда, возвращаясь из Франции, где по несколько раз на день приходилось обмениваться крепким рукопожатием, встречаешь недоуменный взгляд русского мужчины, видящего твою протянутую руку. Он ее, конечно же, пожмет, но так, нехотя, как бы боясь сломать, без должной симпатии и взаимности. В его глазах так и читается неодобрение «западных манер».

Любопытно заметить, что так в России было не всегда. Наши исследования франкоязычных дневников княгини О.И. Орловой-Давыдовой [7] доказывают, что в XIX веке в среде русских аристократов женщины и мужчины здоровались за руку, как видно, например, в следующей дневниковой записи за 27 января 1845 г:

«*Nous revenons dans son cabinet où bientôt après arrive l'Empereur. J'étais touchée de le revoir après ses malheurs. Il m'a tendu cordialement la main et m'a dit qu'il m'avait souvent rencontré en traîneau*».[8]

Было бы интересно проследить, когда был утрачен этот обычай среди российских женщин.

1.2 Поцелуй

О том, что французы целуются при встрече – широко известно. Этот вопрос активно обсуждается и в учебниках французского языка для иностранцев, и в специальных блогах. Выпускаются специальные видеоролики, объясняющие все тонкости данного ритуала: когда (при встрече и при расставании, в любом коллективе, невзирая на эпидемии гриппа или энтеровируса), сколько раз (от двух до четырех, в зависимости от региона, семейной традиции, возможно – настроения), как (в пространстве мимо щеки, не касаясь губами щеку, при этом чмокая)… Это один из первых социальных ритуалов, которым обучают маленьких детей, часто сопротивляющихся этому. Целуются все – мужчины, женщины, стар и млад, начальники и подчиненные. Очень часто первое деловое знакомство, начавшееся с рукопожатия, закончится поцелуями.

В русско-французском контексте возникает ситуация взаимного культурного шока: если русским непривычен обычай целоваться со всеми так часто и так

[8] Мы вернулись в ее кабинет, куда вскоре пришел Император. Я была тронута видеть его после постигшего его несчастия. Он сердечно подал мне руку и сказал, что часто видел меня в санях.

«впустую», французы шокированы русским поцелуем в губы, идущего от христосования. Даже мой невинный – но прицельный – поцелуй с коллегой может казаться очень подозрительным наблюдавшему его французу, который тут же присочинит несуществующий роман; тогда как ритуальный «чмок-чмок» с тем или иным директором французского вуза вызывает недоумение у моих российских коллег: «Как?! Мишель целуется с директором Эколь Политекник?»

1.3 Словесное приветствие

При первом контакте с малознакомым человеком, если с ним не целоваться или не жать ему руку, нужно, по меньшей мере, здороваться. Казалось бы, нет никакой разницы между французским и российским обычаем. Однако так кажется только на первый взгляд. Русский человек, как правило, не здоровается с человеком, с которым заходит в лифт (неважно, сосед ли он или просто «попутчик»), и тупо смотрит себе под ноги в течение всей поездки. Также ему покажется странным здороваться с водителем и/или кондуктором автобуса или заходя в любой магазин. Во Франции воздержаться от громкого «бонжура» в этих ситуациях – и многих аналогичных – считается признаком невоспитанности. И тут непонятно, что лучше: сохранив французскую привычку, здороваться налево и направо с соседями? Можно поставить их в неловкое положение, поскольку это воспринимается как нарушение приватности и навязывание нежелательного контакта; а, забыв об этой привычке, во Франции, можно стать невольным героем следующей истории (с сайта VieDeMerde, где любой человек может рассказать о постигшей его неудаче[9], март 2017):

«*Aujourd'hui*, *après avoir demandé un croissant à la boulangerie*, *la vendeuse m'annonce tout sourire*: «*Et de 100*! *Félicitations*!» *Je lui demande de m'expliquer*: «*Vous êtes le 100è client désagréable à ne pas me dire bonjour*»»[10]

Как видно, грубиянов, не соблюдающих этот ритуал, немало, но при этом они заслуживают справедливого общественного гнева.

2. Обращение на «ты» или на «вы»

Казалось бы, для носителей французского и русского языков не должно быть больших проблем: грамматические правила, в целом, схожи, а их применение претерпевало более или менее одинаковую эволюцию от обращения на «ты» к римскому императору или к царю до постепенного перехода к использованию «вы» по отношению к старшим или тем, кто выше по иерархической лестнице. Как в России, так и во Франции, революция принесла «уравниловку» с всеобщим обращением на «ты». 8-го ноября 1793 г. депутаты Конвента приняли декрет, вводящий обязательное тыканье среди всех французских граждан. Однако уже к 1795 году его обязательный характер смягчился, и оно постепенно сменилось на ту систему, которую мы имеем в настоящее время [11; 12]. Конечно же, в своих деталях системы этикетного обращения в рус-

[9] Аналогичный русскоязычный – но существенно менее активный – сайт «не фарт».

[10] Сегодня, я попросил круассан у булочницы, а она мне отвечает «Вы – сотый! Поздравляю!». Я попросил ее объяснить, в чем дело, и она сказала: «Вы сегодня сотый невоспитанный клиент, который со мной не поздоровался!»

ском и во французском языке имеют много отличий: наличие отчества в русском языке (постепенно уходящее на второй план в связи с глобализацией); обязательная заглавная буква на письме для «Вы»; до конца не осуществленный переход от «советской» системы «товарищ-гражданин» к новой; курьезная «девушка» в обращении в женщине любого возраста при исчезновении «mademoiselle» из современных французских формуляров и т. д., но выканье/тыканье, в целом, казалось бы, функционирует одинаково. К примеру, в обоих языках имеются эквивалентные формулы для перехода с одного обращения к другому при изменении степени близости. Как правило, в постмодеристкой Франции переход к обращению на «ты» происходит быстрее, чем в России. При этом наблюдаются забавные попытки отказаться от такого «амикошонства»: например, с первого января 2015 года полицейским официально предписано обращаться на «вы» ко всем задержанным, а вопрос о том, как должны обращаться воспитанники детских садов, ученики младших, средних и старших классов к учителям и учителя к ученикам, вызывает жаркие дебаты. В то же время на некоторых предприятиях обязательное всеобщее обращение на «ты» насаждается сверху, вызывая насмешки и протест.

В России мне, воспитанной в среде интеллектуалов левого толка, где бытует обращение на «ты» с первой встречи, пришлось привыкнуть к другим правилам, но до сих пор чаще всего инициатива перехода на «ты» исходит от меня. И наоборот, французы моего возраста и социального слоя – вузовские преподаватели – стали удивляться, что я не сразу перехожу с ними на «ты».

При этом только спустя 40 лет стало понятно, в чем смысл одной особенности русской системы, глубоко шокирующей меня. Для француза совершенно непостижимо вернуться к обращению на «вы» после того, как был перейден рубеж и два коммуниканта договорились общаться на «ты». Если это случается, это должно быть специально оговорено, как в следующей ситуации: историк Франк Ферран пригласил участвовать в своей радиопередаче своего друга и коллегу Стефана Берна (оба – известные французские медийные фигуры) и предварил дискуссию такими словами: «*Bonjour Stéphane Bern*! *On va se vouvoyer*, *ça parait un peu bizarre*, *mais c'est comme ça à la radio*»[11] («Au Coeur de l'histoire», передача за 07 ноября 2015). Во всех прочих случаях обратный переход от «ты» к «вы» воспринимается как потеря доверия или дружбы, одним словом – как оскорбление. В письме Наполеона своей жене Жозефине можно увидеть, с какой болью это воспринимается: «*…cependant*, *dans ta lettre du 23 au 26 ventôse*, *tu me traites de vous*. *Vous toi-même*! *Ah*! *mauvaise*, *comment as-tu pu écrire cette lettre*!»[12].

В отличие от России, где, в зависимости от коммуникативной ситуации, одному и тому же человеку нужно то «ты», то «вы», во Франции чаще всего

[11] «Добрый день, Стефан Берн! Давай будем на «вы», это немного странно выглядит, но на радио так делается». При этом, по моим наблюдениям, в других передачах этого же радиоканала – Европа-1 – запрета на тыканья не наблюдается.

[12] «В письме от 23-26 вантоз, ты обзываешь меня «вы». Сама ты «вы»! Ах ты, злая, как ты смогла такое писать!»

ситуация не играет никакой роли. Приведем пример: в самой престижной высшей школе Франции Эколь Политекник в ходе посвященного наступлению нового года открытого собрания, на котором присутствуют несколько сот человек, с трибуны, в микрофон, один преподаватель обращается к директору Эколь генералу Ксавье Мишелью с такими словами: «*Général Michel*, *cette année tu as réussi à*....»[13]. Никто не шокирован, все нормально – преподаватель с генералом на ты «по жизни», и генерал бы обиделся, если бы он услышал «вы». В России же обращение на «ты» в официальной обстановке практически немыслимо.

Носителю французской лингвокультуры сложно преодолеть в себе ощущение, что обратный переход с «вы» на «ты» не является отказом от дружбы или потерей доверия. В результате, в официальных ситуациях у меня сохранилась привычка, приобретенная во времена работы в НИИ в советское время, где практиковалось «командировочное тыканье», говорить безличными оборотами («нужно сделать» вместо «ты бы сделал», «добрый день» вместо «здравствуйте» и т. д.) или промолчать. Это не очень удобно, но до сих пор не могу преодолеть чувство, что «выкать» человеку, которому ты до этого «тыкал», – значит манкировать дружбой. Даже если прекрасно знаю (головой), что, обращаясь к человеку на «ты» в официальной обстановке, я как раз ставлю его в неудобное положение, и он имеет полное право на меня обижаться. Таким образом, если во Франции обращение на «ты» или на «вы» в первую очередь связано с отношениями между коммуникантами, несмотря на ситуацию, в России же определяющую роль играет коммуникативная ситуация, и только потом – личные отношения.

3. Ненормативная лексика

Третья прагматическая ситуация, в которой, несмотря на проведенные в России годы, разница между моей практикой родного и благоприобретенного языков остается заметной, относится к классике межкультурной коммуникации, коей является использование табуированной лексики. Исследования билингвизма показывают, что, как правило, человек не воспринимает табуированную лексику и инвективы с одинаковой силой на родном и иностранном языках [8; 9; 10]. Иностранец охотно изучает ненормативную лексику на новом для себя языке и использует ее охотнее, чем свою, не потому, что он не понимает, что говорит, или не знает, в каких ситуациях можно, а в каких – нельзя, а потому, что иноязычная лексика кажется ему безобиднее. Слова же родного языка ранят более глубоко. С другой стороны, в некоторых случаях кажется, что употребление ненормативной лексики иностранцем оскорбляет больше, чем использование ее «своим» – как будто ему нельзя употреблять эти слова так же, как ребенку.

В России ситуация осложняется ярко выраженным гендерным фактором. Дело в том, что (помимо того, что носители русского языка считают русский мат явлением уникальным и неповторимым, с чем можно спорить, но это

[13] Генерал Мишель, в этом году тебе удалось…

предмет другого разговора), в русском обществе до сих пор действует сильное гендерное различие по отношению к ненормативной лексике: ни ругаться при женщинах нельзя, ни женщине ругаться нельзя[14]. В России публиковать лингвистические работы о нецензурной лексике без многоточий удается только В. И. Жельвису – мужчине [4; 5]. Как бы то ни было, носительница французского языка оказывается в затруднительном положении: невозможность применять в подходящих ситуациях крепкие слова приводит к фрустрации. Справедливости ради нужно сказать, что, по крайней мере, в интеллигентской среде этот запрет полностью интегрирован женщинами, которые не только не возмущаются, что им нельзя ругаться, а искренне шокированы (даже женщины-лингвисты) при столкновении со сквернословием. Тому доказательство – следующая ситуация, в которой была допущена грубая межкультурная ошибка.

Париж, встреча в одном престижном университете. Участники встречи – деканы и заместители деканов факультетов гуманитарного направления (все трое – дамы старше пятидесяти лет) и заведующий соответствующим факультетом принимающего вуза (мужчина). Беседа ведется на русском языке, который французский профессор – славист – знает в совершенстве. Профессор объясняет, почему он перестал читать лекции русским студент(к)ам, которых немало на его отделении, мотивируя свой отказ словами своего французского коллеги: «*Ну что*, *ты пошел читать лекцию своим блядушкам*?». Русская публика – в шоке. Профессор, не заметив, по всей видимости, эффекта, произведенного своими словами, продолжает беседу как ни в чем не бывало. Едва начавшееся сотрудничество с этим факультетом было надолго свернуто, пока не сменились руководители подразделений с обеих сторон.

Что произошло? Остается невыясненным, на каком языке протекала исходная беседа двух французских профессоров, обсуждающих поведение русских студенток. Вполне возможно, учитывая специфику факультета, что беседа велась на русском языке. В таком случае, первый преподаватель перевел возникшее в своей внутренней речи *petite pute* редким гипокоризмом *блядушка*. Если же предположить, что беседа велась на французском, это означает, что неудачное наименование появилось на этапе перевода вторым профессором слов своего коллеги. В любом случае, произошла межъязыковая интерференция на коммуникативном уровне. Ведь в беседе с французскими коллегами соответствующее высказывание не произвело бы никакого эффекта, и французский профессор не остался бы в памяти своих русских коллег как матерщинник. На наш взгляд, были нарушены несколько аспектов общения.

Во-первых, собеседник неправильно оценил ситуацию и не учел гендерную идентичность своих собеседников. Напоминаем, что во Франции не существует табу на произнесение грубых, неприличных слов в присутствии дам (оно, если и сохранилось, то только по отношению к детям). К тому же, наш французский коллега, который, конечно же, знал о существовании такого табу в

[14] Понятно, что это зависит и от социальных слоев, и от возраста, и от эпохи. То, как в последнее время выражаются некоторые школьницы или спортсменки, явно противоречит этому общему правилу.

России, видимо, счел, что в русской университетской среде им можно пренебречь так же, как во французской, – ведь во Франции интеллигенция выражается порой существенно более грубо, нежели другие слои населения.

Во-вторых, наш собеседник не учел разницу в стилистических пометах слов-эквивалентов. Во французском языке слова *pute*, *putain* давно перестали восприниматься как вульгарные и стали фамильярными или даже разговорными. Когда оно употребляется в качестве восклицания, слово *Putain*! следует переводить как «надо же!» или «черт побери!» в зависимости от того, выражает ли оно восторг или досаду. Ввиду зачаточного уровня исследований русской обсценной лексики и отсутствия в них диахронной ретроспективы, сложно сказать, наблюдается ли аналогичный феномен по отношению к соответствующему русскому слову и его производным, но можно точно утверждать, что пока оно еще не стало разговорным, и на телевидении, скорее всего, будет «запикано».

И наконец, нам представляется, что уважаемый французский коллега впал в общепринятое заблуждение относительно истинных намерений русских студенток. Дело в том, что большая часть современных русских девушек привыкла элегантно, сексуально и вызывающее одеваться и накладывать макияж даже для посещения университетских занятий [6, с. 115]. Такое поведение часто шокирует французов, поскольку французские студентки предпочитают безопасность, практицизм и универсальный джинсовый-маечный стиль. Более того, для большинства французов внешность «куклы Барби» априори не сочетается с интеллектуальностью, и они считают, что таким девушкам нечего делать в «храмах науки». Вполне вероятно, наш уважаемый коллега «встретил по одежке» юных москвичек и петербурженок и пал жертвой этого распространенного заблуждения.

Таким образом, мы видим, что порой одна неудачная реплика может надолго испортить и исказить впечатление о мягком, тактичном и интеллигентном человеке, и поэтому крайне важно уделить больше внимания межкультурной коммуникации и вопросам освоения, правильного употребления и перевода нецензурной лексики.

Другой, более позитивный, пример межкультурного разрыва между французским и русским употреблением разговорной лексики относится к более раннему периоду. Рассказ был записан в 1976 г. со слов участницы, Е. Ф. Гриневой. Во время своей первой командировки во Францию молодой профессор МГУ встретилась с коллегами-лингвистами в Сорбонне. Весь день шел увлеченный научный разговор, и Е. Ф. радовалась, что ее французский язык оказался «на уровне» – ведь в то время контакты с живыми французами были редкостью. После рабочего дня она выходит из знаменитого университета вместе с французским коллегой, и тот вдруг восклицает: «*Merde*! *où est-ce que j'ai foutu ma bagnole*?», что с коммуникативно-прагматичной точки зрения можно переводить как «Черт побери, где же я припарковался?», а дословно звучит как «Дерьмо, куда же я захерил свою тачку?» Московский профессор в

полном шоке и делает вывод о том, что тот французский язык, который она преподает на своих занятиях в России, все же очень далек от правды жизни. Так возник замысел словаря французской разговорной лексики, первое издание которого вышло в 1986 году [3].

Что касается своего собственного опыта, я наблюдаю в себе две противоречивые тенденции: с одной стороны, долголетняя привычка воздерживаться от ругани на русском отразилась на моем французском языке, и, пожалуй, я говорю приличнее, чем среднестатистический француз моего поколения – пережившего культурную революцию мая 1968 г. и жившего под лозунгами «запрещено запрещать». Думаю, правда, что эта привычка может очень быстро вернуться в соответствующих языковых условиях. Вторая тенденция – это моя долгая и подспудная борьба за право хоть как-то выражать свои эмоции по-русски более крепким словцом, чем «черт побери», редко, правда, имеющая успех. Остается неоспоримым тот факт, что, в силу своего запрета, русская ненормативная лексика имеет в моих глазах существенно больше экспрессивной силы, нежели французская, что вступает в полное противоречие с выводами исследователей по билингвизму. Однако, как известно, нет двух одинаковых билингвов, поскольку двуязычие и многоязычие – динамическое состояние, зависящее от условий приобретения каждого из языков, которым владеет человек, от модусов употребления этих языков в течение жизни и от каждой коммуникативной ситуации, в которой этот человек находится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дебренн М. Языковая автобиография // Вестник НГУ, серия «Психология». – 2014. – Том 8, Вып. 1. – С. 55–64.

2. Дебренн М. Лингвистическая интроспекция плюрилингва // Вестник НГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2015. – №13. – Вып. 3. – С. 5–15.

3. Гринева Е. Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 576 с.

4. «Злая лая матерная…» / под ред. В. И. Желвиса. – М: Ладомир, 2005. – 656 с.

5. Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема. – М: Ладомир, 2001. – 352 с.

6. Сергеева А. В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М: Флинта, 2005. – 320 с.

7. Debrenne M. The French Language in the Diaries of Olga Davydova. An example of Russian-French Aristocratic Bilingualism // Le français, langue de l'intime à l'époque moderne et contemporaine. Edited by Madeleine van Strien-Chardonneau and Marie-Christine Kok Escalle, Amsterdam, Amsterdam University Press B.V., 2016, pp. 125–142.

8. Dewaele J.-M. Blistering barnacles ! What language do multilinguals swear in?! // Estudios de Sociolinguistica, 2004, pp. 83–106.

9. Dewaele J.-M. The emotional force of Swearwords and taboo words in the speech of multilinguals // Journal of Multilingual and multicultural developpement, 2004, 25 (2/3), pp. 204–222.

10. Dewaele J.-M. Self-reported frequency of swearing in English: Do situational, psychological and sociobiographical variables have similar effects on first and foreign language users? // Journal of Multilingual and multicultural developpement. June 2016. – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1080/01434632.2016.1201092.

11. Dumas, V. Tutoyer ou vouvoyer // Historia, sept-oct. 2014, – pp. 60–61.

12. Rouvillois F. Histoire de la politesse. De 1789 à nos jours, P., Flammarion, 2006. – 475 p.

REFERENCES

1. Debrenn M. Yazykovaya avtobiografiya // Vestnik NGU, seriya «Psikhologiya». – 2014. – Tom 8, Vyp. 1. – S. 55–64. [in Russian]

2. Debrenn M. Lingvisticheskaya introspektsiya plyurilingva // Vestnik NGU, seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». – 2015. – №13. – Vyp. 3. – S. 5–15. [in Russian]

3. Grineva E. F., Gromova T. N. Slovar' razgovornoy leksiki frantsuzskogo yazyka. – M.: Russkiy yazyk, 1986. – 576 s. [in Russian]

4. «Zlaya laya maternaya…» / pod red. V. I. Zhelvisa. – M: Ladomir, 2005. – 656 s. [in Russian]

5. Zhel'vis V. I. Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naya problema. – M: Ladomir, 2001. – 352 s. [in Russian]

6. Sergeeva A. V. Russkie. Stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'. – M: Flinta, 2005. – 320 s. [in Russian]

7. Debrenne M. The French Language in the Diaries of Olga Davydova. An example of Russian-French Aristocratic Bilingualism // Le français, langue de l'intime à l'époque moderne et contemporaine. Edited by Madeleine van Strien-Chardonneau and Marie-Christine Kok Escalle, Amsterdam, Amsterdam University Press B.V., 2016, pp. 125–142.

8. Dewaele J.-M. Blistering barnacles ! What language do multilinguals swear in?! // Estudios de Sociolinguistica, 2004, pp. 83–106.

9. Dewaele J.-M. The emotional force of Swearwords and taboo words in the speech of multilinguals // Journal of Multilingual and multicultural developpement, 2004, 25 (2/3), pp. 204–222.

10. Dewaele J.-M. Self-reported frequency of swearing in English: Do situational, psychological and sociobiographical variables have similar effects on first and foreign language users? // Journal of Multilingual and multicultural developpement. June 2016. – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1080/01434632.2016.1201092.

11. Dumas, V. Tutoyer ou vouvoyer // Historia, sept-oct. 2014, pp. 60–61.

12. Rouvillois F. Histoire de la politesse. De 1789 à nos jours, P., Flammarion, 2006. – 475 p.

УДК 81'37

«С РУССКОГО НА РУССКИЙ»: МЕТАТЕКСТ ЯЗЫКОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ

Карпова Елена Валерьяновна

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, *Россия*, *ev_karpova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена средствам языка, выражающим оценку речи и предупреждающим коммуникативный сбой. Глаголы речевой деятельности, адъективно-именные сочетания, наречия рассматриваются в составе высказывания в аспекте их структурно-семантических и функциональных особенностей.

Ключевые слова: коммуникация; языковой страт; семантическая структура высказывания; функция.

"FROM RUSSIAN TO RUSSIAN": METATEXT OF THE LANGUAGE SWITCHING

Karpova Elena Valeryanovna

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, *Russia*, *ev_karpova@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the language means expressing the evaluation of speech and warning communication failure. Verbs of speech activity, the adjectival-nominal combinations, adverbs are considered in the composition of utterances in terms of their structural-semantic and functional features.

Keywords: communication; language stratum; the semantic structure of the utterance; function.

Языковой код – одна из важнейших переменных коммуникативного акта. Существование разновидностей одного национального языка в совокупности с особенностями групп носителей языка, владеющих определенным их набором, порождает проблемы коммуникации, в числе которых – проблемы, обусловленные нарушением точности выбора языковых средств. Причины коммуникативных сбоев различны, однако в процессе общения они идентифицируются участниками коммуникации и могут быть предупреждены или же, как минимум, определенным образом обозначены в тот момент, когда адекватность построения речевого высказывания, соответствующего задачам коммуникативного акта, ставится под сомнение. Достаточно оперативно это происходит в условиях устного общения при помощи средств разговорного языка, который одновременно является фактором возникновения коммуникативных сбоев уже в силу того, что используется «вне социального и нормативного контроля»

[2, с. 336]. Исследователи отмечают аномальность невладения одной из разновидностей литературного языка (книжной или разговорной) его носителями, «причем невладение разговорным языком особенно резко бросается в глаза. Ср. слова Ж. Вандриеса: «Человек, который говорит как пишет, производит впечатление ненормального» (цитируется по [2, с. 336])» [Там же]. Обращение к вопросам взаимопонимания или же непонимания друг другом представителей различных социокультурных слоев одного языкового сообщества вписывается в круг современных проблем межкультурной коммуникации; коммуникативная компетенция, сформированность которой предполагает адекватность речевого поведения, позволяет называть носителей языка, владеющего несколькими его разновидностями, билингвами (см., напр., [2]), их способность к смене кода сравнивают с переводом [1, с. 123].

Возникающие в процессе речепорождения проблемы выбора языковых средств сопровождаются саморедактированием субъекта речи или же вызывают определенную реакцию адресата, косвенно оценивающего высказывание собеседника в аспекте его соответствия некоему «общему языку». В ряду маркеров затруднений адресата в раскодировке сообщения – глагольная лексема *переводить* и некоторые ее дериваты, адъективно-именные сочетания типа *русский язык*, *человеческий язык*, наречие *по-русски*, некоторые синтаксические конструкции, характеризующие адекватность передачи сообщения. В разговорной речи и обладающих некоторым сходством с ней разновидностях книжной встречаются высказывания, демонстрирующие широкий потенциал данных единиц и в частности достаточно распространенный способ обозначения / решения проблем построения речевого сообщения. Например: *Взглянула на него совсем прямо*, *непонятно… И карие глаза поголубели вдруг*, *посветлели – от кофты*, *что ль*? *Коля взял и съел бутерброд*. *Потом еще*. *Она глядела на него с каким-то веселым и смешливым ужасом*: *вы голодны (да*, *именно так*, ***не по-русски*** *чуть-чуть*, *“голодны”*! *)… я пожарю картошку*, *я быстро*. *Ни-ни*, *– он чуть не поперхнулся*, *ни в коем случае… Хотел встать*. *И не смог* (Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012). Оценка речи собеседницы как не вполне соответствующей правилам русского языка (*не по-русски чуть-чуть*) основывается на представлениях о них автора метатекстового комментария. Краткая форма прилагательного (*голодны*), в большей степени употребительная в строгих книжных стилях, не вызывает непонимания, но воспринимается как не соответствующая норме. Речь идет об экспликации проблемы, возникающей на пересечении стратов языка (с внутренней нормой нелитературных субкодов) и стратов социума (со спецификой речевого поведения носителей тех или иных разновидностей одного национального языка), когда стилистически маркированные языковые единицы оцениваются адресатом как препятствующие восприятию информации. Оценка формального представления сообщения со стороны адресата может быть достаточно категоричной: *– А ну тебя*! *– вдруг рассердился Серёжа*. *– Голубая – не голубая*. *А голубая – так и* ***скажи по-человечески***. *Кобальт какой-то выдумают*, *голову людям морочат*. *– Серый*! *– заорали откуда-то из темноты*. (Л. Г. Матвеева. Продлёнка (1987)). Чаще

всего вызовом для оценки сообщения как неуместного является несоответствие ситуации общения лексических средств языка – специальных терминов, сленга, жаргонизмов. Данное обстоятельство, как кажется, позволяет рассматривать исследуемые языковые средства в ряду семасиологических метапоказателей и маркеров коммуникативного сбоя и определяет актуальность изучения их состава и особенностей функционирования.

Сравним приведенные случаи с употреблением единиц в иных ситуациях, апеллирующих к прямому значению рассматриваемых единиц: *Старики встали и грянули торжественную песню грузинского многоголосья. Голоса и лица стариков были строги. – Это* «*Ласточка*», *– утирая слезы*, *шепотом сказал Кекец. – Переведи. – Нельзя* ***перевести***. *Просто ласточка летела над Алазанью. Вот и вся песня*. (О. М. Куваев. Эй, Бако! (1975)). Фрагмент включает лексему *перевести*, лингвистически ориентированное толкование которой относится прежде всего к передаче информации средствами другого этнического языка и соответствующим образом иллюстрируется в словарях (напр., «*Перевести с русского языка на болгарский*» [3, с. 501]). В прямом значении употребляется сочетание *человеческий язык* в следующем примере: *Это даже не лай*, *а какой-то выплеск радости*: *он отскакивает*, *припадает к полу*, *взмывает*, *перекувыркивается и залихватски вскрикивает*. *На* ***человеческий язык*** *это можно перевести так*: *– Эх*, *едрен корень*! *Уже две недели как Шерлок осваивает мир*, *заодно прощупывая границы дозволенного*. *А мир*, *он огромен*: *наша улица и две лужайки с обоих ее концов* (Дина Рубина. Медная шкатулка (сборник) (2015)). При этом очевидно, что семантика глагола претерпевает изменения уже в случае употребления в высказываниях, сообщающих о восприятии принципиально иного кода, например, языка животных (звуков, телодвижений): *перевести* выступает в роли глагола интерпретационной деятельности.

Интерпретация полученного сообщения, переданная иными средствами того же языка, образно квалифицируется адресатом как перевод на другой язык, что позволяет уточнить его восприятие и оценку сказанного, выступая в значении 'передать своими словами': *– Вы говорите*, *на самом деле*, *страшные вещи*. *Вы говорите – я* ***переведу*** *это на другой язык – следующее*: *порядочное*, *правильное и красивое поведение – это некие врожденные качества* (Александр Клейн. Мы же не козлы? // «Пятое измерение», 2003). Такого рода употребление предиката может выражать оценку как содержания (несогласие с ним, иронию и т. д.), так и формы подачи интерпретируемого сообщения: *Могут лишить статуса даже за неосторожные высказывания и несоблюдение деловой лексики*. *Да-да*, *представьте себе*. *Вот в Кодексе профессиональной этики записано*: «*при осуществлении профессиональной деятельности адвокат… уважает права*, *честь и достоинство лиц*, *обратившихся к нему за оказанием юридической помощи*, *доверителей*, *коллег и других лиц*, *придерживается манеры поведения и стиля одежды*, *соответствующих деловому общению*». *А теперь* ***переведу на русский***: *коллеги и другие лица – это и судьи*, *и гособвинители*, *и следователи*, *и другие адвокаты*, *и свидетели*, *и потерпевшие*. *В общем*, *кто угодно*, *если они имеют отношение к делу*, *которое ведет данный ад-*

вокат. *И не дай бог в адрес кого-то из них сказать что-нибудь неуважительное или просто сомнительное*, *такое*, *что может иметь двоякое толкование* (Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)). При этом изменения в «переводе» могут касаться, например, экспрессивной составляющей в части ее наличия или же отсутствия: *…механическим голосом магнитофонной ленты бесстрастно сообщил динамик внутренней связи*. *И тут же прозвонил селектор*. *– Виктор*, *давай в машину*, *разбой на квартиру Синеокова*! *Похоже*, «*Налетчики*», *– перевел механический голос на* ***человеческий язык*** *взволнованный дежурный* (Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но… (2011)). Форма передачи сообщения оценивается как человеческий язык именно на основании соответствия нормам разговорной речи, противопоставляемой в данном случае речи официальной, «механическому голосу магнитофонной ленты». В целом «человеческим» сообщение делают неофициальная форма обращения и семантические особенности употребления некоторых единиц (*Виктор*, *давай* (*в машину*)*…*), субъективная модальность (*похоже*), характеристика субъекта речи по испытываемому им эмоциональному состоянию (*взволнованный*), элиминированность конструкции (*…разбой на квартиру Синеокова…*).

Сообщение может быть охарактеризовано и в аспекте отступлений от норм литературного языка: *Бур попал в скалу*. *Бурильщики прокомментировали это традиционным набором слов <...> Неделю бурильная установка сиротливо подпирала синее июльское небо*. *Искали бур… нашли в Краснодаре… Отдохнувший без бура агрегат затарахтел с новой силой… Вдруг – опять тишина*, *опять громкий комментарий бурильщиков*, *что в переводе означает – полетел сальник* (Наталия Сухинина. Благодарю Тебя (сборник)). Ненормативная лексика («*традиционный набор слов*») в речи действующих лиц выражает эмоциональную реакцию бурильщиков, составляя основную часть высказывания, а соответствующая конструкция (*что в переводе означает…*) позволяет передать его информативную составляющую и маркировать использованные языковые средства как не соответствующие норме литературной разговорной речи.

Очевидно, что характеристика сообщения, передаваемого в процессе коммуникации на одном этническом языке с позиции уместности в ситуации общения, доступности пониманию адресата связана с семантическими особенностями анализируемых единиц, их грамматическими характеристиками, усилиями контекста. В описании ситуации, требующей переключения кода, наблюдается избирательность контекста по отношению к грамматическим характеристикам предиката, выраженного глаголом *переводить / перевести* и его ближайшего окружения. В частности, глагол активно используется в форме повелительного наклонения: *… я ни фига не понял*, ***переведи*** *с кошачьего на человеческий и эти*, *как их*, *акценты почетче один*, *мол*, *интеллигент в двадцать пятом поколении*, *а другой бандит недорезанный* (Екатерина Завершнева. Высотка (2012)). Формы императива выступают, как представляется, достаточно ярким средством выражения функции маркера коммуникативного сбоя, сигналом невозможности / затруднительности декодирования поступа-

ющего сообщения, в результате которого адресат считает необходимым прервать его с требованием смены кода со стороны собеседника. В приведенном примере, как кажется, интенция осложняется выражением отношения к содержанию сообщения, поскольку говорящий не только, а возможно, и не столько требует объяснения, сколько оценивает высказывание собеседника, предлагая собственную его интерпретацию.

В изъявительном наклонении наблюдается преобладание определенных временных форм: чаще встречаются формы прошедшего и настоящего, значительно реже – будущего времени. В последнем случае происходит оценка речи самим субъектом, изменение формулировок, обусловленное ориентацией на адресата (конкретного или обобщенного). При обращении к конкретному собеседнику возможно выражение отношения к нему. В таком случае при глаголе нередко появляется элемент со значением бенефактивности: *Там вкратце написано*, *почему твой кумир – фальшивка*. *Но* ***для тебя*** *переведу*: *не бывает так*, *чтобы отставной зам проворовавшегося мэра вдруг оказался спасителем России и мессией нового поколения…* (коллективный. Налог на роскошь (2014)). Содержание обсуждаемого высказывания представляется прозрачным субъекту речи, но, по его мнению, не вполне понимается собеседником, что и обусловливает ситуацию «перевода», которая маркируется соответствующим глаголом, сопровождаемым формой *для тебя*.

В функции метатекстовых показателей редактирования встречаются также формы сослагательного наклонения: *Как выяснилось*, *значение этих слов надо понимать не в соответствии с буквами*, *и речь идет вовсе не об изменениях устаревшей структуры экономики в целом или промышленности в частности*. *Речь*, *как пояснил Руслан Гринберг*, *директор Института экономики РАН*, *совсем о другом*: «*Под структурными реформами понимается* «*усиление механизмов саморегулирования и личной ответственности граждан*». ***Если перевести*** *на человеческий язык*, *это означает сокращение государственных обязательств*. *То есть теперь граждане сами должны будут платить за образование и здравоохранение*. *Социальные расходы*, *в частности пособия по бедности*, *тоже будут сокращаться*». *Возникает резонный вопрос*: *если секвестр и сокращение расходов главное*, *то в чем суть антикризисного пакета*? (Александр Трушин. Пересидим или преодолеем? // «Огонек», 2015). Впрочем, в данном случае можно диагностировать транспозиционное употребление формы наклонения в силу осуществления названного речевого действия.

При употреблении лексемы *перевести* в метатекстовой функции в роли сигнала коммуникативной опасности снижаются сочетаемостные возможности глагола: в рассматриваемой функции практически не встречаются адвербиалы, характеризующие действие, как это происходит в высказываниях с лексемами в прямом значении Ср., например: *И очень скоро на листке перед ним появилась фраза*, *которую он* ***без труда*** *перевел с латыни на русский…* (Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)). Сужается круг дериватов, утрачивается соотношение с единицами типа *переводчик*, возможность синонимического употребления сочетания с однокоренным существительным,

ср.: *Позднее преподавал математику в Смольном институте и Пажеском корпусе*, ***занимался переводами***, *в частности перевёл с французского на русский язык* «*Морскую науку*» *Л. Эйлера*, *снабдив своими комментариями* (Е. Д. Свердлов. Гениальность: гены? культура? стохастика? // «Вестник РАН», 2009). Однако конструкции с предложно-падежной формой существительного *в переводе* сохраняются и являются достаточно употребительными: … *Это первый в России смартфон*, *который оснащен сверхбольшим аккумулятором с емкостью 4160 мАч*. *В* ***переводе*** *на человеческий язык это значит примерно 5–7 дней активного использования без подзарядки* («Чумачечая весна» на рынке электронных мобильных гаджетов // «Русский репортер», 2013). «Универсальность» формы *в переводе* по отношению к различным значениям мотивирующего глагола определяет ее распространение элементом *на человеческий язык*, характеризующим сообщение в аспекте соответствия запросам адресата.

Указание на язык, противопоставляемый «человеческому», «русскому», то есть понятному адресату языку, сопровождается его характеристикой, подчас окказиональной: И *вообще последнее время ты часто болтаешь как в лихорадке*, *на* ***непонятном*** *языке*. *Переведи же мне все это на человеческий… – взмолилась Варя* (Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)); *…переведи с* ***кошачьего*** *на человеческий* (Екатерина Завершнева. Высотка (2012)).

Очевидно взаимодействие глагольных характеристик с ближайшим высказыванием и расширенных контекстом. Сфера функционирования анализируемых средств языка – прежде всего разговорная речь, публицистический стиль, художественные тексты. Метатекстовая функция может быть реализована и в монологической речи, однако оценка сообщения в аспекте уместности, понятности для адресата естественным образом получает наиболее яркое воплощение в устной речи, в диалогах и ярче всего маркируется глаголом *перевести* в форме императива при определенных усилиях контекста.

Таким образом, рассмотренные языковые средства могут выполнять метатекстовую функцию и сигнализировать о коммуникативном сбое при определенных условиях, в числе которых стилевые характеристики контекста, форма речи, грамматические характеристики и особенности включающего их минимального (высказывания) и более широкого контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т. С. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – Изд-е 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 176 с.

2. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с. – (Studia philologica).

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. – 944 с.

REFERENCES

1. Vinokur T. S. Govoryashchiy i slushayushchiy: Varianty rechevogo povedeniya. – Izd-e 3-e. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. – 176 s. [in Russian]

2. Krysin L. P. Russko slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike. –M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. – 888 s. – (Studia philologica). [in Russian]

3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. – 4-e izd., dopolnennoe. – M.: OOO «ITI Tekhnologii», 2006. – 944 s. [in Russian]

УДК 80’42

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ: ГЛОБАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ

Кротова Анастасия Григорьевна

Новосибирский государственный техический университет,
Новосибирск, *Россия*, *anakrv@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются интернет-мемы как особые прецедентные феномены, обладающие национально-культурной спецификой. Описывается специфика интернет-мема «светящийся мозг» в англоязычном и русскоязычном интернете.

Ключевые слова: интернет; интернет-мем; прецедентный феномен.

INTERNET MEMES: GLOBAL AND NATIONAL

Krotova Anastasia Grigorievna

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article considers Internet memes as special precedent phenomena that have a national and cultural specificity. The specifics of the Internet meme «expanding brain meme» in the English-speaking and Russian-speaking Internet are described.

Keywords: Internet; Internet meme; precedent phenomena.

Известно, что в широком смысле мем может рассматриваться как любая культурная информация (от религиозной доктрины до устойчивого выражения). Интернет-мем, соответственно, – это культурная информация, получившая широкое распространение в интернете.

Интернет-мемами могут считаться слова, часто окказиональные, эрративные (*интернеты*; *превед*); устойчивые сочетания (*капитан очевидность*; *британские ученые*); предложения фразеологизированной структуры (*то чувство, когда…*); цитаты и их модификации (*денег нет*, *но вы держитесь*); целостные тексты разного объема и содержания (*песня* «*Тает лед*»), изображения, аудио, видео и пр. Наши наблюдения за современными процессами интернет-коммуникации позволяют утверждать, что современный интернет-мем – это практически всегда креолизованный текстовый феномен, в котором сочетается визуальная и вербальная составляющая. Даже если мем изначально имеет сугубо вербальную форму (например, *британские ученые*), он поддерживается визуально (персонаж, комикс, гифы, открытки и т. п.), так как современные технические возможности позволяют это сделать всем и каждому на специальных сайтах.

Можно рассматривать мемы и как прецедентные феномены, которые 1) хорошо известны всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [1].

Подчеркнем, однако, что данные признаки прецедентных феноменов применимы к интернет-мемам с оговорками. Интернет-мемы должны быть известны, в первую очередь, активным пользователям интернета. Актуальность их в познавательном плане не всегда очевидна и обязательна; они предполагают скорее эмоциональную, оценочную, ассоциативную интерпретацию. Постоянная возобновляемость интернет-мемов также условна, поскольку живут мемы, в целом, недолго: они быстро становятся немодными, теряют актуальность, надоедают и, в конце концов, забываются. Таким образом, интернет-мемы, будучи прецедентными феноменами, имеют весьма заметную специфику, обусловленную особенностями интернет-коммуникации.

Как отмечает Ю.В. Щурина, интернет-мемы, являясь разновидностью прецедентных феноменов, сохраняют в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном или историческом событии, который послужил источником для появления мема. Следовательно, мем обладает культурной коннотацией, которую необходимо знать адресату [3]. Эффективность коммуникации, понимание и декодирование мема напрямую зависит от умения интернет-пользователя эксплицировать скрытые культурные коннотации мема, восстанавливать те ассоциативные связи, которые он имеет в той или иной культуре. Чтобы понимать мем, необходимо быть включенным в культурный контекст, иметь определенные предварительные знания, прессупозиции, общий культурный багаж [Там же].

Считаем, что интернет-мемы, так же как и прецедентные феномены в целом, могут быть социумно-, национально- и универсально-прецедентными [1]. Социально-прецедентные мемы распространены и популярны в определенной социальной группе (*Филологическая Дева*, *Коварный переводчик*). Национально-прецедентные мемы узнаваемы всеми интернет-представителями опреде-

ленного национально-лингво-культурного сообщества (*Денег нет*, *но вы держитесь*; *Желтая уточка*; *На донышке*; *Тает лед*).

Универсально-прецедентные феномены, как отмечает В.В. Красных, известны любому среднему современному homo sapiens и входят в «универсальное» когнитивное пространство («универсальную» когнитивную базу) [1, с. 51], существование которой ставится под сомнение. Как кажется, именно интернет с его всеохватностью, глобальностью и открытостью коммуникационных процессов может способствовать формированию такого универсального межкультурного пространства, включающего, в том числе, и некоторые мемы, функционирование которых не ограничивается рамками одного национально-лингво-культурного сообщества (например, в «Словаре языка интернета.ru» описывается выражение-мем *Совпадение*? *Не думаю*, которое, как отмечают авторы, восходит к аналогичному английскому мему *Coincidence*? *I think not* [2]).

Однако всегда ли возможно полное заимствование инокультурного иноязычного мема? Рассмотрим пример. В январе–феврале 2017 года в англоязычном интернете весьма популярным стал мем, который называют «expanding brain meme» («расширяющийся мозг»), в русскоязычной версии – «светящийся мозг» (см. рис. 1). Картинки справа (от маленького мозга к огромному светящемуся мозгу) – инвариантная часть мема – обозначают движение от самого простого/худшего к сложному/прекрасному («восходящая градация»). Левая же часть – вариативная, как правило, противоречит этой логике, демонстрируя обратное движение: от правильного/сложного/привычного к неправильному / простому / странному («нисходящая градация»). При таком противопоставлении объект интерпретации, к которому отсылает вариативная часть, совершенно оправданно получает ироничную коннотацию, которая наблюдается и в англоязычных, и в русскоязычных вариантах мема (в последних реже), однако объект иронии имеет явную национальную специфику.

Так, один из первых англоязычных мемов был основан на языковой игре с использованием слов who и whom (см. рис. 1). Считается, что многие носители английского путают эти формы и не знают, как правильно их нужно использовать в сложноподчинённых предложениях. Две последние формы whom’st и whomst’d не существуют в английском языке, и потому намекают в меме на псевдо-интеллектуальность (читай – необразованность) говорящих.

Русскоязычные варианты мема также часто основаны на языковой игре, как правило, фонетической, при которой последний элемент созвучен предыдущим, но абсурден и нелогичен содержательно (см. рис. 2). В таких случаях, как представляется, об иронии все-таки говорить не приходится – это, скорее, языковая шутка, порой не вполне удачная.

Интересно, что большое количество русскоязычных мемов со «светящимся мозгом» связано с мужскими и женскими именами (см. рис. 3). В английском интернет-сегменте мем таким образом не используется, поэтому такие варианты могут быть признаны национально специфичными.

Таким образом, данный мем сложно назвать универсально-прецедентным: несмотря на наличие идентичной инвариантной части (рисунок справа), левая

часть в разных лингвокультурах наполняется собственным денотативным и коннотативным содержанием.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Подводя итог, заметим, что, несмотря на проникновение инокультурных интернет-мемов в Рунет и их активное принятие русскоязычными интернет-пользователями, восприятие и когнитивная обработка мемов как прецедентных феноменов в разных культурах различны. Другими словами, национальное в интернет-мемах побеждает глобальное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

2. Словарь языка интернета.ru / Под ред. М.А. Кронгауза. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.

3. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. Филология. – Екатеринбург, 2012. – № 3. – С. 160–172.

REFERENCES

1. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. – M.: Gnozis, 2002. – 284 s. [in Russian]

2. Slovar' yazyka interneta.ru / Pod red. M.A. Krongauza. – M.: AST-PRESS KNIGA, 2016. – 288 s. [in Russian]

4. Shchurina Yu. V. Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii // Nauchnyy dialog. Filologiya. – Ekaterinburg, 2012. – № 3. – S. 160–172. [in Russian]

УДК 81.33

ТАКТИКИ КОНФИРМАТИВНОЙ И ДИСКОНФИРМАТИВНОЙ СТРАТЕГИЙ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Кузнецова Алена Александровна

Сибирский федеральный университет, *Красноярск*, *Россия*,
31alena31@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативные тактики конфирмативной и дисконфирмативной стратегий в межличностной коммуникации.

Ключевые слова: межличностная коммуникация; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; коммуникативные приемы.

CONFIRMATION AND DISCONFIRMATION STRATEGIES IN INTERPERSONAL COMMUNICATION

Kuznetcova Alena Aleksandrovna

Siberian Federal University, *Krasnoyarsk*, *Russia*

Abstract. The aim of the article is communication tactics confirmation and disconfirmation strategies in intrpersonal communication.

Keywords: intrpersonal communication; communication strategies; communication tactics; communication skills.

Целью нашего исследования стало выявление основных тактик, реализующих конфирмативную и дисконфирмативную стратегии, и приводящих, как следствие, к реализации принципов толерантности/интолерантности в условиях поликультурного пространства.

Межличностная «конфирмация» и «дисконфирмация» изучались в философии (Мартин Бубер, 1957), психологии и психотерапии (Laing, 1961; Walslawick et al., 1967), межличностной коммуникации (Cissna Sieburg, 1981, 2006; О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова, С. Биби, Ж. В. Зарицкая, 2011) Цит. по: [1, с. 253].

В теории межличностной коммуникации конфирмацию/дисконфирмацию определяют как «способы, помогающие определить, насколько мы сориентированы на другого как равного себе партнера». Конфирмация означает «такую линию человеческого поведения и такие высказывания, которые утверждают ценность, значимость человеческой личности». Под дисконфирмацией понимается соответственно «игнорирование, умаление или отрицание личности в её самоценности» [1, с. 253].

В основу нашего исследования была положена коммуникативно-прагматическая трактовка тактик и стратегий. С этой позиции **коммуникативная тактика** определяется как частное речевое действие осуществления той или иной коммуникативной стратегии. Это речевое действие или совокупность речевых действий, определяющих ход коммуникативной ситуации и направленных на реализацию частных коммуникативных интенций и задач.

Коммуникативную стратегию можно определить как направление (вектор) речевого поведения, обусловленного коммуникативной задачей и коммуникативной интенцией воздействия адресанта на адресата. Коммуникативно-прагматическая трактовка стратегий предполагает целенаправленный и осознанный выбор адресантом варианта коммуникативного поведения в зависимости от обстоятельств коммуникации (места, времени, условий, причины, следствия), гендерной принадлежности, эмоционального состояния и типа межличностных отношений участников коммуникации, их возраста, социального статуса, коммуникативной роли, особенностей темперамента, характера, воспитания, уровня образованности и коммуникативной компетентности, личного опыта, степени согласованности/несогласованности с личными убеждениями, культурными нормами и правилами.

В рамках коммуникативного-прагматического подхода представляется возможным говорить о конфирмативной и дисконфирмативной стратегиях, противопоставленных по принципу утверждения/отрицания самоценности личности (признания/отрицания физического существования другой личности в своем пространстве, значимости личности, ее жизненного опыта, права на мысли, чувства, речь).

Конфирмативная стратегия определяется нами как конструктивная коммуникативная стратегия, личностно-ориентированная линия коммуникативного поведения, в которой определяющими становятся ценность, значимость человеческой личности. Реализация коммуникантом конфирмативной стратегии свидетельствует о высокой коммуникативной компетентности языковой личности, принятии принципов кооперации и толерантности, принципов гармонизирующего общения и готовности к их безусловной реализации.

Дисконфирмативная стратегия определяется нами как деструктивная коммуникативная стратегия, личностно-неориентированная линия коммуникативного поведения, которая нацелена на игнорирование, умаление или отрицание личности и ее самоценности. Использование коммуникантом дисконфирмативной стратегии способствует напряжению в межличностной коммуникации, приводит к конфликтному типу общения (и даже разрыву отношений).

В рамках коммуникативно-прагматического исследования, объектом которого являлось коммуникативное поведение личности, мы наблюдали за речевым поведением с целью выявления коммуникативных тактик конфирмативной/дисконфирмативной стратегий в межличностной коммуникации. С точки зрения конкретных методов и приемов исследования, нами были использованы непосредственное или прямое наблюдение, а также включенное наблюде-

ние, эффективность которых определяется возможностью непосредственной оценки межличностной коммуникации. Осуществлялась детальная запись коммуникативного поведения участников. После обработки и интерпретации полученных данных мы пришли к следующим выводам.

В межличностной коммуникации выявлены следующие коммуникативные тактики конфирмативной стратегии (иллюстрации взяты из материала наблюдения):

– тактику поддержки: «Поддерживаю тебя», «Поддерживаю твой выбор», «Поддерживаю твою позицию», «Поддерживаю твое мнение», «Как я рад тебя видеть», «Как же хорошо, что мы встретились», «У тебя обязательно все получится»;

– тактику сопереживания, сочувствия: «Как же так!» «Сочувствую», «Если бы я тебе хоть чем-нибудь мог помочь!», «Трудно тебе?»;

– тактику понимания: «Как я тебя понимаю!», «Понимаю, как тебе сейчас нелегко!», «Как не понять тебя!»;

– тактику доверия: «Верю тебе, ты на этом собаку съел», «Доверяю тебе, как никому другому», «Верю в тебя!»;

– тактику восхищения: «Какой же ты у меня все-таки!...Самый-самый!», «Восхищаюсь твоим терпением!»;

– тактику одобрения: «Одобряю твой поступок», «Одобряю твой выбор», «Удачный выбор»;

– тактику признания: «Ты самый способный в вашей группе», «Авторитет, который у тебя есть, не купишь»;

– тактику согласия: «Да, я согласен», «Я также думаю», «Невозможно с Вами не согласиться»;

– тактику признательности: «Я признательна тебе за все, что ты для меня делаешь»;

– тактику похвалы: «Ты молодец!», «Умница», «Толковые ребята»;

– тактику обращения за советом, просьбы о помощи: «Посоветуй, пожалуйста, что мне делать», «Как бы ты поступил в моей ситуации?», «Помоги мне разобраться в этом деле».

Подобные тактики, соответствующие конфирмативной стратегии, играют важнейшую роль в межличностностной коммуникации в поликультурном пространстве, поскольку призваны влиять на повышение самооценки, приводят к росту самоуважения и самопринятия. Коммуникативные тактики конфирмативной стратегии позволяют реализовать принципы гармонизирующего общения; коммуникативное событие порождается партнерами совместно (интерактивно, трансакционно); провозглашаются отношения равенства партнеров по общению; коммуникация диалогична; процесс общения двунаправленный; осуществляется либо коммуникативное воздействие, предполагающее обратную связь, возможность реагирования, либо коммуникативное взаимодействие (трансакция), направленное на поддержку партнера по общению, его коммуникативной линии поведения; ведет к кооперативному, бесконфликтному общению в поликультурном пространстве.

Дисконфирмативная стратегия в межличностной коммуникации представлена следующими коммуникативными тактиками (иллюстрации взяты из материала наблюдения):

– тактикой игнорирования (отказа в поддержке): уход от обсуждения, прерывание на полуслове, перевод разговора в другое направление: «Тебя нет!», «Я тебя не слушаю», «О чем сегодня говорили на кафедре?» – «Скажи, чем ты занимаешься завтра». «У меня сегодня самый сложный день!» – «Как ты думаешь, почему он мне все-таки не позвонил?»;

– тактикой непонимания: «О чем ты! Даже слушать тебя не буду!»;

– тактикой недоверия: «Я тебе не доверяю», «Разве можно тебе после этого доверять!», «Ты не заслуживаешь моего доверия!»;

– тактикой неодобрения: «Чушь. Не пойдет у тебя это дело», «Мы с отцом не одобряем твой выбор»;

– тактикой оскорбления: «Ты ничтожество!», «Дрянь ты такая!»;

– тактикой порицания: «Ты как всегда …ну очень вовремя» (издевка, ерничество), «Сколько можно говорить об одном и том же!», «Опять ты опоздал», «В очередной раз Вы не справились со своим заданием!»;

– тактикой несогласия (вне аргументации): «Нет. Я думаю иначе!», «Позволю себе с Вами не согласиться. Не согласиться. И все тут!»;

– тактикой навязывания совета: «Советую Вам сделать это. И как можно раньше!»

Представленные коммуникативные тактики дисконфирмативной стратегии не позволяют реализовать принципы гармонизирующего общения в поликультурном пространстве; коммуникативное событие акционно (субъектно-объектная коммуникативная модель поведения; акцент на активности адресанта); при этом осуществляется коммуникативное воздействие (а не взаимодействие) на адресанта; право на речь – у одного из собеседников; процесс общения однонаправленный; провозглашаются отношения неравенства партнеров по общению; коммуникация монологична; закрытая коммуникация; может быть направлена на защиту от коммуникативной линии поведения партнера по общению; может приводить к конфликту; может быть манипулятивной.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что в реальной речевой практике наблюдается отказ от реального взаимодействия с принятием самоопределения партнеров по общению, часто партнера по общению оценивают ниже, не замечают (умаляют) его достоинства, не признают его авторитет, что приводит к проявлению превосходства одного из партнеров по общению и конфликтному типу общения (это подтверждает исследовательский материал). Тогда как использование конфирмативных стратегий, тактик, приемов может порождать кооперативный тип общения. Данное утверждение во многом верифицируется значительно большей степенью употребления приемов, соответствующих дисконфирмативной стратегии. В материале, представленном для исследования, фразы, соответствующие дисконфирмативной стратегии, встречаются в 5,7 раз больше, чем фразы, соответствующие конфирмативной стратегии.

Таким образом, в межличностной коммуникации, в том числе межкультурной, тактики дисконфирмативной стратегии, являясь деструктивными, более

частотны, по сравнению с тактиками конфирмативной стратегии; тактики дисконфирмативной стратегии широко используется во всех сферах межличностной коммуникации, в том числе профессиональной, вне этики и эстетики, и в целом может привести к разрушению реальных связей между людьми, росту напряжения в обществе. Активное использование коммуникативных тактик, реализующих конфирмативную стратегию, напротив, позволяет задать положительный вектор в поликультурном общении.

В рамках каждой из выделенных нами коммуникативных микростратегий была определена номенклатура коммуникативных тактик, наиболее активно используемых для их реализации. В методологическом плане освоение данных стратегий, тактик и приемов требует дальнейшей разработки, особенно в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова, С. Биби, Ж. В. Зарицкая. Под науч. ред. О. И. Матьяш. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.

REFERENCES

1. Interpersonal communication: theory and life / O. I. Matyash, V. M. Pogolsha, N. V. Kazarinov, S. Bibi, J. V. Zaritskaya. Under the scientific. ed O. I. Matyash. – SPb.: Speech, 2011. – 560 p.

УДК 811.161.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ В ВОЕННОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА)

Массалова Александра Эдуардовна

Тюменское высшее военно-командное инженерное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, *Тюмень*, *Россия*, *massalova.alexandra@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социокультурной адаптации иностранных военнослужащих инженерного российского вуза в процессе изучения русского языка как иностранного, описываются принципы работы на социально-бытовом и учебно-образовательном уровне для успешного вхождения в инокультурную среду.

Ключевые слова: иностранные военнослужащие; социокультурная адаптация; социальная группа; национальная среда; русский язык как иностранный.

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN A MILITARY HIGH SCHOOL (THE EXAMPLE OF AN ENGINEERING SCHOOL)

Massalova Aleksandra Eduardovna

Tyumen higher military engineering command school named after Marshal of engineer troops A. I Proshlyakova, *Tyumen*, *Russia*

Abstract. The article discusses the features of adaptation of foreign troops to Russian engineering universities in the process of studying Russian as a foreign language, describes the principles of operation for social and educational level for successful entry in the other cultural environment.

Key words: foreign soldiers; sociocultural adaptation; social group; national environment; Russian as a foreign language.

В связи с развитием международных военных связей РФ и выполнением договоров о подготовке военных специалистов в последние годы увеличивается количество иностранных граждан, прибывающих из стран Африки и Востока.

В настоящее в российских высших учебных заведениях обучается большое количество иностранных студентов: так, например, в Тюменском высшем военно-инженерном училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова насчитывается более 300 военнослужащих из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Обучение русскому языку иностранных военнослужащих сопрягается с рядом учебных, воспитательных и образовательных задач, таких, как овладение будущей специальностью; «речевым обеспечением» жизни и учебы в условиях русской языковой среды; подготовка к восприятию и понимание ценностей русской культуры, образа жизни в России.

Приезжая в другую страну, студенты погружаются в новую социокультурную, языковую и национальную среду, где им предстоит за короткий временной период адаптироваться к другим, ранее не знакомым, условиям. Процесс адаптации иностранных студентов предполагает столкновение с проблемами налаживания социальных контактов, преодоления языкового барьера, избавление от стереотипного восприятия другой культуры и т. д. Поэтому успешное управление учебно-воспитательным процессом, обеспечение учебными материалами, имеющими (включающими в себя) культурологическую направленность, для иностранных студентов является неотъемлемой частью решения задачи адаптации.

Отечественные исследователи (И.Г. Каблукова, О.А. Карабанова, Н.Н. Михайлова, М.Р. Битянова, В.П. Бондарев, Г.В. Бурменская, И.В. Дубровина, Е.И. Исаев, В.И. Слободчиков и др.) рассматривают адаптацию как многоуровневый, динамичный процесс со своей структурой, последовательностью и особенностями протекания, связанными с перестройкой личности, зависящей от социальной роли. Так, в работе О.Л. Камардиной «К вопросу о взаимоот-

ношении параметров, определяющих дидактическую адаптацию» адаптация определяется как «формирование устойчивой системы отношений ко всем компонентам педагогической системы, обеспечивающее адекватное поведение, способствующее достижению целей педагогической системы» [2, с. 73].

Как известно, изучение языка и языковой системы протекает одновременно с изучением человека как «языковой личности» [3], несущей в себе особенности национального мышления, ценностных ориентиров, художественной логики лингвокультурного сообщества и этнической культуры в целом. Язык выступает средством освоения культуры и является необходимым условием включенности в учебный процесс.

Людей, получающих образование за рубежом, объединяют в одну социальную группу, имеющую ряд общих черт. К таким чертам относится: характер деятельности (учеба), гражданство (не граждане России), возраст (большинство из которых – молодежь до 30 лет), включенность в процесс вторичной социализации. Иностранные обучающиеся, приезжая в другую страну, должны включиться в новую национальную культуру, забыв на время нормы поведения, действующие в их культуре. В этом случае социокультурная адаптация выполняет чрезвычайно важные функции.

Для успешной адаптации иностранцев необходимо учитывать особенности российского образования, среды, бытовые элементы, традиции и их отличия от культуры Востока и стран Африки.

Примером таких особенностей служит распорядок учебного, рабочего времени: в России установлен девятичасовой рабочий день с перерывом на обед в один час, в отличие, например, от восточных стран, где перерыв на обед может длиться около двух часов и предполагает сон, что обусловлено субтропическим либо пустынным климатом. Также есть особенности, связанные с организацией внешнего вида (форма одежды), этикетных форм обращения к преподавателю, работодателю, ровеснику, отношения к традиционным национальным праздникам и т. д.

Адаптации иностранных студентов в вузе может способствовать использование на занятиях по РКИ страноведческих текстов, знакомящих иностранцев с особенностями культурной жизни в России, ценностями российского общества, традициями, моделями поведения и особенностями межличностных отношений, позволяющих иностранным студентам выстраивать свое поведение в новом сообществе согласно общепринятым образцам; взаимодействие педагогов по оказанию помощи иностранным студентам на различных социальных уровнях (учебно-образовательный и социально-бытовой) для адаптации в вузе и к новой среде в ходе всего периода обучения.

В военном инженерном вузе курсанты специального факультета находятся в условиях, значительно отличающихся от условий гражданских студентов. Они сталкиваются с проблемой ограничения реальной коммуникации с носителями языка: выход в город возможен только под руководством командира при овладении хотя бы минимальным словарным запасом. Обучающиеся объединены в национальные группы, состоящие из 3–6 человек, соответственно,

общение друг с другом в основном происходит на родном языке. Преподаватели стараются максимально быстро включить иностранных курсантов в новую социокультурную среду, в связи с чем регулярно проводится воспитательная работа, на которую у каждого педагога отведены часы в учебной нагрузке. Во время внеаудиторной деятельности осуществляется знакомство курсантов с российской действительностью и культурными ценностями России. Организуются экскурсии в городские музеи: «Краеведческий музей «Городская дума», «Успенский краеведческий музей имени Г.Я. Сотникова», «Музейный комплекс имени И.Я. Словцова», «Дом мастера деревянной резьбы В.Н. Привалова, «Музей изобразительных искусств», «Усадьба Колокольниковых»; выездные экскурсии по культурным и историческим памятным местам; посещения театров и библиотек, спортивно-развлекательные мероприятия; внутриучилищные мероприятия «День родного языка», «Конкурс творческих работ», «Литературный конкурс», «День славянской письменности и культуры». В дальнейшем, на старших курсах, иностранные военнослужащие участвуют в научных конференциях, международных фестивалях, межвузовских конкурсах и соревнованиях. Воспитательная деятельность, несомненно, способствует ускорению процесса адаптации, а также формирует речевую и социокультурную компетенцию.

А.Н. Щукин отмечает: «В основе стратегии обучения русскому языку как иностранному должна находиться культура, изучение которой обусловливает способность к межкультурному общению… и формирует социокультурную компетенцию как конечный результат овладения языком» [7, с. 286]. Иными словами, язык является депозитарием этноса, он хранит в себе культурное наследие общества, следовательно, при овладении языком иностранец параллельно «овладевает» культурой страны, формирующей в дальнейшем важные компетенции для успешной адаптации.

Таким образом, суть социокультурной адаптации заключается во взаимодействии субъекта со средой в повседневности, создавая субъекту условия эффективного вхождения в социум и освоения различных форм социальной деятельности; приобретение субъектом опыта жизнедеятельности в новой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева И. Б. Лингводидактическая концепция обучения профессиональной коммуникации иностранных учащихся инженерного профиля: Дисс... д-ра пед. наук. – М.: МГТУ, 2006. – 548 с.

2. Камардина О. Л., Корчагина О. В. К вопросу о взаимоотношении параметров, определяющих дидактическую адаптацию // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. – Вып.2. – Воронеж, Воронежский университет, 1998. – С.71–74.

3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

4. Крючкова Л. С., Мощинская Н. В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. – Москва: Наука, 2012. – 480 с.

5. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение) / Под ред. А. Н. Щукина. – М.: Рус.яз., 1990. – 231 с.

6. Сурыгин А. И. Педагогическое проектирование системы предвузовской подготовки иностранных студентов. – 2-е изд. – СПб.: Златоуст, 2008. – 128 с.

7. Щукин А. Н. К проблеме содержания обучения русскому языку как иностранному (новый подход) // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ, Санкт- Петербург, 30 июня - 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х т. – Т. II. – СПб., 2003. – С.281–289.

REFERENCES

1. Avdeeva I. B. Lingvodidakticheskaja koncepcija obuchenija professional'noj kommunikacii inostrannyh uchashhihsja inzhenernogo profilja: Diss... d-ra ped. nauk. – M.: MGTU, 2006. – 548 s. [in Russian].

2. Kamardina O. L., Korchagina O. V. K voprosu o vzaimootnoshenii parametrov, opredeljajushhih didakticheskuju adaptaciju//Poisk. Opyt. Masterstvo. Aktual'nye voprosy obuchenija inostrannyh studentov. –Vyp.2. – Voronezh, Voronezhskij universitet, 1998. – S.71–74. [in Russian].

3. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. – 264 s. [in Russian].

4. Krjuchkova L. S., Moshhinskaja N. V. Prakticheskaja metodika obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu. – Moskva: Nauka, 2012. – 480 s. [in Russian].

5. Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo dlja zarubezhnyh filologov-rusistov (vkljuchennoe obuchenie) / Pod red. A.N. Shhukina. – M.: Rus.jaz., 1990. – 231 s. [in Russian].

6. Surygin A. I. Pedagogicheskoe proektirovanie sistemy predvuzovskoj podgotovki inostrannyh studentov. – 2-e izd. – SPb.: Zlatoust, 2008. – 128 s. [in Russian].

7. Shhukin A. N. K probleme soderzhanija obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu (novyj podhod) // Russkoe slovo v mirovoj kul'ture. Materialy X Kongressa MAPRJaL, Sankt- Peterburg, 30 ijunja – 5 ijulja 2003 g. Plenarnye zasedanija: sbornik dokladov. V 2-h t. – T. II. – SPb., 2003. – S.281–289. [in Russian].

УДК 80’42

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ИНОСТРАНЦАМИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНФОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Масюк (Басырова) Анна Евгеньевна

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирское высшее военное командное училище,
Новосибирск, *Россия*, *anabassyrova@gmail.com*

Аннотация. В статье раскрываются понятия «инфографика» и «инфографический текст». Описываются трудности восприятия лингвокультурной информации, встречающейся в некоторых аутентичных инфографических текстах. Приводятся и анализируются конкретные инфографические тексты.

Ключевые слова: инфографика; инфографический текст; лингвокультурная информация.

PROBLEMS OF PERCEPTION OF LINGUOCULTURAL INFORMATION IN RUSSIAN-LANGUAGE INFOGRAPHIC TEXTS BY FOREIGNERS

Masyuk (Basyrova) Anna Yevgenievna

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk Higher Military Command School Novosibirsk, *Russia*

Abstract. This article deals with the concept of infographics and infographic text. It describes the difficulties of perception of linguocultural information that is found in some authentic infographic texts. Concrete infographic texts are presented and analyzed.

Keywords: infographics; infographic text; linguocultural information.

Развитие современных информационно-коммуникационных технологий приводит к тому, что знаки различных семиотических систем все чаще становятся элементами текстообразования. В связи с этим современная лингвистика существенно расширяет спектр текстов, попадающих в поле зрения ученых. Исследователи активно занимаются проблемой образования и функционирования гетерогенных, поликодовых, креолизованных текстов, к которым можно отнести и инфографику.

Инфографика – это особый способ представления информации, сведений или знаний с помощью комбинации вербального и иллюстративного компонентов, предназначенный для быстрой и лаконичной презентации темы, при-

званный улучшить восприятие информации и мотивировать к прочтению. По нашему мнению, инфографика способна выполнять информативную, аналитическую, организационно-связующую / конструктивную, адаптивную, экспрессивную, воздействующую, аттрактивную, эстетическую функции. Важно отметить, что инфографика способствует не только рациональному, но и эмоциональному восприятию, поскольку в ее основе лежит идея, визуальная ассоциация, авторский образ, который связывает воедино элементы разных семиотических систем, графического, вербального, числового рядов. Для того чтобы подчеркнуть лингвистический аспект описываемого явления, предлагаем обозначать инфографику термином «инфографический текст» и считать его разновидностью креолизованных текстов.

Подчеркнем, что инфографика – это семиотически усложненный текст, в котором важно все: вербальная составляющая, визуальные образы, композиция, даже цветовое решение. Поэтому, безусловно, понимание такие текстов может быть затруднено даже у носителей языка, не говоря уже об иностранцах. Аутентичные инфографические тексты насыщены лингвокультурной информацией, которая требует расшифровки и пояснения при работе с этими текстами в иностранной аудитории.

Рассмотрим, например, объявления об аренде квартиры, выполненные в виде инфографики, сделав акцент на лингвокультурных помехах, которые, вполне возможно, возникнут у иностранцев при восприятии данных текстов (см. рис. 1, 2, 3).

На рисунке 1 следует обратить внимание на следующие элементы. Первая лингвокультурная трудность содержится в верхней части текста: Москва называется «легендарным нерезиновым краем, ежегодно привлекающим тысячи «понаехавших»». Две характеристики Москвы («нерезиновая» и «понаехали тут») известны всем носителям языка, но не иностранцам, и потому требуют комментария. Второе трудное место находится в правой части объявления. Это цитата из произведения М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Москвичей испортил квартирный вопрос». Ясно, что без особого комментария инофонам будет непросто понять уместность, значимость и иронию такой информации. Также стоит обратить внимание на информацию, расположенную чуть ниже: вопрос «А вы славяне?» и изображения шлема, кокошника и бороды. Обыгрывание «славянского стиля» наблюдаем и во фразе, расположенной в самой нижней части текста: «По славянской традиции бьем челом за любой лайк, ретвит и перепост». В данном случае затруднение, скорее всего, вызовет фразеологический оборот «бить челом», что значит кланяться кому-либо в землю, то есть выражать благодарность. И, наконец, горящий вопросительный знак и устойчивое выражение «вопрос горит» (правый нижний угол) также, возможно, потребуют особого внимания.

На рисунке 2 лингвокультурная информация выражена графически – значками «Мне нравится» и символом сайта «Одноклассники». Если в случае с первым значком инофон может догадаться о значении данного списка (что хочется иметь в квартире человеку, который ищет жильё), то второй значок может вы-

звать вопросы. Очевидно, что он олицетворяет список тех вещей, которые человек, ищущий жильё, иметь в будущей квартире не хочет. Иностранцу, таким образом, необходим комментарий о том, что социальная сеть «Одноклассники» немодна у молодежи и популярна только среди людей более старшего поколения, поэтому её значок отражает список нежелательных в квартире вещей.

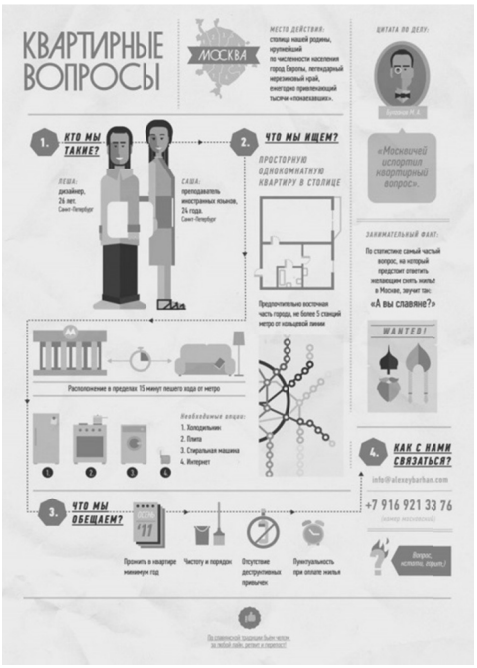

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Что касается рисунка 3, то вызвать затруднение может один из пунктов списка вещей, которых девушки-квартиросъёмщики не хотят иметь в будущем жилье: ковры на стенах. Данный пункт предполагает наличие фоновых знаний о том, что во времена СССР ковры на стенах были символом достатка, и потому атрибутом многих квартир, а сейчас являются олицетворением устаревшего, непрестижного жилья.

Таким образом, восприятие и понимание аутентичной инфографики требует от иностранца не только развитой языковой компетенции, но и навыков дешифровки лингвокультурной информации. При этом, несмотря на всю сложность декодирования инфографики, нам кажется, что инфографические тексты могут стать для инофона источником познания настоящей, живой культурной среды русских, понимание которой обеспечит в дальнейшем успешную межкультурную коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант / Н.П. Андрюшина и др. [Электронный ресурс]: электронный аналог печатного издания – 2%е изд. – М. – СПб.: Златоуст, 2009. – 32 с. – Режим доступа: http:// www.zlat.spb.ru

2. Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного. – СПб.: Златоуст, 2015. – 192 с.

REFERENCES

1. Trebovaniya po russkomu yazyku kak inostrannomu. Pervyy uroven'. Obshchee vladenie. Vtoroy variant / N.P. Andryushina i dr. [Elektronnyy resurs]: elektronnyy analog pechatnogo izdaniya – 2-e izd. – M. – SPb.: Zlatoust, 2009. – 32 s. – Rezhim dostupa: http://www.zlat.spb.ru

3. Fedotova N.L. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo. – SPb.:Zlatoust, 2015. – 192 s.

УДК 811.161.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КУРСАНТОВ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН В ВОЕННОМ ВУЗЕ

Ржаникова Юлия Владиславовна

Тюменское высшее военно-командное инженерное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Тюмень, Россия, Taina28@list.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам межкультурной коммуникации курсантов в условиях иноязычной среды.

Ключевые слова: курсант; военнослужащий; коммуникация; милосердие; общение; культура; страна; нация.

INTERCULTURAL COMMUNICATION STUDENTS FROM DIFFERENT COUNTRIES AT THE MILITARY COLLEGE

Rzhannikova Julia Vladislavovna

Tyumen higher military command engineering school
Marshal of engineer troops A. I. Proshlyakov, *Tyumen*, *Russia*

Abstract. The article is devoted to the problems of intercultural communication of students in the conditions of the foreign environment.

Keywords: student; soldier; communication; compassion; communication; culture; country; nation.

Современный мир отличается многообразием и постоянным расширением культурных связей в самых разных сферах человеческой жизни – туризме, спорте, образовании, бизнесе, личных контактах и т. д. Кроме того, социальные, политические и экономические изменения последних лет обусловили масштабную миграцию народов, их переселение, смешение и столкновение. Названные процессы привели к тому, что всё больше людей преодолевают культурные барьеры, которые раньше их разделяли. Они вынуждены не просто знакомиться с чужими культурами, но и адаптироваться к ним и даже ассимилироваться с ними. Таким образом, реальное взаимодействие культур осуществляется именно через контакты между отдельными людьми. Межкультурная коммуникация – это общение людей, говорящих на разных языках и принадлежащих к различным культурам.

На многонациональную и поликультурную Россию проблемы глобализации оказывают сильнейшее влияние, а проблемы межкультурной коммуникации в последние два десятилетия приобрели исключительную актуальность. В настоящее время служба военных специалистов связана с пребыванием за рубежом, усилилось российское представительство на международных форумах и конференциях, участие в международных политических, экономических и профессиональных организациях. Поэтому другие страны в качестве «обмена» отправляют учиться в Россию своих курсантов в военные вузы нашей страны. При установлении партнерских отношений важно, чтобы происходил диалог, взаимопонимание, а не столкновение двух культур. Если собеседники владеют социокультурной информацией друг о друге, им легче найти взаимопонимание при решении спорных вопросов.

В настоящее время формируется новое представление о социальной ответственности, меняется жизнь общества в целом. Способность понимать другую культуру становится важнейшим условием реализации жизненного успеха любым молодым специалистом. Разносторонние международные контакты всех уровней показали, что успех в любом виде международной деятельности зависит, прежде всего, от степени подготовки собеседников.

Отметим, что интенсивное развитие всех видов социальных коммуникаций опережает все социальные прогнозы и концептуальные основания. Технический прогресс и бурное развитие различных форм международных контактов в

настоящее время обгоняют развитие навыков коммуникации между представителями различных культур и исторически сложившихся культурных моделей. Именно поэтому социолингвистические и социокультурные аспекты формирования межкультурной коммуникации курсантов, адаптация в профессионально-ориентированном пространстве в современной России приобретают особую значимость. Таким образом, задачей высшего военного образования является формирование широко образованного человека, который имеет в своем арсенале фундаментальную подготовку не только по узким специализациям, но и в широком плане.

Конкретные условия обучения в военно-учебных заведениях (ограниченное количество аудиторных часов, совмещение учебного процесса с несением курсантами воинской службы, слабая школьная подготовка и пр.) требуют максимальной эффективности аудиторных занятий. В этой связи проблема мотивации в изучении иностранных языков приобретает большое значение. Основным средством создания внутренней мотивации является связь содержания изучаемого материала на иностранном языке с научными и специальными проблемами, интересующими курсантов, с работой в ВНО, с НИР профилирующих кафедр, с курсовым проектированием. Рекомендуется больше использовать взаимосвязь со специальными кафедрами. С их помощью на занятиях проще всего показать курсантам, как может применяться иностранный язык в их будущей профессии.

Хотелось бы, чтобы преподаватель на своих занятиях создавал языковые ситуации, максимально приближенные к реальности; учитывал возраст, религиозную, социальную принадлежность курсанта; предоставлял самостоятельность обучаемым; объективно оценивал результаты их самостоятельных действий; заинтересовал и сформировал познавательную потребность у иностранного студента.

В процессе обучения иностранных студентов следует учитывать сильные стороны национально-культурных особенностей этноса, его лингвокультурные традиции. Это позволит облегчить период адаптации, овладеть необходимыми навыками, сделать занятия более эффективными и интересными. Посредством изучения русского языка как иностранного возможно решение ряда задач, позволяющих повысить не только уровень обучения специальности, но и расширить кругозор молодых людей, развить у них чувство эстетического восприятия окружающего мира, сформировать позитивное отношение к стране обучения, стимулировать познавательную деятельность обучающихся и повысить мотивацию дальнейшего образования.

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать необходимость создания ряда условий адаптогенного характера широкого спектра действия для оптимизации процесса адаптации иностранных курсантов к учебному процессу в вузах России. Адаптацию следует рассматривать как педагогическую программу, успешность которой определяется множественными параметрами и критериями, позволяющими улучшить качество обучения иностранных курсантов и достигнуть наилучших академических результатов с наименьшими негативными последствиями.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА

УДК 81’27+81’25

РЕАЛИИ КАК НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА

Архипова Елена Ивановна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *elena1503@inbox.ru*

Аннотация. Участие языка в формировании и эволюции мысли находит своё воплощение в специфичных словах и сочетаниях слов, которые отражают уникальные явления и предметы действительности или вмещают в себя дополнительные оттенки значения. В реалиях заложены ценности национальной общности, что делает их необходимыми для изучения и представляет затруднение при межкультурной коммуникации. В статье рассмотрено понятие реалии, способы их перевода и некоторые классификации.

Ключевые слова: реалия; культурологический компонент значения; безэквивалентность; межкультурная коммуникация.

CULTURE-SPECIFIC CONCEPTS AS BEARERS OF CULTURAL COMPONENT

Arkhipova Elena Ivanovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. Participation of language in the formation and evolution of thought is embodied in specific words and word-combinations that reflect the unique phenomena and objects of reality or contain additional nuances of meaning. Culture-specific concepts bear values of the national community, which makes them necessary for the study and presents difficulty in intercultural communication. The article deals with the culture-specific concepts, ways of their translation and certain classifications.

Keywords: culture-specific concept; cultural component; nonequivalence; intercultural communication.

В современной науке о языке внимание учёных привлекают вопросы, связанные с развитием антропоцентрической парадигмы, вследствие чего их интерес переместился с ядра на периферию значения слова, к компонентам более специфичным, приближенным к человеку, его менталитету, индивидуальности и образу жизни. На наш взгляд, современный этап развития языкознания характеризуется исследованиями не чисто языковых категорий и явлений, а категорий ментальных, неразрывно связанных с когнитивной составляющей языкового сознания носителя языка.

Понятие реалий и их специфика дают возможность получить доступ к определённым культурным кодам и установкам, принятым тем или иным народом, поскольку они находят отражение в языке, что является прямым доказательством их значимости. Формирование новой мысли происходит в процессе вербализации результата когнитивного процесса человека, а языковая репрезентация разграничивает явления действительности на актуальные и неактуальные для языкового коллектива и облегчает постижение культуры посредством изучения языка.

Накладывая одну языковую систему на другую, можно определить, какие их компоненты будут особенными, т. е. частными культурными элементами. Выражение понятий, уникальных для одного языка, также является уникальным и специфичным, что приводит исследователей к проблеме разграничения реалий-предметов и реалий-слов, которые в зависимости от направленности исследований могут именоваться просто реалиями.

Как носители культурологического компонента, реалии обладают сигнификативными коннотациями [1, с. 136], соотнося специфические понятия с социальной средой. Национальный характер проявляется как комплекс жизненных установок, норм поведения и ценностей данной культуры. Культурологический компонент может быть включен как в денотативное значение слова, которое обозначает часть объективной действительности, так и в коннотативное, где он означает нечто добавочное, что и отличает данную реалию от реалий других культур. Согласно В. А. Масловой, именно в коннотации содержатся потенциальные ресурсы номинативной системы языка, поскольку в слове находится глубинный смысл, который, закрепляясь в языке, определяет культурно-национальную языковую картину [8, с. 56]. В своих работах В. С. Виноградов отмечает, что реалии отражают все факты жизни национально-культурной общности, которые являются характерными для нее. Понятие ассоциативных реалий указывает на наличие определённых компонентов в значениях слова, которые можно выявить путём сопоставления сходных слов разных языков [5, с. 37].

Л. С. Бархударов обращает внимание на безэквивалентность данного класса лексики, «отсутствие данных явлений и процессов в повседневной жизни людей» [3, с. 95]. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров [4] также указывают на отсутствие соответствий данных понятий. С. Влахов и С. Флорин [6, с. 59–60] описывают реалии как слова или словосочетания, именующие объекты, присущие быту и жизни одного народа и отсутствующие у другого (например, *honor fraternity* – почётное студенческое общество, в которое принимают сту-

дентов, особо отличившихся в учёбе или общественной деятельности, *brown bagging* – завтрак, который приносят на работу, *garden wedding* – свадьба, которую празднуют в саду или парке). Отсутствие соответствий и необходимость особого подхода при переводе объясняется ими наличием национально-культурного, исторического колорита.

Выделяют денотативные реалии – предметы и явления, присущие определённой культуре и чуждые всем остальным, и коннотативные реалии – предметы и явления, которые в ходе истории получили дополнительные оттенки значений и приращённые ассоциации [9].

В лингвистической литературе особое внимание уделяется необходимости специфического подхода при поиске соответствий в других языках. Если рассматривать данный пласт лексики в рамках переводоведения, можно выявить сходства реалий с терминами, поскольку их сближают такие характеристики, как однозначность, отсутствие синонимов, ограниченное значение. В качестве отличий можно привести специфическую окрашенность – национальный колорит, коннотативные оттенки значений, общеупотребительность и широкое использование, способ возникновения, а именно естественное возникновение наименований уникальных предметов и явлений и искусственное создание терминов как названий некоторых понятий в области науки. Наличие сходств между терминами и реалиями делает границы между этими двумя классами подвижными и зависящими от контекста (например, *comparative advertising* – амер. брит. проф. реклама с целью подорвать доверие к конкурентам). Также следует отметить связь реалий и имён собственных, которые также могут входить в оба класса одновременно.

Перед переводоведением стояла задача решения трудностей, возникающих при переводе: отсутствие референта и соответственно эквивалента реалии в языке перевода, необходимость передачи коннотативных оттенков значения. В работах В. С. Виноградова сформулированы основные приемы перевода реалий: транскрипция / транслитерация, описательный перевод, контекстуальный перевод и др. Выбор того или иного способа перевода определяется особенностями текста, возможностями языковой системы, значимостью реалии для народа-носителя языка. Применение транскрипции возможно, так как зачастую с ее помощью можно передать колорит и смысловое содержание, при учете степени осведомлённости читателя.

Создание неологизма (кальки и полукальки) сохраняет семантику, но колорит может быть передан не в полной мере. Контекстуальный перевод предполагает ориентировку на контекст, что приводит к потере национального колорита. Замена видового понятия на родовое, или прием генерализации, позволяет осуществить замену понятий, взаимозаменяемых в определённом контексте, но также с потерей национального колорита.

Включение номинативных словосочетаний, семантически равных слову, кажется нам правомерным, поскольку они также являются названиями процессов и явлений. В переводе выделяют также реалии-аббревиатуры, реалии-предложения. Зачастую реалии имеют в языке перевода «единичные соответствия» [7, с. 175].

О. С. Ахманова определяет реалии как факторы, изучаемые внешней лингвистикой с точки зрения их отражения в данном языке [2, с. 381]. Реалии характерны для любого языка, но различны особенности употребления: реалии, присущие только одному языковому коллективу (*русская баня*), присущие двум языковым коллективам, но с дополнительным значением в одном из них (*sabbatical year* – амер. годичный отпуск для научной работы). В рамках одного языка можно выделить национальные реалии – принадлежащие целому народу, локальные – используемые в диалекте или языке определённой социальной группы и микролокальные – в пределах замкнутой группы людей (например, поселок, город). Чужие реалии делятся на интернациональные – существующие в лексическом составе разных языков, сохраняя национальную окраску, региональные – распространившиеся среди нескольких народов [6, с. 71].

В итоге хотелось бы подчеркнуть, что роль языка заключается в осуществлении условий формирования мышления человека. Многие предметы и понятия являются уникальными, а лексика, их обозначающая, является наиболее сложной при обучении языку, поскольку данные языковые реалии могут не часто использоваться в повседневном общении, но являться неотъемлемой частью культуры страны.

Как отмечает В. А. Маслова, тайна языка – главнейшая из тайн человечества: если ее раскрыть, то раскроются многие сокрытые в веках или утраченные знания [8, с. 23]. Главная цель – помочь увидеть тот культурный фон, который стоит за единицей языка и который позволяет соотносить поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Учеб. пособие для студ. филол. и лингв фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ. – М.: Академия, 2004. – 352 с.

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.

3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.

4. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд. института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.

7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

8. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

9. Томахин Г. Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.

REFERENCES

1. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie. Ucheb. posobie dlja stud. filol. i lingv fak. vyssh. ucheb. zavedenij. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Akademija, 2004. – 352 s. [in Russian]
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskih terminov. – 2-e izd. – M.: Editorial URSS, 2004. – 576 s. [in Russian]
3. Barhudarov L.S. Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda). – M.: «Mezhdunar. otnoshenija», 1975. – 240 s. [in Russian]
4. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo. – 4-e izd., pererab. i dop. – M.: Russkij jazyk, 1990. – 246 s. [in Russian]
5. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy). – M.: Izd. instituta obshhego srednego obrazovanija RAO, 2001. – 224 s. [in Russian]
6. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1980. – 343 s. [in Russian]
7. Komissarov V.N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty). Ucheb. dlja in-tov i fak. inostr. jaz. – M.: Vyssh. shk., 1990. – 253 s. [in Russian]
8. Maslova B.A. Lingvokul'turologija: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb, zavedenij. – M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2001. – 208 s. [in Russian]
9. Tomahin G.D. Realii – amerikanizmy. Posobie po stranovedeniju: Uchebnoe posobie dlja institutov i fakul'tetov inostrannyh jazykov. – M.: Vysshaja shkola, 1988. – 239 s. [in Russian]

УДК 81’23; 811.161.1 + 81’27

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАТИВНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ – СИБАС)

Бентя Евгения Викторовна

Новосибирский государственный университет, *Новосибирск*, *Россия*,
yevgentya@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются английские заимствования в русском языке. Описываются возможные каналы поступления данных единиц в русское языковое сознание. Также выдвигаются причины заимствования рассмотренных иностранных слов. Анализ проводится на материале Русской региональной базы данных – СИБАС.

Ключевые слова: заимствования; английский язык; русский язык; СИБАС; ассоциативный эксперимент.

ENGLISH BORROWINGS IN RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN REGIONAL ASSOCIATIVE DATABASE – SIBAS)

Bentya Yevgeniya Viktorovna

Novosibirsk State University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The article considers English borrowings in Russian language. The authors discuss channels though which these word penetrate Russian language consciousness. The authors also analyze the reasons for the borrowing presented in the article. The analysis is based on the material of the Russian Regional Associative Database – SIBAS.

Keywords: borrowings; English; Russian; SIBAS; associative experiment.

Одним из путей развития языка является заимствование новых слов из других языков. Процесс обогащения языка посредством заимствований идет непрерывно. Как отмечает Л. П. Крысин, объем и качество таких заимствований зависит от степени той или иной формы общения между двумя культурами (странами, языками) [2]. Так, отмечается как заимствование двунаправленное, когда процесс взаимопроникновения иностранных слов межу двумя культурами (языками) качественно и количественно может быть соотнесен, так и заимствование однонаправленное, когда одна культура активно заимствует новые слова из второй культуры, причем последняя не принимает новые слова из первой культуры либо принимает их в гораздо меньших количествах.

Подобная ситуация наблюдается в современном русском языке, количество англоязычных заимствований в котором растет с каждым годом. Английские заимствования быстро входят в повседневное использование. Если еще лет 15 назад шла речь о массовых заимствованиях, относящихся к сфере компьютерных технологий, экономики, финансов, спорта и т. п., то сейчас заимствование активно осваивают бытовую сферу: *апгрейд*, *косты*, *креатив*, *мейк-ап*, *месседж*, *сет* [6].

Повсеместное изучение английского языка ведет к разнообразию каналов общения с англоязычной культурой, включая непосредственное общение и вливание в англоязычную культуру с дальнейшим привнесением ее элементов в русскую культуру, а слов, обозначающих эти элементы, в русский язык. И. Привалова пишет: «В последние десятилетия американская этнолингвокультура выступает в роли лингвокультурного донора для других этнолингвокультур-акцепторов» [4, с. 317]. Автор также отмечает, что заимствование в виде «интегрирования в интернациональное пространство» противопоставляется «тенденции разрушения языковой этнической самобытности». Здесь речь уже идет о заимствовании не на языковом уровне, а на уровне концептуальном (элементы культуры). В результате такого заимствования появляется не просто и не только новое слово, но и «целая структура нового знания». Как следствие

в культуре-акцепторе идет обновление как на лингвистическом, так и на поведенческом уровне, так как структура нового знания несет в себе новую модель поведения.

В настоящем исследовании заимствованные единицы были проанализированы на материале Русской региональной ассоциативной базы – СИБАС [5]. Рассмотрение вопроса заимствований на материале ассоциативного словаря представляет собой особую ценность, так как в таком словаре язык представлен в его «живом» виде. В отличие от традиционного словаря иностранных слов в ассоциативной базе можно также проследить ранг того или иного слова, а значит и степень его значимости среди пользователей русского языка. Так, словом с высокой частотностью является *бизнес*. Само слово *бизнес* не представляет собой исключительной ценности как недавно вошедшее в русский язык заимствованное слово, однако реакции на него уже вызывают определенный исследовательский интерес:

бизнес→леди 26; ланч 17; центр 9; класс 7; меню 4; бизнесмен 3; вумен 2; мен; бизнес; бизнеследи; менеджмент; ланд; мэн; сити.

Из примера видно, что большинство реакций вкупе со стимулом представляют собой единое сочетание, устоявшееся в лексиконе молодого русского. Ассоциаты **бизнес**→леди 26 и **бизнес**→вумен 2 относятся, по сути, к одной и той же реалии, что говорит об определенном статусе современной женщины в представлениях испытуемых. Пара **бизнес**→ланч 17 и **бизнес**→меню 4: часто данные сочетания в русском языке используются как взаимозаменяемые, хотя изначально (в культуре – доноре) они имеют отличительные характеристики. Такое явление И. Привалова объясняет тем, что новая концептуальная структура не находит в принимающей культуре ресурсов для понимания данной структуры, и поэтому она вынуждена подвергаться различным толкованиям [4, с. 317]. Сочетания **бизнес**→центр 9; **бизнес**→класс 7 также уже прочно вошли не только в лексикон, но и в ежедневное распознавание этих реалий и обращение к ним.

Стоит обратить внимание на такие пары, как **бизнес**→бизнесмен 3; мен; мэн. Удивительно, что сочетание **бизнес**→леди 26 стало более частотным, хотя можно предположить, что слово *бизнесмен* в русском языковом сознании на данном этапе воспринимается как неделимая, целостная единица, об этом, кстати, и говорит ассоциат **бизнес**→бизнесмен 3, т. е. «бизнесом занимается бизнесмен». Слово *тен* по-новому отражается в ассоциативной базе:

деятельный→мэн; **деловитый**→мэн; **деловой**→мэн; **нарядный**→мэн.

Несмотря на то, что ассоциативные пары единичные, но сама реакция *мэн/мен* является устойчивой. Обратим внимание на то, что подавляющее большинство реакций относится к сфере бизнеса (деловой сфере, карьеры). Заметим также, что единица *мэн* представляет собой отдельную реалию, это уже не мужчина и не бизнесмен, это самостоятельная единица, несущая в себе свои особенные характеристики, не случайно это слово пишется через э, а *бизнесмен*, *спортсмен* и т. п. через *е*.

Следующей выделенной нами по частотности заимствованной единицей является слово *фак*, англ. *fuck*. Это оскорбительное слово было заимствованно в меньшей степени как единица лексическая и в большей как концептуальная:

жест→фак 11; **показать**→фак.

Жест, обозначаемый этим словом, перешел гораздо раньше самого слова, прежде всего через американские фильмы. Значение киноиндустрии для языкового сознания на материале СИБАС мы рассматривали в [1].

Хочется отметить, что данная единица также встречается в базе и на английском языке, т. е. прописана латиницей, ее частотность в той форме гораздо выше и сфера употребления шире. Однако в рамках данного исследования мы рассматриваем только единицы на русском языке.

Далее по частотности следует единица *ОК*, англ. *ok/okey*:

все→ОК; **гармоничный**→ОК; **получаться**→всё ОК; **принять**→ОК; **палец**→ОК!; **пиво**→ОК; **хорошо**→ОК!; **конечно**→ОК'ей.

Частотность ассоциативных пар с данной реакцией не превышает единицы, а абсолютная частотность самой реакции *ОК* равняется пяти, что возводит ее в ранг устойчивой единицы. *Ок* заменила в русском языке такие бытовые реакции, как *хорошо*, *договорились*, *ладно*, *добро* и т. п. Кроме того, мы наблюдаем присутствие также поведенческой составляющей данной единицы: **палец**→ОК!. Как и в случае с *фак*, жест «ок» вошел в употребление среди русских раньше самого слова.

Следующая частотная единица является скорее не словом, но приставкой:

двойной→би 2; дабл; дуалы.

Можно справедливо поставить вопрос о том, почему три разные единицы рассматриваются вместе. Произошло это потому, что слово *двойной* во многих сочетаниях все чаще заменяется именно на один из этих трех вариантов, например, *дабл кофе*. Так, например, в словаре Е. Н. Шагаловой встречаем такие слова, как *даблдисккóрт*, *дабл-трéк*, *даблдисккорт*, *дуал-слáлом*, *бисáйд*. Большая часть приведенных из словаря слов относятся к определенной сфере профессиональной деятельности, что еще раз подчеркивает значимость ассоциативной базы, которая описывает фактическое употребление той или иной единицы и владение ею, а также определяет ее место в языковом сознании носителя русского языка.

Примеры, которые мы рассмотрим ниже, являются единичными реакциями. Среди них выделяются определенные группы с общими характеристиками. Например, единицы переводные, но сохраняющие написание кириллицей:

адвокат→лоер; **бабочка**→батерфляй; **еда**→фуд; **космос**→спейс; **мир**→пис; **мягкий**→софт; **богатый**→рич.

Данное явление интересно тем, что можно определить канал вхождения данных единиц в зону употребительных, а именно через слух. Если человек предпочитает прописывать иностранные слова на своем родном языке, это приводит к заключению о том, что он не предпринимал усилия по овладению этой единицей, например, из словаря или книги, где он бы познакомился прежде всего с иностранной формой письма. Таким образом, это слово было

воспринято на слух из среды, причем неоднократно, и либо с разъяснением значения, либо, что более вероятно, с объясняющим контекстом. Слово *лоер* могло прийти из профессиональной сферы, а также из названия кино; *баттерфляй* (двойной *т*), кроме стиля плавания, также могло прийти из различных игр либо кино (как название персонажа); слово *фуд* повсеместно встречается в рекламах мест быстрого питания; *спейс* также может быть подчерпнут из компьютерных игр и кино; *пис* встречается в различных лозунгах, названиях организаций и проч.; слово *софт* часто видим на упаковках средств гигиены, мыла, салфеток и т. д.

Следующий тип реакций наиболее показателен тем, что единицы встречаются в их непосредственном употреблении в гармоничной связке со стимулом, т. е. в их ассимилированной форме:

адвокат→экстракласса; **агрессивный**→моб; скин; тролль; **бегать**→трек; **входить**→раж; **восстанавливать**→сим-карту; **войти**→в аккаунт; в интернет; в раж; в чат; **грубый**→орк; **лидер**→Прайма; **полный**→фешен; **ставить**→лайк; смайлик; **совместный**→уик-энд; **детский**→для бэбиков; **звонить**→конектить; фонить.

Среди реакций также есть заимствованные единицы-междометия:

впечатление→уау; УАУ!!!; **игла**→упс!; **импорт**→вау!; **очень**→вау!; **суббота**→ВАУ! Наконец!; **успех**→ес!

Междометие *вау* (англ. *wow*) широко используется в повседневных разговорах молодых русских. Его популярность можно сравнить только с *ок*. Причем замечаем такую же тенденцию, когда одна иностранная заимствованная единица заменяет бесконечное количество эквивалентов в родном языке, начиная с У*х ты*! *Ах*! *Надо же*! до *Восхитительно*! *Чудесно*! *Прекрасно*! и т. д.

Рассмотренные единицы дают нам возможность сделать вывод о том, что заимствование английских слов происходит в различные сферы жизни современного молодого русского. Просмотрев даже самые частотные заимствования, мы видим, что большинство из них не связаны с той или иной профессиональной деятельностью, как это обычно представлено в традиционных академических словарях иностранных слов. Большинство из рассмотренных выше единиц пришли из сферы потребления и развлечения, что ярко пропагандируется через каналы различных СМИ, включая сферу торговли.

Часто заимствование единиц не является рациональным, так как в языке достаточно средств для обозначения того или иного явления. Л. П. Крысин так определял одну из причин заимствования слова из другого языка: это престижность той культуры, из языка которой и происходит заимствование. Однако тогда встает вопрос о том, кто и какие критерии предписывает понятию престижности. А. С. Панарин отмечает, что эта «престижность» является результатом качественного продвижения в русской среде ложных ценностей. «Глобальный конфликт Запада и Востока» неизбежно приводит к не прекращающемуся «натиску на Россию» со стороны Запада [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бентя Е. В. Следы вестернизации в русском языковом сознании (на примере имен собственных) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 44–51.

2. Крысин Л. П Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

3. Панарин А. С. Православная цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.

4. Привалова И. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 447 с.

5. СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015) / Авт.-сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. – URL:http://adictru.nsu.ru (дата обращения 18.12.2016).

6. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – 416 с.

REFERENCES

1. Bentya E. V. Sledy vesternizatsii v russkom yazykovom soznanii (na primere imen sobstvennykh) // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2016. T. 14, № 1. S. 44–51. [in Russian]

2. Krysin L. P Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike. – M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004.- 888 s. [in Russian]

3. Panarin A.S. Pravoslavnaya tsivilizatsiya. M.: Institut russkoy tsiviliza¬tsii, 2014. – 1248 s. [in Russian]

4. Privalova I. Interkul'tura i verbal'nyy znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsii): Monografiya. – M.: Gnozis, 2005. – 447 s. [in Russian]

5. SIBAS – Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh (2008–2015) / Avt.-sost. I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko. – URL:http://adictru.nsu.ru (data obrashcheniya 18.12.2016) [in Russian]

6. Shagalova E.N. Samyy noveyshiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka XXI veka: AST: Astrel'; Moskva, 2011 – 416 c. [in Russian]

УДК 811.1

СЛОВА С КОРНЕМ *БЛАГ-/БЛАЖ-* КАК ЗОНА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Захарова Евгения Захаровна, Русанова Светлана Владимировна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*,
zaharova-zhenya1994@mail.ru, *rusanowa_7@mail.ru*

Аннотация. На основе анализа лексикографических дефиниций старославянских слов с корнем *благ-/блаж-*, их сопоставления с древнегреческими аналогами рассматриваются особенности формирования семантики данных слов; затрагивается вопрос о роли языковых и культурных пересечений в истории исследуемой лексической группы.

Ключевые слова: слова с корнем *балг-/блаж-*, старославянская лексика, язык и культура.

WORDS WITH A ROOT *BLAG-/BLAZH-* AS A ZONE OF CROSSING OF LANGUAGES AND CULTURES

Zakharova Evgenia Zakharovna, Rusanova Svetlana Vladimirovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. On the basis of the analysis of lexicographic definitions of old Slavic words with a root blag-/blazh- and their comparisons to Ancient Greek analogs, features of formation of semantics of these words are considered; the question of a role of language and cultural crossings in the history of the studied lexical group is raised.

Key words: words with a root balg-/blazh-, old Slavic lexicon, language and culture.

Слова с корнем *благ-/блаж-* занимают особое место в русской языковой картине мира.

О значимости данных слов и связанных с ними понятий в истории русского языкового сознания свидетельствует их словообразовательная активность. Если в «Словаре старославянского языка (по рукописям X–XI вв.)» учеными отмечается 99 слов с корнем *благ-/блаж-* [9], то в «Словаре древнерусского языка XI – XVII вв.» зафиксировано уже более 600 слов с данным корнем [7]; «Словарь Академии Российской» конца XVIII в. включает 104 слова с корнем *благ-/блаж-* [5]; в четырехтомном «Толковом словаре русского языка», отражающем лексику XX в., насчитывается 182 подобных слова [10]; «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» конца XX – начала XXI в. фиксирует 292 слова [2].

Приведенные факты акцентируют внимание на культурно-исторической обусловленности семантических и словообразовательных процессов в структуре исследуемой группы слов и, в частности, на их тесной связи с переломными периодами в развитии общества и языка, когда радикальные политические, социально-экономические и культурно-идеологические преобразования влекут за собой глубинные изменения в общественном сознании, в языке и условиях его функционирования [4, с. 68]. Будучи унаследованными из средневековой славянской культуры, слова с корнем *благ-/блаж-* продолжают определять ценностные ориентиры, однако в семантической структуре ряда слов в новую эпоху обнаруживаются изменения, трансформируется прагматическая составляющая значения.

Приведем только один пример, отражающий эволюцию лексемы *благоверный*. В старославянском языке прилагательное ***благовѣрьнъ*** имело значение «*набожный*, *благочестивый*» [9, с. 85]. В XVIII в. семантика данного слова расширяется за счет его включения в состав обязательного эпитета, который придавался представителям царской семьи: ***благовѣрный*** – *Церк. Исповедующий истинную веру*; *правоверный православный. Название благовѣрныхъ придается Особям Российского Императорского Дома*, *кроме самих Царствующих* <...> [8, с. 26]. В лексикографических дефинициях русского языка XX в. к данной лексеме стали применяться пометы «устар.», «книж.», а также «разг.» и «шут.»: ***благоверный***, ***благоверная***, ***благоверное***. *Только в шутл. выражениях в знач. сущ.*: *благоверный*, *благоверного*, *м. – Муж*, *и благоверная*, *благоверной*, *ж. – Жена. Мой благоверный болен. Он все рассказал своей благоверной.* (*Первонач. церк. эпитет царей в знач.* «*православный*, *правоверный*».) В четырехтомном словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой отражено только одно значение у слова ***благоверный***: *разг. шутл. Муж. Добрая*, *хотя строгая*, *супруга уже обложила своего благоверного сеном и одеждой*. М. Горький, Ярмарка в Голтве [6, с. 92]. В «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» конца XX – начала XXI выделяется два омонимичных слова: 1. ***Благоверный*** *м. разг. Муж и* 2. ***Благоверный*** *прил. устар. Исповедующий истинную веру*; *благочестивый* (*употр. как эпитет государей православного вероисповедания*) [2].

К переломным в истории русского общества и русской культуры можно отнести следующие периоды:

1) конец X–XI вв., когда Русь приняла христианство, повлиявшее на формирование новой картины мира, создание новых культурных концептов и послужившее причиной появления на Руси славянского алфавита и письменности;

2) конец XVII – первая четверть XVIII в., связанные с петровскими преобразованиями, необходимым атрибутом которых становится создание нового культурно-языкового пространства: активно осваиваются новые явления, рождаются новые жанры, меняется ситуация общения, в русском языке закрепляется и адаптируется большое количество лексических заимствований, славянизмы начинают активно использоваться в несвойственных им до сих пор жанрово-стилистических и этикетных функциях;

3) конец XVIII в. – первые десятилетия XIX в., выдвинувшие на первый план художественный дискурс, в котором наиболее ярко отразились актуальные когнитивные, языковые и коммуникативные процессы, среди них была и секуляризация церковнославянской лексики [4, с. 69];

4) период революции 1917 г. и создания советского государства, в котором правящей оказалась атеистическая идеология, не только определившая перемещение на периферию многих слов, связанных с христианским мировоззрением, но и сыгравшая большую роль в формировании у слов данных лексико-семантических групп новых значений, не свойственных им в предыдущие эпохи;

5) период перестройки и появления интернет-пространства в конце XX – начале XXI в.

Однако первым, самым важным в истории исследуемой группы лексики, ее влияния на развитие концептуальной картины мира славянских языков является период принятия славянами христианства и создания первого литературного языка, *старославянского*, восточнославянский извод которого с конца X – начала XI в. стал выполнять функцию литературного языка в Киевской Руси.

Прилагательное *благъ*, послужившее производной базой для создания старославянской лексики с корнем *благ-/блаж-*, в этимологических словарях представлено в виде своего варианта *благо*. Южнославянский по происхождению корень *благ-*, как и противопоставленный ему восточнославянский *болог-*, восходит к праславянскому **bolg-*, исходное значение которого ученые определяют как «богатство». В процессе развития данное слово изменяло свою семантику: «богатство» –> «процветание, преуспевание» –> «счастье, блаженство» –> «благо, добро» [11, с. 24–25]. Именно значение «благо, добро» отмечают словари старославянского языка у слова *благо*. Слова с корнем *благ-/блаж-* образовывали в старославянском языке одну из самых многочленных лексико-семантических групп и сыграли большую роль в формировании оценочной категории, основанной на оппозиции «положительное – отрицательно». По данным Л.П. Клименко, можно выделить 13 типов подобной семантической корреляции, охватывающих духовную, психическую, социальную, физическую сферы жизнедеятельности человека. Среди них такие, как «Высшая духовная ценность, даруемая христианам Богом: благодать, благодѣть ‘милость, благодать’ / ‘безблагодатность’», «Понятие христианской веры: благовѣрие ‘набожность, благочестие’ / ‘неверие; ересь’», «Духовное состояние христианина: благодушие ‘душевное спокойствие, душевный мир’ / ‘отсутствие душевного мира, смятение души’", «Духовные свойства христианина: благодѣть ‘добродетель, склонность к добру’ / ‘порок, греховность, склонность ко греху’», «Психические чувства: благодарение ‘благодарственная хвала’ / ‘хула; отсутствие благодарности’», «Дела благие, добрые, полезные: благодѣть ‘благодеяние, добро’ / ‘злодеяние’» и др. [3, с. 28].

Исследования показывают, что слова с корнем *благ-/блаж-* в большинстве своем представляют кальки древнегреческих слов и характеризуются тождественной морфологической структурой, например, старославянское сложное слово *благодарити* образовано в результате перевода сложного древнегрече-

ского слова *εὐχαριστέιν*. Однако в старославянском языке есть слова, морфологическое строение которых не соответствует оригиналу. Так, например, старославянское сложное слово *благоизволение* соотносится с древнегреческим простым по структуре словом *ἀρετή*.

Обращает на себя внимание и тот факт, что старославянские слова с *благ-/блаж-* выступали в качестве аналогов древнегреческих слов со следующими корнями: 1) *ευ-* (72 слова), 2) *μακαρ-* (21), 3) *ἀγαθ-* (17), 4) *χαρ-* (13), 5) *χρησ-* (4), 6) *καλ-* (*καλλ-*) (2), 7) *ἀγ-* (3), 8) *φιλ-* (1), 9) *ἀποστολ-* (1), 10) *ἀποπεμ-* (1), 11) *αιν-* (1), 12) *δυνα-* (1), 12) *δικαιο-* (1), 13) *ἀρετ-* (1), 14) *ἀκριβ-* (1), 15) *ἀνδρ-* (1), 16) *γεννᾶ-* (1), 17) *μυρ-* (1), 18) *ἀφθον-* (1), 19) *σοσ-* (1), 20) *ὁσ-* (1), 21) *κηδεμ-* (1), 22) *θυμ-* (1) [1, 9].

Старославянскому *благ-* чаще всего соответствовал древнегреческий корень *ευ-*, а корню *блаж-* – древнегреческий корень *μακαρ-*. Старославянский корень *благ-*, также как древнегреческий *ευ-***,** чаще всего выступал в качестве первого компонента сложных слов и являлся универсальным словообразовательным средством. Корень *блаж-*, как и древнегреческий *μακαρ-*, обычно встречался в простых словах и также являлся универсальным словообразовательным элементом.

Анализ словарных толкований старославянских лексем с *благ-/блаж-* свидетельствует, что среди них были однозначные (81 слово) и многозначные (13 слов) [9].

Старославянские однозначные слова с корнем *благ-/блаж-* в сопоставлении с их древнегреческими аналогами можно разделить на следующие группы:

1) старославянские однозначные слова, полностью заимствующие значения однозначных древнегреческих слов (*благопрїѧтьнъ* «угодный, приятный» [9, с. 88] – *εὐάρεστος* «приятный, угодный» [1, с. 683]);

2) старославянские однозначные слова, заимствующие одно из нескольких значений многозначного древнегреческого аналога (*благоизволѣниѥ* «преимущество, добродетель» [9, с. 88] – *ἀρετή* 1) «доблесть, добродетель»; 2) «вообще совершенство, превосходство, достоинство» (как физическое, так и нравственное); 3) «мужество, храбрость» [1, с. 231]);

3) старославянские однозначные слова, значения которых соотносятся со значениями нескольких однозначных и многозначных древнегреческих аналогов, способных выступать в качестве синонимов (*благословлѣниѥ* «благословение» [9, с. 89] – **1) *εὐλογία*** 1) «хвала, похвала»; 2) «изящная речь»; 3) Новый Завет также: «благословение, благодарение» [1, с. 696]; **2) *εὐμένεια*** 1) «благоволение, милость, благосклонность»; 2) «преданность» [1, с. 697]; **3) *εὐλογεῖσθαι*** 1) «хорошо говорить, хвалить, прославлять»; в Новом Завете также: «благословлять, благодарить» [1, с. 696]; **4) *ἀνευλόγητος*** «восхваление, благоволение» [1, с. 146]);

4) старославянские однозначные слова, которые в процессе калькирования древнегреческих однозначных слов поменяли свои значения (*благочинѣниѥ* «надлежащее устройство» [9, с. 90] – *εὐστάθεια* «стойкость, постоянство, твердость» [1, с. 708]);

5) старославянские однозначные слова, соотносящиеся по значению с древнегреческими словосочетаниями (*благочьстовати* «быть набожным, благочестивым» [9, с. 90] – *εὐσεβῆ εἰναι* «быть набожным» [1, с.708]).

Сопоставительный анализ многозначных старославянских слов с корнем *благ-/блаж-* и их древнегреческих эквивалентов позволяет разделить исследуемые старославянские лексемы на следующие группы:

1) старославянские многозначные слова, заимствующие значения древнегреческих однозначных аналогов (*благословлѥнъ* 1) «благословенный»; 2) «благословенный, восхваленный» [9, с. 89] – *εὐλογημένος* «благословенный» [1, с. 696]);

2) старославянские многозначные слова, которые заимствуют свои значения у разных древнегреческих многозначных аналогов (*благословлѧти* **1) «благославлять»** [10, с. 89] – *εὐλογεῖν* 1) «хорошо говорить, хвалить, прославлять»; 2) В Новом Завете также: «благословлять, благодарить» [1, с. 696]; **2) «благославлять, восхвалять»** [10, с. 89] – *αἰνεῖν* 1) «хвалить, одобрять»; 2) «допускать, дозволять» [1, с. 52]);

3) старославянские многозначные слова, которые в первом значении передают семантику аналогичного древнегреческого однозначного слова, а во втором значении соотносятся с другими древнегреческими лексемами (*благодарьствити* **1) «благодарить / поблагодарить, восхвалять»** [10, с. 86] – *εὐχαριστεῖν* «быть благодарным, благодарить» [1, с. 715]; **2) «благодетельствовать, оказывать благодеяние»** [10, с. 86] – *εὐεργετεῖν* «благодетельствовать, оказывать благодеяние или услугу» [1, с. 688]);

4) старославянские многозначные слова, которые в первом / втором значении передают семантику аналогичного древнегреческого многозначного слова, а другое(ие) значения заимствует(ют) семантику у разных древнегреческих аналогов (*благыни* **1) «добро»; 2) «добро, имущество»** [9, с. 91] – *τὸ ἀγαθόν* 1) «благо, добро»; 2) «добро, имущество, богатство»; 3) «хорошие качества, достоинства»; 4) «благодеяние, польза»; 5) «средство» [1, с. 16]; **3) «доброта, доброжелательность»** [9, с. 91] – **1) *ἀγαθότης*** 1) «благо, добро»; 2) «добро, имущество, богатство»; 3) «хорошие качества, достоинства»; 4) «благодеяние, польза; средство» [1, с. 16]; **2) *μακαριότης*** «блаженство, счастье» [1, с. 1046]).

В заключение предлагаемых наблюдений хочется еще раз подчеркнуть, что формирование концептуально значимых для славянской культуры понятий представляет собой сложный, творческий процесс освоения нового культурного и языкового пространства. При переводе древнегреческих текстов слова с корнем *благ-/блаж-*, соотносясь с древнегреческими словами, в одних случаях калькировали древнегреческое слово с его значением, в других заимствовали только одно из многих значений древнегреческого слова, а в третьих случаях славянское слово, будучи образованным по древнегреческой словообразовательной модели, выступало с другим значением. Интересным также представляется исследование культурно-исторической обусловленности семантической эволюции, словообразовательной и функциональной активности слов с корнем *благ-/блаж-* в русском языке, в частности, в переломные периоды его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 1043 с.

2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1: А–О. – 1209 с.

3. Клименко Л.П. Лексика с корнем благ- и композиты с компонентом благо- в старославянском языке X–XI вв. // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. – Вып.1(3). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. – С. 22–30.

4. Русанова С.В. Русский язык на сломе трех эпох: особенности языковой ситуации / С.В. Русанова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 2. – С. 68–70.

5. Словарь Академии Российской: В 6 т. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1789–1794. – Т. 1: А–Г. – 634 с.

6. Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I. – М.: Русский язык, 1985.

7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Академия Наук СССР. Институт русского языка. В 2 т. – М: Наука, 1975.

8. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук: В 4 т. – СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847.

9. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. Под. ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994.

10. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. – М., 1935. – URL: http://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 21.02.2017)

11. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: «Прозерпина», 1994. – 400 с.

REFERENCES

1. Dvoreckij I. H. Drevnegrechesko-russkij slovar': v 2 t. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1958. – 1043 s. [in Russian]

2. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. – M.: Russkij jazyk, 2000. – T. 1: A–O. – 1209 s. [in Russian]

3. Klimenko L.P. Leksika s kornem blag- i kompozity s komponentom blago- v staroslavjanskom jazyke X-XI vv. // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Filologija. – Vyp.1(3). – N. Novgorod: "Izd-vo NNGU", 2001. – S. 22–30. [in Russian]

4. Rusanova S. V. Russkij jazyk na slome treh jepoh: osobennosti jazykovoj situacii / S. V. Rusanova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. – 2015. – № 2. – S. 68–70. [in Russian]

5. Slovar' Akademii Rossijskoj: V 6 t. – SPb.: Imperatorskaja Akademija Nauk, 1789–1794. – T. 1: A–G. – 634 s. [in Russian]

6. Slovar' russkogo jazyka. V 4-h t. / Pod red. A. P. Evgen'evoj. T. I. – M.: Russkij jazyk, 1985. [in Russian]

7. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. Akademija Nauk SSSR. Institut russkogo jazyka. V 2 t. – M: Nauka. 1975. [in Russian]

8. Slovar' cerkovno-slavjanskogo i russkogo jazyka, sostavlennyj Vtorym Otdeleniem Imperatorskoj Akademii nauk: V 4 t. – SPb.: Tip. Imperat. Akad. Nauk, 1847. [in Russian]

9. Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X–XI vekov): Okolo 10 000 slov /Je. Blagova, R.M. Cejtlin, S. Gerodes i dr. Pod. red. R.M. Cejtlin, R. Vecherki i Je. Blagovoj. – M.: "Rus. jaz.", 1994. [in Russian]

10. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]: V 4 t. / Pod red. D. N. Ushakova. T. 1. – M., 1935. URL: http://ushakovdictionary.ru/ (data obrashhenija: 21.02.2017). [in Russian]

11. Shanskij N.M., Bobrova T.A. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. – M.: "Prozerpina", 1994. – 400 s. [in Russian]

УДК 811.112.2

ZUM PROBLEM DER KLASSIFIKATION DER PHRASEOLOGISMEN DER DEUTSCHEN UND DER RUSSISCHEN SPRACHEN

Imjaminova Shukhratkhon, Rajabova Sabokhat

Nationale Mirzo Ulugbek-Universität Usbekistans, *Taschkent*, *Usbekistan*, *rumrreich@mail.ru*, *sabokhat_rajabova@mail.ru*

Inhaltsangabe. Der Artikel „Zum Problem der Klassifikation der Phraseologismen der deutschen und der russischen Sprachen“ erzählt von den Schwierigkeiten beim Unterscheiden von Phraseologismen, analysiert die möglichen Klassifikationsarten sowohl im Deutschen und im Russischen als auch überhaupt in der Sprachwissenschaft.

Stichwörter: Phraseologie; Phraseologismus; Idiom; Klassifikation; phraseologische Einheit; feste Redewendung.

TO THE PROBLEM OF THE CLASSIFICATION OF THE IDIOMS OF THE GERMAN AND THE RUSSIAN LANGUAGES

Imyaminova Shukhratkhon, Rajabova Sabokhat

National university of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, *Tashkent*, *Uzbekistan*

Abstract. The article “To the problem of the classification of the idioms of the German and the Russian languages” tells about the difficulties while distinguishing of idioms, analyses the possible classification kinds in the German and in the Russian as well as generally in the linguistics.

Keywords: phraseology; phraseologismus; idiom; classification; phraseological unity; firm phrase.

Der Begriff „Phraseologie“ kann man mit den zwei Bedeutungen definieren: 1) als Teildisziplin der Sprachwissenschaft, die sich mit der Untersuchung von Phraseologismen, d.h. von festen Wortverbindungen, beschäftigt; 2) als Gesamtheit von Phraseologismen in einer bestimmten Sprache oder als phraseologischen Bestandteil des Wortschatzes.

Unter „Phraseologismen“ versteht man feste Einheiten aus mehreren Wörtern. Der Kernbereich des phraseologischen Bestandes ist durch Reproduzierbarkeit, Stabilität, Lexikalität und Idiomatizität gekennzeichnet. Phraseologismen können als nominative Einheiten sowohl Gegenstände als auch Handlungen, Sachverhalte und Situationen bezeichnen [1, s. 46].

Für die Bezeichnung der festen Wortverbindungen werden sehr verschiedene Ausdrücke verwendet. International sind heute Ausdrücke wie Phraseologie, Phraseologismus, Idiom, Idiomatik, Idiomatismus verbreitet. Zum Beispiel, der Ausdruck Phraseologismus wird in älteren Fremdwörterbüchern als „inhaltsleere Schönrednerei und Neigung dazu“ erläutert, in neueren – als „feste Wortverbindung, Redewendung“. Die semantische Entwicklung der Wortfamilie „Idiom“ ist als „Eigentümliches, Besonderes“ gekennzeichnet. Dieser Begriff erscheint in der deutschen Sprache am Ende des 17. Jahrhunderts als „eigentümliche Mundart“. Ältere Fremdwörterbücher bezeichnen den Terminus „Idiomatologie“ als „Lehre von den Spracheigenheiten; Darstellung, Lehre von den Mund- oder Spracharten“.

Die Phraseologie als wissenschaftliche Teildisziplin ist jung und eine besondere Rolle in ihrer Entwicklung spielt die Sprachwissenschaft, da viele russische Linguisten haben im 19. Jahrhundert begonnen, den besonderen Status von Phraseologismen in den Wortverbindungen zu bestimmen und schufen damit Voraussetzungen für eine Theorie der Phraseologie [2, s. 8–10].

Es gibt immer viele Schwierigkeiten beim Unterscheiden der Phraseologismen von nichtphraseologischen Wortverbindungen und bei der Bestimmung des Gegenstandes von Phraseologie als Wissenschaft. Hauptaufgabe der Phraseologie als der linguistischen Wissenschaft ist die Untersuchung und die Beschreibung des phraseologischen Fonds einer bestimmten Sprache. Trotz der großen Menge von Untersuchungen in der Phraseologie ist es noch problematisch, die Typen von phraseologischen Einheiten, Prinzipien der Klassifikation von Phraseologismen genau zu bestimmen. Die große Rolle bei der Entwicklung der Phraseologie als einer unabhängigen linguistischen Wissenschaft spielen die wichtigen Untersuchungen vom bekannten Sprachwissenschaftler V.V. Vinogradov, der in eigenen Artikeln der 40.Jahren des letzten Jahrhunderts die Ideen von Ch.Bally entwickelnd die allgemeine Klassifikation von phraseologischen Einheiten nicht nur im Russischen, sondern auch für die ganze Sprachwissenschaft vorgeschlagen hat. Nach seinem Prinzip kann man die Phraseologismen in drei Gruppen klassifizieren:

1) Phraseologische Ganzheiten / Zusammenrückungen – Idiome, die völlig unmotiviert und unzerlegbar sind (jmdn./etw. im Stich lassen);
2) Phraseologische Einheiten – motivierte Idiome, die infolge der Bedeutungsübertragung entstanden und semantisch durchsichtig sind;
3) Phraseologische Verbindungen – analytische Konstruktionen.

Diesem Einteilungsschema schloss sich Schanskiy an, erweiterte es jedoch noch um eine zusätzliche Gruppe, die er als phraseologische Ausdrücke bezeichnet. Die Bedeutungen der phraseologischen Einzelglieder entsprechen hier ihrer freien Bedeutung. Der Unterschied zu den freien Wortverbindungen besteht darin, dass die phraseologischen Ausdrücke vorgeformte Spracheinheiten darstellen, welche sich reproduzieren lassen.

Die anerkannten Wissenschaftler M.D. Stepanova und I.I. Chernischeva, die die bedeutsamen Untersuchungen in der deutschen Sprachwissenschaft durchgeführt haben, aufgrund der Arbeiten von V.V. Vinogradov unterscheiden zwei Gruppen von Phraseologismen:

1) Lexikalische Einheiten – Phraseologismen mit der nominativen Funktion (in Frage kommen, in Erfahren bringen usw.);

2) Phraseologische Fügungen – Phraseologismen mit originaler Bedeutung. Deshalb bereichern solche Phraseologismen den Wortschatz des Deutschen aus qualitativer Seite. Die phraseologischen Fügungen haben auch verschiedene Abarten: Idiomen, bildhaftmotivierte phraseologische Wortverbindungen, Wortpaare, Sprichwörter, geflügelte Worte, stehende Vergleiche.

Noch eine Klassifikation, die typisch für deutsche Linguistik ist, ist die traditionelle Klassifikation, aufgrund deren die strukturell-semantische Klassifikation von Wortverbindungen liegt: a) Wortpaare; b) Sprichwörter; c) geflügelte Worte; d) Idiomen [3, s. 8–9].

E. Agricola konzentriert sich auf eine Klassifikation nach semantischen Kriterien. Danach werden zunächst „freie“, „lose“ und „feste“ Wortverbindungen unterschieden. Mit der Zwischengruppe der losen Wortverbindungen wird vor allem versucht, die nichtidiomatischen festen Benennungskomplexe zu erfassen. Nach der Klassifikation von E. Agricola unterscheidet man:

1) einfache phraseologische Verbindungen (Gesamtbildung aus den Einzelteilen zu begründen);

2) phraseologische Einheiten;

3) starre phraseologische Verbindungen (Idiome). Diese Klassifikation ist durchaus geeignet für eine grobe Abstufung der Phraseologismen unter dem zugrunde gelegten Gesichtspunkt [2, s. 117–118].

Für die deutsche Literatur ist die Klassifikation von F.Seiler charakteristisch, die er in eigenem Werk „Deutsche Sprichwörterkunde“ vorgeschlagen hat. Er verteilt Phraseologismen in folgende Gruppen:

1) Sprichwörter;

2) Literarische Varianten von Sprichwörtern – Aphorismen, Sentenzen;

3) Sprichwörtliche Redensarten;

4) Sprichwörtliche Formeln;

5) Geflügelte Worte. Diese Arbeit systematisiert nur eine Art von festen Redewendungen. Die Prinzipien der Klassifikation von F. Seiler sind Expressivität, Emotionalität, Beurteilungscharakter [4].

Grundsätzlich sind zwei Typen von Klassifikationen möglich. Sie können sich gründen entweder auf ein gemeinsames Ordnungsprinzip für alle Einheiten oder auf

eine Merkmalsmatrix, wobei die Merkmale nicht für alle Einheiten gemeinsam sein müssen, aber zusammenfallen können.

Zum Schluss kann man sagen, dass die Klassifikation der Phraseologismen eine weitere viel behandelte Hauptfrage ist. Sie ist abhängig von den Kriterien der Gegenstandsbestimmung.

LITERATURVERZEICHNIS

1. Thea Schippan. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. –Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1984.

2. Wolfgang Fleischer. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982.

3. Имяминова Ш. С. Немис тили фразеологияси. –Тошкент: “Mumtozso’z”, 2011.

4. Абдыракматова Н. К. Принципы классификации фразеологизмов в родственных и неродственных языках [Электронный ресурс]. – URL: http://nbisu.moy.su/_ld/5/592_ Abdrakmatova_IS.pdf.

REFERENCES

1. Thea Schippan. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1984.

2. Wolfgang Fleischer. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982.

3. Imyaminova Sh. S. Nemis tili frazeologiyasi. –Toshkent: “Mumtozso’z”, 2011.

4. Abdyrakmatova N. K. Printsipy klassifikatsii frazeologizmov v rodstvennykh i nerodstvennykh yazykakh [Elektronnyy resurs]. – URL: http://nbisu.moy.su/_ld/5/592_ Abdrakmatova_IS.pdf. [in Russian]

УДК 1751

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КРИПТОТИПИИ НА МАТЕРИАЛЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Коломейцев Егор Александрович

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *pro-english@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема функционирования криптотипа в современном английском языке, то есть скрытых категорий, определяющих приобретение отдельными глаголами отрицательных префиксов. Исследуются модели префиксации, формирующие кардинально противоположное значение глаголов в английском языке. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что основным определяющим фактором при выборе той или иной модели префиксации конкретного глагола является понимание говорящим семантических связей между значением глагольного префикса и самого глагола.

Ключевые слова: криптотип; приставки; скрытая категория; глагол; семантическая связь.

THE PECULIARITIES OF EXPRESSION OF COVEN CATEGORIES AS EXEMPLIFIED IN THE NEGATIVE VERBAL PREFIXES IN ENGLISH

Kolomeytsev Egor Aleksandrovich

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. This article deals with the problem of cryptotype functioning in modern English, that is, the coven categories that determine the acquisition of individual negative verbal prefixes. The models of prefixation which form the opposite meaning of the verb in English are being explored in our work. On the basis of this study it is concluded that the main determining factor of choosing a particular model of a particular verbal prefix is the speaker's understanding of the semantic relations between the verbal prefix and the verb.

Keywords: cryptotype; prefixes; coven category; verb; semantic link.

Идея скрытых языковых категорий присутствует в лингвистике, по меньшей мере, со времени становления общего языкознания в трудах Вильгельма Гумбольдта. Затем она развивалась в трудах А. А. Потебни, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского. Впервые термин «криптотип», или «скрытая категория», был введен Б. Л. Уорфом в его научном труде «A Linguistic Consideration of Thinking in Primitive Communities» в 1938 году. Под «скрытыми

категориями» ученый понимал «лингвистические категории с очень тонкими смысловыми оттенками» [4, с. 55], противопоставляя данное явление фенотипам, т. е. категориям, имеющим соответствующие материальные лингвистические маркеры, как например, артикли, окончания, суффиксы, супплетивизм и др. [3, с. 145–146]. Скрытые категории не имеют «открытых» (т. е. формально выделяемых, морфологических) средств выражения в языке, но тем не менее включаются в грамматическую систему языка на основании «косвенных» (например, синтаксических) признаков, позволяющих говорить об их присутствии.

В нашей работе мы попытаемся проанализировать основные особенности выражения криптотипии на материале отрицательных префиксов глаголов в английском языке. Для анализа мы выбрали ряд глаголов с приставкой *un-*. Префикс *un-*, сочетающийся с именными и глагольными основами, германского происхождения. Ряд глаголов, которые мы взяли в качестве примеров, на наш взгляд, имеет значение движения по кругу при обозначении действия, относящееся к глаголам вращения или поворота: *uncoil* (*разматываться*), *uncurl* (*раскручиваться*), *unfold* (*развёртывать*), *unreel* (*разматываться*), *unroll* (*разворачивать*), *unscrew* (*отвинчивать*), *untwist* (*расплетать*), *unwind* (*разматывать*) и т. д. [1, с. 114].

В грамматике английского языка существует ряд отрицательных приставок (префиксов), обозначающих инверсию, то есть полную перестановку действия, выраженного основным глаголом. Такими приставками являются *un-* в глаголе *unfasten* (*развязывать*) и *dis-* в глаголе *disentangle* (*распутывать*) [2, с. 103].

Другой подкласс глаголов с приставкой *un-* – это глаголы связывания или закрытия, такие как *unbind* (*разматывать*), *unbolt* (*отпирать*), *unbuckle* (*расстёгивать*), *unclasp* (*отстёгивать*), *unfasten* (*расстёгиваться*), *unlock* (*отпирать*), *untangle* (*распутывать*), *untie* (*отвязывать*), *unzip* (*расстегнуть*) и т. д. [2, с. 103].

В современном английском языке *un-* может сочетаться только с теми переходными глаголами, которые в языке не имеют самостоятельных антонимов. Например, *to do* (*делать*) – *to undo* (*уничтожать сделанное*); *to fit* (*приспосабливать*, *прилаживать*, *пригонять*) – *to unfit* (*делать не*(*при*)*годным*, *портить*); *to furl* (*свертывать*, *скатывать*) – *to unfurl* (*развертывать*); *to lock* (*запирать*) – *to unlock* (*отпирать*); *to pack* (*упаковывать*) – *to unpack* (*распаковывать*); *to ravel* (*запутывать*) – *to unravel* (*распутывать*).

В ходе анализа различных глаголов с приставкой *un-*, мы отмечаем, что далеко не все значения данных глаголов абсолютно тождественны. Значения “вращение и поворот” в корне отличаются от значения “скрытия сущности чего-либо”, так как в первом случае глаголы с приставкой *un-* больше похожи на глаголы движения, а в случае “скрытия сущности чего-либо” глаголы с приставкой *un-* можно скорее отнести к глаголам внутреннего состояния. Этот семантический класс малочислен. Сюда относятся такие глаголы, как *to deceive* (*вводить в заблуждение*), *to bosom* (*хранить в тайне*), *to balance* (*сохранять равновесие* (*душевное*)), *to nerve* (*придавать силу*, *храбрость*, *бодрость*), *to puzzle* (*озадачить*, *поставить в тупик*) [2, с. 103].

Огромный интерес для нас также представляет приставка *dis-*, поскольку она тесно связана с приставкой *un-* при обозначении обратимости. Префикс *dis-* романского происхождения, оформляет глагольные основы, реже основы существительных, придает образованным с его помощью словам значение отрицания: *disbelieve* (*не верить*), *dislike* (*не любить*), или значение обратного действия: *disunite* (*разъединять*, *разделять*), *disagree* (*расходиться во мнениях*, *не соглашаться*). В английских словарях встречается несколько пар глаголов на *de-* и *dis-*, значения которых полностью совпадают. Например, *to deplume* и *to displume* (*удалять*, *ощипывать перья*), *to deforest* и *to disforest* (*вырубать лес*), *to defrock* и *to disfrock* (*лишать духовного сана*). Однако в тех же словарях отмечается, что слова на *de-* в настоящее время почти не употребляются, т. е. являются устаревшими, их вытеснили слова на *dis-*. Отсюда можно сделать вывод, что префикс *dis-* намного продуктивнее префикса *de-*.

Приставки *dis- и un-* могут служить альтернативными средствами выражения отрицательного значения либо обратимости. Например, *connect* (*соединять*) и *link* (*соединять*) – это синонимичные слова, но к *connect* (*соединять*) присоединяется приставка *dis-*, в то время как к *link* присоединяется приставка *un-*.

Таким же образом рассмотрим глаголы *disentangle* (*развязывать*) и *untangle* (*распутывать*); *discharge* (*разгружать*) и *unload* (*разгружать*). Более того, многие глаголы с приставкой *dis-* имеют эквивалентные глаголы с приставкой *un-* в форме Participle II. Например, *disconnected* (*разъединённый*) – *unconnected* (*разъединённый*), *disconfirmed* (*неподтверждённый*) – *unconfirmed* (*неподтверждённый*), *disarmed* (*обезоруженный*) – *unarmed* (*обезоруженный*). Хотя значения этих пар слов не идентичны, они отражают природу «соперничества» между двумя парами префиксов [2, с. 103].

Интересен тот факт, что скорость запоминания некоторых глаголов отражает функцию того, насколько определённый глагол соответствует связанным с ним семантическим категориям (криптотипам). Например, глагол *fold* (*сворачивать*) легко можно отнести к классу глаголов вращения или глаголов, обозначающих движение по кругу, большинство из которых приобретают приставку *un-*.

В данном случае запомнить тот факт, что глагол *fold* (*сворачивать*) используется с приставкой *un-* достаточно легко, и мы можем наблюдать корреляцию между глаголами вращения и приставкой *un-*.

Глагол *appear* (*появляться*) более сложен для запоминания, так как он принадлежит к классу глаголов перемещения (например, *to come* (*приходить*), *to run* (*бежать*), *to go* (*идти*), *to walk* (*гулять*) и т. д.), к которым не добавляется какой-либо префикс, но в отличие от них, он прибавляется к глаголу *appear* (*появляться*) – *disappear* (*исчезать*).

В отличие от глаголов *fold* (*сворачивать*) *и appear* (*появляться*) глагол *do* (*делать*) не относится к какому-то определённому кластеру, и таким образом его модель префиксации представляет трудности для запоминания.

Два других глагола *twist* (*крутить*) и *clasp* (*обвивать*) возникли в то же время, что и *appear* (*появляться*), но результаты их запоминания радикально отличались от глагола *appear* (*появляться*).

Скорость запоминания глаголов *appear* (*появляться*) и *twist* (*крутить*), а также *appear* (*появляться*) и *fold* (*обхватывать*) напрямую зависит от того, насколько рассматриваемый глагол соответствует определённому криптотипу и модели его префиксации.

Глагол *twist* (*крутить*), как и глагол *fold* (*обхватывать*), относится к категории глаголов вращения. Таким образом, соответствие определённому криптотипу влияет не только на скорость запоминания, но также и на способность обобщения. Глагол *appear* (*появляться*) в данном случае является чрезмерно обобщённым, так как запоминание данного глагола подразумевает запоминание еще одного глагола перемещения, который отличается от других глаголов перемещения по способу префиксации. Однако мы не наблюдаем чрезмерного обобщения в случае с глаголами *twist* (*крутить*) и *fold* (*обхватывать*), так как данные глаголы относятся к кластеру глаголов вращения, к которым прибавляется приставка *un-* (кроме глагола *turn* (*поворачивать*)).

На основе проведенного анализа мы обнаружили, что цепочка глаголов включала в себя категорию глаголов вращения, и количество ошибок при запоминании глагола *fold* (*обхватывать*) значительно снизилось. Также дело обстоит с глаголом *clasp* (*застёгивать*), который относится к большому кластеру глаголов, имеющих значение закрывания или связывания, и используется с приставкой *un-*.

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что значение глагола *buckle* (*застёгивать*) аналогично значению глагола *clasp* (*застёгивать*); значение глагола *coil* (*клубить*) аналогично значению глагола *twist* (*клубить*).

Глагол *entangle* (*запутывать*) ещё более сложен для запоминания, чем глагол *appear* (*появляться*): чрезмерное обобщение значения данного глагола встречается более чем при 60000 циклах запоминания (хотя при досконально изучении данного глагола удаётся полностью избежать ошибок). Сложность запоминания глагола *entangle* (*запутывать*) заключается в его тесной семантической схожести с глаголом *tangle* (*спутывать*, *запутываться*), который относится к классу глаголов связывания или закрытия. Однако ко всем данным глаголам добавляется приставка *un-*, в то время как к глаголу *entangle* (*запутывать*) добавляется приставка *dis-*.

Соответственно, мы приходим к выводу о том, что данные глаголы имеют очевидные семантические пары, однако используются с другой моделью префиксации и нередко являются предметом ошибок, так как для их семантической пары характерна иная, обобщённая модель префиксации (в данном случае – приставка *un-*).

На начальной стадии глаголы, принадлежащие одному криптотипу, разбросаны по всем сегментам определённого кластера без какой-либо группировки. На средней стадии, когда в цепи слов возникают некоторые структуры, глаголы объединяются в группы, формируя небольшие кластеры на разных уровнях; и только позже кластеры, имеющие определённое значение, объединяются в группы (семантические сети) [2, с. 104].

Итак, помимо традиционных в грамматике имеются нетрадиционные категории, опирающиеся в своем развитии на весь пласт прошлого развития. Такие криптотипизации просматриваются одновременно в фонологии, грамматике и семантике. Б. Л. Уорф описывает криптотип как скрытый, имеющий очень тонкие смысловые категории, но одновременно он отмечает, что носители языка ощущают их значение на интуитивном уровне. Понятие «скрытой категории» с момента его возникновения претерпело значительную эволюцию – от обозначения неморфологически выражаемых грамматических значений до обозначения семантических или синтаксических признаков, так или иначе влияющих на сочетаемость слова, однако в расширительном значении это понятие употреблять нецелесообразно, так как это делает понятие скрытой категории слишком неопределенным и размытым. Необходимо отметить, что, когда новый глагол согласуется с моделями префиксации остальных семантических членов определённого криптотипа, чрезмерного обобщения значения данного глагола не возникает. Однако если новый полученный глагол не совпадает с моделью префиксации членов определенного криптотипа, то возникает чрезмерное обобщение значения глагола.

Главным критерием соотнесения какого-либо глагола с приставкой и выбором префиксационной модели является прежде всего понимание говорящим семантических связей значения самого глагольного префикса и глагола. Носитель языка совершенно интуитивно группирует глаголы согласно выраженности семантических черт и создает необходимый тип префикса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коломейцев Е. А. Криптотипы и их категории в неявной грамматике // Перспективные направления развития современной науки: материалы III Международной научной конференции / Евразийское научное объединение. – 2015. – № 3. – С. 114–117.

2. Коломейцев Е. А. О некоторых особенностях функционирования криптотипов в английском языке: выражение криптотипии на материале отрицательных префиксов глаголов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11. Ч. 2. – С. 101–105.

3. Орехова О. М. Функционирование криптотипов в теории языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. – С. 145–148.

4. Проскурин С. Г., Орехова О. М. Криптотип. Семиотические подходы к неявной грамматике // Критика и семиотика. – 2013. – Вып. 18. Ч. 1. – С. 54–64.

REFERENCES

1. Kolomeytsev E. A. Kriptotipy i ikh kategorii v neyavnoy grammatike // Perspektivnye napravleniya razvitiya sovremennoy nauki: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / Evraziyskoe nauchnoe ob"edinenie. – 2015. – № 3. – S. 114–117. [in Russian]

2. Kolomeytsev E. A. O nekotorykh osobennostyakh funktsionirovaniya kriptotipov v angliyskom yazyke: vyrazhenie kriptotipii na materiale otritsatel'nykh prefiksov glagolov //

Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2016. – № 11. Ch. 2. – S. 101–105. [in Russian]

3. Orekhova O. M. Funktsionirovanie kriptotipov v teorii yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2014. – № 2 (32): v 2-kh ch. Ch. II. – S. 145–148. [in Russian]

4. Proskurin S. G., Orekhova O. M. Kriptotip. Semioticheskie podkhody k neyavnoy grammatike // Kritika i semiotika. – 2013. – Vyp. 18. Ch. 1. – C. 54–64. [in Russian]

УДК 81-26

КЛАССИФИКАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Колышкина Светлана Сергеевна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *kolyshkinasvetlana@hotmail.com*

Аннотация. Достаточно малоизученной темой в лингвокультурологии является вопрос о существовании заимствований из русского языка в японском языке. В данной работе предпринята попытка классификации заимствованных из русского языка слов с точки зрения времени заимствования, типа безэквивалентной лексики и степени включения в состав японского языка.

Ключевые слова: японский язык; лингвокультурология; русский язык; заимствованные слова; безэквивалентная лексика.

CLASSIFICATION OF BORROWED WORDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN JAPANESE

Kolyshkina Svetlana Sergeevna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. In linguoculturology there are no works on the existence of borrowings from the Russian language, existing in the Japanese language. In this paper, an attempt will be made to classify words borrowed from the Russian language from the point of view of borrowing time, the type of equivalent vocabulary and the degree of inclusion in the Japanese language.

Keywords: Japanese language; linguoculturology; Russian language; borrowed words; equivalent vocabulary.

В целом, количество слов, выделяемых в качестве заимствований из русского, в японском языке невелико. Согласно словарю иностранных слов [1, p. 1323], к таким словам можно отнести порядка 30 лексических единиц, не

считая топонимов и имен собственных, например: イクラ (*ikura*) «икра», カンパ (*kampa*) «кампания за сбор денег», セイウチ (*seiuchi*) «сивуч», トーチカ (*tochika*) «огневая точка» и др. Фактически вся лексика, заимствованная японским языком из русского языка, обозначает культурные реалии, то есть относится ко второму типу безэквивалентной лексики по классификации Л. С. Бархударова [2, с. 93].

Интенсивные контакты русских и японцев и заключение договора о дружбе 1856 г. положили начало заимствованию из русского языка в японский язык целого ряда слов, основным источником которых в конце XIX века и первом десятилетии XX века стали переводы русской литературы на японский язык. В этот период на японский язык активно переводились произведения А. С. Пушкина (первый перевод «Капитанской дочки» – 1883 г.), Ф. М. Достоевского (первый перевод «Преступления и наказания» на японский язык издан в 1886 г.), Л. Н. Толстого и др. Как подсчитали японские исследователи, в 1908 году объем переводов с русского языка превысил объем переводов с английского языка [3, с. 12]. Среди слов, вошедших в этот период в словарь японского языка, можно перечислить как культурные реалии ウォッカ (*uokka*) «водка», バラライカ (*bararaika*) «балалайка», ピロシキ (*pirosiki*) «пирожки», サモワール (*samowaaru*) «самовар», トロイカ (*toroika*) «тройка», ヴ・ナロード (*wu narodo*) «в народ», так и слова, обозначающие климатические зоны на территории России: ステップ (*suteppu*) «степь», タイガ (*taiga*) «тайга» и ツンドラ (*tundora*) «тундра». Все эти слова воспринимаются современными японцами скорее как имена собственные.

Однако ряд слов вошел в состав японского языка как имена нарицательные и приобрел в японском языке собственные значения. Например, слово インテリゲンツィア (*interigentuiya*) «интеллигенция» или в сокращенном варианте インテリ (*interi*) пришло в японский язык в период Тайсё (1912–1923 гг.), когда этим словом обозначали высокообразованных людей, обладающих большими знаниями, в том числе знающих русскую литературу, а в современном японском языке это слово используется для обозначения человека, который кичится своей ученостью, т. е. имеет некоторый негативный оттенок [4].

Еще одно слово, связанное с переводами и популярностью русской литературы в начале XX века, – カチューシャ (*kachuusya*). В японском языке слово «катюша» обозначает «ободок, головное украшение, ленту». Это слово появилось благодаря постановке популярной пьесы по роману Л. Н. Толстого «Воскресение», где главная героиня Катюша Маслова появляется на сцене в необычном для Японии того времени головном уборе, напоминающем повязку [4]. Такой головной убор стали называть «катюша», и большинство молодых японских девушек, носящих «катюшу» в волосах, просто не знает о происхождении этого слова, считая его японским.

В этот же период заимствовано слово イクラ (*ikura*), использующееся в японском языке для обозначения слабосоленой мелкозернистой икры лосося, красной икры. В японском языке до середины XIX века для обозначения лососевой икры использовалось слово はららご (*hararago*), однако примерно с

1850-х годов в связи открытием страны и ростом популярности иностранных товаров в маркетинговых целях начали использовать русское название «икра», которое к настоящему времени настолько вошло в японский язык, что может записываться и азбукой хирагана, предназначенной для записи японских слов. А исконно японское слово «はらこ» (*harako*) осталось лишь в северо-восточном диалекте префектуры Сэндай. Есть также теория, что слово «икра» заимствовано в период русско-японской войны 1905 года, когда это слово использовалось для обозначения красной икры, которую ели русские солдаты вместо черной икры, и в период до 1912 года в Японии слово «икра» использовалось для обозначения черной икры [5]. Как бы то ни было, вхождение слова «ikura» все источники связывают с торговлей, т. е. слово вошло в японский язык сначала как обозначение иностранного продукта.

Уникально сложилась судьба и у слова ペチカ (*pechika*) «печка». Первоначально это слово вошло в японский язык через большое количество переводных текстов, самые первые примеры употребления слова «печка» восходят именно к переводам русских авторов, а у самих японцев такой способ отопления отсутствовал. Однако в 1880-е годы с началом освоения Хоккайдо в Японии появились дома, в которых отопление осуществлялось с помощью русской печки, причем в Японии «печка» воспринимается как «печь возле стены», а с 1912 года появились и круглые печки. Печки устраивались в богатых загородных виллах и частных домах, это было дорогое средство отопления [6]. Усовершенствованный вариант японцы узнали в Манчжурии и использовали до конца Второй мировой войны. Став частью японского дома, «печка» не только вошла в обиход, но и стала привычным словом повседневной речи. Появились упоминания слова «печка» в японской литературе, а в фольклоре первопроходцев-покорителей Хоккайдо сохранилось даже несколько песен, посвященных печке [7].

Следующий этап заимствований начинается с революционных изменений 1917 года в России и возникновения Советского Союза, которые привели к появлению в японском языке таких слов, как カンパ (*kampa*) «кампания по сбору денег», アジト (*ajito*) «агитационный пункт», コルホーズ (*koruhoozu*) «колхоз», コミンテルン (*kominterun*) «Коминтерн», トロツキスト (*ttorotsukisuto*) «троцкисты», ボリシェヴィキ (*borisieviki*) «большевики», メンシェヴィキ (*mensyuviki*) «меньшевики», ソビエト (*sobieto*) Совет. Можно сказать, что все это – культурные реалии, причем судьба у этих слов неравнозначна. Слова «Коминтерн», «большевики», «меньшевики» остались на уровне имен собственных, описывающих советские реалии, тогда как слова «кампания» и «агитационный пункт» настолько плотно вошли в состав японского языка, что современные японцы не воспринимают их как иностранные: «Я была удивлена, что слово «кампа» на компьютере нельзя записать иероглифами. А потом узнала, что это иностранное слово!» [8]

Третий период, который можно выделить в истории заимствования японцами слов русского языка, это вторая половина XX века, причем заимствова-

ние слов в эти годы шло неравномерно и было связано с различными историческими явлениями. Например, следует выделить 1945–1947 годы, период так называемого «сибирского плена», когда солдаты и офицеры сдавшейся в Манчжурии Квантунской армии находились на принудительных работах в лагерях Сибири и Дальнего Востока. После амнистии и возвращения на родину эти бывшие военнопленные привнесли в японский язык такие слова, как ノルマ (*noruma*) «норма», トチカ (*tochika*) «огневая точка», ダモイ (*damoi*) «домой». Слово «норма» в русском языке используется как термин для обозначения некоего эталона, образца, правила, однако ノルマ в японском языке имеет специфическое значение: «определенный объем работы, назначенный руководителем и обязательный к выполнению», это слово используется в деловом японском языке, на производстве и в сельском хозяйстве, оно вошло в лексический состав японского языка, обозначая именно «квоту», «объем обязательной работы» [9].

В 1960-е годы достижения в космонавтике и промышленности привели к заимствованию в японский язык таких слов, как スプートニク (*supuutoniku*) «спутник», コンビナート (*konbinaato*) «комбинат», ソフホーズ (*sofuhoozu*) «совхоз». Слово «комбинат» в значении промышленной зоны, устроенной согласно плану, стало в японском языке обозначать группу заводов, объединенную для эффективного производства товаров из сырья, в нефтехимической и сталелитейной промышленности. В Японии первый «комбинат» появился в 1956 году, а слово «комбинат» впервые было использовано в 1958 году в качестве названия комбината Мицуи Кагаку в городе Ивагуни. В дальнейшем слово стало нарицательным [10].

Одними из последних заимствований можно считать слова ペレストロイカ (*peresutoroika*) «перестройка» и グラスノスチ (*gurasunosuti*) «гласность», однако они остались на уровне имен собственных для обозначения процессов, происходивших в СССР в конце 80-х годов. После распада СССР и до настоящего времени пока нет новых слов, которые были бы заимствованы из русского языка, что может свидетельствовать в том числе об ослаблении культурных связей и уменьшении культурного влияния России на Японию.

Итак, лексические единицы, пришедшие из русского языка в японский, можно разделить в основном на два типа: слова, представляющие русскую духовную и материальную культуру, пришедшие в Японию благодаря контактам между странами, начавшимися со второй половины XIX века, и лексика, пришедшая вместе с социалистическими идеями после социалистической революции 1917 года и последующего становления советского государства. Большинство заимствованных слов остались «чужеродными» для японского языка словами, описывающими реалии другой культуры, однако есть и уникальные примеры слов, заполнивших случайные лакуны в японском языке и вошедших в современный лексический состав как полноправные японские слова. Причины такого явления еще предстоит изучить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Konsaisu Katakanago jiten – コンサイスカタカナ語辞典。三省堂、2010. – P. 1323.

2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М., Международные отношения, 1975. – С. 93.

3. Tada Jiro. 太田三郎『翻訳文学』岩波書店，1959. P. 12.

4. “Ikura” wa “kyabia” datta! –「イクラ」は「キャビア」だった！僕らの周りの「隠れロシア語」 [Электронный ресурс] – URL: https://r25.jp/entertainment/00020900/ – Загл. с экрана.

5. Ikura – イクラ[Электронный ресурс: 語源由来辞典] – Режим доступа: http://gogen-allguide.com/i/ikra.html – Загл. с экрана.

6. Roshia no ando “pechika” to wa? – ロシアの暖炉「ペチカ」とは・・・？ロシアの建築. [Электронный ресурс: Russia Express] – URL: http://www.russia-ex.com/blog/item/4580.html – Загл. с экрана.

7. Pechika – ペチカ [Электронный ресурс: 世界の民謡・童謡] – URL: http://www.worldfolksong.com/songbook/japan/pechka.htm – Загл. с экрана.

8. Gogen – 語源・由来を知らなかったカタカナ言葉1位「カンパ (ロシア語)」 [Электронный ресурс] – URL: http://news.livedoor.com/article/detail/8507167/ – Загл. с экрана.

9. Roshiago ga moto ni natta nihongo ni tsuite – ロシア語が元になった日本語について。 [Электронный ресурс] – URL: http://detail.chiebukuro.yahoo.co.jp/qa/question_detail/q1334359813 – Загл. с экрана.

10. Konbinatoo – コンビナート[Электронный ресурс: 語源由来辞典] – URL: http://gogen-allguide.com/k/kombinat.html – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Barhudarov L. S. Jazyk i perevod. – M., Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. – S. 93. [in Russian]

УДК 81’373.42+37+367

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ СИНТАГМАТИКА КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. ФАУЛЗА)

Коршунова Анастасия Вячеславовна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *Korshunova.a.v@yandex.ru*

Аннотация. Данное исследование проводится в рамках комбинаторной лингвистики, изучающей синтагматические связи лексических единиц и их комбинаторный потенциал. В комбинаторно-синтагматических исследованиях важное место занимает механизм создания окказиональных словосочетаний, являющийся проявлением функции сочетаемости слов. В литературе значимость окказиональных единиц представляется несомненной, поскольку в основе их создания лежит стремление вскрыть смысловые грани произведения экономными языковыми средствами, создать неординарный выразительный образ и представить таким образом неповторимую авторскую картину мира.

Ключевые слова: комбинаторная лексикология; семантика; комбинаторный потенциал семантики слова; окказиональная синтагматика; сочетаемость; контекст; авторская картина мира.

OCCASIONAL SYNTAGMATICS AS A WAY OF PRESENTING THE AUTHOR'S VIEW OF THE WORLD (BASED ON THE WORKS OF JOHN FOWLES)

Korshounova Anastasia Vyacheslavovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. This research is done in the context of a combinatorial linguistics that studies the syntagmatic relations of lexical units and their combinatorial potential. The importance of occasional units in the literature is undoubted because the basis of their creation is the desire to reveal semantic facets work using economical language means, to create extraordinary expressive image and to present a unique author's view of the world.

Keywords: combinatorial lexicology; combinatorial potential of word semantics; occasional syntagmatics; collocability; the context; the author's view of the world.

Данное исследование проводится в рамках комбинаторной лингвистики, изучающей синтагматические связи лексических единиц и их комбинаторный потенциал [1]. Актуальность работы заключается в том, что изучение окказионализмов как авторских новообразований – необычных и экспрессивных единиц языка – является насущным в наши дни, так как значения окказиональных

сочетаний слов не отражаются в словарях, что допускает возможность их разнообразных интерпретаций. Через новые значения автор выражает себя в индивидуальной картине мира. Раскрыть её становится возможным с помощью функционально-семантического анализа, который в статье рассматривается как основной способ распознавания замысла автора.

На современном этапе одной из актуальных проблем лингвистики остаётся проблема сочетаемости слов. Окказиональные сочетания представляют собой соединение лексем, сочетаемость которых в узусе невозможна, так как противоречит закону семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях. Однако благодаря появлению контекстуально обусловленных семантических сдвигов кажется, что в зависимом компоненте словосочетаний общие семы возникают. Процедура проведения функционально-семантического анализа окказиональных словосочетаний для выявления их роли в представлении авторской картины мира состоит из следующих этапов.

1. Определение нарушения типа сочетаемости:

а) нарушение семантической сочетаемости – это нарушение привычных связей слов, в связи с чем возникают новые оттенки значения, например: *So the rarest flower*, *forgiveness*, *was given a precarious footing in Marlborough House*; *and when the doctor came to look at the maid*, *and pronounced green sickness*, *Mrs. Poulteney discovered the* ***perverse pleasures*** (*букв. извращенное наслаждение*) *of seeming truly kind* (J. Fowles);

б) нарушение синтаксической сочетаемости, когда на уровне синтаксиса возникает экспрессивность как усиление выразительности, например: *In a nasty perverted way it was exciting. A* ***woman-in-me*** *reaching to* ***a man-in-him*** (J. Fowles);

в) нарушение фразеологической сочетаемости, когда автор осуществляет преобразования содержания и формы фразеологизма для реализации различных целей при помощи языковой игры, лаконизации речи, изменения оценочности фразеологизма и т. д., например: *They announced a morning*, *that would dawn* ***blacker than a sable night*** (*ср. as black as night*) (O' Henry).

Противопоставление и отождествление единиц по семантическим признакам (семам) осуществляется посредством анализа сем в контексте. Основной задачей данного метода является расчленение и упорядочение лексического значения. Как правило, семы отбирают с помощью анализа словарных дефиниций, путем вычленения образующих значение признаков на базе собственного опыта или на основе употребления слова в текстах.

2. Проведение функционально-семантического анализа окказиональных словосочетаний, с помощью которого становится возможным определить цель и значение окказионального словосочетания, например, интенцию автора, т. е. причины, побудившие автора включить данное словосочетание в текст, а также определить роль окказиональных словосочетаний в создании авторской картины мира. Далее необходимо представить функциональную классификацию окказиональных словосочетаний [4, с. 22], которую мы берём за основу нашего исследования. В то же время анализ семантического содержания окка-

зиональных словосочетаний позволил нам выделить следующие виды индивидуально-авторских словосочетаний в произведениях Дж. Фаулза.

1. Окказиональные словосочетания, произведённые на основе метафоризации [4, с. 22]. Эти словосочетания представляют собой контекстуально-обусловленные метафоры, которые отличаются нестандартностью предметно-логических и эмоционально-оценочных ассоциаций, участвующих в процессе формирования индивидуально-авторской картины мира. Индивидуальные метафоры – непредсказуемые образы – являются своего рода призмами, через которые преломляется авторское видение мира, например: *The mass-produced middle-class boys I had to teach were bad enough*; ***the claustrophobic little town*** (J. Fowles).

Для описания города, кроме прилагательного *little*, использованного в прямом значении, автор использовал прилагательное *claustrophobic* в метафорическом значении, что расширило представление читателей о данном городке – он был настолько мал, что люди чувствовали себя там некомфортно, подобно людям, страдающим клаустрофобией, в замкнутых, закрытых местах.

Рассмотрим другой пример: *I went to the wall near the house*, *and heard a man's voice*, *and* ***silver*** *female* ***voices*** *that faded through a door* (J. Fowles). Герой не видел людей, находившихся в доме, он мог только расслышать их голоса – он услышал мужской голос и несколько женских. Возможно, именно противоположность голосов сыграла роль в использовании данного словосочетания. В его основу положен принцип синестезии – автор характеризует звуки, используя цвета, что указывает на его восприятие.

2. Окказиональные словосочетания, созданные в результате ремотивации [4, с. 22]. Ремотивация как способ образования окказиональных словосочетаний представляет собой употребление нормативного слова в переносном, или окказиональном, значении. Это означает, что под воздействием контекста словосочетание становится мотивированным. Таким образом, автор заставляет читателя переосмыслить привычные, узуальные словосочетания, например: *If I ever dared – I seldom did – to argue with him he would produce one of these totem words and* ***cosh me with it*** (букв. ударять меня словами), *as no doubt in similar circumstances he coshed his subalterns* (J. Fowles).

В английском языке, глагол *to cosh* имеет значение «ударять дубинкой». В данном примере автор отходит от узуального значения глагола и создаёт окказиональное словосочетание «ударять, бить словами». Главный герой Николас Эрфе говорит о своём отце, для которого такие качества, как ответственность, порядочность, соблюдение общепринятых норм и правил, выступали на первое место. Так, с помощью данного словосочетания становится понятно, что слова, которые произносил отец, были настолько обидны, что вызывали моральную боль, которая была сравнима с физической болью от удара дубинкой.

3. Смысловое содержание окказиональных словосочетаний с кумулятивным типом репрезентации концептуальной структуры является более объёмным, чем ментальные пространства, репрезентируемые компонентами

композита [4, с. 24]. Концептуальное содержание подобных словосочетаний требует осуществления инференции, которая заключается в восстановлении концептуальных связей между компонентами словосочетания, а также в экспликации отсутствующих лексем, репрезентирующих концептуальное пространство окказионального словосочетания. Например, *The problem was not fitting in all that one wanted to do*, *but spinning out what one did to occupy the vast* ***colonnades of leisure*** (букв. колоннады досуга) *available* (J. Fowles).

Компонент данного окказионального словосочетания *colonnades* не отображает семантику второго компонента. Однако мы можем выделить общие семы: *colonnade* (в данном контексте) – значительный по величине, свободный; *leisure* (в данном контексте) можно объяснить как большое количество свободного времени. Таким образом, данный окказионализм мы можем интерпретировать как «очень много свободного времени».

4. Окказиональное словосочетание, созданное при помощи композиционно-интеррелативной / интерреляционной функции. При создании окказионального словосочетания автор прибегает к использованию слов с противоположным значением, т. е. оксюморонов, чтобы выразить сложность взаимоотношений героев или показать неоднозначность описываемой ситуации, например: *I began to sing*, *and it was not a brave attempt to hide my grief but a* ***revoltingly unclouded desire*** (букв. отвратительно прозрачное желание) *to sing* (J. Fowles).

Используя семантически контрастные слова, автор показывает, насколько противоречивыми были чувства. Не только данное словосочетание, но и в целом предложение содержит противоречие. Николас чувствовал, что Алисон любила его сильнее, чем он её, поэтому его охватила некая гордость и острое чувство триумфа. Окказиональное словосочетание, построенное на использовании оксюморона, можно объяснить, если оценивать ситуацию с разных точек зрения: с одной стороны, Николас почувствовал некое превосходство, поэтому ему хотелось запеть, с другой – это желание было отвратительным по отношению к Алисон, над которой в этой «любовной битве» он одержал победу.

Рассмотрим ещё один пример: “No doubt she rides to hounds.” *He* ***smiled bleakly*** (букв. *холодно улыбнулся*) *at Ernestina*, *who was referring to a black mark she had earlier gained in the monstrous uncle's book*. Дядя Чарльза хочет жениться на некой миссис Томкинс, Эрнестина шокирована этой новостью, ведь если она родит ему сына, Чарльз останется без наследства. В ответ на ее реплики он холодно улыбается ей (*smiled bleakly*), эта улыбка так же противоречива, как и сложившаяся ситуация. Данное словосочетание является оксюмороном, так как сочетает в себе противоположные значения.

Из всего сказанного выше следует сделать вывод о том, что окказионализмы относятся к индивидуальному творчеству писателя и отражают только его картину мира. Добавим, что между авторской и индивидуальной картиной мира существуют важные различия. Авторская картина мира – элемент глобальной художественной картины мира, которая возникает в сознании читателя при восприятии художественного текста и является представлением конкрет-

ной действительности в тех или иных пространственно-временных диапазонах [2, с. 40]. Индивидуальная картина мира определённого автора литературного произведения является своеобразной формой конкретизации художественной картины мира. Она объективируется текстом или совокупностью текстов, маркируется индивидуальностью творческого субъекта и является результатом использования им уникальных способностей разума: восприятия, мышления, памяти, внимания и вымысла [5, с. 92].

Авторская картина мира характеризуется большим количеством индивидуальных черт, которые отличают его от остальных представителей лингвокультуры. В. А. Маслова отмечает, что авторская картина мира фиксирует, в первую очередь, уникальность творческого субъекта: ее индивидуально-личностная составляющая определяет сущность текста как произведения словесного искусства и эстетического события [3, с. 43]. Авторская картина мира – это субъективный образ объективного мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка писателя, результат его духовной активности.

Подвергнутые анализу окказиональные словосочетания (анализ проведён на основе произведений Дж. Фаулза «The Magus», «The French Lieutenant's woman») дают представление об особенностях их функционирования в произведениях автора.

Метафорические окказиональные словосочетания – контекстуально-обусловленные метафоры – привносят в текст необходимую экспрессию, что позволяет автору полнее и ярче передать свое состояние, видение мира, свою оценку событий и персонажей. Индивидуальные метафоры составляют 62 % окказиональных словосочетаний от всех проанализированных словосочетаний. Метафоричность окказиональных словосочетаний определяется семантикой составляющих его компонентов. В произведениях Дж. Фаулза преобладают окказиональные словосочетания, которые характеризуют внешность человека (*alabaster nudity*), его отличительные особенности (*the ambiguous face*, *bitter simplicity*), настроение, душевное состояние человека (*swallowed his grief*, *rustled venomously*, *sullen line*), его морально-нравственные качества (*ascendancy of suffering*), явления природы (*torpid sea*), конкретные предметы или явления (*ferocity of light*, *a devil of feeding*).

Окказиональные словосочетания, созданные в результате ремотивации (10%), представляют собой употребление нормативного слова в переносном, окказиональном значении, что помогает читателям переосмыслить узуальное словосочетание или найти новые оттенки значения в одном из компонентов: например, в словосочетании *funereal furniture* слово *funereal* не выступает в прямом значении, однако благодаря контексту становится понятно, речь идёт не о похоронах, а об атмосфере, царящей в комнате, обставленной старой мебелью. Эрнестине не нравится находиться в Лайме у тетушки Трэнтер, она сердится на нее за чрезмерную заботу, за некрасиво и бедно обставленный дом, неуютную обстановку. Миссис Трэнтер уже довольно стара, ей хочется проводить как можно больше времени с ней и ее возлюбленным Чарльзом, она не понимает, что влюбленным хочется побыть одним. Она одинока, в ее доме пусто.

Как показывает функционально-семантический анализ, окказиональные словосочетания являются средством для передачи тончайших оттенков чувств и эмоций героев, например, окказиональное словосочетание *vapid selfishness* характеризует героиню Эрнестину как внешне очаровательную девушку, но её притворство является чрезмерным: улыбка, жесты, манеры – всё это было пресным, т. е. бессодержательным, не имеющим никакой ценности.

Смысловое содержание окказиональных словосочетаний с кумулятивным типом репрезентации концептуальной структуры (7%) требует осуществления инференции, восстановления концептуальных связей между компонентами словосочетания. Интерпретация данного типа окказиональных словосочетаний представляется наиболее сложной, так как в данном типе словосочетаний общие семы не возникают. Однако данный тип оригинально передаёт уникальность речевой ситуации, её предельную первозданную конкретность, а также помогает расширить и углубить художественную выразительность повествования, например: *Perhaps because of his reading the previous night he had an* ***icy premonition*** *that some ghastly sight lay below the partition of worm-eaten planks beyond the bonnet*, *which hung like an ominously slaked vampire over what he could not yet see* (J. Fowles). Выделенное окказиональное словосочетание можно интерпретировать, опираясь на контекст: плохое предчувствие Чарльза было настолько сильным, что он будто чувствовал холодок по спине от страха, ведь он и Сара должны были встретиться вечером у старого амбара. Чарльз боялся и чувствовал, что поступает неправильно по отношению к Эрнестине, его возлюбленной, а самое главное, по отношению к самому себе – ведь он помолвлен.

Окказиональные словосочетания, созданные при помощи композиционно-интеррелативной / интерреляционной функции (21 %), привлекают внимание читателей необычностью и противоречивостью. Соединение двух понятий, противоречащих друг другу, логически исключающих одно другое, подчёркивает двойственность ситуации (*smiled grimly*), соединяет разные точки зрения персонажей (*maliciously inscrutable*), раскрывает характер героя, где присутствует личная оценка автора (*perverse pleasures*, *the black night of the soul*, *slightly heavy*).

В заключение необходимо подчеркнуть, что создание художественного произведения не происходит отдельно от формирования человеческой личности. Авторская картина мира Дж. Фаулза создаётся с помощью окказионализмов, маркирующих в текстах значимые объекты, их признаки, ситуации. Их роль заключается, с одной стороны, в привлечении внимания читателя к интересующему автора феномену, а с другой – в воздействии на сознание читателя. Чем больше в текстах авторов окказиональных единиц со сходными значениями, тем большую значимость для них имеет денотативно-идеографическая сфера, которую они описывают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влавацкая М. В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты: дисс. …д-ра филол. наук. – Новосибирск, 2013. – 470 с.

2. Воронцова Т. И. Текст баллады. Концептуальная картина мира (на материале английских и шотландских баллад). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 158 с.

3. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 147 с.

4. Остапова Л. Е. Окказиональные композиты в художественной картине мира писательницы-нобелиата Эльфриды Елинек: дисс. ... канд. филол. наук – Белгород, 2010. – 174 с.

5. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. – СПб.: Книжный дом, 2006. – 221 с.

6. Fowles J. The Magus. N.Y.: Back Bay Books; Reprint edition, 1999. 301 p.

7. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. N.Y.: Summit books, L., 1989. 480 p.

REFERENCES

1. Vlavatskaya M. V. Teoreticheskie osnovy kombinatornoy lingvistiki: leksikologicheskiy i leksikograficheskiy aspekty: diss. …d-ra filol. nauk. – Novosibirsk, 2013. – 470 s. [in Russian]

2. Vorontsova T. I. Tekst ballady. Kontseptual'naya kartina mira (na materiale angliyskikh i shotlandskikh ballad). – SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2003. – 158 s. [in Russian]

3. Maslova V. A. Poet i kul'tura: kontseptosfera Mariny Tsvetaevoy. – M.: Flinta: Nauka, 2004. – 147 s. [in Russian]

4. Ostapova L. E. Okkazional'nye kompozity v khudozhestvennoy kartine mira pisatel'nitsy-nobeliata El'fridy Elinek: diss. ... kand. filol. nauk – Belgorod, 2010. – 174 s. [in Russian]

5. Shchirova I. A., Goncharova E. A. Tekst v paradigmakh sovremennogo gumanitarnogo znaniya. – SPb.: Knizhnyy dom, 2006. – 221 s. [in Russian]

6. Fowles J. The Magus. N.Y.: Back Bay Books; Reprint edition, 1999. 301 p.

7. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. N.Y.: Summit books, L., 1989. 480 p.

УДК 83'374.4

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СУППЛЕТИВИЗМ В РОДОПОЛОВЫХ ПАРАДИГМАХ *ПЕТУХ – КУРИЦА*, *БЫК – КОРОВА*, *КОНЬ – ЛОШАДЬ*: ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Курчина Мария Александровна, Русанова Светлана Владимировна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *mak9516@mail.ru*, *rusanowa_7@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о формировании словообразовательного супплетивизма в парах наименований животных, противопоставленных по родополовому признаку. На основе анализа конкретных пар слов (*петух – курица*, *бык – корова*, *конь – лошадь*) предпринимается попытка обнаружить закономерности данного явления.

Ключевые слова: словообразовательный супплетивизм; наименования животных по половой принадлежности; этимология; формирование парадигмы; закономерности.

DERIVATIONAL SUPPLETION IN GENDER PARADIGMS *PETUKH – KURITSA*, *BYK – KOROVA*, *KON' – LOSHAD'*: HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ASPECT

Kurchina Maria Alexandrovna, Rusanova Svetlana Vladimirovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The article deals with the origins of derivational suppletion in gender paradigms of animal names. The author analyzes suppletive pairs *petukh – kuritsa* (cock-hen), *byk – korova* (bull-cow), *kon' – loshad*" (male horse-horse) as an attempt to reveal possible regularities in suppletion development.

Keywords: derivational suppletion; names of animals by gender; etymology; paradigm development; regularities.

Супплетивизм – одна из самых малоисследованных проблем лингвистики. Это проявляется, например, в том, что по сей день нет однозначного определения этого явления. Так, одни исследователи считают его сугубо морфологическим феноменом [2; 4; 17; 7; 5; 10; 11], в то время как другие выделяют еще и словообразовательный супплетивизм [9; 8]. Проблема осложняется также схожестью супплетивизма с другими языковыми явлениями, например, с синонимией, что вызывает затруднения при их разграничении [18] и, как следствие, определении.

Особый интерес у исследователей вызывает природа супплетивизма. Так, И. А. Мельчук пишет о причинах этого явления, среди которых называет, в

частности, стремление какой-либо неполной парадигмы заполнить лакуну, образовавшуюся по некоторым причинам (утрата формы, изначальная «дефектность» парадигмы, изменение грамматической системы языка и т. д.) [8, с. 442]. М. Э. Чумакина, описывая процесс формирования супплетивизма, представляет его в виде трех этапов. На первом этапе, по ее мнению, существует регулярная парадигма (х – х), на втором происходит внедрение другого слова (х – у / у – х), на третьем парадигма выравнивается в какую-либо из сторон (х – х / у – у) [16, с. 285].

Отдельного внимания заслуживает, на наш взгляд, вопрос о словообразовательном супплетивизме. Необходимость его выделения обосновывается существованием продуктивных регулярных словообразовательных моделей, которым аналогичные супплетивные парадигмы не соответствуют. Например: *учить – учитель*, но *шить – портной*; *три – тридцать*, но *четыре – сорок*; *три – третий*, но *два – второй*; *волк – волчица*, но *бык – корова* и т. д. [9, с. 167]. В связи с чем представляется возможным рассматривать супплетивизм как явление в морфологии или словообразовании, при котором разные лексемы обладают идентичным лексическим значением, но различаются грамматическим, образуя парадигму.

Крупную группу слов, обнаруживающих супплетивные словообразовательные отношения, образуют названия домашних животных: *бык – корова*, *конь – лошадь*, *кабан – свинья*, *петух – курица*, *утка – селезень*, *баран – овца*. Каждая из этих пар имеет сложную историю формирования, иногда даже с вовлечением ряда других лексических единиц и образованием лексико-семантических групп. В нашей статье предпринимается попытка сравнить процессы формирования супплетивных отношений в трех парах *бык – корова*, *конь – лошадь*, *петух – курица* и обнаружить закономерности словообразовательного супплетивизма в подобных случаях.

Наиболее простым этот процесс представляется в паре ***петух – курица***. Эта парадигма сравнительно молода: слово *петух* появилось в русском языке только в XVI веке от глагола *петь* [15, с. 28]. До этого времени существовала уходящая корнями еще в праиндоевропейскую эпоху регулярная парадигма *кур – кура* [14, с. 422] или как вариант *курица* (с суффиксом *-иц*, соответствующим традиционной словообразовательной модели [19, с. 122]). О происхождении же самого корня **kurъ-* существует несколько наиболее вероятных вариантов. Так, по одной из версий, оно является родственным лтш. *kaurêt – реветь*, *кричать*, лат. *caurire – реветь* (*о пантере в пору течки*), др.-инд. *kāuti – кричит*, *ревет* и др. и (также как и *петух*) называет животное по издаваемому им звуку [14, с. 22]. По другой, оно возникло посредством присоединения форманта *-ro* к звукоподражанию [1, с. 650–651]. Согласно третьей версии, **kurъ* есть собственно звукоподражательное слово, и при этом совпадение с созвучными иноязычными словами является чистой случайностью, а не свидетельством какого-либо общего происхождения [19, с. 29].

История парадигмы ***бык – корова*** сложнее [6]. Слова *бык* (<**bykъ*) и *корова* (<**korva*), вероятнее всего, никогда не имели регулярных пар. Они всего лишь

заменили в праславянский период общее название вида **govędo* (<**g^{u}ou-*) (именно в эту эпоху дифференциация данного животного по полу стала актуальной для славян). Сами же они имеют совершенно разное происхождение: **bykъ* появилось от звукоподражания [13, с. 323], а **korva* – путем заимствования из западно-индоевропейских языков [19, с. 108–112].

Парадигма ***конь*** – ***лошадь*** представляет собой самый сложный случай из рассматриваемых. Эта сложность обусловливается следующими факторами. Во-первых, ввиду многозначности слов *конь* и *лошадь*, а также наличия в языке смежной парадигмы *жеребец* – *кобыла* [3, с. 61] становится актуальной проблема разграничения супплетивизма и синонимии. Во-вторых, в процесс формирования парадигмы вовлекался ряд других слов (например, *кобыла*, *комонь*). Эти факторы вызывают сложность и при интерпретации самого процесса формирования парадигмы *конь – лошадь*. Так, имеются две наиболее известные версии. 1) Существует вероятность появления в праславянский период парадигмы **конь – *konica* (от кельтского заимствования **konkos*, **kankos* – «лошадь»), заменившей общее название вида **e$\widehat{\text{ku}}$os*, употреблявшееся со времен праиндоевропейской эпохи [12; 13, с. 331]. В этот же период используется и слово **kobyla*, заимствованное, скорее всего, у фригийцев или у тюрков [13, с. 332; 19, с. 93–98]. В древнерусский период слово **konica* уже не употребляется, будучи вытесненным словом *кобыла*, а затем (в XII в.) *кобыла* вытесняется лексемой *лошадь*, которая приходит из тюркских языков [12; 13, с. 333]. 2) В праславянский период от корня **kobnь*, обозначающего данное животное, появляются слова **kobyla* и **kotnь*, которое позже развивается в **kotoпь* и затем – в **konь* [14, с. 269]. Таким образом, в праславянский период существует регулярная пара **kobnь – *kobyla*, которая к древнерусскому периоду преобразовывается в *конь – кобыла* и существует так до XII века, пока в язык не приходит из тюркских языков слово *лошадь* [14, с. 525–526].

В таком виде (*конь – лошадь*) парадигма сохраняется по сей день. Слово же *кобыла*, активно принимавшее участие в процессе ее формирования, образовало аналогичную парадигму со словом *жеребец*, этимологически восходящим к праиндоевропейскому корню **gerbh-/*g^{u}erbh-/*g^{u}rebh-* «чрево», «утроба» и родственным греческому *βρέφος* – «плод во чреве», «детеныш» [12; 13, с. 333; 14, с. 48]. Этим объясняется и существующая в сознании носителей русского языка связь слова *жеребец* с молодым возрастом животного, и именование в языке детеныша словом, образованным именно от этого корня, – *жеребенок*.

Сравнение всех трех парадигм можно визуализировать следующим образом:

Таблица 1

Периоды	Парадигмы			
	Бык – корова	Петух – курица	Конь – лошадь	
Праиндоевр.	**g^{u}ou-* (*вид животного*); **korva* (*зап. и.-е.*)		**e$\widehat{\text{ku}}$os*	

Окончание табл. 1

<table>
<tr><td rowspan="2">Периоды</td><td colspan="3">Парадигмы</td></tr>
<tr><td>Бык – корова</td><td>Петух – курица</td><td colspan="2">Конь – лошадь</td></tr>
<tr><td>Праслав.</td><td>*govędo (1. Вид животного; 2. собир.); + звукоподр. *bykъ (самец), и зап. и.-е. *korva (самка)</td><td>*kurъ - *kura, *kurica</td><td>*ekuos (?), *konь – *konica, *kobyla, *komonь</td><td>→*kobyla *kobnь →*komnь → *komonь → *konь
*žrebę, -ęte</td></tr>
<tr><td>Др.-русск.</td><td rowspan="2">говѧдо, быкъ – корова</td><td rowspan="2"></td><td>1.конь – кобыла, 2.конь – кобыла/лошадь</td><td>Комонь, 1.конь – кобыла, 2.конь – кобыла/лошадь</td></tr>
<tr><td>Великорусск.</td><td>Кур/петух – кура, курица</td><td colspan="2">жеребьць</td></tr>
<tr><td>Совр. рус.</td><td>Бык - корова</td><td>Петух – курица (кура)</td><td colspan="2">Конь – лошадь, кобыла - жеребец</td></tr>
</table>

Опираясь на проведенный анализ и систематизацию данных, отраженных в таблице, можно сделать следующие выводы.

1. Время формирования рассмотренных супплетивных парадигм колеблется в диапазоне от праславянского периода до XVI века.

2. Некоторые пары наименований животных начинают свою историю с общего древнего названия вида, без дифференциации по половому признаку (как *$g^{u}ou$- и *ekuos).

3. В процессе формирования супплетивной парадигмы могут принимать участие более двух слов, в результате чего может быть сформировано более одной парадигмы (ср. пары *конь – лошадь* и *жеребец – кобыла*).

4. Происхождение слов, внедряющихся в регулярную парадигму или заменяющих общевидовое название, может быть разным: заимствование из другого языка, собственное словообразование, подражание звукам.

5. При формировании супплетивной пары во всех рассмотренных случаях имеет место неполная парадигма, о которой говорил И. А. Мельчук (Ø – *korva; *bykъ – Ø; петух – Ø и т. п.).

6. История формирования супплетивных отношений между словами может как включать этап существования какой-либо регулярной парадигмы (о чем писала М. Э. Чумакина), так и не включать его, о чем свидетельствуют рассмотренные нами примеры.

7. В рассмотренных нами парах альтернативу регулярной парадигме в начале истории супплетивов составляет общее название вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berneker Erich. Slavisches etymologisches Wörterbuch, A-mor-, Heidelberg, 1908–1913, 760 S.

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – 607 с.

3. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 719 с.

4. Глинских Г. В., Петрова О. В. Введение в языкознание. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1998. – 251 с.

5. Кодухов В. И. Введение в языкознание. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1987. – 288 с.

6. Курчина М. А. К вопросу о формировании супплетивизма в родополовой парадигме *бык – корова* [Электронный ресурс] // Ломоносов–2016: материалы междунар. молодеж. науч. форума, Москва, 11–15 апр. 2016 г. – Москва: Макс Пресс, 2016. – (DVD-ROM).

7. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.

8. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. IV / Пер. с фр. Е. Н. Саввиной под общ. ред. Н. В. Перцова. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – 580 с.

9. Немченко В. Н. Супплетивизм как грамматическое явление (понятие и термины) // Вестник Нижегородского гос. ун-та. Серия «Филология». – 2000. – № 1 (2). – С. 163–173.

10. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – Москва, 1976. – URL: http://www.textologia.ru/slovari/-lingvisticheskie-terminy/?q=484.

11. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 811 с.

12. Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования // Вопросы языкознания. – 1959. – №1. – С. 16–32.

13. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. – Т. 3. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 800 с.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4т. Т. 2 (Е – Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.

15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 2: Панцирь – Ящур. – 560 с.

16. Чумакина М. Э., Hippsley E., Corbett G. Исторические изменения в русской лексике: случай чередующегося супплетивизма // Russian Linguistics, vol. 28., 2004. – P. 281–315.

17. Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. – М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. – 302 с.

18. Шмелев А. Д. Супплетивизм или синонимия? // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Ин-т рус. яз им. В. В. Виноградова; под ред. Ю. Д. Апресяна [и др.]. – Москва: Языки славянской культуры, 2012. – С. 573–586.

19. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Издательство «Наука», 1974. – Выпуск 13. – 285 с.

REFERENCES

1. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M: Izdatel'stvo «Sovetskaya entsiklopediya», 1966. – 607 s. [in Russian]

2. Vinogradov V. V. Russkiy yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove. – 4-e izd. – M.: Rus. yaz., 2001. – 719 s. [in Russian]

3. Glinskikh G. V., Petrova O. V. Vvedenie v yazykoznanie. – N. Novgorod: Izd-vo NGLU im. N. A. Dobrolyubova, 1998. – 251 s. [in Russian]

4. Kodukhov V. I. Vvedenie v yazykoznanie. – 2-e izd. – M.: Prosveshchenie, 1987. – 288 s. [in Russian]

5. Kurchina M. A. K voprosu o formirovanii suppletivizma v rodopolovoy paradigme *byk – korova* [Elektronnyy resurs] // Lomonosov–2016: materialy mezhdunar. molodezh. nauch. foruma, Moskva, 11–15 apr. 2016 g. – Moskva: Maks Press, 2016. – (DVD-ROM). [in Russian]

6. Maslov Yu. S. Vvedenie v yazykoznanie. – 2-e izd. – M.: Vyssh. shk., 1987. – 272 s. [in Russian]

7. Mel'chuk I. A. Kurs obshchey morfologii. T. IV / Per. s fr. E. N. Savvinoy pod obshch. red. N. V. Pertsova. – M.; Vena: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh, 2001. – 580 s. [in Russian]

8. Nemchenko V. N. Suppletivizm kak grammaticheskoe yavlenie (ponyatie i terminy) // Vestnik Nizhegorodskogo gos. un-ta. Seriya «Filologiya». – 2000. – № 1 (2). – S. 163–173. [in Russian]

9. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Elektronnyy resurs]. – Moskva, 1976. – URL: http://www.textologia.ru/ slovari/ lingvisticheskie-terminy/?q=484. [in Russian]

10. Starichenok V. D. Bol'shoy lingvisticheskiy slovar'. – Rostov-na-Donu: Feniks, 2008. – 811 s. [in Russian]

11. Trubachev O. N. Lingvisticheskaya geografiya i etimologicheskie issledovaniya // Voprosy yazykoznaniya. – 1959. – №1. – S. 16–32. [in Russian]

12. Trubachev O. N. Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura. – T. 3. – M.: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2008. – 800 s. [in Russian]

13. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. V 4t. T. 2 (E – Muzh) / Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. – 2-e izd., ster. – M.: Progress, 1986. – 672 s. [in Russian]

14. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t. – 3-e izd., stereotip. – M.: Rus. yaz., 1999. – T. 2: Pantsir' – Yashchur. – 560 s. [in Russian]

15. Chumakina M. E., Hippsley E., Corbett G. Istoricheskie izmeneniya v russkoy leksike: sluchay chereduyushchegosya suppletivizma // Russian Linguistics, vol. 28., 2004. – R. 281–315.

16. Shaykevich A. Ya. Vvedenie v lingvistiku. – M.: Izd-vo Ros. otkrytogo un-ta, 1995. – 302 s. [in Russian]

17. Shmelev A. D. Suppletivizm ili sinonimiya? // Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: sbornik statey v chest' 80-letiya Igorya Aleksandrovicha Mel'chuka / Ros. akad. nauk. In-t yazykoznaniya, In-t rus. yaz im. V. V. Vinogradova; pod red. Yu. D. Apresyana [i dr.]. – Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2012. – S. 573–586. [in Russian]

18. ESSYa – Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond / pod red. O. N. Trubacheva. – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1974. – Vypusk 13. – 285 s. [in Russian]

УДК 811.161.1

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЛОВ ГРУППЫ «УКРАШЕНИЯ»: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Николенко Ольга Юрьевна, Шалда Дарья Андреевна

Омский государственный педагогический университет, *Омск*, *Россия*,
nikolenkoolga@mail.ru, *dashavydasha@gmail.com*

Аннотация. Словарь является необходимым инструментом для изучения лексики родного и иностранного языка. В статье рассмотрены основные проблемы лексикографического описания лексической группы «Украшения» в современном русском языке, анализируются неточности представления некоторых лексем в толковых словарях, а также представлены рекомендации описания единиц данной группы для новых словарных статей.

Ключевые слова: лексикография; словарь; лексический фонд; лексика; лексическая группа; толкование слов; русский язык как иностранный.

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF LANGUAGE UNITS WITHIN THE GROUP "JEWELLERY": APPLIED ASPECT

Nikolenko Olga Yuryevna, Shalda Darya Andreevna

Omsk State Pedagogical University, *Omsk*, *Russia*

Abstract. The dictionary is an essential tool for studying the vocabulary of native and foreign languages. The article considers the problem of lexicographical description of lexical group «Jewellery» in the modern Russian language, analyzed inaccuracies presentation of tokens in the dictionaries, as well as provides recommendations to describe units of this group for entries.

Keywords: lexicography; dictionary; vocabulary; lexis; lexical group; interpretation of the words; Russian as a foreign language.

Использование в практике коммуникации любого только изучаемого иностранного языка обычно сопряжено с особыми проблемами: имея в сознании уже сформированную на родном языке картину действительности, говорящий старается как можно точнее передать свою мысль на иностранном языке, однако при этом не только испытывает недостаток известных речевых средств, но и не всегда может совместить, «перевести» языковые факты. Особую сложность всегда представляет лексика, поскольку она не только отражает действительность, быстро реагирует на изменения в жизни народа – носителя языка, но и имеет культурную коннотацию. С пониманием такой расширенной семантики слов разных языков, называющих одно понятие, связано их адекватное употребление в межкультурной коммуникации. Другой проблемой являет-

ся групповой характер организации лексики, не совпадающий в разных языках. Слова любого языка существуют не изолированно, а в связи с другими. Поэтому изучение лексики в определенной системе, во взаимосвязи и сопоставлении значительно облегчает процесс усвоения языкового материала. В практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ), особенно на продвинутом этапе, эта мысль находит отражение в тематическом изучении лексики, введении в речевой оборот целой группы лексики, покрывающей определённый фрагмент языковой действительности. Именно эта начальная «избыточность» подачи материала, изучение максимального количества слов группы в их сопоставлении позволяет изучающему РКИ продуктивно сопоставить фрагменты родного и иностранного языков и сформировать необходимый активный и пассивный лексический запас.

Необходимым инструментом при изучении лексики, в первую очередь для преподавателя, является словарь. Прикладные задачи использования словаря, в том числе в практике преподавания и родного языка, и иностранного, требуют от лексикографического источника возможности дать чёткое простое определение для слова и быстро соотнести его с другими словами группы. Двуязычные словари такой организации группы, как правило, не показывают.

Лексика является наиболее подвижной частью любого живого языка. При общем двунаправленном непрерывном процессе утраты / появления слов лексический фонд языка постепенно увеличивается, что отражает активное освоение мира человеком. Новые лексемы, обозначающие новые понятия, редко занимают изолированное положение в семантико-структурном пространстве языка, чаще пополняют уже сформировавшуюся в языке лексическую группу (ЛГ) слов. При этом для закрепления данных актуальных языковых единиц в письменных источниках требуется довольно много времени.

Толковые словари современного русского языка содержат наиболее употребительные единицы, выбираемые из лексического континуума на основании частотности их употребления конкретными носителями языка в настоящее время. Границы же лексического континуума определяются разными факторами, в частности, законами логики, т. е. конструирование смыслов реальных и потенциальных слов происходит не спонтанно, но с опорой на логические отношения между понятиями. Именно эта логика и должна быть отражена в основном толковании слов одной группы. Словарные статьи слов одной ЛГ должны соотноситься друг с другом через имя группы и заданные семантические критерии, тем самым давая представление о системных связях данной лексемы и, как следствие, о структуре группы. Не всегда это просто сделать, так как слова одной ЛГ в рамках одного словаря могут толковаться различными способами. При этом не соблюдается принцип отсылочности, что создает трудности в использовании словаря иностранцами и носителями языка.

Важным является тип описываемой группы. Так, у слов лексико-семантических групп, устроенных по принципу терминологических полей (у терминов родства, названий денежных единиц и т. д.), в словарях обнаруживаются однотипные дефиниции, отражающие набор необходимых дифференциальных

сем [2]. У слов группы, ядро которых представлено устойчивыми лексическими элементами, а периферия – новообразованиями (у современных цветообозначений), при единообразии толкования ядерной части обнаруживается значительное расхождение в принципах толкования новых элементов: например, слова типа *лимонный*, *малиновый*, *графитовый*, *коралловый* и т. д. с вторичным значением цвета, с однотипной мотивацией, в словарях имеют разнотипные определения [3].

При этом особо сложны для лексикографического структурирования группы слов, не образующих строгих лексико-семантических связей. Для изучающих РКИ данная проблема особо актуальна, поскольку при обращении к словарям зачастую невозможно проследить связи между словами одной ЛГ. Такой подход «помогает лучше понять значение слов, так как предметная общность слов обеспечивает системность, последовательность введения словаря; способствует повышению интенсивности развития связной речи» [8, с. 178].

Так, анализ лексикографических источников выявил проблемы в представлении ЛГ, условно названной «*Украшения*» (слова типа *кольцо*, *бусы*, *браслет*, *серьги*), связанные как со слабой дифференциацией самих предметов в действительности, так и с непоследовательностью в выделении отдельных лексических значений и неточными формулировками толкований. Условность определяется полисемантичностью слова *украшение*, кроме того, необходима дополнительная дифференциация украшения одежды *узором*, *орнаментом*, *вышивкой*, *кружевом* и украшения *кольцами*, *кулоном* и другими *аксессуарами* («второстепенные явления, детали, дополняющие что-л.» [6, I, с. 30]). Но аксессуары могут быть многофункциональны: *шляпка* украшает и служит для тепла, то же справедливо для *шарфа*, *шали* и т. д.; *пряжка*, *аграф*, *запонка*, *заколка* и т. п. являются застёжкой и украшением. Предметы-аксессуары *корона*, *диадема* и *аксельбант*, *эполета*, *орден* в основной функции указывают на чин, сословие, статус, но могут использоваться только как украшения. Поэтому лексема *украшение* является, по нашему мнению, наиболее подходящей в качестве имени ЛГ, что не исключает толкования слов, частично подходящих к данной группе (в одном значении) через *аксессуар*.

Однако даже толкование базовых слов может быть спорным. Например, неудачными толкованиями с точки зрения принадлежности к данной ЛГ являются толкования таких базовых лексем, как *кольцо* и *цепь*. *Кольцо* «украшение на палец» в МАС представлено лишь оттенком основного значения «предмет, имеющий форму обода, обруча» [6, II, с. 79], в БТС как отдельное – «ободок (обычно из благородных металлов, поделочных камней и т. п.), носимый на пальце как украшение или символ брака. *К. с бриллиантом*, *аметистом*. *Золотое*, *серебряное к. Надеть к. на безымянный палец*. *Обручальное к. К. из нефрита*» [1]. Слово *цепь* в словарях не имеет отсылки к имени группы: «предмет, состоящий из звеньев» [6, VI, с. 643], «изделие, имеющее вид цепи» [4, с. 874], производное от него *цепочка* имеет отсылку «1. Маленькая и тонкая цепь (используется как нашейное украшение)», но иллюстративный ряд включает не только описание украшений «*Серебряная*, *золотая ц. Венецианская ц.*

Ц. якорного, панцирного плетения. Часы с цепочкой. Кулон на цепочке», но и «*Накинуть на дверь цепочку*» [1]. Удачным же является толкование однозначных редких слов, например *фероньерка*, «украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб» [6, VI, с. 559].

Важным для толкования является, как уже говорилось выше, указание семантических критериев, на основании которых выявляется принадлежность к ЛГ. Для слов ЛГ «Украшения» такими признаками являются соотнесенность с украшаемыми частями тела и указание на способ ношения, а также указание на особенности формы и материала. В соответствии со «Словарём украшений» Л.В. Орленко, «современные многочисленные украшения можно разделить на три группы – для платья и шеи, для рук, для головы» [5]. Например, *кольцо* в ТСОШ: «2. Украшение такой (обода) формы, надеваемое на палец» [4, с. 285]; *серьга* – «украшение в виде кольца, подвески и т. п., продеваемое в мочку уха» [6, VI, с. 83].

Неудачным по критерию «украшаемая часть тела» следует считать толкование таких лексем, как *бусы* «украшение в виде нанизанных на нитку шарообразных, округлых или иной формы зерен из стекла, камня и других материалов» [6, I, с. 127], *медальон* «ювелирное изделие в форме овальной или круглой коробочки, в которую вставляется какое-л. изображение или вкладывается что-л.» [6, II, с. 242] и др.

Описание разновидностей украшений через базовые известные лексемы группы (*перстень – кольцо*, *пуссеты – серьги*) – еще один возможный способ толкования с указанием на структурность группы. Для слов выделенной группы базовыми лексемами будут *кольцо*, *браслет*, *ожерелье*, *цепь*, *серьги*. Удачным примером следует признать толкование слова *перстень* «кольцо с каким-л. драгоценным камнем» [6, III, с. 112].

Сложность наблюдается в разграничении частичных синонимов: слабо противопоставлены *колье* «ожерелье из драгоценных камней, жемчуга и т. п.» [6, II, с. 79], *монисто* «ожерелье (из бус, монет или каких-л. разноцветных камней)» [6, II, с. 296] и *ожерелье* «украшение из драгоценных камней, жемчуга и т. п., надеваемое на шею» [6, II, с. 599]. При этом толкование слова *ожерелье* следует признать удачным: есть отсылка к названию ЛГ. Через слово *ожерелье* «шейное украшение в виде бус, колье и т. п. О. из золотых монет. Агатовое, янтарное, жемчужное о.» [1] толкуются остальные слова: *колье* «ожерелье из драгоценных камней, жемчуга и т. п. Бриллиантовое к. К. из янтаря» [1], *монисто* «ожерелье (из монет, бус или разноцветных камней). Янтарное м. Надеть м. М. из серебряных монет» [1], однако разница между этими украшениями из словарных статей неясна.

В ряду слов, называющих сходные украшения, обнаруживаются и взаимные толкования: *корона* «золотой или серебряный *венец*, украшенный резьбой и драгоценными камнями, – одна из монархических регалий. Царская к.» и *венец* «3. Драгоценный головной убор, *корона*. *Царский в.*» Кроме того, при включении слов подобных групп в словарь следует учитывать разницу в общеязыковом и в терминологическом (терминология ювелирного дела, геральд-

дики, кратологии) значениях слова. В некоторых словарных статьях различия отражены, например: *диадема* «1. Венец или повязка с украшениями из драгоценных камней, которые надевались царями, верховными правителями, верховными жрецами в знак их сана» и «2. Женское драгоценное украшение в форме небольшой открытой короны» [6, I, с. 373]. В других нет отражения значения «украшение» в словарных статьях, есть только описание регалий: *тиара* «1. Головной убор древних восточных царей, жрецов» и «2. Головной убор папы римского» [6, VI, с. 256]. При этом Википедия отражает уже новое значение «украшение для головы»: «разновидность украшения для головы, похожая на диадему, надевается в особенно торжественных случаях: невестой на свадьбе или дебютанткой на светском балу» [7].

Как видно из примера, современные словари не всегда успевают оперативно отражать возникающие изменения в языке, хотя с развитием информационных технологий этот процесс существенно убыстрился. ЛГ «Украшения» динамично развивается, причём многие слова данной группы закрепились в сознании носителей языка из устных источников или переводных СМИ. Поэтому особенно актуальной представляется проблема точного толкования новых слов. Для совершенствования словаря новая словарная статья должна не только содержать все необходимые дифференцирующие и интегрирующие семантические признаки слова, но и указывать на место слова в ЛГ.

Приведём несколько примеров толкований для словарных статей новых слов группы. Например, слово *кафф* может иметь следующее толкование: «украшение, надеваемое на значительную поверхность ушной раковины, закрепляемое зажимом чаще всего без прокола»; *пуссета* «серьга небольшого размера, закрепляющаяся в мочке уха с помощью зажима штифта»; *лариат* «украшение в виде длинного декоративного жгута, надеваемое на шею и закрепляемое с помощью завязывания в узел его концов»; *фенечка* «плетеный из бисера или шнура браслет, чаще всего изготавливаемый вручную», *чокер* «украшение в виде плотно опоясывающего шею ожерелья из различных материалов».

Словарные статьи должны быть удобными для использования при изучении русского языка как родного и как иностранного. При толковании слов лексики «Украшения» должны учитываться следующие признаки: указано имя группы; имеется указание на способ ношения (для части тела/одежды для данной ЛГ); возможна отсылка (прямая/непрямая) к базовой лексеме, укоренившейся в языке; указаны точные различительные признаки похожих украшений (материал и форма). Данные толкования могут быть авторскими или с приведением удачных толкований из различных авторитетных источников.

Собственно именно эти важные элементы семантики позволяют использовать группу слов «Украшения» при изучении центральных тем: человек, семья (*обручальное кольцо*), внешность, части тела (*на руке*, *на ноге*, *на пальце*, *в ухе*, *на шее* и т. д.), цвет (*красные бусы*, *зеленый браслет* и т. д.), материалы (*из золота / золотой*, *серебра / серебряный*, *меди / медный*, *с использованием драгоценных камней / драгоценный*), природа, история и национальная культура (*корона*, *венец*, *кольцо / перстень*, *монисто*, *колье*) и др.

Безусловно, толковый словарь не должен подменять специализированное энциклопедическое издание, однако единый подход к толкованию слов одной группы, учёт интегрирующих и дифференцирующих семантических признаков, выявляющих системную организацию группы, позволит новым словарям стать гораздо более информативными и понятными для разных категорий лиц, в том числе и для изучающих русский язык как иностранный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 2014. – URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/.

3. Николенко О. Ю. Лексикографическое описание группы терминов родства русского языка // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Л. В. Рычкова (гл. ред.), Т. Ройтер, В. В. Дубичинский [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2013. – С. 88–91.

4. Николенко О. Ю. Новые цветообозначения: семантическое и морфемное словообразование // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее: материалы VI международной научно-практической конференции (Иркутск, 21–23 мая 2015 г.). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – С. 264–271.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 сл. и фразеолог. выражений. – М.: А ТЕМП, 2004. – 944 с.

6. Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды: ок. 2000 слов [Электронный ресурс]. – М.: Легпромбытиздат, 1996. – URL: http://www.moda-dic.ru/html/u/ukraqenie.html.

7. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Рус. яз., 1988.

8. Тиара [Электронный ресурс] // Википедия. [2015–2015]. Дата обновления: 25.09.2015. – URL: http://ru.wikipedia.org/?oldid=73548747.

9. Шаклеин В. М., Рыжова Н. В. Современные методики преподавания русского языка нерусским: учеб. пособие. – М.: РУДН, 2008. – 258 с.

REFERENCES

1. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyy resurs] / Ros. akad. nauk, In-t lingvist. issled.; [avt. i ruk. proekta, gl. red. S.A. Kuznetsov]. – SPb.: Norint, 2014. – URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/. [in Russian]

2. Nikolenko O. Yu. Leksikograficheskoe opisanie gruppy terminov rodstva russkogo yazyka // Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium: sb. nauch. tr. / GrGU im. Ya. Kupaly; redkol.: L. V. Rychkova (gl. red.), T. Royter, V. V. Dubichinskiy [i dr.]. – Grodno: GrGU, 2013. – S. 88–91. [in Russian]

3. Nikolenko O. Yu. Novye tsvetooboznacheniya: semanticheskoe i morfemnoe slovoobrazovanie // Slavyanskie yazyki i kul'tury: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Irkutsk, 21–23 maya 2015 g.). – Irkutsk: MGLU EALI, 2015. – S. 264–271. [in Russian]

4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 sl. i frazeolog. vyrazheniy. – M.: A TEMP, 2004. – 944 s. [in Russian]

5. Orlenko L. V. Terminologicheskiy slovar' odezhdy: ok. 2000 slov [Elektronnyy resurs]. – M.: Legprombytizdat, 1996. – URL: http://www.moda-dic.ru/html/u/ukraqenie.html. [in Russian]

6. Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. / Pod red. A. P. Evgen'evoy; AN SSSR, In-t rus. yaz. – M.: Rus. yaz., 1988. [in Russian]

7. Tiara [Elektronnyy resurs] // Vikipediya. [2015–2015]. Data obnovleniya: 25.09.2015. – URL: http://ru.wikipedia.org/?oldid=73548747. [in Russian]

8. Shaklein V. M., Ryzhova N. V. Sovremennye metodiki prepodavaniya russkogo yazyka nerusskim: ucheb. posobie. – M.: RUDN, 2008. – 258 s. [in Russian]

УДК 83'374.4

РУССКОЕ *ЖИХАРЬ* В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТАХ

Соснина Анна Александровна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *anna.sosn@yandex.ru*

Аннотация. Слово *жихарь* не отражено во многих русских лексикографических источниках, его этимология и словообразовательный состав вызывают вопросы. Однако лингвистические факты и некоторые данные фольклора и мифологии позволяет предположить, что *жихарь*, возможно, одно из наименований славянского Домового.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо; этимология; деэтимологизация; однокоренные слова; сюжет, табуизация.

RUSSIAN WORD ЖИХАРЬ IN LINGUISTIC AND CULTURAL AND HISTORICAL ASPECTS

Sosnina Anna Alexandrovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The word *жихарь* is unique in Russian language. It is not reflected in a majority of Russian lexicographical sources. Therefore, its etymology and word-formation structure raises questions. However, comparison of linguistic facts and some of the folklore and mythological data suggests that the word *жихарь* can be one of the names of the Slavic house spirit.

Keywords: family of words; etymology; deetimologisation; cognate words; skeleton story; taboo.

Словообразовательное гнездо с древним индоевропейским корнем **gi-* является существенной частью русской языковой картины мира, о чем свидетельствуют его обширные деривационные связи. Слова, относящиеся к рассматриваемому словообразовательному гнезду, обозначают древнейшие и важные для мировоззрения понятия, такие, например, как *жизнь*, *живой* и глагол *жить* и др. Однако на современном этапе развития языка в результате происшедшего процесса деэтимологизации некоторые элементы рассматриваемого словообразовательного гнезда разошлись с однокоренными словами столь сильно, что этимологическая связь между ними представляется спорной как для носителей языка, так и для лингвистов. Так, в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова слова с индоевропейским корнем **gi-* относятся к нескольким словообразовательным гнездам, вершинами которых являются слова *живой* (*ср. живить*, *оживлять*), *жир* (*жирный*, *жирность*, *жиреть*), *жить* (*многочисленные приставочные образования*, *такие как выжить*, *прожить и т. д.*, *а также слова жилец*, *живучий*, *жилище*), *жила* (*жилистый*, *прожилки*), *жизнь* [15, с. 195–197]. Отнести все указанные группы слов к одному гнезду возможно на основании этимологических словарей. (Ср., напр., [4, с. 130; 19, с. 130]. При этом принадлежность некоторых слов к данному гнезду не отмечается также и этимологическими словарями. В Этимологическом словаре М. Фасмера и Историко-этимологическом словаре русского языка под. ред. П. Я. Черных не отмечено родство слов *жила* и *жити*. В обоих словарях делается предположение, что в древнерусском языке, начиная с XI вв., слово *жила* обозначало в т. ч. силу (ср. *ожилить* – укрепить, а также совр. *двужильный* – крепкий – А. С.) Кроме того, в словаре делается предположение, что *жила* (*о.-с. *żila*) является производным от корня **żi-*, с суффиксом *-l-a*, как в о.-с. **mьgla*. Корень **żi-*, в свою очередь, восходит к и.-е. корню со значением ‘вена’, ‘жила*’*. (*Ср*. лат. *filum*‘нить’ с закономерным начальным *f-*, восходящее к тому же корню [17, с. 54–55; 4, с. 302–303].

В случае со словом *изгой* фонетические процессы полностью изменили его звучание, в результате связь между ним и словообразовательным гнездом с корнем **gi-* для носителя языка полностью оборвалась. Между тем инфинитив центрального для гнезда глагола *жити* является застывшей формой дательного падежа от *жить*(*žitь*) – ‘жизнь’, образованного с помощью суф. *–t-ь* от и.-е. корня **gei-*/**goi-*/**gi-* ‘жить’. Перед дифтонгом звук *g> г* сохраняется, и от получившегося в результате корня в славянских языках образовано **gojiti* – ‘живить, заживлять’ – ср. др.-русск. *гоити* с тем же значением, а также укр. *гоїти* – ‘лечить’, болг. *гоя* – ‘откармливать’, польск.*gaić* – ‘сажать, сеять’. Именно от этого варианта корня происходит и русск. *изгой* [19, с. 131].

Еще более спорное место в гнезде с корнем **gi-* занимает слово *жихарь*. *Проблема заключается в том*, *что это редкое слово не находит отражения в крупнейших толковых словарях* (*ср. напр. [5*; *1]*), *а также в ряде проанализированных русскоязычных этимологических словарях [*4; 19*]*. *Однако в этимологическом словаре М. Фасмера есть пометка*, *что слова знахарь и жихарь образованы аналогичным образом от соответственных глаголов* [17, с. *101*].

Учитывая, что крупнейшие толковые словари русского языка не отражают данное существительное, возникает вопрос, можно ли считать, что оно вообще сохранилось в современном русском языке. Впрочем, в словарях более ранних периодов ([14; 10; 9]) слово *жихарь* также не находит отражения.

Словарь В. И. Даля дает следующее толкование слову *жихарь*: «Житель, обыватель, домохозяин; твер. старожил, коренной житель, а также крестьянин, живущий один на пустоши. Кроме того, это еще и «лихой малый, удалой, плясун, разбитной парень, насмешник и обидчик». В олонецких говорах отмечается также значение ‘домовой’ [3, с. 487].

То же самое слово в нескольких вариантах (*жихарь*, *жихорь*, *жихорько*, *жихарко* и т. п.) встречается во многих русских диалектах. В Словаре русских народных говоров названные варианты представлены как отдельные словарные статьи, однако, несмотря на это, исходное слово, скорее всего, одно. Разница в произношении объясняется фонетическими особенностями того или иного говора (аканье, оканье, а также мягкое либо твердое произношение *[р]*). Выделяется несколько значений: *жихарь* ‘житель, обитатель, квартирант’, ‘скупец’, ‘насмешник, обидчик’, ‘лихой, смелый парень, шалун’, ‘ребенок, рожденный вне брака’, ‘птичка’ (неясно, какая), а также ‘дом, крестьянское хозяйство’, *Жихорь*: ‘здоровое, сильное животное’. Для обоих фонетических вариантов есть значение ‘злой дух, обитающий в жилище человека, Домовой’. *У жихоря* – ‘в очень отдаленном месте’. *Жихарько*, *жихорько*, *жихарко*, *жихорко* – ‘человек, любящий домашнюю жизнь; домосед’, и, кроме того, ‘сказочный маленький человечек, гном, Домовой’ [13, с. 198]. Из приведенных словарных дефиниций можно видеть, что разброс значений слова достаточно велик. Однако, хотя этимология не вполне ясна, фонетический облик слова позволяет допустить родство с глаголом *жить* и другими словами того же гнезда, как уже было сказано ранее. В таком случае, все значения существительного *жихарь* оказываются в русле семантики корня *жи-*. Можно предположить, что первоначальное из них, скорее всего, ‘обитатель’. Значение ‘ребенок, рожденный вне брака’ также не вызывает удивления, если вспомнить хотя бы русское литературное *прижить* (например, младенца). ‘Шаловливый, озорной’ является закономерным семантическим развитием прилагательного *живой* (ср. *живой мальчик*). Значение ‘Домовой, мелкий дух’, скорее всего, достаточно позднее и может представлять табуистическую замену для слова *Домовой*, то есть ‘существо, обитающее в человеческом жилье и наделяющий его изобилием’ (ср. также *суседушко*, *хозяин*, *жировик*, *дедушко* и др.). Об этом будет подробнее сказано далее.

Существует также древнерусское имя, упомянутое в словаре Тупикова и зафиксированное несколько раз: *Жихорь*, крестьянинъ в Поозерье., 1498. Писц. IV, 11. Жихорь Рябчиковъ, писец в Деревской пятине, до 1539. Писц. IV, 362. Жихарь Муянчиц, Мозырской крестьянинъ. 1552. Арх. VII, 1, 640. Жихоръ**.** Жихоръ Васильевъ сын Румянцева, помещик в Струпинском погосте. 1552. Писц. IV, 561. Иван Жихоръ Рябчиков, Волоцкий вотчинник. XVII в. (1 четв.). Ак. Ист. III, 154. Жихоръ Семенов сын Ивашев, вотчинник Клинский. XVII в.

(1-я четв.) [16, с. 207]. Из кратких сведений, представленных в словаре, можно лишь сделать вывод, что имя достаточно старое (XV–XVI вв.), но все же не отмеченное для древнейших периодов существования русского языка. Ни о каких подвигах данных персонажей или событиях, связанных с ними, ничего неизвестно. Имя собственное *Жихарь* – достаточно редкое; аналогичное имя нарицательное сохранилось только в русских говорах.

Кроме семантики слова *жихарь*, другим аргументом в пользу этимологического родства рассматриваемого существительного с гнездом, центром которого является глагол *жить*, является словообразовательный анализ. В русском языке существует непродуктивный суффикс *-арь*, который используется для образования имен существительных со значением лиц мужского пола по отношению к предмету их деятельности (*аптекарь*, *библиотекарь*, *псарь* и т. д.), а также предметы по отношению к другим предметам «(редко): *буква* – * *букварь*; спец. *дымарь* – «прибор для окуривания пчёл» [18, с. 57]. Однако существует, по всей вероятности, вариант этого суффикса *-харь*, который встречается, как можно предположить, только в одном слове современного русского литературного языка – в слове *знахарь* (во внешне похожих существительных *сухарь*, *глухарь*, *стихарь* и ряде других звук [*х*] является частью корня). Словарь служебных морфем русского языка под. ред. Г. П. Цыганенко, а также Новый словообразовательный словарь А. Н. Тихонова не фиксируют связь между словами *знать* и *знахарь* [18; 15]. Тем не менее, ранее было приведено мнение М. Фасмера о родстве не только внутри указанной пары слов, но и между словами *жить и жихарь*. В том же лексикографическом источнике отмечено слово *жихать* – ‘гнуться, шататься’, которое было бы логично считать производящей основой для *жихарь*, и которое автор связывает отнюдь не с глаголом *жить*, но сравнивает с диал. норв. *keis* ‘изгиб’ [17, с. 57].

Также слово *жихарка* известно по сказке из сборника А. Н. Афанасьева [7, с. 135]. По тексту неясно, является ли само слово *Жихарка* (*жихорько*) именем нарицательным или собственным, так как пишется в тексте сказки с прописной буквы. Анализ этой сказки, а также ряда фольклорных и мифологических источников дает некоторые основания сделать дополнительные выводы относительно слова *жихарь*. В сказке о рассматриваемом персонаже сказано настолько мало, что даже непонятно, идет ли речь об антропоморфном существе или о каком-то животном (как мы помним, например, ‘птица’ – одно из значений слова *жихарь*). В кратком изложении сюжет сказки таков. Жили вместе кот, воробей и жихарько (Жихарько). Последнего обманом похитила баба-яга и велела поочередно своим трем дочерям зажарить его в печи. Однако Жихарка, изображая, что не умеет садиться в сковородку (которая в тексте сказки названа диалектным словом *ладка*), просит девушек, а затем и саму ягу научить его и, в свою очередь, сажает их в печь, после чего возвращается к друзьям. Очевидно, что совершить описанные действия в пространстве сказки может и человек, и птица. Однако обычно героем таких сказок выступает мальчик. Общий сюжет сказки достаточно широко распространен и имеет несколько вариантов, в том числе различающихся именем главного героя

(об этом речь пойдет далее). Казалось бы, ничто в сказке не указывает на близость Жихарки и Домового, как его представляет традиционная народная культура. Однако у них есть и ряд общих черт.

Согласно справочнику «Мифы народов мира» Домовой в славянской мифологии имел следующие основные свойства: антропоморфный облик, зачастую схожий с хозяином дома; небольшой рост; «волосатость»; связь с древним богом Велесом, покровителем скота, и с домашними животными, причем не только со скотом, но и с кошками, крысами, змеями и т. п., то есть с хтоническими, ламинальными созданиями; связь с печью; связь с культом умерших [6, с. 391–392].

Данное описание соответствует тексту анализируемой сказки лишь отчасти. Как выглядит герой, неясно. Сколько-нибудь отчетливых примеров в сказках с рассматриваемым сюжетом, где персонаж имел бы облик хозяина дома, обнаружено не было. Однако этот персонаж, безусловно, связан с котом, так как живет с ним вместе, и с печью. Заметим попутно, что кошка, а также змея, жаба, мышь и т. п. – распространенные личины Домового, тем более что, согласно народным верованиям, он может менять вид. Иногда эти звери становятся просто спутниками Домовому [8, с. 364–366]. Кошка – также защитник и хранитель дома, ср. обычай пускать ее в дом, прежде чем впервые войти туда. Перед первым укладыванием младенца в колыбель туда клали кошку, чтобы он лучше спал. Это любимый зверек (и любимое обличье Домового), но его часто замещают в поверьях разных народов другие пушные животные – белки, ласки и т. п. [2, с. 229].

Обычные места обитания Домового в доме: запечный угол, погреб, голбец и др. В доме Жихарки его любимое место неизвестно, однако, украв его, Баба Яга прячет его в голбец, в другом варианте – в коник. В сюжетно близкой сказке «Ивашко и ведьма» старик, принеся из лесу лутошку, то есть липовую палочку, положил ее в подпечек. Сами по себе эти отдельные детали недостаточны, но в сочетании с другими позволяют все же предположить: Жихарка – поздний, полузабытый отголосок славянского образа Домового. Возможно, именно из-за того, что первоначальный смысл сказки стерт, некоторые важные для облика «суседушки» детали оказываются далеко на периферии сюжета, а иногда исчезают вовсе. Упоминание ложек в сказке о Жихаре – подобный периферийный мотив. Дело в том, что ложка в славянской традиции – один из символов души. Существует традиционное гадание, связанное с ложками: они оставляются ночью в пустой, темной комнате. Наутро хозяева смотрят, что с ними случилось: не упали ли, какой стороной вверх лежат, не трогали их мыши и т. п. Такое гадание позволяет определить судьбу человека.

Как мы помним, одно из значений диалектного слова *жихарь* – ‘шалун, озорник’ и т. п. Между тем, проказливость и склонность к невинным шуткам – одна из постоянных черт Домового. По замечанию А. Д. Синявского, «проказливость и шутовство вообще отличает нижний мир сверхъестественных существ от высшего, собственно божественного мира…Возможно, проказливость низших божеств объясняется тем, что вера в них – это уже *полувера*… Другое возможное объяснение того, что эти некогда грозные владыки превра-

тились в шутов и проказников, – это их слишком тесная близость к человеческому миру в самых простейших проявлениях» [12, с. 128]. Возможно, эти шалости – один из тех признаков, который позволил видеть в Домовом, с одной стороны, старика, а с другой, как в рассматриваемом комплексе сказок, маленького мальчика. Шалости и проказы – удел не только Домового, но также и других мелких духов в мифологиях различных народов. В описанной ранее сказке Жихарка не шалит, а просто не слушается – не может утерпеть, когда Баба Яга берет его ложку, и оказывается схвачен.

В сказке дочери Яги, как уже говорилось, пытаются изжарить мальчика, посадив его на лопату. Аналогичным образом прежнего Домового переносят из старого, сгоревшего дома в новый: «<…> в некоторых случаях – например, если заново строились после пожара, на новое место брали с собой прежнего Домового… Домового с угощением и уговорами переносили в стоптанном лапте или на лопате, в которой сажали в печь хлеб» [11, с. 54]. Конечно, мы наблюдаем лишь частичное пересечение мотивов, но и оно, видимо, является показательным.

Существует много сказок с сюжетом, близким к изложенному выше. Возможно, это расщепления некогда единого сюжета. Соответственно, наш герой функционально сближается еще с несколькими: это Терешечка, Лутонюшка из русских сказок, Мальчик с пальчик и др. Данные персонажи выполняют некоторые другие обязанности, обычно приписываемые Домовым. Ранее говорилось, что, по народным поверьям, Домовой берет на себя заботу о домашнем скоте, подобно Велесу, «Скотьему Богу». Лутоня из другой русской народной сказки фактически обучает селян ухаживать за домашними животными: он объясняет, как косить траву для коровы, запрягать лошадь и т. п. [7, с. 132]. В сказке «Мальчик с пальчик» герой помогает лошади пахать, просто шепча ей на ухо, и охраняет скот от волков, а дом от воров [7, с. 336]. Подобное поведение весьма типично для Домового.

Некоторые качества Домового, такие как волосатость, пожилой (чаще всего) возраст, на первый взгляд, не получают в рассматриваемом ряду сказок никакой реализации. Однако у Жихарки в варианте А. Н. Афанасьева сказки есть друг – кот. Нередко мифологические персонажи могут «расщепляться» (ср., например, разделение функций вавилонской Астарты в более поздней греческой мифологии между Афродитой – богиней любви и Аресом – богом войны и ненависти). Так, возможно, и в нашем случае, кот берет на себя часть функций героя. Возраст (в наших сказках Жихарка по своему поведению скорее напоминает ребенка) также объясним. По замечанию А. Д. Синявского, «в образе русского Домового совмещаются черты мудрого старца, который все знает и обо всем заботится, и маленького ребенка. Само это сочетание говорит о многом. О том, что Домовой воплощает собою народ в его исторической давности и вечном младенчестве. Это олицетворение дома, в котором рождается, живет, умирает и вновь рождается человек» [12, с. 129].

Таким образом, Жихарка и функционально близкие к нему персонажи сочетают в себе большинство черт, присущих Домовым. Эти черты в сказках сохранились неодинаково. Одни из них повторяются регулярно и составляют са-

мую суть сказки, другие почти забыты. Возможно, существует два ряда сказок, связанных с Жихаркой. В некоторых из них остались следы действий собственно Домового (например, в сказке А. Н. Афанасьева «Мальчик с пальчик» герой помогает крестьянам, защищает скот и т. п.). В других остался только сюжет, связанный с похищением ребенка Бабой Ягой. Первоначально это мог быть единый мотив. Намерение Яги съесть мальчика неудивительно – мы постоянно встречаем в сказках подобный поворот. Ее образ и функции как хозяйки Леса многократно описаны и не являются темой нашего исследования. Однако гораздо чаще Яга встречает «гостя» в своей лесной избушке. Только в сказках рассматриваемого нами типа, таких как «Ивашка и ведьма» или «Баба Яга и Жихарь», колдунья специально разыскивает и ворует мальчика. Это стоит ей немалых усилий, в некоторых редакциях приходится возвращаться несколько раз, подвергая себя опасности со стороны защитников главного героя. Возникает вопрос: почему же ей нужен именно этот ребенок? Можно высказать следующее предположение. Даже если смысл сказки постепенно затирается, сюжет расщепляется, его отдельные элементы утрачивают связь между собой, старый сюжет может быть реконструирован в исследовательской работе или в художественном произведении. Однако самыми интересными, на наш взгляд, как раз являются случаи стихийного возрождения древних архетипов в позднем фольклоре и художественной литературе нового и новейшего времени. Часто древние представления не осознаются самими носителями культуры, и тем интереснее их «кристаллизация» и оформление в художественном слове.

Возможно, нечто подобное произошло в сказочной повести Г. Александровой «Приключения домовенка Кузьки», где Баба Яга похищает маленького Кузьку, чтобы он хранил и берег ее дом. В этой повести можно наблюдать соединение обоих сюжетов: о маленьком Домовом, который живет с людьми и помогает им, и о ребенке, похищенном колдуньей. В чистом виде история о краже Домового нам нигде не встретилась. Зато хорошо известно, какое место занимал Домовой в жизни славян и их представлениях о мире. И нет, наверное, ничего странного в том, чтобы попытаться переманить «хорошего» Домового.

За долгие годы своего развития сюжет изменяется почти до неузнаваемости. Поэтому реконструкция древнейших мифов всегда носит в большей или в меньшей мере гипотетический характер. В случае с образом Жихарки есть некоторые основания предполагать, что история Жихарки – отголосок старинных преданий, связанных с Домовым, которые нашли отражение как в сказках, так и в лексике русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Рос.акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов]. – Санкт-Петербург: Норинт, 2004. – 1534 с.

2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 910 с.

3. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. – М.: Типография А. Семенова, 1863. – 629 с.

4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 2. – 559 с.

5. Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Русский язык, 1987. – Т. 1. – 751 с.

6. Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 513 с.

7. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – Т. 1. – 535 с.

8. Русская мифология: энциклопедия. – М.: Эксмо, 2007. – 781 с.

9. Словарь Академии Российской 1789–1794 гг. – в 6 т. / под ред. Богатовой Г. А. – М.: Астрель, 2004. – Ч. 2. – 664 с.

10. Словарь древнерусского языка XI–XIV в./ гл. ред. Р.И. Аванесов. – в 10 т. – М.: Русский язык, 1990. – Т. 3. – 514 с.

11. Семенова М. Мы – славяне. – СПб: Азбука, 1997. – 556 с.

12. Синявский А. Д. Иван-дурак. – М.: Аграф, 2001. – 463 с.

13. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. – Л: Наука, 1972. – Вып. 9. – 364 с.

14. Словарь русского языка XI–XVII века / гл. ред. Богатова Г. А. — М.: Наука, 1995. – Вып. 21. – 288 с.

15. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М: Астрель: АСТ, 2003. – Т. 2. – 856 с.

16. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – СПб: Типография И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43), 1903. – 862 с.

17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – В 4 т. – М.: Астрель, 2004. – Т. 3. – 860 с.

18. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. – Киев, Радянська школа, 1982. – 242 с.

19. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – Киев: Издательство Радянська школа, 2-е издание. – 507 с.

REFERENCES

1. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / Ros.akad. nauk, In-t lingvist. issled.; [avt. i ruk. proekta, gl. red. S.A. Kuznetsov]. – Sankt-Peterburg: Norint, 2004. – 1534 s. [in Russian]

2. Gura A. V. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii. – M.: Indrik, 1997. – 910 s. [in Russian]

3. Dal' V. I. Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. M.: Tipografiya A. Semenova, 1863. – 629 s. [in Russian]

4. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. – 3-e izd., stereotip. – M.: Russkiy yazyk, 1999. – T. 2. – 559 s. [in Russian]

5. Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. / gl. red. A. P. Evgen'eva. – Izd. 3-e, stereotip. – M.: Russkiy yazyk, 1987. – T. 1. – 751 s. [in Russian]

6. Mify narodov mira: entsiklopediya v 2 t. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1991. – T. 1. – 513 s. [in Russian]

7. Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva. V 3t. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1957. – T. 1. – 535 s. [in Russian]

8. Russkaya mifologiya: entsiklopediya. – M.: Eksmo, 2007. – 781 s. [in Russian]

9. Slovar' Akademii Rossiyskoy 1789-1794 gg. – v 6 t. / pod red. Bogatovoy G. A. – M.: Astrel', 2004. – Ch. 2. – 664 s. [in Russian]

10. Slovar' drevnerusskogo yazyka XI-XIV v./ gl. red. R.I. Avanesov. – v 10 t. – M.: Russkiy yazyk, 1990. – T. 3. – 514 s. [in Russian]
11. Semenova M. My – slavyane. – SPb: Azbuka, 1997. – 556 s. [in Russian]
12. Sinyavskiy A. D. Ivan-durak. – M.: Agraf, 2001. – 463 s. [in Russian]
13. Slovar' russkikh narodnykh govorov / Gl. red. F. P. Sorokoletov. – L: Nauka, 1972. –. Vyp. 9. – 364 s. [in Russian]
14. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII veka / gl. red. Bogatova G. A. – M.: Nauka, 1995. – Vyp. 21. – 288 s. [in Russian]
15. Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t. – M: Astrel': AST, 2003. – T.2 – 856 s. [in Russian]
16. Tupikov N. M. Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen. – SPb: Tipografiya I. N. Skorokhodova (Nadezhdinskaya, 43), 1903. – 862 s. [in Russian]
17. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. – V 4 t. – M.: Astrel', 2004. – T. 3. – 860 s. [in Russian]
18. Tsyganenko G. P. Slovar' sluzhebnykh morfem russkogo yazyka. – Kiev, Radyans'ka shkola, 1982 – 242 s. [in Russian]
19. Tsyganenko G. P. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. – Kiev: Izdatel'stvo Radyans'ka shkola, 2-e izdanie. – 507 s. [in Russian]

УДК 81-13+81-11

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Цвенгер Лариса Владимировна

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, *Россия*, *lora008@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию цветообозначений. Рассмотрению подлежат различные аспекты лингвистических исследований цветообозначений. Представлены значимые результаты некоторых исследований.

Ключевые слова: цветообозначения; аспекты изучения цветообозначений.

ASPECTS OF STUDYING COLOUR TERMS IN LINGUISTIC INVESTIGATION

Tsvenger Larisa Vladimirovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The paper is devoted to the investigationof colour terms. Different aspects in linguistic investigation of colour terms have been described. The most significant estimatesare represented.

Keywords: colour terms; aspects of linguistic investigation of colour terms.

Обозначение цвета является предметом многочисленных лингвистических исследований. Интерес к данной проблеме обусловлен значимостью цвета в различных лингвокультурах, поэтому ей посвящено большое количество публикаций. Как показал анализ теоретической литературы, современные исследования цветообозначений проводятся в следующих аспектах (при этом отмечается их интеграция): **историческом / диахроническом** (Н. Б. Бахилина, Л. М. Грановская, Е. М. Иссерлин, С. В. Кезина, Ю. В. Норманнская и др.), **сопоставительном** (В. А. Москович; Н. Ф. Пелевина, С. В. Иваненко, В. Г. Кульпина, А. К. Башрина, И. В. Макеенко и др.), в рамках **лингвокультурологии** (Л. А. Голубь, Т. Ю. Светличная, О. В. Праченко, С. В. Мичугина, В. Г. Кульпина, С. Г. Тер-Минасова), **когнитивной лингвистики** (Е. В. Рахилина, R. MacLaury, Е. В. Люкина, М. Е. Прохорова, Н. С.Братчикова, Н. К. Козлова) и **психолингвистики** (А. П. Василевич, Р. М. Фрумкина, А. И. Белов, Е. Н. Колодкина) и др. Остановимся на данных аспектах более подробно.

Прежде всего, рассмотрим **исторический** аспект изучения цветообозначений, в рамках которого выявляется национально-специфическая семантика, сложившаяся в процессе эволюции значений, которая, в свою очередь, отражается на современной семантике лексем. В качестве примера можно привести исследование Н. Б. Бахилиной, в результате которого были выявлены главные цвета древнерусского языка: *белый*, *черный*, *красный*, *синий*, *желтый*, *зеленый*, *оттенки синего* (*зекрый*) *и желтого* (*плавый*), *некоторые смешанные цвета* (*сизый*, *серый*, *рыжий*) [1].

Диахронические исследования также позволяют обнаружить, например, единый для разных европейских языков в период их раннего развития **предмет-эталон цветонаименования** – «*огонь*» (*очаг*), и равный по значимости – «*кровь*» [9]. По мнению автора данной работы, эволюционные изменения предмета-эталона цветонаименования являются этнокультурными, они тесно связаны с развитием мышления человека и его способностями выделять в окружающем мире более тонкие оттенки цвета, составляющие следующие семные цепочки: «*белый*» – «*черный*» – «*серый*» («*пепельный*», «*седой*», «*дымчатый*») – «*желтый*» – «*золотой*» – «*голубой*» («*синий*», «*бирюзовый*») – «*зеленый*» («*оливковый*») – «*красный*» («*багряный*», «*багровый*», «*рыжий*», «*огненный*», «*алый*», «*пурпурный*», «*сиреневый*», «*румяный*») – «*коричневый*» («*карий*», «*каштановый*», «*ореховый*», «*кофейный*») – «*пестрый*» и т. д. С. В. Кезина приходит к выводу, что оценочная сема слов-цветообозначений бинарна и состоит из сем: – «хороший по каким-либо качествам» – «плохой по каким-либо качествам»: «*румяный* – хороший, приятный глазу; *черный* – плохой, отрицательный, в особенности по отношению к человеку, например, – «черный от горя».

Вышеупомянутые работы доказывают, что исследования слов-цветообозначений в историческом аспекте позволяют установить закономерности их семантической эволюции.

Сопоставительный аспект изучения цвета дает полное представление о языковой картине цвета, которую можно выявить в противопоставлении аналогичным картинам в других языков [3].Сущность данного аспекта изучения цветообозначений разносистемных языков заключается, как правило, в выявлении специфических особенностей языков в их национальной самобытности. Например, сопоставление оригинальных и переводных художественных текстов, содержащих слова-цветообозначения, позволяет обнаруживать соответствия между лексическими единицами языка и перевода. Классификация перевода цветообозначений была разработана З. О. Давидян [7]. Она включает:

1) переводческие совпадения: полные, частичные, вариантные;
2) переводческие трансформации: опущение, предпроцессная замена;
3) переводческие несоответствия.

Автор данной классификации указывает, что особенностью перевода цветообозначений при условии полного совпадения является знание соответствующего эквивалента. Частичное соответствие цветообозначения в текстах может быть достигнуто, например, описательным оборотом: *сахарно-белые лампочки* (*О. Мандельштам*) – *whiteassugar*; *grass-greeneyes* (*О. Wild*) – *зеленые*, *как полевая трава*; *бурый* (*Ю. Олеша*) – *brownas a bear* [5]. Характерной особенностью вариантных совпадений перевода является наличие нескольких слов для передачи одного и того же значения исходного слова, например: «*buff-coloured*» (*I. Murdock*) – *бледно-желтый*; «*смолистые бакенбарды*» (*Н. Гоголь*) – *pitch-black*; «*червонная полоса зари*» (*В. Набоков*) – *red-golden* [5]. Если выражение цвета в оригинале не влияет на содержание текста и цветообозначение не несет стилистической нагрузки, то наблюдается такая переводческая трансформация, как опущение, например: *down the other air and the blue altered sky*, *a wonder of a summer with apples*, *pears and red currents* (*D. Thomas*) – *освежая природу и проясняя небо*, *повеяло чудом лета*, *смородиной*, *грушами*, *яблоками* [5].

Рассмотренные примеры дают исследователям основание сделать вывод о том, что цветообозначения в художественных текстах представляют собой единицы, значение которых не сводится к словарному определению, но обусловливается также и культурными ассоциациями, и личным языковым и культурным опытом носителей языка [6].

В рамках **лингвокультурологического аспекта** исследуются такие проблемы, как, например, влияние экстралингвистических факторов на значение и употребление цветовой лексики, коннотативные и аксиологические свойства цвета, выявление универсальных и идиоэтнических особенностей цветообозначений в разных языках [4] и т. д. В рассматриваемом аспекте цвет понимается исследователями как концепт – одна из ключевых категорий культуры. Ярким примером можно считать модель структуры концепта «цвет», разработанную Ш. К. Жаркынбековой [8]:

– цвет как физическое явление (*оранжевый апельсин*, *синий осадок*);
– цвет как пространственный ориентир (*двигаться по жёлтой стрелке*);

– цвет как временной параметр (*чёрная ночь*);
– цвет как объект чувства (*голубые мечты*);
– цвет как объект познания и мысли (*фиолетовый – цвет гениев*);
– цвет как социальный параметр (*пурпур – символ монархической власти*).

Другим базовым понятием лингвокультурологических исследований является «лингвоцветовая картина мира» как вербальная реализация цветовой картины мира, которая, по мнению исследователей [2], есть не только у народов, но и у отдельно взятых людей. Например, Н.А. Некрасов характеризуется как «чёрно-белый поэт», а И.А. Бунин «любит лиловый цвет». Существует ряд лингвистических исследований, посвященных изучению роли прилагательных, например, *синий* в языке лирики А. Блока и С. Есенина, *красный* в языке лирики М. Цветаевой, *жёлтый* в языке лирики О. Мандельштама.

Так, исследования, проведённые в лингвокультурологическом аспекте, помогают приблизиться к осознанию того, как язык отражает человеческий опыт, представленный в этнически обусловленном сознании, и оптимизировать общение представителей разных лингвокультур (обеспечить бесконфликтную коммуникацию).

Согласно **когнитивному** подходу, формирование сложной структуры картины мира цвета связано со спецификой познавательной деятельности человека, соотносящего цветообозначения с реалиями окружающего мира. По мнению Е. В. Рахилиной, цвет является одной из характеристик предметной лексемы, и семантическая интерпретация конструкций с одинаковыми терминами цвета может значительно разниться: «синий забор покрашен в синий цвет, синий карандаш – тот, который пишет синим, но синее море и синее небо, безусловно, предполагают совершенно другую интерпретацию» [11].

Весьма интересной представляется работа Н. К. Козловой [10], изучающей когнитивный механизм метафоризации цвета. В ходе исследования было установлено, что фразеологические единицы с компонентом цвет образуются при объединении ментальных пространств двух элементов, один из которых – цветонаименование. Такие фразеологические единицы имеют определенные языковые значения и актуализируют определенные концепты. Например, фразеологизм *to have green fingers* (*thumb*) имеет языковое значение «*A man is skillful, talented or gifted in gardening*» и актуализирует концепт TALENT.

В результате анализа образов объекта «green» было обнаружено, что все образы соотносятся с семантической сферой «Человек», однако с течением времени она переосмысляется. Прежде всего, это касается возраста человека, наличие или отсутствие у него опыта, его умственных способностей, отношения к другим людям, физического состояния и т. п.

Можно констатировать, что исследования цветообозначениий в когнитивном аспекте непосредственно связаны с тем, каким образом человек познаёт и передает в языке особенности окружающего мира в многообразии его цветовой гаммы.

В заключении обратимся к **психолингвистическим** исследованиям, в которых цвет может пониматься как, например, своеобразный «сквозной образ,

значимый для конструирования национальных "картин мира"» [12], и для того, чтобы понять этот образ, чтобы выявить психологически реальное значение цветообозначения, недостаточно просто обратиться к значению, зафиксированному в словаре, а важно проводить ассоциативные эксперименты. Так, в результате своего эксперимента, Е. А. Таныгина сделала вывод о том, что образ цвета является динамичным и изменяется в зависимости от ряда следующих факторов [12]:

1) индивидуальный опыт испытуемых (реакции-ассоциации): *красный* – рубашка на выпускном, *синий* – свитер, моя машина;

2) культурное знание о цвете, его символике и психологическом воздействии: *красный* – любовь, *черный* – смерть, траур, *синий* – спокойствие;

3) изменения социальной среды: *красный* – значимые несколько лет назад образы (флаг, галстук, СССР, коммунизм);

4) гендерных стереотипов восприятия того или иного цвета как традиционно женского или мужского: *розовый*, *красный*, *голубой*.

В рамках проведения многочисленных психолингвистических экспериментов, Р. М. Фрумкиной был определен так называемый «базовый» набор слов-цветообозначений для носителей русского языка: *алый*, *вишневый*, *бордовый*, *малиновый*, *морковный*, *апельсиновый*, *медный*, *песочный*, *ржавый*, *шоколадный*, *цвета слоновой кости*, *янтарный*, *соломенный*, *золотистый*, *лимонный*, *телесный*, *болотный*, *небесный*, *сиреневый*, *мышиный*, *молочный*, *красный*, *оранжевый*, *желтый*, *зеленый*, *синий*, *голубой*, *фиолетовый*, *коричневый*, *белый*, *серый*, *черный* [13].

Методика психолингвистического эксперимента, на основе мнения многих информантов, позволяет определить соотношение слов с эталоном-цветообозначением, выявить фокусный для данного цветообозначения оттенок, а также границы применения цветообозначения.

Резюмируя изложенное выше, подчеркнём, что исследования цветообозначений в каждом из перечисленных аспектов имеют свои характерные особенности. Однако рассмотренные выше аспекты не отражают всего многообразия подходов к исследованию обозначенной проблемы, а лишь подтверждают значимость цвета для каждой отдельно взятой лингвокультуры.

Рассмотрение аспектов изучения цветообозначений позволило нам наметить перспективы дальнейших исследований, которыми являются следующие.

1. В рамках корпусной лингвистики актуальны исследования цветовых обозначений, например, в определённом дискурсе (СМИ, поэтическом, географическом и т. д.). На материале корпусов текстов разных языков можно проводить сопоставительные исследования по цветообозначениям в различных дискурсах.

2. В рамках психолингвистики, по нашему мнению, возможно проведение исследования, основанного на свободном ассоциативном эксперименте по цветоассоциациям, связанными с чувствами и эмоциями представителей определённой линвокультуры. В этом направлении сопоставительные исследования также, на наш взгляд, имеют актуальность. Более того, проведение экспе-

риментальных исследований, направленных на выявление активных процессов, происходящих в обыденном варианте лингвоцветовой картины мира, можно считать новаторскими и перспективными.

3. В рамках комбинаторной лингвистики весьма актуальны структурно-семантические исследования комбинаторики цвета, например, на материале художественных, поэтических и других текстов разных авторов и/или разных эпохи / или в различных дискурсах. Данное направление может сочетаться с исследованиями корпусной лингвистики, а также проводиться в сопоставительном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 292 с.

2. Василевич А. П. Цветонаименования как характеристика языка писателя (к методике исследования) // Лингвистика текста и стилистика. – Тарту: Тартуский государственный университет,1981. – 145 с.

3. Василевич А. П. Этимология цветонаименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 9–29.

4. Гатауллина Л. Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 14 с.

5. Горн Е. А. Особенности перевода цветообозначений в художественном тексте // Мир науки, культуры, образования. – №1 (44). – Горно-Алтайск, (Февраль) 2014. – С. 236–239.

6. Горн Е. А. Цветообозначения в художественном тексте на английском и русском языках в сопоставительно-переводческом аспекте: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2015. – 14 с.

7. Давидян З. О. Способы перевода цветообозначений с французского языка на испанский // Вестник ВолГУ. – Вып. 7. – 2008. – С. 134–137.

8. Жаркынбекова Ш. К. Языковая концептуализация цвета в культуре и языках: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Алматы, 2004. –17 с.

9. Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): Автореф. дис....д-ра филол. наук. – Челябинск, 2010. – 51 с.

10. Козлова Н. К. Когнитивный механизм метафоризации цвета: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2010. – 14 с.

11. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.

12. Таныгина Е. А. Образ цвета в сознании носителя языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Курск, 2012. – 17 с.

13. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

REFERENCES

1. Bakhilina N. B. Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke. – M.: Nauka, 1975. – 292 s. [in Russian]

2. Vasilevich A. P. Tsvetonaimenovaniya kak kharakteristika yazyka pisatelya (k metodike issledovaniya) // Lingvistika teksta i stilistika. – Tartu: Tartuskiy gosudarstvennyy universitet, 1981. – 145 s. [in Russian]

3. Vasilevich A. P. Etimologiya tsvetonaimenovaniy kak zerkalo natsional'no-kul'turnogo soznaniya // Naimenovaniya tsveta v indoevropeyskikh yazykakh: Sistemnyy i istoricheskiy analiz / Otv. red. A. P. Vasilevich. – M.: KomKniga, 2007. – S. 9–29. [in Russian]

4. Gataullina L. R. Rol' tsvetooboznacheniy v kontseptualizatsii mira: Avtoref. dis.... kand. filol. nauk. – Ufa, 2005. – 14 s. [in Russian]

5. Gorn E. A. Osobennosti perevoda tsvetooboznacheniy v khudozhestvennom tekste // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – № 1 (44). – Gorno-Altaysk, (Fevral') 2014. – S. 236–239. [in Russian]

6. Gorn E. A. Tsvetooboznacheniya v khudozhestvennom tekste na angliyskom i russkom yazykakh v sopostavitel'no-perevodcheskom aspekte: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Sankt-Peterburg, 2015. – 14 s. [in Russian]

7. Davidyan Z. O. Sposoby perevoda tsvetooboznacheniy s frantsuzskogo yazyka na ispanskiy // Vestnik VolGU. – Vyp. 7. – 2008. – S. 134–137. [in Russian]

8. Zharkynbekova Sh. K. Yazykovaya kontseptualizatsiya tsveta v kul'ture i yazykakh: Avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. – Almaty, 2004. –17 s. [in Russian]

9. Kezina S. V. Semanticheskoe pole tsvetooboznacheniy v russkom yazyke (diakhronicheskiy aspekt): Avtoref. dis....d-ra filol. nauk. – Chelyabinsk, 2010. – 51 s. [in Russian]

10. Kozlova N. K. Kognitivnyy mekhanizm metaforizatsii tsveta: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Irkutsk, 2010. – 14 s. [in Russian]

11. Rakhilina E. V. Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'. – M.: Russkie slovari, 2008. – 416 s. [in Russian]

12. Tanygina E. A. Obraz tsveta v soznanii nositelya yazyka: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Kursk, 2012. – 17 s. [in Russian]

13. Frumkina R. M. Tsvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psikholingvisticheskogo analiza. – M.: Nauka, 1984. – 175 c. [in Russian]

УДК 81-11

КОЛЛОКАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЯЗЫКОВЕДОВ

Шабунина Ксения Дмитриевна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *shabunina@corp.nstu.ru*

Аннотация. Доклад посвящен проблемам изучения феномена коллокации в отечественных и зарубежных лингвистических традициях.

Ключевые слова: коллокация; словосочетание; сочетаемость; семантика.

COLLOCATIONS IN THE RUSSIAN AND FOREIGN LINGUISTIC STUDIES

Shabunina Kseniya Dmitrievna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The report deals with the investigation of the collocation phenomenon in the Russian and foreign linguistic traditions.

Keywords: collocation; word combination; combinability; semantics.

Коллокации, несомненно, являются важным и широко известным феноменом в современной лингвистике. Большая часть словарного состава языка зачастую представлена в виде таких словосочетаний, в которых могут быть использованы строго определенные лексические единицы, образующие тесные синтагматические связи и таким образом приобретающие новые значения. Подобные совокупности нескольких слов, объединённых по принципу семантико-грамматически-фонетической сочетаемости, известны в лингвистике как синтагмы. В нашей работе мы акцентируем внимание на семантической и лексико-фразеологической сочетаемости и рассматриваем явление коллокации в работах русских и зарубежных языковедов.

Практически любое слово в составе языка имеет свой определенный ближайший контекст, проясняющий значение слова. Например, слово *heavy* в значении *сильный*, *мощный* может сочетаться с лексическими единицами *rain* или *thunder*, но едва ли встретится в сочетании со словом *sun* (*strong sun*) (ср. *свежий ветер*, *свежий снег*, но не *свежий дождь* или *град*).

Интерес к лексическим единицам и их возможным сочетаниям зарождается еще в 18 веке – первое упоминание о коллокациях относится к исследованию и формированию универсального языка Джеймса Хэрриса в «Гермесе, или Философских исследованиях универсальной грамматики» [5]. Данный термин использовался, в большей степени, в значении «arrangement of words in a

sentence» (порядок слов в предложении) и отражал морфо-синтаксическую сочетаемость (коллигицию), нежели лексико-фразеологическую.

Только лишь в первой половине 20 в. значимость приобретает семантическая составляющая коллокаций. Английский лингвист Гарольд Е. Палмер рассматривал коллокации, в первую очередь, в педагогическом аспекте, поскольку являлся преподавателем английского языка в Японии: «It is not so much the words of English nor the grammar of English that makes English difficult, but that that vague and undefined obstacle to progress in the learning of English consists for the most part in the existence of so many odd comings-together-of-words» (В английском не так уж много слов и грамматического материала, которые бы усложнили его, но неоднозначное препятствие в изучении английского языка заключается в существовании немалого числа «случайно» стоящих друг с другом слов) [8, с. 13]. Г. Е. Палмер четко осознавал необходимость классифицировать данный тип лексических единиц. В своем определении он представляет коллокации как «a succession of two or more words that may best be learned as if it were a single word» (последовательность двух или более слов, которые лучше изучать, как если бы она являлась единым словом) [8]. Сам Палмер, а затем и его коллеги – известный английский лексикограф и методист Альберт С. Хорнби и присоединившийся к ним в 30-е годы 20 в. методист Майкл Уэст стали использовали данный термин применительно к любым словосочетаниям, не учитывая их семантическую спаянность. В дальнейшем именно их работы были заложены в основу изучения указанного лингвистического явления.

Следующий этап в развитии учения о коллокациях происходит в контексте Лондонской лингвистической школы (Джон Фёрс). Значение слов часто соотносится с их употреблением и, по мнению представителей данной направления, для того, чтобы узнать то или иное значение слова, необходимо обратиться к ситуационному контексту (метод контекстуализации), который в лексическом плане определяется как типичное и постоянное окружение данного элемента – коллокация. Таким образом, понятие «коллокации» усложняется и воспринимается как часто встречающиеся сочетания слов, чьё появление рядом друг с другом основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задаётся не грамматическими, а чисто семантическими факторами.

Параллельным изучением коллокаций занимается швейцарский структуралист Шарль Балли. Его несомненным вкладом можно считать попытку классификации. Разграничивая словосочетания, первоначально Ш.Балли выделяет несколько типов словосочетаний, куда входят свободные словосочетания; привычные сочетания (в отличие от свободных данный вид подразумевал некоторое ограничение в выборе компонентов сочетания, однако мог заменяться синонимичными); фразеологические ряды (значения компонентов сливается в одно, однако, как и вышеупомянутые разновидности сочетаний, могут быть перегруппированы и дополнены факультативными (необязательными) компонентами) и фразеологические единства (название которых свидетельствует о полном слиянии их составляющих, не допускающих перегруппировок, дополнений или замен синонимичными рядами). В дальнейшем на первый план дан-

ной классификации выходят только свободные, или переменные, сочетания и фразеологически неразложимые единства как крайние (противоположные) разновидности словосочетаний. Но следует отметить, что пространство между указанными категориями имеет свойство заполняться сочетаниями переходного типа в зависимости от семантической спаянности их компонентов [3].

Подобная классификация принимается во внимание и русскими языковедами. В период с 40-60-х гг. 20 в. в отечественном языкознании в отдельную научную дисциплину начала выделяться фразеология, в рамках которой охватывался довольно широкий круг таких явлений, как соединения существительных, глаголов, прилагательных; фразовые глаголы, идиомы, сочетаемости, в том числе коллокации. Изучая природу фразеологизмов, В. В. Виноградов отмечал, что помимо устойчивых фразеологических групп, содержащих фразеологические единства и синтетические группы (идиомы), в языке присутствуют словосочетания, не обладающие строгим семантическим единством. Подобные аналитические конструкции были названы фразеологическими сочетаниями. Их ключевая особенность заключалась в возможности замены того или иного лексического компонента на синонимичный с сохранением лексического значения всего словосочетания. К 60-ым гг. в отечественном языкознании появляется новый термин – коллокация, обозначающий лексико-фразеологически обусловленную сочетаемость слов в речи как реализацию их полисемии [1, с. 199].

В немецкой лингвистике коллокации по уже устоявшейся традиции рассматриваются с позиции фразеологии. Как отмечает Франц Йозеф Хаусман, один из ключевых исследователей данной проблемы, словосочетания различаются в зависимости от степени связи комбинируемых составляющих. Ядро данного поля, наряду с идиомами (Idiome) или идиоматическими выражениями (idiomatische Redewendungen), например *leeres Stroh dreschen* (*вереливать из пустого в порожнее / обмолачивать пустую солому*), *an der Strippe hängen* (*висеть на телефоне / висеть на проводе*) и терминами-фразеологизмами (Phraseoterme) – лексические единицы, объединяющие в себе признаки фразеологической единицы и термина), например *in Gang kommen* (*прийти в движение*, *начать движение*), составляют коллокации, или типичные комбинации слов (stehende (typische) Wortverbindungen), например, *die Frist einhalten* (*соблюдать срок*). И Phraseoterme и Idiome обладают семантически неделимыми значениями (часто – метафоричными), в которых ни один из компонентов не может быть заменен синонимичным; кроме того, имеют строго фиксированный порядок слов и грамматическую устойчивость. Коллокации представляют собой «normtypische phraseologische Wortverbindungen, die aus einer Basis und einem Kollokator bestehen» (типичные нефиксированные сочетания слов, состоящие из главного (ключевого) слова и его коллоката (распространителя)) [6, с.218], где коллокат подбирается по значению в зависимости от выражаемого смысла. Например:

Versammlung + *V*: NOM. beginnen / stattfinden / tagen / verlaufen;

Versammlung + *V*: AKK. anberaumen / ansetzen / abhalten;

A + *Versammlung*: feierlich / festlich / spontan / parlamentarisch / politisch / religiös.

Соответственно, усложнение данного термина за счет выявления структуры позволяет нам типизировать коллокации и рассматривать их с точки зрения лексикографического подхода, в основе которого лежит понимание об организации и презентации коллокаций в лексикографических источниках. Morton Benson, Evelyn Benson и Robert Ilson подразделяют коллокации на две группы – лексические и грамматические. Лексические коллокации состоят только из знаменательных частей речи (существительное или глагол в сочетании с существительным, прилагательным или наречием) и могут иметь следующую структуру:

- глаг + сущ (*limit number*);
- сущ + сущ (*blood flow*);
- прил + сущ (*main category*);
- нар + глаг (*focus primarily*).

Грамматическим коллокациям дано следующее определение – a phrase consisting of a dominant word (noun, adjective, verb) and a preposition or grammatical structure such as an infinitive or clause [4, с. XIX], т. е. структуру данного типа будут составлять не только знаменательные, но и служебные части речи, а также грамматические конструкции, например:

- сущ + предл (*in accordance with*);
- сущ + to + infinitive (*an attempt to do*);
- прил + предл (*hungry for* (*news*)) и др.

Слово является естественной единицей языка. Изучение лексического состава невозможно изолированно, вне контекста. Развитие фразеологии и открытие того факта, что многие высказывания состоят из устойчивых сборных конструкций, придали таким словосочетаниям особое значение. Устойчивые сочетания включают в себя фразеологизмы, глагольно-именные словосочетания, идиомы и др. Среди них коллокации представляют собой важную группу, которая встречается как в устной, так и в письменной речи.

К настоящему моменту в лингвистике уже сложилось определенное понимание подобного феномена. И несмотря на то, что ученые так и не пришли к консенсусу относительно универсальности данного понятия, большинство предложенных теорий имеют нечто общее, в частности, изначально коллокации состоят в синтагматических отношениях, подчиняясь грамматическим правилам – единственному ограничению, предложенному Дж. Синклером в качестве принципа свободного выбора [7, с. 14]. Данный принцип подразумевает безграничные семантические возможности, независимо от того, будут ли они являться корректными или нет. Но поскольку коллокации составляют значительный пласт в языке и распространены в текстах всех видов и жанров, невозможно выстроить семантически верные конструкции слов, а впоследствии и тексты, опираясь лишь на заявленый принцип. В результате Дж. Синклером был предложен еще один принцип – принцип идиоматичности, согласно которому, говорящий имеет в своем распоряжении достаточное количество «полуфабрикатов», или заранее выстроенных фраз (коллокаций). Из этого следует, что коллокации обладают определенной устойчивостью, как идиомы или фра-

зеологизмы, но в отличие от последних, смысл коллокаций легко прослеживается в компонентах и не содержит «скрытых» (переносных) значений.

Систематизировав различные точки зрения зарубежных и отечественных языковедов, мы можем выделить базовые характеристики, присущие коллокациям:

- устойчивость;
- сохранение лексического значения, по меньшей мере, одним из компонентов;
- неидиоматичность;
- большой потенциал в процессе образования новых конструкций;
- линейность (в основе – синтагматические отношения компонентов);
- подчинение строгим правилам комбинаторики (обладают определенной последовательностью компонентов);
- подчинение грамматическим правилам;
- аналитичность (возможность замены одного из компонентов (чаще – коллоката) на синонимичный без потери смысла);
- широкое распространение в языке.

Таким образом, термин «коллокация» приобрел международное признание и широко используется в современном языкознании как совместная встречаемость слов, имеющая признаки синтаксически и семантически целостной единицы, в которой выбор одного из компонентов осуществляется по смыслу, а выбор второго зависит от выбора первого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

2. Влавацкая М. В. Понятия коллокации и коллигации в диахроническом рассмотрении // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков», 21–28 февр. 2011 г. / Отв. ред. Ю.Н. Тамберг. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2011. – С. 19–26.

3. Лескина С. В., Киверник Н. Ю. Дифференциация коллокаций и фразеологических единиц в русском и английском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 106–110.

4. Benson M., Benson E., Ilson R. The BBI combinatory dictionary of English. – M.: Русский язык, 1990. – 286 p.

5. Harris J. Hermes: Or, a Philosophical Inquiry Concerning Language and Universal Grammar. – H. Woodfall, 1751. – 427 p.

6. Hausmann F.J. Die Kollokationen im Rahmen der Phraseologie – systematische und historische Darstellung // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. – 2007. – Vol. 55, Iss. 3. – S. 217–234.

7. Maurer-Stroh Ph. Towards a Bilingual Adjective-Noun Collocation Dictionary of English and German: Dis. …. Doktorin der Philosophie. – Klagenfurt, 2004. – 104 p.

8. Palmer H.E. A Grammar of English Words. – London: Longmans, Green and Co., 1938. – 300 p.

REFERENCE

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1969. – 608 s. [in Russian].
2. Vlavatskaya M.V. Ponyatiya kollokatsii i kolligatsii v diakhronicheskom rassmotrenii // Mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov», 21–28 fevr. 2011 g. / Otv. red. Yu.N. Tamberg. – Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2011. – S. 19–26. [in Russian].
3. Leskina S.V., Kivernik N.Yu. Differentsiatsiya kollokatsiy i frazeologicheskikh edinits v russkom i angliyskom yazykakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2015. № 11(53): v 3-kh ch. – Ch. II. – C. 106–110. [in Russian].
4. Benson M., Benson E., Ilson R. The BBI combinatory dictionary of English. – M.: Русский язык, 1990. – 286 p.
5. Harris J. Hermes: Or, a Philosophical Inquiry Concerning Language and Universal Grammar. – H. Woodfall, 1751. – 427 p.
6. Hausmann F.J. Die Kollokationen im Rahmen der Phraseologie – systematische und historische Darstellung // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. – 2007. – Vol. 55, Iss. 3. – S. 217–234.
7. Maurer-Stroh Ph. Towards a Bilingual Adjective-Noun Collocation Dictionary of English and German: Dis. …. Doktorin der Philosophie. – Klagenfurt, 2004. – 104 p.
8. Palmer H.E. A Grammar of English Words. – London: Longmans, Green and Co., 1938. – 300 p.

УДК 81-13+81’23

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ПОИСК НОВЫХ ПУТЕЙ К ОБЪЕКТУ

Шапошникова Ирина Владимировна

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук; *Новосибирский национальный исследовательский государственный университет* (*НГУ*), *Новосибирск*, *Россия*, *i.shaposhnickowa@yandex.ru*

Аннотация. В докладе рассматриваются методологические вопросы современных, сформировавшихся после информационно-технологической революции прошлого века подходов к исследованию языка, в частности, две сложившиеся в лингвистике модели объекта: логико-теоретическая модель языка как внешнего объекта, основанная на рефлексии исследователя, и ассоциативно-вербальная модель языкового сознания (язык в человеке), доступ к которой осуществляется только через экспериментальную работу. Рассматривается потенциал второго типа моделей в расширении наших знаний о языке через возможность активного приложения к ним методов, ранее использовавшихся только в естественных науках. Раскрывается суть реализующихся в СО РАН и вузах Новосибирска общероссийских академических проектов по созданию обновляющихся эмпирических баз данных и новых моделей языковых процессов.

Ключевые слова: лингвистические объекты в свете междисциплинарности; сотрудничество СО РАН с вузами.

INTERDISCIPLINARITY OF MODERN LINGUISTICS: IN SEARCH OF NEW APPROACHES TO THE LANGUAGE

Shaposhnikova Irina Vladimirovna

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk National Research State University (*NSU*), *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The article examines the methodological issues of the present (formed after the information technology revolution of the last century) approaches to the study of language, in particular two current linguistic models of the object: the logical-theoretical (interpretative) model based on reflection and inferences of the researcher, and associative-verbal model of the linguistic consciousness which is accessed only through experimental work. The article also examines the potential of second type models towards the extension of our knowledge of language through the possibility of active application to them of methods previously used only in natural and life sciences. The author focuses on the essence of some joint all-Russian academic projects realized in the SB RAS and universities of Novosibirsk. These are projects on creation of the updated empirical database and new models of language processes.

Keywords: the linguistic objects in the light of interdisciplinarity; cooperation of SB RAS with universities.

Развитие науки о языке в последние десятилетия после информационно-технологической революции прошлого века показывает существенную зависимость лингвистики от новых знаний, которые были получены другими науками. В последние десятилетия это в основном нейронаука, когнитивная и эволюционная психология, генетика, моделирование искусственных интеллектуальных систем, эволюционная биология, археология и др. Этот набор смежных дисциплин существенно отличается от ставшего традиционным в прошлые века историко-филологического литературоведческого (текстоцентричного) тренда. Как в этой связи видится объект (предмет) лингвистического анализа в лингвистике нашего времени? Достаточно ли она созрела для выхода в новую перспективу исследования языка в соответствии с новыми потребностями общества? Практика показывает, что в отечественной лингвистике нового времени наметились тенденции и к аккумуляции эмпирического материала, и к осмыслению фундаментальных вопросов.

Традиционным для филолога эмпирическим материалом всегда был текст и его смысл. На основе этой эмпирики родился образ языка по аналогии с другими *внешними* для человека объектами рассмотрения. Такова логико-теоретическая (интерпретативная) модель как традиционный объект исследования традиционными для лингвиста (филолога) методами. На основе наблюдения за текстами (продуктами функционирования языка) и построения модели языковой системы через авторскую рефлексию порождается выводное знание о системе языка с комплексом закономерных связей и явлений, предписаний для правильного усвоения и использования языка. Это модель, позволяющая мак-

симально полно описывать язык в разнообразии его субстантных и структурных воплощений и функциональной специфики. Переход от этой модели в речевую деятельность (то есть живую практику использования языка, непосредственную реализацию языковой системы) при изучении иностранного языка затруднён.

Фактические данные о языковых процессах и языковой способности человека, поступающие от новых открытий в естественных науках и науках о жизни, позволяют ставить вопрос об объекте лингвистической науки как о *языке в человеке*. Это совсем другая модель языка и языковых (речевых) процессов, которая формируется в ходе онтогенеза. Путь к изучению этой модели лежит через эксперимент с необходимостью копить и постоянно обновлять базы данных. Основы для развития этой модели были заложены в трудах отечественных психолингвистов и психологов, в особенности в работах А. А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, позднее – А. А. Залевской [2].

Сама эта модель в настоящее время может быть представлена как многомерная ассоциативно-вербальная *гиперсеть*, которую можно изучать разными, включая естественно-научные, методами. Интерес к этой модели возрастает в связи с получением новых знаний о природе когнитивных процессов, зеркальных нейронов и иных нейронных систем, ответственных за процессы идентификации. О некоторых таких открытиях можно узнать из многочисленных статей и обзорных работ [3; 10; 11; 12 и мн. др.].

Каков путь исследователя к смысловому полю культуры при обращении к первому объекту? Через прочтение текстов усилиями лингвиста и рефлексию филолога с опорой на семиотику текстов культуры и комплекс знаний из истории эпохи. Здесь рождается междисциплинарность преимущественно внутри гуманитарного цикла наук. Автор данного доклада имеет многолетний опыт создания и апробации проекта истории английского языка в междисциплинарном гуманитарном контексте, который можно трактовать как прикладной подход, что подразумевает приложение знаний из истории языка к проблемам далеко за её пределами [17]. Актуальными в условиях живой межэтнической коммуникации становится не только и не столько практическое освоение иностранных языков, сколько вопросы этнокультурного взаимодействия и понимания, то есть идентичности, которые могут решаться или не решаться (и приводить к серьезным конфликтам и непониманию коммуникантов). Историческое изучение языковых единиц и подсистем, прочитывание древних текстов, хорошо мотивировано, когда оно становится средством для познания чего-то большего (становление иной этнической культуры, иной цивилизации, на этом фоне строится самопознание и самопризнание). Однако в таком приближении история языка становится междисциплинарной наукой. Ни одна гуманитарная или естественнонаучная дисциплина сама по себе сегодня не может дать окончательных ответов на вопрос о том, как урегулировать все время обостряющиеся в разных частях света проблемы идентичности. В силу многогранности самого процесса самоидентификации научный поиск в этом направлении обречен на междисциплинарность [18, с.147]. Но даже в таком приближении смыс-

ловое поле изучаемой культуры можно только сконструировать на основе продуктов эпохи – текстов, психически актуальная смысловая динамика процессов при этом остаётся в безвозвратном прошлом. Во второй модели (языковом сознании), наоборот, фиксируется психически актуальная (синхронно времени проведения экспериментальной работы) смысловая ткань сознания испытуемых. В результате мы получаем шанс проникновения внутрь смыслового поля культуры. Не вскрывая черепá современников, мы получаем своего рода вербальный «слепок» с нейронных гиперсетей. Ключевая, не собственно лингвистическая, но потенциально чрезвычайно значимая для лингвистики фундаментальная проблема такого междисциплинарного подхода – превращение электрики и биохимии тела в сознательную смысловую деятельность мозга, то есть порождение смыслов и их материальный субстрат в привязке не только к телам языковых знаков, но и работе мозга. Задача будущего – ассоциативные (активные, актуальные в полном смысле этого слова) «грамматики» для обучения, построение комплексных моделей различных языковых личностей в учебно-исследовательских целях. Исходные принципы, на которых могут строиться такие модели, предложенные Ю. Н. Карауловым [4], сегодня могут работать на базе новых технологических решений при условии накопления репрезентативного экспериментального эмпирического материала в масштабах всей страны, на что и нацелены общероссийские и сибирские академические проекты конца прошлого и начала нового века: САНРЯ, РАС, СИБАС, ЕВРАС [5; 7; 8; 9; 13].

На очереди дня – фундаментальные вопросы построения и использования такой модели для русского языка, а также её взаимодействие с традиционным подходом к языку. Проблема настолько многогранна, что должна рассматриваться отдельно. Нас интересует историко-типологический аспект. Н. И. Жинкин в своих ранних работах [1] разводит структуру языка и проблему языка и мышления как разнопорядковые. Думается, что в новом междисциплинарном контексте, по мере накопления новых экспериментальных материалов, ситуация меняется в обратном направлении. Становится возможным то, что можно квалифицировать как диахронию в синхронии применительно к структурно-языковым и сопровождающим их когнитивным процессам, то есть фиксация актуального становления типов в языке на основе наблюдения за ассоциативными данными. Это позволяет высказать надежду на то, что со временем можно рассчитывать на перспективу становления *ассоциативной типологии*. Все эти проекты могут быть приложены к практическим вопросам преподавания русского языка как иностранного, а также к исследованию типологически релевантной динамики в языке, к процессам нормирования языка и оптимизации нормы. Создаваемые психолингвистами в содружестве с преподавателями вузов на основе экспериментальной работы ассоциативно-вербальные базы данных могут также быть использованы в дальнейшем как материал для комплексных гуманитарных экспертиз. Об опыте исследований мотивационной базы реформы образования в качестве предпосылки для такой экспертизы см. [14; 15; 16]. Комплексная гуманитарная экспертиза, по мнению Д. А. Леонтье-

ва и Г. В. Иванченко, носит неизбежно междисциплинарный характер, поскольку «гуманитарная экспертиза оценивает любую деятельность с точки зрения её последствий для индивида и общества» [6, с. 24]. Автор выражает надежду на то, что полученная в будущем в сотрудничестве с вузами междисциплинарным путём усреднённая *комплексная модель русской национальной языковой личности в динамике её модификаций* на фоне общественных процессов даст новый материал для дальнейшего развития прикладных направлений лингвистики, в особенности связанных с преподаванием русского как иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1964. – № 6. – С.26 – 38.

2. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543с.

3. Кандель Э. Век самопознания: поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней / пер. с англ. П. Петрова. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. – 720с.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд.7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010 – 264 с.

5. САНРЯ – Леонтьев А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm.

6. Леонтьев Д. А., Иванченко Г. В. Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл. – М.: Смысл, 2008. – 135 с.

7. РАС – Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]/ Сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Т. 1 – 2. – М., 1994 – 1998. – Режим доступа: http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php.

8. СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2016) (авторы-составители И. В. Шапошникова, А. А. Романенко) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adictru.nsu.ru.

9. ЕВРАС – Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ilingran.ru/main/publications/evras.

10. Рамачандран В. С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. – М.: Карьера Пресс, 2015. – 422 с.

11. Тарасов Е. Ф. Пролегомены к теории языкового сознания //Вопросы психолингвистики. – № 4 (22). – 2014. – С. 24 – 35.

12. Фрит К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. – М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2016. – 335 с.

13. СИБАС – Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. / Отв. ред. Уфимцева Н. В. – М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537с. Т. II. От реакции к стимулу. / Отв. ред. Уфимцева Н. В. – М.: Московский институт лингвистики, 2015. – 763 с.

14. Шапошникова И.В. Человекообразование и наука о языке // Литературная газета. – 2016. – №41. Раздел: Словесник. – Вып. 2 (21). – С. 6.

15. Шапошникова И. В. Православная культура в науке: аксиологическая этнопсихолингвистика [Электронный ресурс] // Вопросы психолингвистики. 2016. – № 2(28). – М.: Институт языкознания РАН; МИЛ. – С. 302–323. Режим доступа: http://iling-ran.ru/library/voprosy/28.pdf.

16. Шапошникова И. В. Мотивационная база реформы образования и языковая политика [Электронный ресурс] // Вопросы психолингвистики. 2016. – № 1 (27). – М.: Институт языкознания РАН; МИЛ. – С.256–273. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/library/voprosy/27.pdf.

17. Шапошникова И. В. История английского языка: учебник/ И. В. Шапошникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 512 с.

18. Шапошникова И. В. История языка как междисциплинарная наука (общетеоретические проблемы в интерпретации исторических процессов: к вопросу о методах). Статья вторая [Электронный ресурс] // Сибирский филологический журнал. № 1. – Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 2015. – С. 140–149. – Режим доступа: http://www. philology. nsc.ru/journals/spj/pdf/2015_1/18_Shaposhnikova.pdf.

REFERENCES

1. Zhinkin N. I. O kodovykh perekhodakh vo vnutrenney rechi // Voprosy yazykoznaniya. – M.: Nauka, 1964. – № 6. – S. 26–38. [in Russian]

2. Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy. – M.: Gnozis, 2005. – 543s. [in Russian]

3. Kandel' E. Vek samopoznaniya: poiski bessoznatel'nogo v iskusstve i nauke s nachala XX veka do nashikh dney / per. s angl. P. Petrova. – M.: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2016. – 720s. [in Russian]

4. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd.7-e. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2010 – 264 s. [in Russian]

5. SANRYa – Leont'ev A. A. Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm. [in Russian]

6. Leont'ev D. A., Ivanchenko G. V. Kompleksnaya gumanitarnaya ekspertiza: Metodologiya i smysl. – M.: Smysl, 2008. – 135 s. [in Russian]

7. RAS – Russkiy assotsiativnyy slovar' [Elektronnyy resurs] / Sost. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova. T. 1 – 2. – M., 1994 – 1998. – Rezhim dostupa: http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php. [in Russian]

8. SIBAS – Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh (2008 – 2016) (avtory-sostaviteli I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko) [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://adictru.nsu.ru. [in Russian]

9. EVRAS – Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar'-tezaurus EVRAS [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://iling-ran.ru/main/publications/evras. [in Russian]

10. Ramachandran V. S. Mozg rasskazyvaet. Chto delaet nas lyud'mi. – M.: Kar'era Press, 2015. – 422 s. [in Russian]

11. Tarasov E. F. Prolegomeny k teorii yazykovogo soznaniya //Voprosy psikholingvistiki. – № 4 (22). – 2014. – S. 24 – 35. [in Russian]

12. Frit K. Mozg i dusha: kak nervnaya deyatel'nost' formiruet nash vnutrenniy mir. – M.: Izd-vo AST: CORPUS, 2016. – 335 s. [in Russian]

13. SIBAS – Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A. Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar' (Sibir' i Dal'niy Vostok). V 2 t. T. I. Ot stimula k reaktsii. / Otv. red. Ufimtseva N. V. –

M.: Moskovskiy institut lingvistiki, 2014. – 537s. T. II. Ot reaktsii k stimulu. / Otv. red. Ufimtseva N. V. – M.: Moskovskiy institut lingvistiki, 2015. – 763 s. [in Russian]

14. Shaposhnikova I.V. Chelovekoobrazovanie i nauka o yazyke. // Literaturnaya gazeta. – 2016. – №41. Razdel: Slovesnik. – Vyp.2 (21). – S.6. [in Russian]

15. Shaposhnikova I. V. Pravoslavnaya kul'tura v nauke: aksiologicheskaya etnopsikholingvistika [Elektronnyy resurs] // Voprosy psikholingvistiki. 2016. – № 2(28). – M.: Institut yazykoznaniya RAN; MIL. – S. 302–323. Rezhim dostupa: http://iling-ran.ru/ library/voprosy/28.pdf. [in Russian]

16. Shaposhnikova I. V. Motivatsionnaya baza reformy obrazovaniya i yazykovaya politika [Elektronnyy resurs] // Voprosy psikholingvistiki. 2016. – № 1 (27). – M.: Institut yazykoznaniya RAN; MIL. – S.256–273. – Rezhim dostupa: http://iling-ran.ru/ library/voprosy/27.pdf. [in Russian]

17. Shaposhnikova I. V. Istoriya angliyskogo yazyka: uchebnik/ I. V. Shaposhnikova. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: FLINTA: Nauka, 2017. – 512 s. [in Russian]

18. Shaposhnikova I. V. Istoriya yazyka kak mezhdistsiplinarnaya nauka (obshcheteoreticheskie problemy v interpretatsii istoricheskikh protsessov: k voprosu o metodakh). Stat'ya vtoraya [Elektronnyy resurs] // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. №1. – Novosibirsk: IFL SO RAN, 2015. – S.140-149. – Rezhim dostupa: http://www.philology. nsc.ru/ journals/ spj/pdf/2015_1/18_Shaposhnikova.pdf. [in Russian]

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ. АНАЛИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

УДК 81’25

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ОТРЫВКОВ ТЕКСТА С ЮМОРИСТИЧЕСКИМ ЭФФЕКТОМ КАК ЕДИНИЦ ПЕРЕВОДА

Абаева Евгения Сергеевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, *Россия*, *abaevaes@bk.ru*

Аннотация. Целью исследования является анализ отрывков с юмористическим эффектом. С учетом широкого понимания термина «юмор», для анализа выбирались отрывки, в которых представлены разные типы контекстов. В работе приводятся примеры отдельных видов контекста, необходимых для функционирования отрывков текста с юмористическим эффектом, высказываются наблюдения относительно вариативности структур самих отрывков. Контекст рассматривается как структурный элемент отрывка текста с юмористическим эффектом и как окружение для триггера, необходимое для создания одного из сталкивающихся скриптов. Соответственно, автор выделяет отрывки цельные и разорванные, а также указывает на необходимость анализа узкого, широкого и вертикального контекста для перевода рассматриваемых отрывков. Автор приходит к выводу, что самым проблемным для узнавания и перекодирования является разорванный отрывок, особенно отягчённый вертикальным контекстом.

Ключевые слова: структура; юмористический эффект; контекст; триггер; перевод.

STRUCTURE OF THE EXTRACTS WITH HUMOROUS EFFECT AS THE UNITS OF TRANSLATION

Abaeva Evgeniya Sergeevna

Moscow City University, *Moscow*, *Russia*

Abstract. The article analyzes the limits of the extract with humorous effect, which includes the variations of such structural element as context. The term humour is used in its broad sense, the chosen extracts have different types of context in

their structure. The paper represents the examples of contexts of specific types, essential to the extracts with humorous effect functioning and some observations about the structural variability of the extracts in question. Context is regarded as a structural element of an extract with humorous effect and as an essential condition for a trigger to create one of the scripts that is of vital importance to have humorous effect. Thus the author deals with the integral extracts and broken extracts. Moreover, the author shows the importance of the limited context, broad context and vertical context within the translation of the extracts with humorous effect. The author comes to a conclusion that the most problematic extract for translation is the broken extract with vertical context.

Key words: structure; humorous effect; context; trigger; translation.

Изучение юмора в наши дни актуально в силу ряда причин. Данное явление рассматривается с разных сторон, и не в последнюю очередь в связи с проблемами перевода, которые неизбежно возникают при попытках перекодировать текст или его часть, несущую особую функциональную нагрузку, а именно юмористический эффект.

В нашей статье понятие «юмор» рассматривается довольно широко, так как мы, вслед за С. Аттардо, считаем, что данный термин вобрал в себя основные семантические признаки, присущие смежным терминам: “Those involved in the academic study of humor have decided to adopt the generic term humor as an umbrella term encompassing programmatically all the semantic field of humor and humorous forms”[15] [7, p. 166].

Принимая за аксиому в рамках данного исследования то, что соль шутки – так называемый триггер – “trigger, i.e., the element of the text that causes the passage from the first to the second script actualized in the text”[16] [8, p. 17] – играет ключевую роль в организации пространства отрывка с юмористическим эффектом даже в рамках художественного произведения, мы хотим рассмотреть, какие бывают виды отрывков, связав их, в частности, с видами контекста.

В Большом энциклопедическом словаре мы находим следующее определение термина «контекст»: «(от лат. contextus – соединение – связь), относительно законченный отрывок письменной или устной речи (текста), в пределах которого наиболее точно выявляется значение отдельных входящих в него слов, выражений и т. п.» [4].

Контекст для отрывка с юмористическим эффектом является его содержательной частью, развивающейся посредством логического механизма, и имеющей разрядку в виде последующего (что не всегда применимо) триггера.

При анализе отдельных шуток и анекдотов сам текст (т. е. отрывок) и, соответственно, контекст ограничен определенным количеством символов.

[15] Исследователи, которые занимаются теоретическими разработками в области юмора, решили принять родовой термин «юмор» в качестве обобщающего, схематично охватывающего как семантическое поле юмора, так и формы юмора (пер. наш).

[16] Триггером называется элемент текста, который провоцирует переход от первого скрипта, актуализирующегося в тексте, ко второму (пер. наш).

Но при работе с большим по объему текстом возникает проблема вычленения фрагмента, который имеет вес для реализации юмористического эффекта.

Сочетание компонентов «контекст шутки» (Ctx) + «триггер» (Tr) составляет цельную структурную композицию, которая воспринимается реципиентом, будь то простой читатель или читатель исключительно внимательный, анализирующий, каким и является переводчик.

Контекст обычно развивает мысль, задает основные параметры для юмористической ситуации, разворачивания сталкивающихся скриптов [8], а триггер, в свою очередь, часто позволяет раскрыть второй скрипт, тем самым сталкивая их в сознании читателя. Необходимый и достаточный контекст совместно с триггером создает непосредственно сам отрывок с юмористическим эффектом.

В качестве материала для представленного исследования выступило фантастическое юмористическое произведение Адама Дугласа “Dirk Gently's Holistic Detective Agency” [6], написанное в 1987 году.

Если контекст представлен структурно неразрывно с триггером, как, например, в следующем примере, мы отмечаем, что отрывок с юмористическим эффектом можно считать цельным: *“The man just liked to talk*», *he would later tell the police*. «*Man*, *I could have walked away to the toilet for ten minutes and he would’ve told it all to the till*. *If I’d been fifteen minutes the till would have walked away too”* [17] [6, p. 64].

В цельном отрывке представленный контекст может быть узким – «имеется в виду контекст предложения, то есть лингвистические единицы, составляющие окружение данной единицы в пределах предложения» [3, с. 169]: *“It would be hard to learn much less than my pupils”*, *came a low growl from somewhere on the table*, *“without undergoing a prefrontal lobotomy”* [3, p. 25].

В целом, узкий контекст в цельном отрывке не составляет особой сложности как для распознавания, так и для перекодирования самого отрывка. И нужно отметить, что необходимые переводчику синтаксические преобразования, меняющие рамки контекста на широкий, как в нижеприведенном переводе, не мешают реализации юмористического эффекта: «*Чтобы усвоить меньше моих учеников*, *нужно хорошенько постараться*, *– проворчал кто-то из присутствующих*. *– Такое возможно разве что после лоботомии*» [2, с. 27].

Также, естественно, встречается и широкий контекст, когда «имеется в виду языковое окружение данной единицы, выходящее за рамки предложения; это – текстовой контекст, то есть совокупность языковых единиц, окружающих данную единицу в пределах, лежащих вне данного предложения, иными словами, в смежных с ним предложениях. Точные рамки широкого контекста указать нельзя – это может быть контекст группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения (напр., рассказа или романа) в целом» [3, с. 169]: *“She tried to worry that something terrible had happened to him*, *but didn’t believe*

[17] – Очень разговорчивый попался парень, – объяснял тот позже полиции. – Уйди я на десять минут в туалет, он рассказывал бы все это кассовому аппарату. А задержись я еще немного, аппарат бы тоже не выдержал [2, с. 54].

it for a moment. *Nothing terrible ever happened to him*, *though she was beginning to think that it was time it damn well did*. *If nothing terrible happened to him soon maybe she'd do it herself*. *Now there was an idea"*[18] [6, p. 9].

Помимо ***цельного*** отрывка, бывают отрывки ***разорванные***, когда сам юмористический отрывок разделен другим текстом и функционирует по принципу: разрывается сам и разрывает общий текст произведения. В следующем примере представлен довольно пространный монолог героя, который наговаривает сообщение на автоответчик своей сестре с указаниями то ей, то своей секретарше. Комическая ситуация заключается в том, что и секретаршу, и сестру зовут одинаково – Сьюзан, поэтому герою приходится периодически давать уточнения, какая именно Сьюзан имеется в виду в конкретный момент. С лингвистической точки зрения юмористический эффект поддерживает частичная тавтологичность самой конструкции и ее повтор. Соответственно, данный отрывок можно рассматривать только во взаимосвязи всех его компонентов, которые в тексте разрываются другими репликами монолога героя.

1. *"Look*, *can you make a note for me to tell Susan – Susan – not you*, *of course*, *secretary Susan at the office – to tell her to send a letter from me to that fellow at the Department of the Environment saying we can provide the technology if he can provide the legislation*?*"*[19] [6, p. 60].

2. *"Make a note to Susan*, *would you please*, *to get an 'Armed Response' sign made up with a sharp spike on the bottom at the right height for rabbits to see*. *That's secretary Susan at the office*, *not you*, *of course"*[20] [6, p. 60-61].

3. *"That's you*, *I mean*, *of course*, *not secretary Susan at the office"*[21] [6, p. 62].

Разорванный отрывок может состоять из нескольких компонентов, количество которых ограничивается, вероятно, исключительно идиостилем конкретного автора, хотя В. Раскиным оговаривается частотность троекратного повтора, и конечно, его понимание нередко опирается на контекст широкий. О местоположении триггера в данном случае следует говорить отдельно. Отмечаем, что подобную структуру, но в несколько ином аспекте (не для целей перевода), уже рассматривали, например, В. Раскин и С. Аттардо с помощью терминов "strand", "combs" и "bridge". Под первым понимается скопление в тексте трех или более связанных punch lines и/или jab lines, содержащих триггер или являющихся им [8, p. 29]. Второй и третий термины разграничиваются

---

[18] Она попробовала представить, что с ним случилось ужасное, и разволноваться, но не вышло – не верилось ни на секунду. С ним никогда не происходило ничего плохого. В глубине души шевельнулась мысль собственноручно помочь ему исправить ситуацию. А что, замечательная идея [2, с.14].

[19] …Послушай, попроси Сьюзан – я имею в виду не тебя, конечно, а мою секретаршу Сьюзан, – пусть напишет от меня тому типу из департамента окружающей среды: если мы обеспечиваем технику, то с них – юридическое сопровождение [2, с. 56].

[20] …Сделай пометку для Сьюзан: пусть раздобудет такой знак и приколотит его к заточенной жерди. Воткнем в землю, чтобы зайцы читали. Конечно, я имею в виду секретаршу Сьюзан, не тебя [2, с. 56].

[21] На этот раз я имею в виду, конечно, тебя, Сьюзан, а не свою секретаршу [2, с. 57].

благодаря дистанции в тексте: “a sequence of (usually jab) lines concentrated in a small area, called a comb, and two (groups of) lines which occur at a considerable distance of one another, called a bridge” [8, p. 29].

Помимо этого, мы отмечаем примеры, когда отрывок структурно не закончен, так как необходимая для понимания юмористического эффекта информация в него включена быть не может по объективным причинам. Такое происходит, когда мы имеем дело с вертикальным контекстом [5] или фоновыми знаниями.

Так, в следующем примере герой описывает результаты новой программы, которая позволяет преобразовывать любые числа (в том числе бухгалтерские отчеты) в музыкальные произведения, и указывает, что в некоторых странах она не стала популярна: *“The yearly accounts of most British companies emerged sounding like the Dead March from Saul*, *but in Japan they went for it like a pack of rats”* [6, p. 30].

Чтобы в полной мере понять юмористический эффект приведенного выше отрывка, необходимо, помимо широкого контекста, владеть и экстралингвистическими знаниями, которые в данной случае включают в себя знания о конкретном музыкальном произведении, его мелодике и вероятном его восприятии: «*Оказалось*, *что годовые отчеты британских компаний в основном звучат как “Похоронный марш” из генделевского “Саула”*» [2, с. 31].

Для перевода такой тип контекста представляет самую большую проблему. В конкретном примере необходимые знания не являются областью специфичной для конкретной лингвокультуры, хотя переводчику, все же, пришлось прибегнуть к дополнению, вставив в текст имя композитора. К тому же, само название «Похоронный марш» несет некоторую информацию о качестве музыки. Но в случае, когда подобная опора отсутствует, могут объективно возникать потери [1].

Выделение разнообразных по структуре организации пространства отрывков с юмористическим эффектом может оказаться полезным как для литературоведов, так и для лингвистов. Помимо этого, подобные наблюдения могут оказать услугу в практической деятельности филолога: в преподавании языков и культур, работе с текстом на родном или иностранном языке, и, что немаловажно, – для перекодирования с одного языка на другой в процессе межкультурного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Е. С. Функциональные потери при переводе юмора (на примере произведения С. Лукьяненко «Ночной дозор» и его перевода на английский язык Э. Бромфилдом) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – 2014. – № 6. – М.: ИИУ МГОУ. – С. 79–84.

2. Адамс Д. Детективное агентство Дирка Джентли: [сборник] / Дуглас Адамс; пер. с англ. О. Корчевской. – Москва: АСТ, 2014. – 478 с.

3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.

4. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Науч. изд-во «Большая Рос. Энциклопедия», 2000. – 688 с.

5. Зубова У.В. Вертикальный контекст в работах отечественных и зарубежных филологов / Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – № 4 – С. 62–66.

6. Adams D. Dirk Gently's Holistic Detective Agency. Pocket Books. Kindle Edition. NY: Gallery Books, 2016. – 290 p.

7. Attardo S. Humor and Irony in Interaction: From Mode Adoption to Failure of Detection / Say not to Say: New perspectives on miscommunication / L. Anolli, R. Ciceri and G. Riva (Eds.) IOS Press, 2001. – P. 165–185.

8. Attardo S. Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis. New York; Mouton de Gruyter, 2001. – 238 p.

REFERENCES

1. Abaeva E.S. Funktsional'nye poteri pri perevode yumora (na primere proizvedeniya S. Luk'yanenko «Nochnoy Dozor» i ego perevoda na angliyskiy yazyk E. Bromfildom) / Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Lingvistika». – 2014. – № 6. – M.: IIU MGOU. – 124 s. – S. 79–84. [in Russian]

2. Adams D. Detektivnoe agentstvo Dirka Dzhentli: [sbornik] / Duglas Adams; per. s angl. O. Korchevskoy. – Moskva: AST, 2014. – 478 s. [in Russian]

3. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda). – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – 240 s. [in Russian]

4. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Yazykoznanie / gl. red. V.N. Yartseva. M.: Nauch. izd-vo «Bol'shaya Ros. Entsiklopediya», 2000. – 688 s. [in Russian]

5. Zubova U.V. Vertikal'nyy kontekst v rabotakh otechestvennykh i zarubezhnykh filologov / Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika». – 2013. – № 4 – S. 62–66. [in Russian]

6. Adams D. Dirk Gently's Holistic Detective Agency. Pocket Books. Kindle Edition. NY: Gallery Books, 2016. – 290 p.

7. Attardo S. Humor and Irony in Interaction: From Mode Adoption to Failure of Detection / Say not to Say: New perspectives on miscommunication / L. Anolli, R. Ciceri and G. Riva (Eds.) IOS Press, 2001. – P. 165–185.

8. Attardo S. Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis. New York; Mouton de Gruyter, 2001. – 238 p.

УДК 811.111

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Г. ДЖ. УЭЛЛСА)

Варламенко Илья Геннадьевич

Кемеровский государственный университет, *Кемерово*, *Россия*,
i.varlamenko@yandex.ru

Аннотация. В работе речь идёт о группе фразеологизмов, представленных в текстах романов Г. Дж. Уэллса и имеющих референцию к перцептивным модусам. Рассматривается роль данных фразеологизмов как важных составляющих когнитивного стиля автора в создании перцептивных образов в произведениях.

Ключевые слова: фразеологизм; перцепция; перцептивный образ; когнитивный стиль.

PERCEPTIVE IDIOMS AS AN ELEMENT OF THE AUTHOR'S COGNITIVE STYLE (ON THE BASIS OF H.G. WELLS'S NOVELS)

Varlamenko Ilya Gennadievich

Kemerovo State University, *Kemerovo*, *Russia*

Abstract. The paper deals with the group of idioms that have perceptive components, which are represented in H.G. Wells's novels. In the focus of our attention is The role of these idioms as the features of the author's cognitive style in the perceptive image creation.

Keywords: idiom; perception; perceptive image; cognitive style.

Одним из видов когнитивной деятельности человека является перцептивная деятельность, представляющая собой сенсорное восприятие мира, в процессе которого анализируется информация, получаемая через органы чувств – зрение, слух, вкус, обоняние, осязание. В языке перцепция репрезентируется в виде специальных лексических единиц. По мнению И.Г. Рузина, окружающий человека мир может быть описан на языковом уровне, представляя тем самым «мир, опосредованный языковым сознанием, в котором к ограничениям, налагаемым восприятием, добавляются ограничения, обусловленные закономерностями языка» [5, с. 79]. Те лексические единицы, которые относятся к той или иной модальности и указывают на перцептивный канал, задействованный говорящим, он называет «перцептивными предикатами». В соответствии с действиями пяти органов чувств, перцептивные предикаты образуют модусы пер-

цепции – «аспекты, выраженные в языке и относящиеся к восприятию окружающего мира с помощью пяти внешних органов чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса» [5, с. 79].

Перцептивные предикаты могут быть использованы в качестве самостоятельных синтаксических единиц, а также входить в состав фразеологизмов, понимаемых нами вслед за В.Н. Телия как «семантически связанные сочетания слов и предложений…, которые воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [6, с. 23]. В нашей работе мы сквозь призму перцепции рассматриваем роль фразеологизмов как неотъемлемой составляющей когнитивного стиля автора [1, с. 28].

Когнитивный стиль представляет собой индивидуальный и своеобразный способ переработки информации относительно собственного окружения в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего. При этом необходимо отличать когнитивный стиль от индивидуально-авторского стиля, который включает в себя своеобразие художественной речи конкретного писателя. По мнению М.М. Бахтина, индивидуально-авторский стиль характеризуется «сквозным принципом построения художественной формы, который создаёт ощутимую целостность, единый тон и колорит произведения» [2, с. 47]. Термин «индивидуально-авторский стиль» в большей степени является литературоведческим, в то время как термин «когнитивный стиль» имеет непосредственное отношение к лингвистике.

Согласно теории М.А. Холодной, в информационном обмене человека с окружающей средой участвуют четыре основных способа кодирования информации: 1) словесно-речевой (знаки); 2) визуальный (зрительные образы); 3) предметно-практический (предметные действия); 4) сенсорно-эмоциональный (сенсорно-эмоциональные впечатления) [7, с. 297]. Степень выраженности того или иного способа восприятия и представления информации в индивидуальной репрезентативной системе свидетельствует о том, насколько присущ конкретному человеку определенный стиль кодирования информации (словесно-речевой, визуальный, предметно-практический, сенсорно-эмоциональный). У каждого человека во время восприятия каких-либо внешних воздействий непроизвольно активизируется лежащая в основе индивидуального стиля кодирования информации ментальная модальность.

Кодируя информацию одним из перечисленных выше способов, автор в своём произведении создаёт определённый перцептивный образ. Согласно определению Е.В. Падучевой, «перцептивный образ есть одна из форм субъективного образа, получающая конкретное лексико-грамматическое наполнение в индивидуально-авторской модели мира» [4, с. 33]. Содержание перцептивного образа обладает сложной структурой, которая складывается из интенции субъекта восприятия, его языкового интеллекта, наличия биосенсорности и других составляющих. Благодаря этому в языке получает отражение сенсорная картина мира человека. В сенсорной картине мира язык представлен универ-

сальной лексикой, которая описывает процесс восприятия с помощью органов зрения, слуха и так далее.

В художественной речи перцепция, отражённая в языке и выраженная ядерной, универсальной лексикой накладывается на перцепцию, отраженную в когнитивном стиле, который определяется спецификой авторского восприятия мира. Любая человеческая перцепция имеет локальный аспект реализации, особенно в художественной речи. Согласно С. Ю. Лавровой, «этот аспект определяется вниманием говорящего (субъекта) к внешнему пространству (внешнему миру, в котором происходит что-либо) или внутреннему пространству («внутреннему миру человека»)», что свидетельствует о том, что перцептивный модус может быть представлен целым комплексом языковых средств» [3, с. 34]. Перцептивный модус, преломляющийся сквозь призму внутреннего мира субъекта с его оценочной концептуализацией, является базой для создания перцептивного образа говорящего.

В последнее время проблематика языковой перцептивности широко рассматривается в рамках анализа художественных текстов. В данной статье мы рассматриваем особенности использования перцептивных фразеологизмов в романах английского писателя Г. Дж. Уэллса (H. G. Wells) «Машина времени» (“The Time Machine”, 1895), «Человек-невидимка» (“The Invisible Man”, 1897) и «Война миров» (“The War of the Worlds”, 1898). При анализе данных произведений мы руководствовались идеей Т. А. Шидо о том, что необходимо выявлять функциональные особенности лексических единиц: при этом анализу подвергаются любые способы выражения поля восприятия, в том числе фразеологизмы [8].

В ходе количественного анализа использования перцептивных фразеологизмов в текстах романа нами было выявлено 26 случаев их употребления, причём подавляющее большинство составляют фразеологизмы, имеющие референцию к зрительному модусу (19 фразеологических единиц, что составляет 73% от всего количества перцептивных фразеологизмов). Всего же перцептивные фразеологизмы относятся к трем модусам: зрения, слуха и осязания. Фразеологизмы, имеющие референцию к вкусовой и обонятельной перцепции, в исследуемых текстах отсутствуют. Данный факт можно рассматривать как особенность когнитивного стиля Г. Дж. Уэллса, поскольку кодирование информации в перцептивном образе создается им при помощи трех модусов перцепции.

При отборе фразеологизмов зрительного модуса в качестве перцептивных предикатов мы использовали предикаты “*eye* (*eyes*)”, “*sight*”, “*glimpse*”, “*view*”, “*look* (*to look*)”, “*to see*”, представляющие собой ситуацию зрительного восприятия. В результате сплошной выборки оказалось, что подавляющее большинство (18 фразеологизмов), имеющих референцию к данному модусу, содержат перцептивный предикат “eye/eyes”. При этом фразеологизмы с данным компонентом могут характеризовать совершенно разные ситуации перцептивной активности.

В целом фразеологизмы, имеющие референцию к перцептивному модусу зрения, являются наиболее частотными и продуктивными перцептивными

фразеологизмами, выявленными в текстах романов и характерными для когнитивного стиля Г. Дж. Уэллса. Благодаря семантике некоторых из этих фразеологизмов их употребление в контексте ведёт к расширению семантического поля зрительной активности и появлению других перцептивных предикатов, что свидетельствует об их продуктивности в создании различных образов, в том числе и перцептивных.

Вторым по численности модусом, референцию к которому имеют перцептивные фразеологизмы, является аудиальный модус. В качестве перцептивных предикатов для отбора фразеологизмов данного модуса нами были выбраны предикаты "*to hear*", "*to listen to*", "*ear* (*ears*)", "*loud*", "*quiet*", "*silent*" и т. д. К данному модусу относится фразеологизм "*to listen with all one's ears*" со значением «*слушать очень внимательно*»: "*The curate had possession of the slit when the first men were brought to the pit*. *I was sitting below*, *huddled up*, ***listening with all my ears***". Использование этого фразеологизма подразумевает, что слуховая активность персонажа инициирована им самим – он напрягает слух, чтобы услышать нечто для себя важное.

Противоположный по смыслу случай представляют собой фразеологизмы "*to fill one's ears*" («*издавать очень громкий звук*»), "*to ring in one's ears*" («*звенеть в ушах*»), в которых акцент переносится с активности персонажа на объект, издающий определенный звук: "*An eddying murmur* ***filled my ears***, *and a strange*, *dumb confusedness descended on my mind*", "*I saw in time a blind man approaching me*, *and fled limping*, *for I feared his subtle intuitions*. *Once or twice accidental collisions occurred and I left people amazed*, *with unaccountable curses* ***ringing in their ears***. *Then came something silent and quiet against my face*, *and across the Square fell a thin veil of slowly falling flakes of snow*". В отрывках также присутствуют перцептивные предикаты зрительного ("*blind*", "*to see*") и аудиального ("*dumb*", "*silent*", "*quiet*") модусов. Данный факт свидетельствует о том, что перцептивная (зрительная и слуховая) активность персонажа имеет в данном отрывке первостепенное значение, а также служит свидетельством того, что в когнитивном стиле Г. Дж. Уэллса модус зрительной перцепции является наиболее продуктивным с точки зрения количества употребления различных перцептивных предикатов при создании перцептивного образа.

В анализируемых романах встречается лишь два случая употребления фразеологизма, относящегося к кинестетическому модусу. Им является фразеологизм "*to wet to the skin*" («*промокнуть до нитки*»): "*But that night the strangeness of things about me*, *and my physical wretchedness*, *prevented me*, *for I was bruised*, *weary*, ***wet to the skin***, *deafened and blinded by the storm*", "*The rebounding*, *dancing hail hung in a cloud over the machine*, *and drove along the ground like smoke*. *In a moment* ***I was wet to the skin***". Контекст употребления данного фразеологизма включает в себя предикаты перцептивных модусов зрения "*blinded*" и слуха "*deafened*", что делает перцептивный образ более ярким.

Анализ приведённых текстовых фрагментов показывает, что в авторской модели мира перцепции могут приобретать когнитивное значение, а перцеп-

тивный образ, в свою очередь, даёт возможность охарактеризовать глубинную сторону авторской философии бытия и его мироощущения. Поскольку фразеологизмы являются высокоинформативными единицами языка и обладают большой образностью, их употребление делает структуру образа более красочной. Фразеологизмы, имеющие референцию к перцептивному модусу зрения, являются наиболее частотными и продуктивными перцептивными фразеологизмами, характерными для когнитивного стиля Г. Дж. Уэллса. С их помощью семантическое поле зрительной активности обогащается за счёт других перцептивных предикатов, относящихся к различным перцептивным модусам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Н. А. Когнитивные стили и языковые способы их репрезентации (на материале произведений женщин-писателей викторианской эпохи) // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. – Барнаул: АлтГПА. – 2012. – С. 27–29.

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 41–48.

3. Лаврова С. Ю. Перцептивный образ как аксиологический знак художественного мира (на материале «Очерков» К. Д. Бальмонта) // Солнечная пряжа: Научно-популярный и литературно-художественный альманах. – 2008. – №. 2. – С. 30–36.

4. Падучева Е. В. Актантная структура глаголов восприятия // Вопросы языкознания. – 2003. – № 3. – С. 29–37.

5. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. – 1994. – №6. – С. 79–101.

6. Телия В. Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – С. 22–25.

7. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума // СПб.: Питер. – 2004. – С. 293–319.

8. Шидо Т. А. Психолингвистическое описание лексических единиц семантического поля ощущения: Автореф…канд. филол. наук. – Саратов, 1989. – 24 с.

REFERENCES

1. Baeva N. A. Kognitivnye stili i yazykovye sposoby ikh reprezentatsii (na materiale proizvedeniy zhenshchin-pisateley viktorianskoy epokhi) // Funktsional'no-kognitivnyy analiz yazykovykh edinits i ego applikativnyy potentsial. – Barnaul: AltGPA. – 2012. – S. 27–29. [in Russian]

2. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. – M.: Iskusstvo, 1979. – S. 41–48. [in Russian]

3. Lavrova S. Yu. Pertseptivnyy obraz kak aksiologicheskiy znak khudozhestvennogo mira (na materiale «Ocherkov» K. D. Bal'monta) // Solnechnaya pryazha: Nauchno-populyarnyy i literaturno-khudozhestvennyy al'manakh. – 2008. – №. 2. – S. 30–36. [in Russian]

4. Paducheva E. V. Aktantnaya struktura glagolov vospriyatiya // Voprosy yazykoznaniya. – 2003. – № 3. – S. 29–37. [in Russian]

5. Ruzin I. G. Kognitivnye strategii imenovaniya: modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osyazanie, obonyanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke // Voprosy yazykoznaniya. – 1994. – № 6. – S. 79–101. [in Russian]

6. Teliya V. N. Tipy yazykovykh znacheniy: svyazannoe znachenie slova v yazyke. – M.: Nauka, 1981. – S. 22–25. [in Russian]

7. Kholodnaya M. A. Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma // SPb.: Piter. – 2004. – S. 293–319. [in Russian]

8. Shido T. A. Psikholingvisticheskoe opisanie leksicheskikh edinits semanticheskogo polya oshchushcheniya: Avtoref…kand. filol. nauk. – Saratov, 1989. – 24 s. [in Russian]

УДК 81'255.2

ОПЫТ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО НЕВЕЖЕСТВА

Гилёва Екатерина Валерьевна

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, *Россия*,
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Новосибирск, *Россия*, *gileva0885@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается в аспекте межкультурной коммуникации опыт наивного перевода поэтических текстов, выполняемый автором и переводчиком совместно в условиях, когда переводчик не владеет языком оригинального произведения, а автор не владеет литературной формой языка переводчика. Материалом для анализа служит творчество армянского поэта Г.Г. Каграманяна.

Ключевые слова: перевод; лексико-семантический анализ; сема.

EXPERIENCE IN THE TRANSLATION OF THE POETIC TEXT IN TERMS OF LINGUISTIC IGNORANCE

Gileva Ekaterina Valerjevna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*,
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences,
Novosibirsk, *Russia*

Abstract. The report deals with the experience naive translation of poetic texts, performed by the author and the translator together in conditions when the translator is not fluent in the language of the original work, the author owns the literary form of the language interpreter, in aspect of intercultural communication. Material for the analysis is the work of the Armenian poet G. Kagramanyan.

Keywords: translation; lexical-semantic analysis; seme.

Явление наивного поэтического перевода распространено довольно широко и является следствием и свидетельством произошедших в последние десятилетия децентрализации отечественной издательской политики и активизации неофициальных межкультурных контактов в области литературного творчества. Иными словами, автор и переводчик нередко находят друг друга случайно, в процессе реализации своего интереса к поэтическому творчеству, при этом результатом их творческого взаимодействия становится малотиражное издание переводов, вызывающее у читателей отклики в условиях дефицита современной иноязычной поэзии и в связи с ростом интереса к экзотическим картинам мира. В такой ситуации переводчик, как правило, не обладает соответствующей квалификацией, может не иметь собственно переводческого опыта и не владеет языком автора, автор же не владеет (или не вполне владеет) литературной разновидностью языка переводчика и либо не может осуществить перевод самостоятельно, либо оказывается неудовлетворенным качеством собственного перевода, оценивая его не столько с позиции смыслового или формального соответствия, сколько предъявляя к нему эстетические требования, применимые к известным ему художественным произведениям, созданным на языке, на который осуществлялся перевод. Таким образом, и автор, и переводчик являются невежественными в языках друг друга.

В такой ситуации целесообразно рассматривать создание перевода как протяженный акт межкультурного взаимодействия, имеющий целью не только (и не столько) демонстрацию иноязычного произведения литературы широкой публике, сколько процесс обоюдного образования автора и переводчика в области лингвистики и культурологии. При этом существует возможность создания перевода, ценного в контексте литературного процесса.

Вероятность появления подобного текста увеличивает разработка и фиксация методики наивного перевода, которая позволяет с помощью относительно простых языковых процедур выявлять и учитывать особенности оригинального текста. Наша задача: с одной стороны – описать собственный опыт наивного переводчика, с другой – предложить профессиональному сообществу для обсуждения методику работы над созданием перевода в условиях абсолютного незнания языка оригинала. Ее ценность, с нашей точки зрения, состоит в том, что она позволяет неквалифицированному переводчику при учете им некоторых не всегда очевидных трудностей создать образец перевода, близкий к оригиналу.

Описываемый опыт можно считать экспериментом в области наивного перевода, сопровождающегося языковым невежеством, поэтому словари языка, не известного для переводчика, не использовались (за исключением доступного и краткого мини-словаря в самоучителе языка оригинальных текстов).

Автор, с произведениями которого мне пришлось работать, – Гарник Гарегинович Каграманян. Он родился в 1936 г. в с. Одзун в Армении. Имеет среднетехническое образование. Стихи пишет с 16 лет. С 1987 г. живет в Новосибирске. Работал начальником смены на металлургическом комбинате. С 2007 г. на пенсии.

Он появился на одном из заседаний молодежного литературного клуба «Литературная мастерская Виля Хрипунова» в 2009 г. – совершенно седой господин с пожелтевшими армянскими газетами. Развернув одну из них, он стал читать стихи по-армянски. А потом сказал, что очень хотел бы, чтобы они звучали и читались и по-русски.

С этой встречи начались мои попытки переводческой деятельности, сопровождаемые стремлением по мере возможности сохранить в тексте перевода содержательные (фактуальные и идейные), формальные и эстетические особенности оригинала.

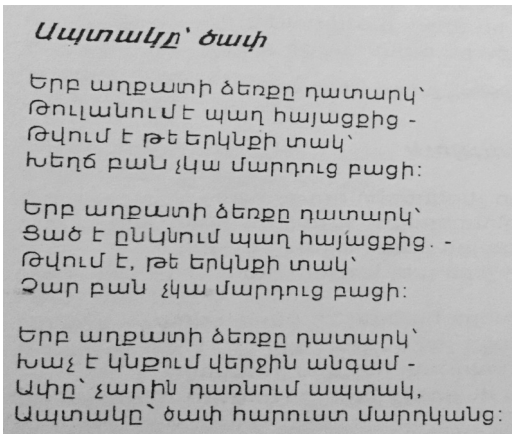
Этап I. **Исходные данные.** Поэт подготовил подстрочные переводы, полагая, что этого для перевода достаточно. В его понимании задача переводчика сводилась к «складному» изложению русского текста.

Важно отметить, что автор в плане ментальности не является носителем так называемого «наивного сознания», а его произведения не относятся ни к так называемой «наивной поэзии», ни к графомании. Их художественная ценность очевидна.

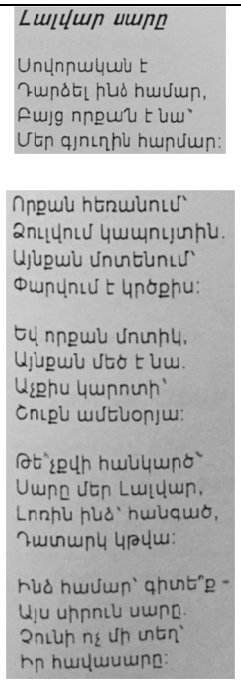
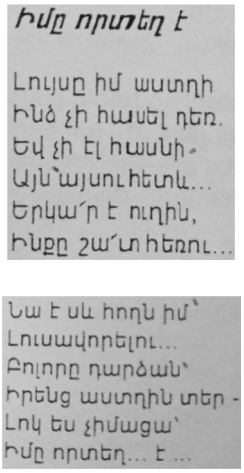
Отметим также, что автор, совершая при письме на русском языке множественные орфографические и пунктуационные ошибки, обладает способностью успешно и аргументированно отличать при чтении с листа или на слух качественные поэтические тексты на русском языке от некачественных. То есть, красота русской словесности доступна автору, когда он выступает в качестве читателя или слушателя, но не доступна, когда он выступает в роли собственно автора. Эти сведения важны, так как успешность нашего перевода во многом будет зависеть от способности автора к пониманию и обсуждению

Таблица 1

Оригиналы и авторские подстрочные переводы

Оригинал	Подстрочный перевод, выполненный автором (орфография и пунктуация сохранены)
 Ապտակը՝ ծափ Երբ աղքատի ձեռքը դատարկ՝ Թուլանում է պաղ հայացքից - Թվում է թե երկնքի տակ՝ Խեղճ բան չկա մարդուց բացի: Երբ աղքատի ձեռքը դատարկ՝ Ցած է ընկնում պաղ հայացքից. - Թվում է, թե երկնքի տակ՝ Չար բան չկա մարդուց բացի: Երբ աղքատի ձեռքը դատարկ՝ Խաչ է կնքում վերջին անգամ - Ափը՝ չարին դառնում ապտակ, Ապտակը՝ ծափ հարուստ մարդկանց:	Рука бедного Когда пустая рука бедного Ослобится от холодного взгляда – Кажется, что под небом Нету ничего бедного, чем человек. Когда пустая рука бедного Подает от холодного взгляда – Кажется, что под небом Нету ничего злого, чем человек. Когда пустая рука бедного Крестит в последний раз – Ладон-чёрту кажется пощечина. Пощечина – хлоп богатим людям.

Окончание табл. 1

Оригинал	Подстрочный перевод, выполненный автором (орфография и пунктуация сохранены)
	Гора Лалвар обыкновенная для меня, Но насколько она Подходящая для нашего села Насколько удаляется и сливается с небой, настолько приближается к сердцу и насколько близко – она настолько велик. Ежедневная украшения Тоски моего глаза. Если двигать с место Гора наш Лалвар. Мне Лори будет казаться Пустой и необтаемый. Для меня, знайте: Эта красивая гора Не имеет нигде себе равных.
	Где моя Свет моей звезды Еще не дошел до меня. И не дойдет больше. Дорога длинная – Сама очень далеко – Святая моя земля Она будет светит. Все стали хозяевами Своих звезд – Только я не знаю: Где моя…

лингвистических и литературоведческих категорий. Ключевым условием успешной реализации предлагаемой методики является наличие автора и возможность продолжительного диалога с ним.

Характеризуя же «наивность / невежественность» переводчика, мы должны указать на то, что полноценную работу с армянскими словарями и электронными переводческими сервисами затрудняет своеобразие армянской письмен-

ности, существенно меняющей в глазах неискушенного переводчика начертание отдельных символов в зависимости от шрифта, что регулярно вызывает проблему идентификации печатного знака.

Этап II. **Формирование фонетического ориентира**. Учитывая естественное фонетическое различие русского и армянского текстов, а также необходимость воплощения в переводе ритмических особенностей оригинала, у автора были запрошены печатные оригиналы (для определения длины строки) и аудиозаписи авторского чтения армянских текстов. По аудиозаписям была выявлена ритмическая структура произведений, как она обыкновенно фиксируется при разговоре о русском стихосложении (чередование ударных и безударных). Однако интонации армянского языка непривычны слуху русскоязычного переводчика, слушателю непросто угадать границы слов и строк, выявить характеристику предложений по цели высказывания. Для некоторой компенсации этой очевидной слабости к работе был привлечён автор: совместно с автором была прорисована ритмическая организация оригинального армянского текста (выявлены ударения в каждом слове, количество слогов, места повышения и понижения интонации, отмечены фрагменты, характеризующиеся разной скоростью авторского чтения). Кроме того, были зафиксированы звуковые сочетания, наиболее часто встречающиеся в оригинальном тексте.

Таким образом, был разработан схематический фонетический ориентир для формирования будущего русскоязычного текста. Точное следование ему, вероятно, невозможно, однако приближение в некоторой степени вполне достижимо.

Этап III. **Семантический анализ подстрочных переводов**. При рассмотрении подстрочных авторских переводов были выявлены фрагменты текста, понимание смысла которых затруднено.

Прежде всего, при анализе подобных частей обратило на себя внимание отражение на письме армянского акцента автора: «*Когда пустая рука нищего / Крестит в последний раз - / Ладон-чёрту кажется пощечина. / Пощечина – хлоп богатым людям*» («Рука бедного»). Интерпретация выражения «*ладон-чёрту кажется пощечина*» (“*Ափը՝ չարին դառնում ապտրտակ”*) была крайне сложна. После описания крестящей руки слово «*ладон*» было первоначально прочитано, как «*ладан*» с орфографической ошибкой. На все уточняющие вопросы автор отвечал: «*Да, это ладон*», а ударение прочитывалось невнятно вследствие наличия сильного акцента. Наконец при прочтении и переводе оригинала по слову, при подборе автором по просьбе переводчика синонимов к использованным в стихотворении словам, автор перевёл одно из слов в строке – «*рука*». Только после этого внезапно стало ясно, что слово «*ладон*» – это написанное с орфографической ошибкой – «*ладонь*».

К фрагментам с неясным смыслом был отнесен и этот: «*Свет моей звезды / Еще не дошел до меня. / И не дойдет больше. // Дорога длинная – / Сама очень далеко – / Святая моя земля / Она будет светить*» («Где моя»). В разговоре с автором было уточнено, что фраза «*очень далеко*» относится не к дороге, а к звезде. Автору было также предложено перевести по слову оригинал в присутствии переводчика; в результате разбора фраза «*Святая моя земля / Она будет*

светить» была переведена автором так: «*Она [звезда] будет освещать / Мою черную землю [землю моей могилы, после моей смерти]*» или «*Она [звезда] будет [в ипостаси родины] освещать / Черноту, в которой я буду вдали от родины [в состоянии духовной смерти]*».

После тщательного сравнения оригинальных текстов и подстрочных переводов обратил на себя внимание тот факт, что в подстрочном переводе стихотворения «Рука бедного» слово «*бедный*» встречалось неоднократно. При сравнении же данного текста с армянским оригиналом стало очевидно, что в исходном тексте имеется два разных слова – "*աղքատի*" и "*խեղճ*". Прокомментировать их разницу по-русски автор затруднился. Ему была предложена семантическая таблица, составленная на основе академического толкового словаря русского языка [4]:

Таблица 2

Семантическая таблица 1

Сема / Слово	Бедный	Нищий	Жалкий
Не имеющий достаточных или необходимых средств к существованию	+		
Неимущий	+	+ (крайне…)	
Отличающийся недостаточностью, убожеством	+		+
Ничтожный, незначительный			+
Презренный, мелкий, пустой			+
Скудный	+	+	
Ограниченный в каком-либо отношении, имеющий недостаток в чем-либо	+		
Несчастный, возбуждающий (вызывающий) жалость, сострадание, достойный жалости, сострадания	+		+
Живущий подаянием, милостыней		+	

Работать с данной таблицей автор также затруднился, выбор актуальных единиц лексического смысла для него оказался сложной задачей. Никогда прежде ему не приходилось сталкиваться с подобными лингвистическими процедурами.

Тогда возникла идея «пойти от обратного» – от синонимов армянских слов, использованных автором. Так были составлены семантические ряды, характерные для армянского языка, для большинства слов, употребленным автором в своих оригинальных текстах. Далее автору задавался вопрос: «Почему вы выбрали из ряда слов со сходным смыслом данное, а не иное?» Эта работа не особенно прояснила смысловое богатство оригиналов, однако стала важным этапом включения автора в лингвистическую работу совместно с переводчиком. Получив опыт, хоть и наивного, анализа семантических рядов в родном

языке, автор понял принцип работы с русскоязычными семантическими таблицами. В частности, рассматривая семантическую таблицу 1, автор заключил, что слово "*աղքատի*" означает «бедный, малоимущий», а "*խեղճ*" – «бедный, попавший в беду, жалкий». Кстати, сервис Google.Translate демонстрирует сходные определения (этот электронный ресурс время от времени использовался для проверки того, верно ли был понят автор во время беседы).

Вообще лексико-семантический анализ ключевых слов из подстрочных переводов стал одной из самых трудоемких процедур.

В стихотворении «Где моя» обратил на себя внимание образ дороги. Автор на вопрос о наличии синонимов у ключевых слов сообщил, что в армянском языке помимо употребленного в стихотворении слова "*ուղի*", имеется слово "*ճանապարհ*", означающее также «дорога». Сформулировать разницу их значений автор затруднился.

Для выявления различия в значении синонимов автору была предложена следующая таблица, подготовленная на основе русских синонимов с аналогичным значением.

Таблица 3

Семантическая таблица 2

Сема / Слово	Дорога	**Путь**	Направление
Полоса земли	+	+	–
Для езды или ходьбы	+	+	–
Место для прохода, проезда	+	+	–
Пространство, расстояние, которое кто-либо проходит, проезжает	–	+	–
Доступ куда-либо, возможность проникнуть куда-либо	–	+	–
Железнодорожная колея, линия		+	–
Путешествие, поездка	+	–	
Путь следования	+	–	+
Направление деятельности, сторона, в которую устремлено действие	+	–	+
Путь развития (какого-либо действия)	+	+	+
Общественное, научное течение	–	–	+
Участок фронта, развивающий военные действия в какую-либо сторону	–	–	+
Документ о назначении на работу, обследование	–	–	+

Рассматривая данную таблицу, автор сообщил о том, что слово «*дорога*» в его подстрочном переводе не вполне удачно отражает смысл (семы, ставшие решающими для автора при выборе перевода, выделены жирным шрифтом). Понятие "*ուղի*", по-сравнению с "*ճանապարհ*", носит в армянском языке более абстрактный характер; первое является однокоренным со словами, означающими «путник», «путеводный», «прямой, правильный, верный». Таким

образом, в качестве адекватного перевода слова “*ուղի*” на русский язык совместно с автором было избрано слово «*путь*».

Аналогичная процедура была проделана со словом “*երկար*”, которое автор перевел как «*длинная*». После подбора синонимов в русском языке автору была предложена таблица.

Таблица 4

Семантическая таблица 3

Сема / Слово	Длинный	Долгий
Имеющий большую длину	+	+ (устар., прост.)
Больший по длине, чем нужно	+	+ (устар., прост.)
Высокий ростом	+	–
Длительный, продолжительный	+	+

Рассмотрев данную таблицу, автор отметил, что фрагмент подстрочного перевода «*дорога длинная*» точнее было бы перевести «*путь долгий*», так как речь идет о протяженности человеческой жизни, и временной аспект здесь более значим, нежели пространственный.

Этап III. **Формирование переводов.**

Таблица 5

Переводы

Рука нищего	Гора Лалвар	Где моя…
Когда ладонь у нищего пуста, Дрожит от осуждающего взгляда, Мне кажется, под небом изо льда Беднее человека нету брата. Когда ладонь у нищего пуста, Опустится от вымерзшего взгляда. Мне кажется, под небом изо льда Нет злее человеческого брата. Когда ладонь у нищего пуста И в крестном знаменье летит над хладной твердью, И хладом хлещет землю высота, Мне кажется, что нету милосердия.	Обыкновенная на вид, Как все другие горы. Но вот в моей душе болит: Такой нет и за морем. Глядит Лалвар в мое село И небо подпирает, И дальний силуэт ее Мне в сердце проникает. Лалвар растет, когда я, рад, К ней побегу долиной. Тоскою светлой тешит взгляд Священная картина. И если с места, как во сне, Лалвар сойдет на диво, Казаться Лори будет мне Пустым и сиротливым. Мне говорят: вдали, во мгле Есть много гор похожих. А для меня на всей земле Нет ничего дороже.	Не дошел желанный Свет моей звезды. Никогда, я знаю, Не дойдет, не жди. Долгий путь петляет Сквозь ночную прыть. Лишь земля родная Будет мне светить. Каждый сам хозяин Звездам. Но, беда, Я один не знаю, Где моя…

Обосновывая ценность описанной процедуры, мы можем выделить несколько аспектов.

Методика позволяет при отсутствии какого-либо базового знакомства с языком осуществить своеобразное «погружение» в его мир смыслов. Работа с поэтическим текстом привлекает своей эстетической составляющей и тем, что знакомит переводчика с неочевидными смыслами иноязычного текста, позволяет открыть фрагменты языковой картины мира, характерной для незнакомого языка. Это особенно полезно и притягательно в случае, если переводчик питает к какому-либо языку, поэзии, культуре исключительно эстетическую привязанность и не планирует в дальнейшем использовать привлекающий его иностранный язык в прагматических целях. Подобное начальное знакомство с языком через наиболее сложные образцы текстов кажется нам актом, в котором дилетантский подход обретает возможность добраться до некоторых языковых высот или глубин.

Описанная методика относительно проста и не требует специальных профессиональных навыков. Качество работы достигается во многом внимательностью, аккуратностью и способностью к коммуникации с носителем языка, поэтому она вполне доступна человеку, не имеющему филологического образования, однако питающему интерес к словесности или обладающему талантом в данной области.

И для «невежественного» автора, и для «невежественного» переводчика описанная серия процедур может стать продолжительным актом лингвистического самообразования, провокацией их филологической рефлексии.

Наконец, для профессиональных филологов описанные действия позволяют выявить у носителя актуальные (для него или в настоящем) смыслы слов, обнаружить специфику восприятия носителем какого-либо языкового факта. Это может быть полезным в рамках психолингвистических исследований или при изучении современного состояния языка. Становится очевидной и возможность прямого выяснения авторских мотивов и смыслов, заключенных в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.

2. Гарибян А. С., Гарибян Дж. А. Краткий курс армянского языка. – Ереван: Луйс, 1987. – 432 с.

3. Каграманян Г. Армянский сад. – Новосибирск, 2013. – 124 с.

4. Словарь русского языка: В 4 тт. / РАН Институт лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.

5. Ղահրամանյան Գ. Գ. [Каграманян Г. Г.] ՈՐՆ Է ՍԽԱԼԸ ԵՎ ՈՐԸ՝ ՃԻՇՏ. – Երեւան [Ереван], 2012. – 634 թ.

REFERENCES

1. Gal'perin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. – M.: KomKniga, 2007. – 144 s. [in Russian]
2. Garibyan A. S., Garibyan Dzh. A. Kratkiy kurs armyanskogo yazyka. – Erevan: Luys, 1987. – 432 s. [in Russian]
3. Kagramanyan G. Armyanskiy sad. – Novosibirsk, 2013. – 124 s. [in Russian]
4. Slovar' russkogo yazyka: V 4 tt. / RAN Institut lingvisticheskikh issledovaniy; pod red. A. P. Evgen'evoy. – M.: Russkiy yazyk, Poligrafresursy, 1999. [in Russian]
5. Ղահրամանյան Գ. Գ. [Kagramanyan G. G.] ՈՐՆ Է ՍԽԱԼԸ ԵՎ ՈՐԸ՝ ՃիՇՏ. – Երեւան [Erevan], 2012. – 634 թ.

УДК 81’25

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Деркач Анна Владимировна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *postnikova_anna@ngs.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые грамматические трудности перевода с немецкого языка на русский, а также средства выражения одинаковых значений в исходном языке и языке перевода.

Ключевые слова: иностранный язык; перевод; грамматические трудности; преференция.

GRAMMATICAL DIFFICULTIES IN TRANSLATING FROM GERMAN INTO RUSSIAN

Derkach Anna Vladimirovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. This article discusses some of the grammatical difficulties of translation from German into Russian, as well as the means of expression of the same values in the source language and the target language.

Keywords: foreign language; translation; grammatical difficulties; preference.

В переводоведении распространено определение перевода в лингвистическом плане, основанное на формулировке А. В. Федорова: перевод – это передача текста письменной или устной речи средствами другого языка. Под средствами другого языка следует понимать лексику, грамматику и стиль [2, с. 28].

Перевод отличается от сокращенного изложения, пересказа, адаптации, переложения и других форм воспроизведения текста тем, что он является процессом воссоздания единства содержания и формы подлинника.

При переводе с одного языка на другой необходимо учитывать действие одних и тех же логико-семантических факторов для передачи смыслового содержания текста, сохраняя при этом его стилистические, экспрессивные и другие особенности в соответствии с нормами данного языка.

Качество перевода определяется его адекватностью или полноценностью. Полноценность перевода означает исчерпывающую точность в функционально-стилистическом соответствии ему.

Следует помнить, что при переводе отдельные лексические и грамматические элементы подлинника могут передаваться различными вариантами, если они приемлемы с точки зрения адекватности оригинала. Адекватность же может быть достигнута при правильном выборе лексических, грамматических и стилистических средств для передачи содержания и формы текста оригинала.

Решение вопроса о переводимости и трудностях перевода в психолингвистическом плане связано с вопросом о взаимоотношениях между языком, мышлением и ориентацией переводчика в области перевода [2, с. 29].

Тексты для переводов чрезвычайно разнообразны по жанрам, стилям и функциям. Поэтому переводчику важно знать, какой вид текста ему надлежит переводить. Типы текстов определяют подход и требования к переводу, влияют на выбор приемов перевода и определение степени эквивалентности перевода оригиналу. Цели и задачи переводчика оказываются различными в зависимости от того, что он переводит, поэму или роман, научную статью или газетную информацию, документ или техническую инструкцию. И закономерности перевода каждого из жанров имеют свои отличия [4, с. 15].

С точки зрения перевода, то есть «перевыражения» мысли в равноценной форме средствами другого языка, связь между лексикой и грамматикой выступает очень явственно. Многие грамматические проблемы не являются чисто грамматическими, а тесно связаны с лексическими. Поэтому правильнее считать их лексико-грамматическими. Существуют ли особые грамматические проблемы перевода? Этот вопрос является спорным в области переводоведения. Большинство людей считает, что качество перевода зависит только от знания грамматики. С другой стороны, в современных теоретических работах и пособиях по теории перевода грамматические проблемы вообще не выделяются. Однако, испытываем ли мы сложности при выражении грамматических значений одного языка средствами другого языка? Как ни странно, сложности эти очень невелики. Дело в том, что грамматический строй любого языка так или иначе отражает ту систему логических связей, с помощью которой мы воспринимаем и описываем окружающий мир. Эта система логических связей универсальна и от специфики языка не зависит. При освоении иностранного языка – независимо от методики обучения – мы невольно сопоставляем те средства, которые известны нам для выражения грамматических значений, со средствами иностранного языка. Как правило, грамматические значения одно-

го языка имеют соответствия среди грамматических значений другого языка. Например, форме настоящего времени глагола в английском языке соответствует форма настоящего времени глагола в русском, французском, немецком и других языках; сюда можно отнести и наличие придаточного причины в каждом из перечисленных языков. Так что в большинстве случаев о проблемах говорить не приходится [1, с. 201].

Трудности, связанные с расхождением грамматических систем иностранного языка и первого языка, ни в коем случае нельзя преувеличивать. Уже указывалось, что информация, выражаемая в одном языке грамматическим способом, в другом может быть выражена лексически. Поэтому вовсе необязательно выражать то, что на первом языке выражено грамматически, грамматическими же средствами в первом языке. Напротив, в процессе перевода нормальной и обычной является ситуация, когда значения, выраженные в иностранном языке грамматически, в первом языке выражаются лексическими средствами и наоборот: то, что выражено в тексте на иностранном языке лексическим путем, в тексте перевода может выражено грамматически. Этот факт, подтверждаемый практикой перевода, и является лучшим доказательством того, что разница между значениями грамматическими и лексическими заключается не в их «природе», а в способах их выражения, которые в разных языках могут быть разными [3, с. 153].

С другой стороны, не следует и недооценивать те объективные трудности, которые возникают перед переводчиком в результате расхождений в грамматическом строе языков. Как и в области словарного состава, в отношениях между грамматическими системами двух языков мы лишь в редких случаях наблюдаем полное совпадение. В частности, несмотря на то, что между русским и немецким языками существует грамматическое сходство, это сходство является лишь частичным и не должно скрывать от переводчика (как и от любого изучающего иностранный язык) существенных расхождений между этими двумя языками в области их грамматического строя. Даже грамматические категории, казалось бы, идентичные в обоих языках, на самом деле по объему своих значений, функциям и охвату лексического материала не совпадают полностью [3, с. 144].

Однако есть особые случаи в области грамматики, которые лежат в сфере переводческой, а не языковой компетентности, и требуют принятия переводческих решений. Такого рода проблемы возникают в следующих случаях:

1. Если данное грамматическое значение в языке перевода отсутствует (не эксплицировано). Такой единицей может выступать артикль. Данная часть речи отсутствует в русском языке и обычно при переводе с немецкого языка на русский язык значение неопределенного артикля в функции обозначения нового компенсируется постановкой подлежащего в конечную рематическую позицию. Таким образом, возможность свободного порядка слов в русском языке позволяет компенсировать неопределенный артикль иностранного языка.

Те же ресурсы заставляют переводчика передавать определенный артикль с помощью прямого порядка слов. Это подчеркивает, что субъект в ситуации известен.

Другой путь передачи артикля при переводе текста – это компенсация артиклей с помощью местоимений: определенно-личного для неопределенного артикля и указательного – для определенного артикля.

2. Категория вида глагола. Категория вида в русском языке эксплицирована и имеет два разряда: совершенный и несовершенный вид. В немецком же языке специальных средств для ее выражения нет, однако значение завершенности действия в большинстве типов текста оформляется с помощью грамматических компенсаций совершенного вида: это перфект, результатив, а также синтетические словообразовательные средства: например префиксы глагола со значением завершенности действия [1, с. 202].

Когда по каким-либо причинам следует при переводе отдать предпочтение одному определенному варианту из нескольких имеющихся, в теории перевода принято говорить о правилах *преференции*. Закономерности преференции – это закономерности *выбора грамматической альтернативы*.

Как мы знаем, и в русском, и в немецком языках есть сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Однако их употребительность несколько различается. Отмечено несколько более частое употребление сложноподчиненных предложений в немецких текстах по сравнению с русскими текстами. Эта закономерность сложноподчиненного количественного характера позволяет переводчику в случае необходимости при переводе на русский язык делать выбор в пользу сложносочиненного предложения, а при переводе на немецкий язык – наоборот, в пользу сложноподчиненного предложения.

Многие исследователи отмечают более частое употребление пассивных конструкций в английском и немецком языках по сравнению с русским. И вполне объяснимо, что многие переводчики, переводя традиционный немецкий научный текст на русский язык, несколько снижают количество употреблений пассивного залога. Педантичное сохранение всех форм пассивного залога в переводе с немецкого языка на русский создает впечатление неестественности текста [1, с. 208].

В процессе рассмотрения некоторых грамматических трудностей перевода с немецкого языка на русский можно сделать два вывода.

1. Грамматическими проблемами перевода следует считать лишь те проблемы, которые лежат в сфере переводческой, а не языковой компетентности.

2. Переводческие решения, связанные с грамматическими проблемами перевода, включают как вариантные соответствия, так и разные виды трансформаций, в том числе и комплексную одно- и разноуровневую компенсацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

2. Алимов В. В. Теория перевода: Пособие для лингвистов-переводчиков: учебное пособие. – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 240 с.

3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.

4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего и среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

REFERENCES

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh i lingvisticheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy. – SPb.: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2004. – 352 s. [in Russian]

2. Alimov V. V. Teoriya perevoda: Posobie dlya lingvistov-perevodchikov: Uchebnoe posobie. – Izd. 2-e. – M.: LENAND, 2015. – 240 s. [in Russian]

3. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod (voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda). – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – 240 s. [in Russian]

4. Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy). – M.: Izdatel'stvo instituta obshchego i srednego obrazovaniya RAO, 2001. – 224 s. [in Russian]

УДК 81.367.7

МЕЖДОМЕТИЯ В ПЕРЕВОДНОМ ЯПОНСКОМ ТЕКСТЕ МАНГА

Ковалёва Дарья Игоревна

Институт филологии СО РАН, *Новосибирск*, *Россия*,
darij12813m@gmail.com

Аннотация. В докладе представлено исследование междометий в трех текстах японских комиксов. На основании исследования были выявлены междометия, не зафиксированные в толковых словарях. В докладе дается описание некоторых новых междометий: толкование, оформление, функции. Материалы данного исследования могут быть использованы для создания специализированного словаря междометий.

Ключевые слова: междометие; манга; комикс; креолизованный текст.

INTERJECTIONS IN JAPANESE COMICS

Kovaleva Daria Igorevna

Institute of Philology SB RAS, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The report presents an investigation of interjections in three texts of Japanese comics. Based on the study, we found interjections that are not fixed in the explanatory dictionaries. The report gives a detailed description of the new interjec-

tions: functions and categories, meaning. The materials of this study can be used to create a specialized dictionary of interjections.

Keywords: interjection; manga; comics; creolized text.

Массовая японская культура в настоящее время все больше распространяется за пределами Японии. Число любителей аниме и манга в России неуклонно растет, стиль рисунка манга оказывает свое влияние на западные комиксы, их графический стиль. Манга – это японский комикс, который представляет собой серию рисунков, сопровождающуюся текстом; рисунок и текст образуют при этом связное повествование. Японские комиксы набирают популярность не только (и не столько) среди детей, но и среди взрослых (политические, бизнес-манга, эротические и другие жанры).

Определяющим структурным элементом манга является кадр. Кадр – это базовый содержательный компонент [3, с. 47]. Манга, как и другие комиксы, содержит вербальные и невербальные структурные элементы. К первым относятся буквенный текст (речь персонажа и обозначение внешних звуков, авторская речь, заголовки, комментарии и др.). Речь персонажа помещается в филактер (специальное пространство, «облачко», исходящее из головы или рта героя). Невербальные компоненты – это графика и параграфика комикса [4, с. 384–385].

Модель комикса можно представить следующим образом: «серия изображений + сопровождающие их надписи / подписи» [1, с. 9]. В манга изображение преобладает над словом. В то же время о манга нельзя сказать, что иллюстрация является полностью доминирующей, а текст носит лишь комментирующий характер. В манга картинка совместно с речью образует единый связный текст. Таким образом, в манга «вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое» [3, с. 47].

Важной отличительной чертой текстов манга от произведений других схожих жанров является детальное изображение душевного состояния героя. Способами выражения эмоций являются: 1) непосредственное изображение мимики героя, соответствующей испытываемой им в данный момент эмоции; 2) символическое изображение эмоций; 3) вербальные компоненты. В данном исследовании мы рассматриваем вербальную составляющую манга, в частности – междометия, как средство выражения эмоций. Актуальность выбора этого жанра для описания междометий обусловлена большим количеством этих единиц в текстах манга. Рис. 1 изображает диаграмму, иллюстрирующую количество междометий в текстах разного жанра на 1 000 слов.

Как видно из представленной диаграммы, число междометий в манга «Чобиты» составляет 16,8 %, что в 5,6 раз превосходит число междометий в романе «Подсолнухи зимой» и в 7 раз – рассказ «В вагоне». Для сравнения были выбраны отрывки с диалогами.

В манга представлено два вида изображения междометий: в филактерах (эти междометия герой произносит сам) и вынесенные отдельно. Мы будем

рассматривать междометия, вынесенные за пределы филактеров. Такие междометия показывают состояние героя (которое он не озвучивает) или же звуки неодушевленной природы. Таким образом создается динамика действия. Изображение данного типа междометий графически разнообразно: размер – от мелкого до междометия, занимающего почти весь кадр; буквы, как правило, имеют один регистр; цвет букв может быть белым или черным, варьируется также толщина линий, тип шрифта. Увеличенный шрифт может быть дополнительным маркером сильной эмоции персонажа.

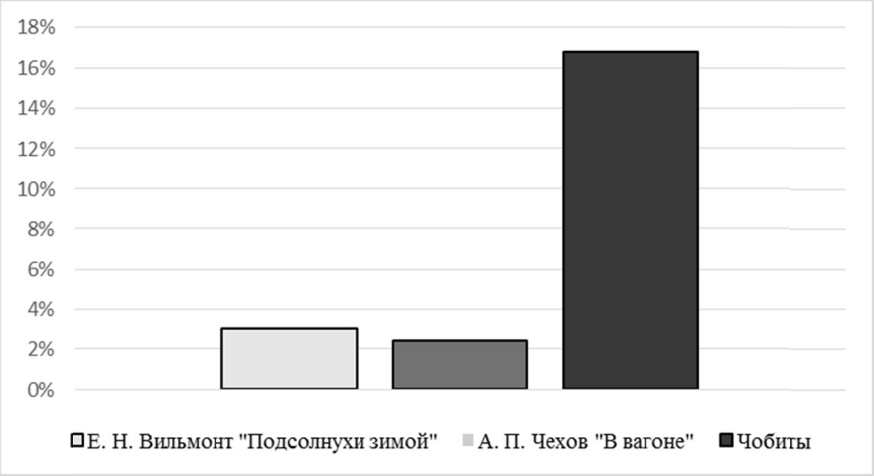

Рис. 1. Соотношение количества междометий разных жанров на 1 000 слов

Особо стоит отметить расположение этих междометий в кадре: они могут быть размещены непосредственно возле рта персонажа (если таким образом изображается выдох, храп, чихание, т. е. те звуки, которые человек произносит ртом, губами, зубами и т. д.: например, «*глык*», «*чавк*» на рис. 2) или других частей тела (если междометия сопровождают дрожь в коленях, сжатие кулака, взмах рукой, топот ног и др.: например, «*дрр*» на рис. 3). Кроме того, междометия, употребляющиеся для передачи звуков неодушевленных предметов, располагаются в непосредственной близости к этому предмету (например, «*вж*», «*шух*» на рис. 4).

Часто междометия представлены с повторением, чтобы показать многократность действия или длительность, непрерывность процесса («*др др др*» [11, с. 163], «*гр гр гр*» [11, с. 163]). Растягивание гласных и согласных («*ва-а-а-а-а-а-а-а-а*» [10, с. 129], «*вжжжжжжжж*» [12, с. 134], «*вуум*» [10, с. 56]) тоже демонстрирует длительность, монотонность или непрерывность процесса. Так, междометие «*вжжжжжжжж*» употребляется для обозначения звука работающего механизма, протяжное междометие «*ва-а-а-а-а-а-а-а-а*» обозначает крик при испуге и т. д.

Многие глагольные междометия имеют необычную форму. Например, междометия «*кив*» [10, с. 93], «*сверк*» [10, с. 26; 11, с. 106, 172, 175, 180; 12, с. 121, 134],«*жамк*» [10, с. 15], «*тиск*» [10, с. 24, 30, 47, 64, 112, 136, 161, 174;

12, с. 155, 169, 170], «*нюх*» [11, с. 177] и др. представляют собой усеченную форму от глаголов «кивать», «сверкать», «жамкать», «тискать», «нюхать» соответственно. Обычно такие междометия употребляются с повторением, таким образом демонстрируется многократность действия. Они интересны тем, что их форма позволяет визуализировать действие, показать движение, создать динамику. Кроме того, такая форма, превращаясь в междометие, не требует вербализации предложения, из изображения в комиксе понятно, кто кивает и что сверкает.

Рис. 2. Междометия, произносимые человеком [11, с. 10–11]

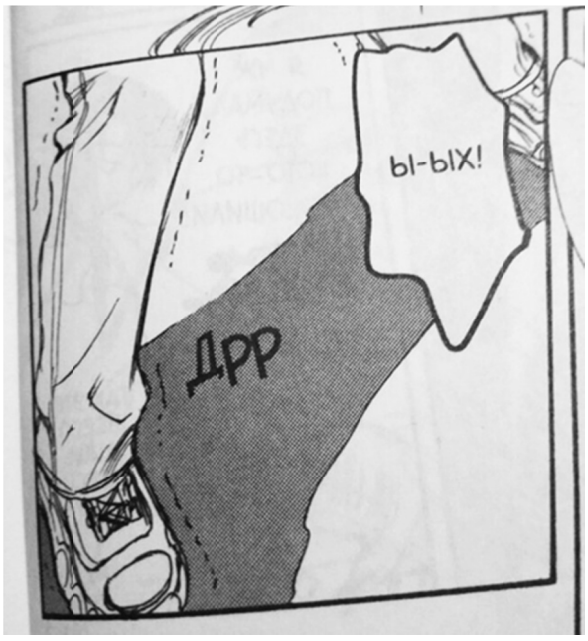

Рис. 3. Междометие, изображающее дрожь в коленях [10, с. 12]

В трех текстах мы обнаружили использование одинаковых междометий, однако значения и функции многих из них различны. Так, междометие «*виш*»

в манга «Дораэмон» [11, с. 143] употребляется для обозначения шума дождя, в манга «Чобиты» это же междометие используется для передачи звука работающего робота [10, с. 5, 19]. Как видно, это звукоподражательное междометие. Однако в той же манга междометие «*вши*» обозначает злость, недовольство персонажа (герой «вспылил», «закипел») [10, с. 101]. Значение конкретного междометия, таким образом, сложно представить в словаре, как правило, оно индивидуально для каждого контекста.

В анализируемых текстах встретились также междометия, значения которых схожи во всех трех текстах. Так, например, междометие «*пши*» во всех примерах являлось звукоподражательным и обозначало «помехи в телевизоре» [11, с. 86–87], «шипение при неисправности механизма» [12, с. 64; 10, с. 51].

Количество новых междометий, найденных в трех текстах манга составило 78 единиц. Таким образом, приращение новых междометий составило 9,45 % (количество зафиксированных междометий в словарях – 747 единиц). Самое большое количество новых междометий – звукоподражательные (41 единица). На наш взгляд, это объясняется спецификой комикса: стремлением показать изображение в движении, передать звуки одушевленной и неодушевленной природы. Неслучайно именно таких междометий много за пределами речи персонажей – они создают фон, изображают положение различных предметов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учебное пособие для студентов факультетов иностранных языков вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.

2. Катасонова Е. Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. – М.: Восточная литература, 2012. – 357 с.

3. Петрова С. И. Японский комикс как тип текста (категория информативности) // Вестник Якутского государственного университета им. М. К. Аммосова. – Якутск: Изд-во ГОУ ВПО ЯГУ, 2005. – № 4, т. 2. – С. 47–51.

4. Столярова Л. Г. Анализ структурных элементов комикса // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 1. – С. 383–388.

Словари:

5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.

7. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка: 15 000 словарных статей, 22 000 семантических единиц. – М.: Русский язык, 2001. – 863 с.

8. Квеселевич Д. И., Сасина В. П. Русско-английский словарь междометий. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2001. – 512 с.

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

Источники:

10. Чобиты / пер. с яп. Д. Сивков. – М.: Изд-во «Палма Пресс», 2014. – Т. 1. – 180 с.

11. Фудзио Ф. Фудзико. Дораэмон: манга / пер. с яп. Д. Коваленина. – М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2012. – Т. 2. – 192 с.

12. Сарати Ёми. Врата Штейна: манга / пер. с яп. Е. Мягков. – СПб.: ООО «ЭксЭл Медиа», 2015. – Т. 1. – 180 с.

13. Вильмонт Е. Н. Подсолнухи зимой // Крутая дамочка 2. – М.: АСТ, 2008. – 285 с.

14. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1983. – Т. 1.

REFERENCES

1. Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov): uchebnoe posobie dlya studentov fakul'tetov inostrannykh yazykov vuzov. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2003. – 128 s. [in Russian]

2. Katasonova E.L. Yapontsy v real'nom i virtual'nom mirakh: ocherki sovremennoy yaponskoy massovoy kul'tury. – M.: Vostochnaya literatura, 2012. – 357 s. [in Russian]

3. Petrova, S.I. Yaponskiy komiks kak tip teksta (kategoriya informativnosti) // Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. K. Ammosova. – Yakutsk: Izd-vo GOU VPO YaGU, 2005. – № 4, t.2. – S. 47–51. [in Russian]

4. Stolyarova, L.G. Analiz strukturnykh elementov komiksa // Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. – 2010. – Vyp. 1. – S. 383–388. [in Russian]

5. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. – SPb.: Norint, 2000. – 1536 s. [in Russian]

6. Efremova T.F. Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. – M.: Russkiy yazyk, 2000. – 1233 s. [in Russian]

7. Efremova T.F. Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka: 15 000 slovarnykh statey, 22 000 semanticheskikh edinits. – M.: Russkiy yazyk, 2001. – 863 s. [in Russian]

8. Kveselevich D.I., Sasina V.P. Russko-angliyskiy slovar' mezhdometiy. – M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'», 2001. – 512 s. [in Russian]

9. Ozhegov, S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. – M.: OOO «A TEMP», 2006. – 944 s. [in Russian]

10. Chobity / per. s yap. D. Sivkov. – M.: Izd-vo «Palma Press», 2014. – T. 1. – 180 s. [in Russian]

11. Fudzio, F Fudziko. Doraemon: manga / per. s yap. D. Kovalenina. – M.: ROSMEN-PRESS, 2012. – T. 2. – 192 s. [in Russian]

12. Sarati Emi. Vrata Shteyna: manga / per. s yap. E. Myagkov. – SPb.: OOO «EksEl Media», 20015. – T. 1. – 180 s. [in Russian]

13. Vil'mont, E.N. Podsolnukhi zimoy // Krutaya damochka 2. – M.: AST, 2008. – 285 s. [in Russian]

14. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30-ti tomakh / A. P. Chekhov. – M.: Nauka, 1983. – T. 1. [in Russian]

УДК 811.112.2’38

РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОГО ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ (ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ)

Кокова Александра Васильевна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *alnevd@mail.ru*

Аннотация. В статье устанавливается, что стилистические нормы немецких СМИ сформировались на протяжении XIX столетия. Для всестороннего изучения газетно-публицистического стиля в культурологическом аспекте необходим учёт и социально-политических аспектов исторического развития соответствующего периода. При детальном изучении важнейших периодов развития немецких СМИ во второй половине XIX столетия обнаружено, что для развития стиля и языка немецких СМИ того времени характерно три основных стилистических направления: рационально-аналитическое, апеллятивно-категорическое (социалистическая пресса), а также интеллектуальное.

Ключевые слова: немецкий язык; публицистический стиль; средства массовой информации; прагматика.

DEVELOPMENT AND FORMATION OF THE GERMAN PUBLICISTIC STYLE IN THE SECOND PART OF THE XIX CENTURY

Kokova Aleksandra Vasilyevna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. Stylistic norms of the German mass media had been formed in the XIX century. It is necessary to take into account social and political aspects of the historical development of the corresponding period for the comprehensive treatment of the publicistic style in culturological aspect. After detailed study of the main periods of the german mass media development in the second part of the XIX century it has been ascertained that three main directions were characteristic of the German mass media style: rational-analytic, appellative-categorical (socialistic media) and intellectual.

Keywords: the German language; publicistic style; mass media; pragmatics.

С общелингвистических позиций прагматики и коммуникации необходимо отметить, что стилистические нормы немецких СМИ сформировались на протяжении XIX столетия. Для всестороннего и дифференцированного изучения газетно-публицистического стиля в культурологическом аспекте необходим

учёт и социально-политических аспектов исторического развития соответствующего периода.

В развитии немецкой газетной прессы XIX столетия отражается бурная, в некоторой степени драматичная история Германии этого периода. Несмотря на ряд негативных факторов (противодействие влиятельных политических акторов свободе прессы, отсутствие политического и территориального единства страны до 1871 г., негативное влияние внешнеполитической обстановки) развитие немецкой публицистики ознаменовалось небывалым до того времени прогрессом. В XIX в. пресса информативного типа превратилась в массовую прессу, с многотысячными тиражами, воздействующую на общественное мнение.

Важнейшие этапы становления немецкой газетной публицистики характеризуются борьбой за свободу прессы от государственной цензуры и давления со стороны финансовых кругов, появлением публицистики воздействующего типа, возникновением партийной политической прессы, появлением издательских концернов и массово распространённой анонсной прессы («генеральанцайгеры»), появлением новых профессий журналиста и газетного издателя.

Наиболее распространённая периодизация истории немецкой прессы XIX в. опирается на соответствующие периоды общественно-политического развития страны, в соответствии с которой развитие немецкой публицистики в XIX в. рассматривается по следующим периодам: период Французской революции (1789–1799); период Наполеона (1799–1815); период Меттерниха (1815–1830); предреволюционный период (1830–1848); период Мартовской революции 1848 г. (1848); период реакции (1849–1862); период Бисмарка (1862–1890); период Вильгельма II (1890–1914); Первая мировая война (1914–1918) [ср.: 1; 2].

На характер немецкой прессы наложили отпечаток две прямо противоположные тенденции, определяемые, с одной стороны, стремлением правителей ограничить её свободу путём увеличения политического и финансового давления; с другой – усилением различных оппозиционных течений (реформаторских, либеральных, леворадикальных, демократических), стремившихся к завоеванию декларируемой ими свободы печати.

Основными предпосылками интенсивного и быстрого качественного и количественного роста немецкой газетной публицистики явились:

– политические предпосылки (в первую очередь постепенное изменение законодательства в пользу издателей средств массовой информации, их освобождение от юридических и экономических ограничений);

– экономические предпосылки (связаны с вовлечением публицистики в рыночные отношения, созданием газетно-публицистических концернов, обострением конкуренции и связанным с этим фактором постоянным стремлением к повышению качества редактирования произведений публицистики, а также к усовершенствованию технологии создания газет);

– технические предпосылки (состояли в постоянном техническом усовершенствовании и экономической оптимизации процесса печати газет, в совер-

шенствовании методов получения актуальной и достоверной информации, в появлении телеграфных информационных агентств, в совершенствовании структур газет, их насыщении новыми востребованными рубриками и функциональными типами текстов).

В целях достижения коммерческого успеха к концу рассматриваемого периода происходят ощутимые изменения в содержательной структуре газетной публицистики: в сторону увеличения объёма их деловой и развлекательной частей.

В отечественной истории немецкого языка и газетно-публицистического стиля наименее изученными и исследованными являются периоды, связанные с подготовкой к политическому и территориальному объединению Германии и правлением династии кайзеров Гогенцоллернов. Рассмотрим подробнее эпохи подготовки к объединению Германии и первые десятилетия существования Германской империи. Данные периоды оказали существенное влияние на формирование языка и стиля немецких СМИ.

Период Бисмарка

О. фон Бисмарк, будучи талантливым журналистом, прекрасно осознавал роль прессы в политике. Поэтому на должности премьер-министра правительства Пруссии и далее, будучи канцлером уже объединенной Германии, он постоянно оказывал поддержку тем периодическим изданиям, которые представляли в выгодном свете проводимый им и его правительством политический курс. К ним относились газеты, принадлежавшие различным политическим течениям: консервативные, центристские и либеральные.

На протяжении десятилетий в либеральном движении отсутствовало единство, не существовало и единого центрального печатного органа. Интенсивный подъём общественно-политической активности либералов наблюдается с 1858 г., когда они заняли большинство мандатов в парламенте Пруссии (210 из 352). Более чёткая организация и управление либеральной прессы воплотились в жизнь после основания Немецкой прогрессивной партии (Deutsche Fortschrittspartei) в 1861 г., политический курс которой нашёл отклик у наиболее популярных берлинских газет «Königlich privilegirte Berlinische Zeitung», «Berlinische Volkszeitung», «National-Zeitung». Таким образом, из 6 газет, выходящих в Берлине два раза в день, три стали печатными органами Прогрессивной партии. Основными принципами политической программы Прогрессивной партии были усиление региональной роли Пруссии, объединение Германии под началом Пруссии, либеральное правительство и законодательство на основе Прусской конституции.

Зависимость прессы от правящих элит наглядно отразилась в судьбе издания «National-Zeitung». Присоединившись к национально-либеральной фракции, она поддерживала О. фон Бисмарка. С 1874 г. газета неизменно и постоянно имела финансовый успех. Но как только в 1878 г. с её страниц прозвучала критика в адрес Бисмарка за принятие резонансного в то время закона против социалистов, она пришла в упадок и далее прекратила свою деятельность.

Гораздо спокойней, плодотворнее и благополучней было существование богатой национальными традициями «Kölnische Zeitung». Став официальным печатным органом правительства в Рейнском регионе, она пользовалась покровительством самого канцлера, которое неоднократно подкреплялось и финансовым успехом (тираж 60 000 экземпляров в 1866 г.) В Баварии и в других регионах на юге Германии ведущим либеральным изданием стала «Neueste Nachrichten» (München). С 1862 г. новый владелец Юлиус Кнорр газеты стремился использовать её в качестве «оружия в борьбе за свободу и единство». О популярности этой газеты также свидетельствует огромный тираж – 70 000 экземпляров (1889 г.).

С 1860 г. основным изданием национально-либеральной фракции становится «Süddeutsche Zeitung» (Мюнхен). В Гессене распространённой газетой леволиберального политического направления была «Frankfurter Handelszeitung», целенаправленно и последовательно проводившая линию, враждебную Пруссии.

С 60-х гг. XIX в. в Германии наблюдался подъём социал-демократического движения, которое создало большое количество собственных партийных органов печати. Газеты социал-демократического направления были собственностью партии и зависели от региональных комиссий социал-демократической партии по вопросам прессы («Pressekommissionen»). Они функционировали в основном как агитационно-полемические издания, на страницах которых информативно-деловая функция отодвигалась на задний план. Они должны были служить исключительно задачам классовой борьбы, привлечению новых последователей, пропаганде социализма. Вследствие этого содержание и стиль данных газет характеризуются перегруженностью, насыщенностью теоретическими и псевдотеоретическими положениями, различными видами экспликативных и поучительных публикаций и догматичностью [2, s. 802; 1, s. 185]. К осени 1978 г. в стране насчитывалось 42 издания социал-демократической принадлежности с общим тиражом 150 000 экземпляров. Газета «Vorwärts», к примеру, имела в 1877 г. более 12 000 подписчиков.

Принятый ранее и вступивший в силу в октябре 1878 г. закон о социалистах (Sozialistengesetz) определённо подорвал социал-демократическое движение и соответственно прессу партии. Лидеры социалистов вынуждены были эмигрировать; центральный комитет социалистов начал издавать в Цюрихе с конца сентября 1879 г. газету «Социал-демократ». Газету незаконным путём через так называемую «Rote Feldpost» (красную полевую почту) перевозили через границу в Германию. В 1887 г. она имела в Швейцарии высокий тираж – 12 000 экземпляров.

В 1890 году после отмены закона о социалистах были заново образованы 60 изданий социал-демократии.

Период Вильгельма II (1890–1914)

Реакцией на закон О. фон Бисмарка о социалистах явился неожиданный взлёт популярности социал-демократов среди широких масс трудящихся, о чём свидетельствует значительное увеличение тиражей её изданий. В после-

дующие годы также наблюдался подъём популярности социал-демократической партии в среде трудящихся, он отразился на динамике роста числа подписчиков социал-демократической прессы. Усиленная агитация принесла свои плоды и на политической арене. В 1912 г. СДП завоевывает 110 мест в немецком рейхстаге (28 %).

Важной чертой данного периода развития публицистики является расцвет и распространение массовой и анонсной прессы. После отмены в 1850 г. государственной монополии на публикацию частных объявлений и рекламных заметок данные виды публикаций могли вновь без ограничений приниматься и в политические издания. До этого объявления и реклама могли быть опубликованы только в специальной в то время анонсной прессе (Intelligenzblätter). С точки зрения политической конъюнктуры и возможностей извлечения финансовой выгоды данное обстоятельство полностью отвечало интересам владельцев изданий. Если финансирование газет до середины XIX в. осуществлялось в основном средствами, полученными от продажи тиража, то со второй половины века финансирование изданий стало по большей части осуществляться за счёт доходов от частных объявлений и рекламы. Цены на газеты, прежде всего для подписчиков, могли снижаться, а это соответственно приносило издателям выгоду в условиях ожесточавшейся конкуренции на рынке газет. Новый тип газет, носивших название Generalanzeiger, впервые достиг больших массовых тиражей, которые по масштабу далеко превосходили прежние показатели. По большей части они не относились к политическим газетам, но в последние десятилетия XIX в. во многих из них начали появляться и политические рубрики, где прослеживалась та или иная идеологическая принадлежность. Важное место в названных газетах отводилось публикациям сенсаций и развлекательных материалов.

Массовость недорогой анонсной прессы нового типа обусловило появление доступных по цене газет, почти без публикаций на политические темы. Аполитичность как важнейшая черта периодической печати была впервые провозглашена берлинской газетой «Tägliche Rundschau», выходившей с сентября 1881 г. Массовая пресса, в отличие от политических партийных изданий, постоянно ведущих борьбу друг с другом за власть, ориентировала читателей на гармонию и мир как в обществе, так и в личной жизни, публикуя, по большей части, развлекательные материалы, сенсации и коммерческие объявления. В связи с быстрым ростом населения в крупных городах и повышением уровня образованности населения массовой прессе был гарантирован большой финансовый успех. Большинство партийных газет и региональная периодика были не в силах выстоять конкуренцию с новыми массовыми изданиями. Исключениями были только центральные издания СДП «Vorwärts» и «Leipziger Volkszeitung».

К началу XX века лишь 3,5 % немецких газет имели тираж, превышавший 15 000 экземпляров. Среди них были и «генеральанцайгеры», что свидетельствует об их роли и значимости в прессе данного периода. К. Кошчик тем не менее справедливо подчеркивает негативный аспект широкого распростране-

ния политически нейтральной массовой публицистики, благодаря которой широкие слои населения Германии оказались не сведущими в политике в самые решающие моменты, требовавшие от них исполнения своей общественной функции и проявления необходимой политической решимости [1, s. 268].

В конце XIX столетия и в начале XX основные позиции на газетно-публицистическом рынке занимают крупные издательства – концерны, так что наиболее распространённые и известные газеты информативного и воздействующего типа, а также издания, специализировавшиеся на экономике, могли издаваться лишь за счёт крупного капитала и современной технической базы. Столица Германской империи – Берлин – приобрела ведущую роль в немецкоязычной публицистике того времени, поскольку там расположились ведущие издательские концерны страны. Немецкая пресса к началу XX в., во время правления кайзера Вильгельма II полностью перешла в сферу рыночных отношений.

Важнейшие типы текстов политических СМИ в полной мере развились и укоренились в главных печатных изданиях Германии рассматриваемого периода. К ним относятся, прежде всего, публицистический комментарий, политическая статья и передовая статья. С собственно лингвистических позиций и характеристики типов межтекстуальных связей в данном периоде выделяется три основных направления: рационально-аналитическое, апеллятивно-категорическое (социалистическая), а также интеллектуальное направления. Для них характерен отход от традиционных правил классической риторики в построении текста, от тактики контрастов, употребление гротесков и пародий, сенсационность и критичность. В дальнейшем развитии немецких СМИ вышеназванные черты получают развёртывание и модификацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Koszyk K. Deutsche Presse im 19. Jahrhundert. – Berlin: Copress Verlag, 1991. – 372 S.

2. Nipperdey Th. 2 Deutsche Geschichte (1866-1918). Arbeitswelt und Bürgergeist. – München: C.H. Beck, 1991. – 885 S.

УДК 81’25

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПЕРЕВОДА: В ПОИСКАХ КРИТЕРИЕВ

Кушнина Людмила Вениаминовна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, *Пермь*, *Россия*, *lkushnina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема поиска критериев качественного перевода текста с позиций культурно-ориентированных концепций перевода. В основу работы положена авторская концепция переводческого пространства, где в качестве ведущего критерия выступает гармония, а сущность процесса перевода определяется его синергетической природой. Именно синергия смысловых аттракторов как синергетических единиц анализа символизирует порождение гармоничного текста перевода, который естественным образом вписывается в принимающую культуру.

Ключевые слова: культурно-ориентированные концепции перевода; переводческое пространство; критерии перевода; синергия; гармония.

CULTURAL DIMENSION OF TRANSLATION: FINDING CRITERIA

Kushnina Lyudmila Veniaminovna

Perm National Research Polytechnic University, *Perm*, *Russia*

Abstract. The article reviews the problem of finding criteria for text translation efficiency in the terms of cultural-oriented translation conceptions. It is based on the author’s conception named “translation space” where harmony is considered as a major principle of translation. The essence of translation process is defined by its synergetic nature. That is a synergy of meanings’ attractors being synergetic units of the analysis that symbolizes the creation of a harmonious target text could be fully understood by the target culture.

Keywords: cultural-oriented conceptions of translation; translation space; translation criteria; synergy; harmony.

Выдвинув идею гармонии как категории, выступающей критерием качественного перевода, мы обозначили значимость авторской модели перевода – переводческого пространства – и тех реальных результатов, которых ожидает реципиент переводного текста: воспринимать текст перевода так, как его воспринимает реципиент текста оригинала. Такая постановка вопроса не нова. Вместе с тем поиски его успешного решения продолжают волновать исследователей перевода.

С нашей точки зрения, наиболее близки к его решению те ученые, которые работают в русле культурно-ориентированных концепций перевода. К ним мы

относим таких современных исследователей, как К. Норд, которая активно развивает идеи К. Райс и Х. Фермеера относительно скопос-теории в Германии; Ж. Делиля, выдвинувшего интересные идеи в области изучения функций перевода в Канаде; в этом же аспекте мы разрабатываем концепцию переводческого пространства в России.

В рамках данной статьи мы намерены обсудить, в чем преимущество указанных выше концепций, что их объединяет, каковы могут быть критерии качественного перевода текста с позиций культурно-ориентированных концепций перевода.

Начнем с того, что авторы скопос-теории изучают проблемы культурного трансфера, культурного переноса, преодоления культурных барьеров и др., акцентируя внимание на том, что текст перевода представляет собой часть целевой культуры. Как отмечает Э. Прунч, в рамках скопос-теории собственно процесс перевода начинается с извлечения информации из исходной культурной среды и исходного текстового пространства и заканчивается его интеграцией в среду и текстовое пространство целевой культуры. При этом переводчик выступает экспертом культуры и текста, который осваивает одну из потенциальных интерпретаций. Это означает, что исходный текст открыт для множества интерпретаций, поэтому не существует единого перевода [4].

Данная позиция чрезвычайно близка нашей концепции переводческого пространства, которое мы трактуем как открытую саморазвивающуюся синергетическую систему, которая является отражением многосмыслия исходного текста, что, естественно, является источником многосмыслия текста перевода. В процессе его интеграции в каждую новую культуру происходит порождение новых смыслов, т. е. их синергия, и этот процесс бесконечен.

Ж. Делиль сформулировал восемь функций перевода: перевод как источник вдохновения, перевод как школа стиля, паллиативный перевод, идентифицирующий перевод, трансгрессивный перевод, перевод-барометр, перевод как перенос литературных жанров, перевод как культуроформирующий фактор. Нас заинтересовала последняя, культуроформирующая, культуросозидающая функция. Аргументируя значимость данной функции, ученый подчеркивает: «*La traduction n'est pas seuleument ce qui permet le dialogue entre les cultures*: *elle est ce qui*, *bien souvent*, *les façonne"* [6, p. 46]. («*Перевод – это не столько то*, *что обеспечивает диалог между культурами*, *сколько то*, *что*, *очень часто*, *их формирует*» – пер. наш *Л.К.*). Как видим, ученый развивает идею диалога культур, которая в течение многих лет подчеркивается научным сообществом. В действительности гораздо большую значимость приобретает функция формирования культур, которая совершается в результате переводческой деятельности, развивающей и обогащающей другие культуры. Более того, ссылаясь на результаты исследований израильского ученого З. Шавита, Ж. Делиль пишет о том, что период роста или возрождения культуры начинается именно с переводов, как это имело место в начале XX в., во время становления государства Израиль.

Изучение переводческих функций, выдвинутых Ж. Делилем, в частности, культуроформирующей функции, показало, что ее реализация выступает критерием успешного перевода и успешной деятельности переводчика.

В своих работах мы акцентируем внимание на том, что качественным, в нашей трактовке, гармоничным, является такой перевод, который естественным образом вписывается в принимающую культуру [3]. Для понимания этого положения кратко остановимся на разрабатываемой нами концепции.

Переводческое пространство – это концепция перевода, раскрывающая синергетическое видение данного процесса. Сам перевод мы трактуем как процесс взаимодействия языков и культур, центральным компонентом которого выступает синергия гетерогенных смыслов. Способом представления данного процесса является полевая структура нелинейной конфигурации, где различают ядро и периферию. Ядро переводческого пространства образует содержание текста, которое является для переводчика инвариантом, порождающим единственный эксплицитный смысл, обозначенный нами как фактуальный. Все остальные смыслы имплицитны. Они образуют периферию, или смысловые поля текста и субъектов переводческой коммуникации – автора, переводчика, реципиента. В каждом поле формируется уникальный смысл: модальный смысл поля автора, индивидуально-образный смысл поля переводчика, рефлективный смысл поля реципиента, эмотивный смысл энергетического поля, культурологический смысл фатического поля.

В переводческом пространстве имеет место не просто извлечение и транспонирование смыслов, но их синергия, сопровождаемая приращением новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. Как и в любых синергетических процессах, мы анализируем управляющий параметр и смысловой аттрактор. В качестве управляющего параметра мы вычленяем образ-гештальт текста, формируемый в сознании субъектов и динамически развивающийся в полях переводческого пространства. Смысловой аттрактор мы соотносим с таким репрезентантом образа-гештальта, который обусловливает выбор оптимального переводческого решения из множества альтернативных вариантов.

Именно смысловой аттрактор символизирует гармоничный перевод, т. е. такой, при котором смыслы текстов оригинала и перевода соразмерны, согласованы. В случае неудачного перевода мы констатируем дисгармонию.

Приведем пример.

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» при переводе на французский язык встречаем как гармоничные, так и дисгармоничные проявления.

Оригинал выглядит так: «*Через час в подвале маленького домика в одном из арбатских переулков*, *в первой комнате… сидела Маргарита*» [1, с. 332].

Читаем перевод: «*Une heure plus tard*, *au sous-sol de la petite maison dans une ruelle proche de l’Arbat*, *dans la grande pièce… Marguerite était assise*» [5, p. 404].

Сопоставление оригинала и перевода показывает, что переводчик отходит от передачи точных словарных соответствий, адаптируя текст к иноязычной культуре. Гармонизируя смыслы текста, в частности, передавая выражение «арбатский переулок» переводчик выбирает «une ruelle proche de l’Arbat», что в буквальном переводе звучит «улочка, близкая к Арбату», – выражение, дающее читателю представление о расположении переулка; «в первой комнате» переведено как «dans la grande pièce» (букв. «в большой комнате»), поясняя

тем самым, что первая комната, это обычно большая комната, что также дает читателю представление о местонахождении героини романа.

Приведем другой пример [1, с. 259]:

«*Николай Иванович*, *видный в луне до последней пуговицы на серой жилетке*, *до последнего волоска в светлой бородке клинышком*, *вдруг усмехнулся дикой усмешкой*, *поднялся со скамейки*, *и очевидно не помня себя от смущения*, *вместо того*, *чтобы снять шляпу*, *махнул портфелем в сторону и ноги согнул*, *как будто собирался пуститься вприсядку*».

«*Nikolai Ivanovatch*, *dont on distinguait à la lumière de la lune*, *jusqu'au dernier bouton du gilet gris*, *jusqu'au dernier poil de la barbiche en pointe*, *partit soudain d'un petit rire saugrenu*, *se leva et ne sachant manifestement*, *dans son trouble*, *ce qu'il faisait*, *au lieu d'ôter son chapeau battit l'air de sa serviette et plia les genoux comme s'il voulait exécuter une danse russe*» [5, p. 321].

Интерес вызывает перевод выражения «пуститься вприсядку» как «executer une danse russe» (букв.: «исполнить русский танец»). Действительно, французскому читателю очень трудно объяснить русскую лингвокинему «пуститься вприсядку», поэтому выбор аттрактора, объясняющего истинный смысл данной кинемы представляет нам целесообразным, а сам перевод гармоничным.

Как показали приведенные выше примеры и как подтверждают наши многочисленные наблюдения, гармоничный перевод является результатом приращения новых смыслов, которых не было в оригинале, либо они были выражены в нем имплицитно. В связи с этим с позиций синергетики, качественным можно признать такой перевод, при котором, в результате синергии смыслов всех полей переводческого пространства происходит лингвокультурная адаптация текста перевода. Это означает, что текст перевода естественным образом вписывается в принимающую культуру, иноязычный/инокультурный реципиент воспринимает его аналогично восприятию, свойственному представителю другой культуры.

Исходя из сказанного выше, критерием качественного перевода выступает гармоничная трансляция смыслов, соотносимая с принимающей культурой, что обусловлено гармоничным переводческим мировоззрением, которым должен владеть переводчик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – СПб.: Азбука, 2014. – 480 с.

2. Кушнина Л. В. Динамика переводческого пространства. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2003. – 232 с.

3. Кушнина Л. В., Криворучко А. И., Ушакова А. О. Когнитивные механизмы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. – № 3. – С. 85–95.

4. Прунч Э. Пути развития западноевропейского переводоведения. От языковой асимметрии к политической. – М.: Р. Валент, 2015. – 512 с.

5. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. / Traduit du russe par C. Ligny. – Paris: Edition Robert Laffont, 1994. – 577 p.

6. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction. Editura Universitatii din Suceava. – 2014. – № 21. – P. 37–60.

REFERENCES

1. Bulgakov M.A. Master i Margarita. – SPb.: Azbuka, 2014. – 480 s. [in Russian]
2. Kushnina L.V. Dinamika perevodcheskogo prostranstva. – Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 2003. – 232 s. [in Russian]
3. Kushnina L.V., Krivoruchko A.I., Ushakova A.O. Kognitivnye mekhanizmy perevoda // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2016. – № 3. – S. 85–95. [in Russian]
4. Prunch E. Puti razvitiya zapadnoevropeyskogo perevodovedeniya. Ot yazykovoy asimmetrii k politicheskoy. – M.: R. Valent, 2015. – 512 s. [in Russian]
5. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. / Traduit du russe par C. Ligny. – Paris: Edition Robert Laffont, 1994. – 577 p.
6. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction. Editura Universitatii din Suceava. – 2014. – № 21. – P. 37–60.

372.881. 111. 1

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ГЛАЗАМИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Мелёхина Елена Анатольевна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *melexina@corp.nstu.ru*

Аннотация. В статье говорится о специфике перевода художественных текстов и ее понимании будущими переводчиками, начинающими изучать курс «Художественный перевод». Обсуждаются результаты опроса студентов об отличии художественного от других видов перевода, а также о проблемах, с которыми приходится сталкиваться переводчику литературных текстов.

Ключевые слова: художественный перевод; художественный образ; переводчик; лингвистическая компетенция; культурологическая компетенция.

LITERARY TRANSLATION THROUGH THE EYES OF FUTURE TRANSLATORS

Melekhina Elena Anatolievna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*, *melexina@corp.nstu.ru*

Abstract. The article deals with the specificity of literature translation and its understanding by future translators taking the course ‘Literary Translation’. The data of a survey gathered at the beginning of the course represent students’ perception of how literary translation differs from other genres of translation and what difficulties the translators of literature encounter in the process of translation.

Key words: literary translation; imagery; translator; linguistic competence; cultural competence.

Художественным переводом занимаются только те,
кто чувствует в себе индивидуальность.
Н.К. Гарбовский «*О переводах и "музыке перевода"*»

Переводчик художественных произведений выполняет важную роль посредника между двумя иноязычными культурами. В связи с этим основной целью подготовки лингвистов по профилю «Перевод и переводоведение» является формирование как лингвистических, так и культурологических компетенций. В курсе «Художественный перевод» эти компетенции включают «знание основных особенностей перевода текстов разных жанров», «умение анализировать перевод с учетом художественного образа и стиля автора произведения», а также «умение осуществлять основные виды переводческих трансформаций». В данной статье мы рассмотрим, в чем заключается специфика художественного перевода и как её понимают студенты, выбирающие этот курс из числа вариативных дисциплин образовательной программы направления 45.03.02–Лингвистика.

Художественный перевод отличается от других видов специального перевода творческим характером переводческой деятельности. Например, при переводе научно-технических, публицистических, юридических и прочих текстов, относящихся к какой-либо отрасли знаний, переводчик главным образом воспроизводит на языке перевода информацию, содержащуюся в тексте на исходном языке, то есть деятельность переводчика носит репродуктивный характер. В процессе же художественного перевода переводчик не может опираться преимущественно на репродукцию и для достижения эстетического воздействия оригинала прибегает к речевому творчеству, поскольку художественный текст обладает высокой степенью образности и допускает многообразие толкований.

Помимо образности, эстетического воздействия и вовлеченности читателя в события и отношения, описываемые в литературном произведении, художественный текст имеет ряд других специфических особенностей, таких как позиция автора, композиционное разнообразие, временная и национально-культурная обусловленность. В художественном тексте присутствует большое количество индивидуализирующих автора слов и словосочетаний в переносном значении, придающих описываемому предмету или явлению нетрадиционное понимание.

Всё существующее многообразие особенностей художественного текста должно быть передано на переводящий язык с адекватным оригиналу эмоциональным воздействием на читателя. Это требует от переводчика не только хорошего знания иностранного языка, истории и культуры людей, говорящих на нем, но и глубокого понимания творческого кредо автора исходного текста, учета особенностей его жизненного периода, соответствующего времени создания произведения, и обстоятельств, обусловивших обращение к данному художественному образу. Через распознавание и воспроизводство на переводящем языке художественных образов исходного текста переводчик, по мне-

нию И.Г. Мальцевой, рассматривает этот текст в контексте литературных традиций и выразительных возможностей языка оригинала для более полноценного восстановления художественного концепта с учетом литературных традиций и выразительных возможностей языка перевода [2].

Рассматривая деятельность переводчика как необходимую составляющую мирового литературного процесса, Н.К. Гарбовский подчеркивает, что «именно переводчик в условиях многообразия культур и отсутствия единого мирового языка оказывается перед необходимостью освоить «чужое» для принимающей культуры и привести в единую систему *универсальное*, *своё* и *чужое*» [1, с. 5]. В связи с этим И.В. Иванова утверждает, что при обучении художественному переводу необходимо решать задачу «формирования переводческой компетенции, позволяющей культурно-языковой личности выйти за пределы собственной культуры и осуществить медиативную деятельность» [Цит. по: 3, с. 113]. Иными словами, в процессе изучения курса «Художественный перевод» будущий переводчик художественных текстов должен осознать, что он несет ответственность за признание зарубежных авторов и их произведений представителями культуры переводящего языка.

Для определения того, насколько студенты третьего курса направления подготовки 45.03.02–Лингвистика, профиль «Перевод и переводоведение», выбравшие курс «Художественный перевод», понимают специфику художественного перевода, на первом занятии нами был проведен опрос, включающий ответы на следующие вопросы: «Что такое художественный перевод и чем он отличается от других видов перевода?», «С какими трудностями, по Вашему мнению, приходится сталкиваться переводчику художественных текстов?», «Что должен знать и уметь переводчик художественных произведений?».

Из 29 студентов, участвовавших в опросе, при ответе на первый вопрос большинство (16 человек) отметили в качестве основного отличия художественного перевода от других видов перевода разнообразие стилей и необходимость передачи «чувств», «атмосферы», «сложных речевых оборотов», «неформальной лексики». Единичными ответами были «наличие субъективной позиции автора», «необходимость особого склада ума для переводчика» и «знание культуры». То есть, студенты, с одной стороны, понимают частные отличия перевода художественных текстов от перевода текстов других жанров, с другой стороны, не выделяют их главного отличия – образности.

Возможно, это объясняется особенностями преподавания курса литературы в средней школе, а именно, небольшим количеством часов, недостаточным вниманием к анализу произведений и художественных образов, а также пренебрежением к выполнению такого важного для развития критического мышления задания, как сочинение на заданную тему, в котором необходимо рассуждать, анализировать и характеризовать образы литературных произведений. В результате этого, как показывает опыт преподавания за последние два-три года, (прежде ситуация была значительно лучше) даже студенты, которые поступили в университет с высокими (80–90) баллами по ЕГЭ, из поэтов знают,

главным образом, В. Шекспира и А.С. Пушкина; из выдающихся русских писателей называют только самые известные имена: Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, причем глубокое знание их произведений у студентов отсутствует. При этом, вероятно, благодаря кинематографу, из зарубежных авторов почти все знают Дж. Р. Р. Толкиена и его «Властелина колец», Дж. Роулинг и серию ее романов «Гарри Поттер», Дж. Остин с ее произведением «Гордость и предубеждение». Как же в этой ситуации быть с «выходом за пределы собственной культуры»?

Ответы на второй вопрос о трудностях, с которыми приходится сталкиваться переводчику художественных текстов, распределились следующим образом: все студенты отметили в качестве основной трудности перевод лексики, особенно, стилистически окрашенных слов; две трети упомянули безэквивалентную лексику и перевод реалий; половина – передачу эмоций и настроения; всего пять человек назвали передачу художественного образа («передавать образ сложнее, чем факты»). Были и такие любопытные единичные ответы, как «необходимо чувствовать текст», «передать задумку автора», «выразить смысл, связанный с фонетическими приемами» (?), «несовпадение менталитетов английского и родного языков» (?!). То, что при ответе на этот вопрос студенты показали больше понимания трудностей переводческого процесса, обусловлено тем, что к началу изучения курса «Художественный перевод» ими пройден курс «Теория перевода», в рамках которого рассматриваются закономерности переводческого процесса, включая основные трудности перевода и способы их преодоления.

При ответе на третий вопрос о том, что должен знать и уметь переводчик художественных текстов, большинство – 90 процентов – отметили значимость высокого уровня владения иностранным языком; половина опрошенных признали необходимость переводчика быть начитанным; пять студентов ответили, что переводчик должен знать приемы и способы перевода; двое написали, что переводчик должен быть «творческим». Также отмечалось, что переводчик должен знать особенности культуры, уметь находить информацию, разбираться в исторических периодах, работать со словарем, обладать широким кругозором. Среди оригинальных ответов находим «иметь высокий литературный уровень», «владеть красивым слогом», «чувствовать, что представляет из себя автор», «правильно и красиво переводить», «иметь некоторое количество информации о различных сферах жизни», «знать биографию автора, от которой зависит, что он хотел передать в своем произведении». Наиболее полным и соответствующим представлению о деятельности переводчика художественных текстов выглядит следующий ответ: «Переводчик художественных текстов должен обладать широким кругозором, острым чутьем на культурные особенности людей, разговаривающих на разных языках, а также лингвистическим чутьем на разного рода фразеологизмы и лакуны. Переводчику необходимо уметь передать смысл текста как можно ближе к оригиналу, и как можно меньше вкладывать «свое» в текст».

Суммируя результаты анкетирования, можно уверенно сказать, что, приступая к изучению курса «Художественный перевод», студенты-лингвисты

имеют представление о сути переводческого процесса, о проблемах, с которыми сталкивается переводчик художественных текстов, а также о необходимости знания иностранного языка. Конечно, в ходе освоения курса они познакомятся с понятием «художественный образ», получат практику перевода с родного на английский и с английского на русский литературных произведений различных жанров. Возможно, кто-то в будущем почувствует в себе индивидуальность и займется именно художественным переводом. Хочется верить, что по окончании университета будущие переводчики будут неуклонно повышать свой общекультурный и профессиональный уровень, которые в данной профессии равно важны, что позволит им на высоком уровне осуществлять миссию посредника в диалоге культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н.К. Перевод как художественное творчество // Вестник Московского университета. Серия 22.Теория перевода. – 2010. – № 3. – С. 4–16.

2. Мальцева И.Г. Обучение художественному переводу: методика установления адекватности // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 1. – С. 187–189.

3. Привалова Ю.В. Вопросы формирования культурно-языковой личности, обладающей межкультурной компонентой переводческой компетенции, при обучении художественному переводу // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2010. – № 10. Т. 111. – С. 113.

REFERENCES

1. Garbovskiy N.K. Perevod kak khudozhestvennoe tvorchestvo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22.Teoriya perevoda. – 2010. – № 3. – S. 4–16. [in Russian]

2. Mal'tseva I.G. Obuchenie khudozhestvennomu perevodu: metodika ustanovleniya adekvatnosti // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2012. – №1. – S. 187–189. [in Russian]

3. Privalova Yu.V. Voprosy formirovaniya kul'turno-yazykovoy lichnosti, obladayushchey mezhkul'turnoy komponentoy perevodcheskoy kompetentsii, pri obuchenii khudozhestvennomu perevodu // Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki. – 2010. – № 10. T. 111. – S. 113. [in Russian]

УДК 811.161.1.10.02.04

МЕТАФОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

Онал Инна Олеговна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *onal@corp.nstu*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации метафоры в креолизованном тексте политической карикатуры. В качестве материала использованы англоязычные политические карикатуры с сайтов http://www.cartoonmovement.com/ и https://www.cartoonstock.com/, комментирующие выход Великобритании из Евросоюза, размещенные в период с февраля по сентябрь 2016 г.

Ключевые слова: политическая метафора; когнитивная метафора; невербальная метафора; креолизованный текст; политический дискурс; Брексит.

METAPHOR IN POLITICAL CARTOONS

Onal Inna Olegovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The article considers the peculiarities of the visual metaphor in creolized texts of political cartoons. The investigation is based on political cartoons in English commenting on Brexit, which were taken from the websites http://www.cartoonmovement.com/ and https://www.cartoonstock.com/ and placed in the period from February, 2016 to September, 2016.

Key words: political metaphor; cognitive metaphor; non-verbal metaphor; creolized text; political discourse; Brexit.

Современный политический дискурс неразрывно связан с дискурсом массовой коммуникации. Семиотическое пространство политического дискурса формируется не только вербальными, но и невербальными, а также смешанными знаками. К последним относятся политический плакат и карикатура.

Термин *карикатура* (итал. *caricatura*, от caricare – нагружать, преувеличивать) означает сатирическое или юмористическое изображение, в котором комический эффект создаётся преувеличением и заострением характерных черт, неожиданными сопоставлениями и уподоблениями [1]. В более узком смысле, карикатура – это «особый жанр изобразительного искусства (как правило, графики), являющийся основной формой изобразительной сатиры и обладающий ясной идейной социально-критической направленностью» [3, с. 5]. Политическая карикатура, в свою очередь, изображает политические события и их участников, представляя собой «вербо-иконический знаковый комплекс, являющийся одним из вторичных жанров политического дискурса» [3, с. 3].

Авторское начало карикатуры подразумевает индивидуальную интерпретацию событий, но эта интерпретация несет на себе отпечаток национального коллективного сознания, поскольку факты, идеи, выраженные в форме образов и символов, должны быть известными и значимыми для предполагаемой аудитории, а предложенные оценки фактов – доступными для понимания. Следовательно, политическая карикатура не может быть исключительно субъективным жанром, и ее изучение является значимым источником информации об общественном сознании.

По мнению А. Г. Алтунян [2, с. 159], «политическая карикатура является таким же политическим текстом, как и любая статья или речь». Карикатура объясняет, рассказывает, дает оценку и даже предсказывает дальнейший ход событий. Чаще всего в карикатуре используется сочетание изобразительных средств и словесных реплик, реже – одни изобразительные средства. В первом случае мы имеем дело с так называемыми ***креолизованными текстами***, т. е. текстами, состоящими «из двух гомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [6, с. 180–181].

Согласно Е. А. Артемовой, креолизованному тексту политической карикатуры свойственны те же базовые категории, которые присущи вербальным текстам: категории информативности и интегративности, модальности, дискретности, адресованности и интертекстуальности. Сочетание вербального и невербального компонентов обусловливает специфику реализации в политической карикатуре базовых текстовых категорий [3].

В отличие от обычного политического текста или политического плаката, политическая карикатура является своего рода загадкой, разгадав которую, читатель формулирует для себя определенный тезис (на интуитивном или сознательном уровне), являющийся для него своего рода открытием, собственным выводом. Этот «эффект сотворчества» делает карикатуру действенным инструментом политической пропаганды [2].

По мнению ряда ученых, креолизованные тексты приобретают все большую значимость в современной политической коммуникации. На наш взгляд, это связано прежде всего с тем, что данный вид текста является одним из самых доступных и быстрых средств передачи информации, а наличие визуального образа значительно упрощает и улучшает восприятие идеи, заложенной в нем автором.

В исследованиях метафор в креолизованных текстах чаще всего используются термины «невербальная» или «визуальная». Вслед за О. В. Сысолятиной [9] мы считаем, что деление метафор на вербальные и невербальные возможно лишь с определенной долей условности, поскольку в процессе производства метафор находят взаимосвязь специфические процессы психики и интеллекта, получающие как вербальное, так и невербальное оформление. Таким образом, при исследовании креолизованного текста мы имеем дело с *визуальной репрезентацией* метафорических образов. Тем не менее, для удобства будем использовать вышеназванные термины.

Исследование визуальной политической метафоры становится возможным в рамках когнитивной теории, в основе которой лежит идея о том, что метафора – это не лингвистический, а ментальный феномен: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы, а метафорические значения слов – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность [4, с. 36]. Метафору в современной когнитивной лингвистике определяют как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, какого-то фрагмента действительности в виде сценариев, фреймов и слотов (В. З. Демьянков, М. Джонсон, Е. Киттей, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фольконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов).

Тем не менее ученые приходят к выводу, что методы, которые используются для изучения вербальных метафор, недостаточны для исследования визуальных метафор в силу ряда причин, среди которых, во-первых, называют саму форму выражения метафоры, делающую невозможным применение некоторых традиционных когнитивных инструментов ее исследования, а, во-вторых, – ее контекстуальность (высокую зависимость от социально-политического контекста) [11].

Современная теория метафорического моделирования предлагает различные классификации метафорических моделей. Так, А. П. Чудинов выделяет четыре основных разряда моделей политической метафоры в русскоязычном политическом дискурсе: природоморфную, антропоморфную, социоморфную и артефактную. Метафорическая модель при этом рассматривается как существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, одна из которых является источником, а другая – мишенью метафорической экспансии [10]. В концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона различаются ориентационные (опирающиеся на пространственные оппозиции «верх – низ», «центр – периферия» и т. п.), онтологические (представление человеческой души как некоего вместилища чувств, неодушевленных предметов – как живых существ и т. п.) и структурные метафоры, которые дают возможность использовать концепты из одной понятийной сферы для характеристики совершенно иной сферы [6]. Нередко один и тот же метафорический образ может рассматриваться как одновременно принадлежащий к различным метафорическим моделям. Как показывает наше исследование, для визуальной метафоры это пересечение моделей характерно в еще большей степени, чем для вербальной.

В отличие от обычного текста, в котором можно проследить развертывание метафоры, креолизованный текст характеризуется статичностью, и поэтому детали, составляющие метафорический образ, задуманный автором – визуальные и вербальные – формально «не разнесены» во времени. Однако временны*е* отношения между элементами могут быть выражены с помощью их размера и/или расположения в пространстве карикатуры. В двухкадровых и трехкадровых карикатурах последовательность событий может изображаться слева направо, как на рис. 1. На изображении первого кадра попугай-Великобритания, увидевший открытую дверцу клетки, явно удивлен и раздумывает, что же ему с этим делать? На втором кадре клетка пуста – попугай ее покинул.

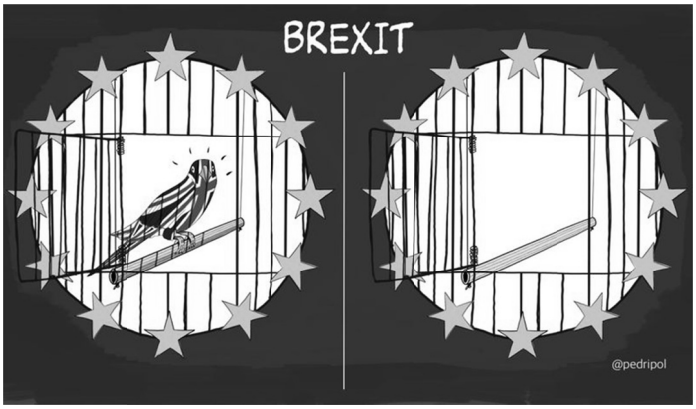

Рис. 1

В однокадровых карикатурах могут использоваться другие приемы: например, события, происходящие в данный момент, располагаются на переднем плане, а на заднем плане автор изображает предполагаемые последствия.

В жанре карикатуры очевидно преобладание визуального компонента, несущего основную смысловую нагрузку. Тем не менее, метафора в карикатуре создается именно на синтезе визуального и вербального компонентов, при этом визуальный образ часто представляет сферу-источник, а вербальный – сферу-мишень [7, с. 111]. При извлечении концепта из изображения происходит его «наложение» на концепт вербального компонента, и взаимодействие двух концептов создает единый общий концепт креолизованного текста [5].

Так, на рис. 2 невербальный (иконический) компонент представлен двумя визуальными метафорами: Евросоюз – это аквариум, а Великобритания – это рыба, выпрыгивающая из него. Вербальный компонент поясняет, что данный метафорический образ – выскакивание рыбы из воды – это и есть Брексит, т. е. выход Великобритании из Евросоюза. С одной стороны, рыба обретает свободу, так как покидает аквариум, который не является естественной средой для ее обитания. С другой стороны, рыба без воды жить не может, поэтому в данной карикатуре актуализируется идея освобождения, ведущего к гибели.

На рис. 3 Евросоюз представлен флагом, Великобритания – человеком, убегающим через открытую во флаге дверь. Вербальный компонент отсутствует, однако каждая карикатура, расположенная на сайте, обязательно сопровождается тегами – ключевыми словами, по которым потенциальный покупатель может подобрать карикатуру, например, для иллюстрации своей статьи или блога. Тег данного изображения – «Brexit», что, как мы полагаем, вполне может считаться вербальным компонентом данной карикатуры. Отметим, что, в отличие от рисунка 2, где образы Евросоюза и Великобритании принадлежат к одной метафорической модели (рыба и аквариум семантически связаны, и мы можем вербально выразить данную метафору как «Рыба выпрыгнула из аквариума» = «Великобритания покинула Евросоюз»), на данном изображении наблюдается синтез метафорических моделей (артефактной и антропоморфной), который возможен лишь в визуальной репрезентации, поскольку флаг не может являться жилищем человека, и вербальная репрезента-

ция данных метафорических образов в одном сценарии вряд ли представляется возможным.

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 3 также иллюстрирует еще одну особенность визуальной метафоры – невозможность буквального изображения абстрактных понятий. Автор вербального текста всегда может обратиться к прямой номинации концепта, например, «Евросоюз – это дом», «Великобритания покидает Евросоюз», «Англичане голосуют за Брексит». Выразить абстрактное понятие с помощью изображения возможно только метафорически, поэтому автор карикатуры вынужден прибегать к помощи метафоры.

В рассмотренных нами карикатурах преобладает изображение Евросоюза и Великобритании в виде флагов или звезд на синем фоне, с последующим удалением одной из звезд (что является наиболее простым и доступным для декодирования читателем образом). Второй по частотности образ ЕС – это корабль, самолет или воздушный шар, которые терпят крушение или теряют одного из пассажиров/членов экипажа. Традиционное представление ЕС в виде дома также нашло воплощение в некоторых карикатурах; Великобритания при этом изображается в виде кирпича, камня или части дома, извлеченных из его основания, либо в виде покидающего здание человека.

Широко используются изображения ЕС и Великобритании в виде очертаний части материка и Британских островов. Великобритания представляется также в виде животного (зооморфная метафора) – например, бульдога, срывающегося с цепи и покидающего синюю будку с сидящими в ней овчарками; в виде мыши, бегущей с корабля; в виде страуса, спрятавшего голову в песок и т. п. Для обозначения собирательного образа англичан часто используется образ Джона Булля или человека в котелке и с зонтиком, который случайно или намеренно совершает странные поступки: бьет себе кулаком в лицо, стреляет в голову, прыгает в пропасть, покидает самолет или корабль.

С точки зрения благоприятности/неблагоприятности исхода Брексита в рассмотренных нами карикатурах превалируют семантические компоненты катастрофы, гибели, сожаления, неизвестности, трагических последствий. При

этом авторы карикатуры пророчат гибель либо Великобритании, либо Евросоюзу, либо обоим участникам рассматриваемого события. Реже исход Брексита представляется благоприятным для страны, покидающей ЕС, либо вовсе не комментируется. Так, на рис.2 событие трактуется как самоубийство для Великобритании, но никак не отражается на состоянии ЕС.

Чаще всего семантика «Брексит» реализуется через взаимодействие метафорических образов Евросоюза и Великобритании, однако встречаются и карикатуры, на которых этот концепт представлен одним визуальным образом, например, Брексит – это осел, на котором пытается прокатиться дородная женщина, олицетворяющая Великобританию (рис. 4). При этом осел явно не расположен к прогулке, его ноги по колено увязли в песке, во всей видимости, под тяжестью своей тучной наездницы. Очевидно, что автор изображения подчеркивает бесполезность и бесперспективность предпринимаемого Великобританией шага.

Рис. 4

Итак, несмотря на сходство вербальных и визуальных метафор, заключающееся прежде всего в том, что они выражают сложные концепты через более простые и понятные, между ними также существуют определенные различия. На формальном уровне это, во-первых, значительно меньший по сравнению с вербальным текстом объем, во-вторых, наличие компонентов, принадлежащих к разным семиотическим системам – вербального и визуального (с преобладанием последнего). На семантическом уровне отличия заключаются в способах выражения временны*ы*х отношений между событиями, невозможность буквальной репрезентации абстрактных понятий. Кроме того, в карикатурах наблюдаются синтез различных метафорических моделей, который крайне редко может быть представлен в обычном тексте. Наконец, корректное декодирование карикатуры чаще всего невозможно вне социального и политического контекстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Ю. Г. Вербальный и иконический компоненты креолизованного текста в интракультурной и интеркультурной коммуникации (экспериментальное исследование). автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Ульяновск, 2002. – 18 с.

2. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: Учебное пособие. – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.

3. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 15 с.

4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006 – 216 с.

5. Головина Л. В. Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1986. – 24 с.

6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

7. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. – Екатеринбург, 2013. – 194 с.

8. Сорокин Ю. А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180–181.

9. Сысолятина О. В. Вербальные и невербальные формы репрезентации знания: автореф. дисс. … канд. филос. наук. – Киров, 2004. – 19 с.

10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

11. El Refaie E. Understanding visual metaphor: The example of newspaper cartoons // Visual Communication. – 2003. – Vol.2(1).

REFERENCES

1. Alekseev Ju.G. Verbal'nyj i ikonicheskij komponenty kreolizovannogo teksta v intrakul'turnoj i interkul'turnoj kommunikacii (jeksperimental'noe issledovanie). Avtoref. diss. … kand. filol. nauk/ Ul'janovsk, 2002. – 18s. [in Russian]

2. Altunjan A.G. Analiz politicheskih tekstov: Uchebnoe posobie. – M.: Universitetskaja kniga; Logos, 2006. – 384 s. [in Russian]

3. Artemova E.A. Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa. Avtoref. diss. … kand. filol. nauk. – Volgograd, 2002. – 15s. [in Russian]

4. Budaev Je.V., Chudinov A.P. Metafora v politicheskom interdiskurse. Monografija. – Ekaterinburg, Ural. Gos. Ped. Un-t, 2006. – 216 s. [in Russian]

5. Golovina L. V. Vlijanie ikonicheskih i verbal'nyh znakov pri smyslovom vosprijatii teksta. Avtoref. diss. … kand. filol. nauk. – M., 1986. – 24 c. [in Russian]

6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem: Per. s angl. / Pod red. i s predisl. A. N. Baranova. – M.: Editorial URSS, 2004. – 256 s. [in Russian]

7. Voroshilova M. B. Politicheskij kreolizovannyj tekst: kljuchi k prochteniju: monogr. / Ural. gos. ped. un-t. – Ekaterinburg, 2013. – 194 s. [in Russian]

8. Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija // Optimizacija rechevogo vozdejstvija. – M., 1990. – S. 180–181. [in Russian]

9. Sysoljatina O.V. Verbal'nye i neverbal'nye formy reprezentacii znanija. Avtoref. diss. … kand. filos. nauk. – Kirov, 2004. – 19 s. [in Russian]
10. Chudinov A.P. Rossija v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory. – Ekaterinburg, 2001. – 238 s. [in Russian]
11. El Refaie E. Understanding visual metaphor: The example of newspaper cartoons // Visual Communication. – 2003. – Vol.2(1).

УДК 347.78.034

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ ПЕРЕВОДА С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Осолодченко Марина Николаевна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *osolod@list.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению и анализу основных лексических и грамматических трудностей перевода с немецкого языка на русский и наоборот.

Ключевые слова: перевод; трудности перевода; лексические единицы.

ANALYSIS OF THE MAIN LEXICAL AND GRAMMATICAL DIFFICULTIES OF TRANSLATION FROM THE GERMAN LANGUAGE INTO THE RUSSIAN ONE

Osolodchenko Marina Nikolaevna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. This article is devoted to the identification and analysis of the main lexical and grammatical difficulties of translation from German into Russian and vice versa.

Keywords: translation, difficulties of translation, lexical units.

Обращение к проблеме трудностей перевода в данной статье неслучайно. Изучение основных трудностей перевода, возможностей их преодоления остается актуальной задачей современной науки о переводе [1; 3 и др.].

В процессе перевода у студентов 3 и 4 курса направления «Лингвистика» неизбежно возникают трудности. Они обусловлены лексическими, грамматическими и стилистическими несоответствиями единиц исходного и переводного языков при конфронтации их перевода [4, с. 91]. Эти аспекты перевода опи-

сываются во многих учебниках по теории перевода. Сегодня нам хотелось бы обратить внимание на основные грамматические и лексические трудности перевода с немецкого языка на русский язык.

1. Безэквивалентные лексические единицы (БЭЛ): лакуны (случайные: *sich verfrühen* – «*прийти слишком рано*»), лакуны по историческим и социально-политическим причинам (*Mültrennung* – «*сортировка мусора*»), реалии (*Gurkensuppe* – «*рассольник*»), несовпадения в частотности (*Abnehmer* – синоним слова *Kunde* – «*клиент*»).

2. Сложные слова (*Eierschalensollbruchstellenverursacher* – «*приспособление для разбивания вареного яйца*»).

3. Различный объем и уровень сложности семантического гнезда (напр., лексические гнезда вокруг тем «*корни*», «*народ*», «*отечество*», «*патриотизм*», «*родина*», «*чужбина*» в современном немецком разработаны весьма скромно).

4. Синхрония и многозначность: многозначность (*sparen* – «1. *Экономить*, *2. копить*»), неполная синонимия (*Gelehrte* (*-r*), *Wissenschaftler* – «*ученый*», *Forscher* (*„Gelehrter“ ist gehoben*) – «*ученый-исследователь*»), полная синонимия (*bereits*, *schon* – «*уже*»).

5. Необычность внутренней формы (*Muskelkater – мышечная боль после занятий спортом или физической нагрузки*).

6. Эвфемизмы (*Frau zwischen 30 und 40* – «*женщина бальзаковского возраста*»).

7. Потенцирующие средства: усилители как составная часть лексемы (*Mammut* – подчеркивает огромные размеры: *Mammutportion* – «*гигантская порция*», *Mammutbrust* – «*грудь необъятных размеров*», *Mammutserie* – «*длинющая серия*»).

8. Идиомы: устойчивые словосочетания (*nicht jedermanns Sache* – «*на любителя*»), несовпадение идиом по способу и образу выражения (*aufzwei Hochzeiten tanzen* – «*сидеть на двух стульях*»), отсутствие идиоматического выражения в русском языке (*j-n ins Boot holen idiom* – «*привлечь кого-либо* (*напр. к работе*)», синтаксические идиомы (*Ist das nicht süß*? – «*Прелесть*, *правда*?»), усилители признака или качества в словосочетаниях (*böse Überraschung* – «*неприятный сюрприз*»), уточнители количественных характеристик (*eine Idee zu dunkel* – «*чуть темнее*, *чем нужно*»), средства для ослабления признака (*es ist frisch heute* – «*сегодня не жарко*»).

9. Эмоционально-оценочная лексика (*alter Freund* – «*старина*, *дружище*»).

10. Имена собственные, которые стали нарицательными (*Hans Taps* – «*бестолочь*»).

11. Сокращения (*Kuli* от *Kugelschreiber*).

12. Ложные друзья переводчика. Традиционные: с полным расхождением лексических значений (*Spektakel* – «*шум*, *гам*, *скандал*»; *Theaterauf führung*, *Schauspiel* – «*спектакль*») и с частичным совпадением значений (*Grund* – «*1. Грунт*, *почва*, *основа*. *2. Причина*, *основание*»; *Boden*, *Grund* – «*грунт*»), исто-

рические германизмы (*belegtes Brot* – «*бутерброд*»), несимметричные интернационализмы (*Durchmesser* – «*диаметр*»), интернационализмы в аспекте частотности (*Nachtisch* – «*десерт*»), несовпадение интернационализмов (*Büro* – «*кабинет*»), расхождения от интернационализмов (*Original* – «*оригинал*», *ursprünglich* – «*оригинальный*»), ложная подсказка по форме (*Gift* – «*яд*» / *Mitgift* – «*приданое*»), различие частотности и сфере употребления (*runder Geburtstag* – «*круглая дата*».

13. Трудности перевода на грамматическом уровне: различия в употреблении грамматического числа (*Unordnung* – «*беспорядок*», *Unruhen* – «*беспорядки*»), несовпадение отрицаний на лексическом уровне (*unbegabt* – «*бесталанный*»), несовпадение в степенях сравнения (*grober Fehler* – «*грубейшая ошибка*»), расхождения по частям речи (*unpässlich* – «*неважно себя чувствовать*, *хворать*»), несовпадение в употреблении модальных глаголов (*Man solltees nicht für möglich halten*. – «*Кто бы мог подумать*!»), несовпадение в употреблении местоимений (*Hast du es dir gut überlegt*? – «*Ты хорошо подумал*?»).

14. Трудности перевода на грамматическом уровне: синтаксис. Различия в переводе в зависимости от грамматических категорий контекста (*Es wird schon wieder*! *Es gibt sich*! – «*Обойдется*!»). Перевод положительного модуса отрицательным и наоборот (*Das ist kein Thema*! – «*Это само собой разумеется*!»). Несовпадение по коммуникативному типу предложения (*Ich habe dort nichts zu suchen*. – «*Что я там забыл*?»).

Несовпадение в употреблении сослагательного наклонения (*Ich bräuchte eine Bescheinigung*... – «*Мне требуется справка…*»). Несовпадение в употреблении страдательного залога (*Hier wird darauf angespielt*, *dass*... – «*Здесь содержится намек на то*, *что…*», «*Автор намекает на то*, *что…*»). Место фразового ударения в связи с порядком слов, лексической семантикой и переводом (напр., в немецком языке в поэзии возможна инверсия лишь в ограниченной степени: «*очи зеленые*» – *die Augen*, *die grünen*...).

Данный анализ предназначен прежде всего студентам направления «Лингвистика» как профессиональным переводчикам письменных и устных текстов на русский язык. Его назначение – раскрыть специфические для данной пары языков трудности перевода и наметить пути их преодоления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добровольский Б. Д. Лексические трудности перевода в лингвокультурном аспекте: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2009. – 234 с.

2. Коровкина М. Е. Концептуальная и языковая картины мира и трудности перевода. – М.: РГГУ, 2013. – 174 с.

3. Масляничкина С. В. О трудностях перевода // Актуальные проблемы романно-германского языкознания: сборник научных трудов. – Выпуск 6. – Орехово-Зуево: МГОПИ, 2009. – С. 33–37.

4. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода. – М.: Флинта: Наука, 2009 – 216 с.

5. Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. – СПб.: Антология, 2012. – 480 с.

6. Беспалова Н. П., Котлярова К. Н., Лазарева Н. Г., Шейдман Г. И. Практикум по переводу. Грамматические трудности. Английский язык: учебное пособие. – М.: РУДН, 2012. – 147 с.

REFERENCES

1. Dobrovol'skiy B.D. Leksicheskie trudnosti perevoda v lingvokul'turnom aspekte: diss. … kand. filol. nauk: 10.02.20. – M., 2009. – 234 s. [in Russian]

2. Korovkina M.E. Kontseptual'naya i yazykovaya kartiny mira i trudnosti perevoda. – M.: RGGU, 2013. – 174 s. [in Russian]

3. Maslyanichkina S.V. O trudnostyakh perevoda // Aktual'nye problemy romanno-germanskogo yazykoznaniya: sbornik nauchnykh trudov. – Vypusk 6. – Orekhovo-Zuevo: MGOPI, 2009. – S. 33–37. [in Russian]

4. Nelyubin L.L. Vvedenie v tekhniku perevoda. – M.: Flinta: Nauka, 2009 – 216 s. [in Russian]

5. Pavlova A.V., Svetozarova N.D. Trudnosti i vozmozhnosti russko-nemetskogo i nemetsko-russkogo perevoda. – SPb.: Antologiya, 2012. – 480 s. [in Russian]

6. Bespalova N.P., Kotlyarova K.N., Lazareva N.G., Sheydman G.I. Praktikum po perevodu. Grammaticheskie trudnosti. Angliyskiy yazyk: uchebnoe posobie. – M.: RUDN, 2012. – 147 s. [in Russian]

УДК 8; 81'347.78.034

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Трофимова-Коваленко Наталья Игоревна

Новосибирский государственный педагогический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *natalya_kovalenko313@lenta.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности реализации переводческих преобразований в репрезентативных речевых актах художественного дискурса. Анализ показал, что среди всех групп репрезентативных речевых актов наиболее часто подвержены трансформациям утверждения. Основными типами переводческих преобразований, представленных в репрезентативах, являются структурно-уровневые преобразования, что обусловлено типологическими различиями английского и русского языков.

Ключевые слова: переводческие трансформации; речевые акты; структурно-уровневые трансформации; художественный дискурс.

THE PECULIARITIES OF REALIZATION OF TRANSLATIONAL TRANSFORMATIONS IN THE REPRESENTATIVE SPEECH ACTS IN THE ARTISTIC DISCOURSE

Trofimova-Kovalenko Natalya Igorevna

Novosibirsk State Teacher's Training University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The article studies the realization of translational transformations in the representative speech acts in the artistic discourse. It was concluded that statements are more likely to have translational transformations. Structural transformations are more often used in the representative speech acts due to the typological differences between English and Russian.

Keywords: translational transformations; speech acts; structural transformations; artistic discourse.

Одним из направлений изучения современной теории перевода являются переводческие трансформации (ПТ). Несмотря на то, что существует множество определений ПТ, все они имеют одну основу – соотношение языка оригинала и перевода. Исследователи также выделяют различные типы ПТ. Так как целью данного исследования является изучение ПТ в репрезентативных речевых актах (РА) на материале художественной литературы, мы возьмем за основу классификацию Л. К. Латышева и А. Л. Семенова, которая позволяет выявить изменения на уровне текста, обусловленные теми или иными преобразованиями [7, с. 133]. Лингвисты подразделяют все ПТ на два класса – структурно-уровневые и содержательные. Структурно-уровневые трансформации влияют на изменение статуса языковых единиц, в то время как содержательные преобразования вызывают изменение содержания [7, с. 133]. К структурно-уровневым трансформациям относятся категориально-морфологические, синтаксические, стилистические, лексические преобразования. Содержательные трансформации представлены ситуативно-семантическими преобразованиями, перераспределением содержания, экспликацией, выпрямлением содержания, а так же антонимическим переводом [7, с. 133–138].

Для изучения реализации ПТ в художественном тексте мы используем коммуникативно-прагматический подход, который предполагает учет особенностей использования переводческих преобразований в репрезентативных речевых актах. Репрезентативные РА относятся к группе информирующих и включают в себя утверждения, констативы, предположения [1, с. 28].

Анализ реализации ПТ в группе репрезентативных РА показал, что больше всего преобразований возникает в утверждениях (40,3 %), затем следуют констативы (34,2 %) и предположения (25,5 %).

При этом случаи полного отсутствия ПТ наиболее характерны для констативных РА (30 %). В РА утверждения и предположения процент отсутствия преобразований распределился соответственно 20 и 16. Таким образом, для

всех типов репрезентативных РА характерно полное отсутствие трансформаций, например:

Maybe they discovered that I stole a brick [17, p. 116].

Вероятно, *они обнаружили*, *что я украла кирпич* [10, с. 219].

На наш взгляд, это объясняется тем, что данная группа РА отличается наиболее лаконичными суждениями в сравнении с остальными группами.

Среди двух классов ПТ большей частотой характеризуются различные структурно-уровневые типы преобразований, а именно: синтаксические (40 %), лексические (31,5 %), категориально-морфологические (24 %), стилистические (4,5 %).

Одной из основных причин возникновения синтаксических и категориально-морфологических трансформаций является типологическое различие между синтаксическими моделями английского и русского языков.

It's pretty ***rare*** *for an* ***innocent man to ask*** *for immunity* [15, p. 351].

Невиновные редко просят *неприкосновенности* [3, с. 705].

В приведенном примере английская синтаксическая модель с вводным подлежащим "it" и инфинитивной конструкцией с предлогами "for-to", не характерная для русского языка, вызывает следующие синтаксические трансформации – сложная английская синтаксическая конструкция видоизменяется в более простую в русском языке, что приводит к смене синтаксической роли при переводе на русский язык: предикатив "rare" в обстоятельство времени «редко», сложное подлежащее "for an innocent man to ask", представленное инфинитивной конструкцией, в подлежащее «невиновные» и сказуемое «просят». Категориально-морфологические изменения представлены преобразованием прилагательного "rare" в наречие «редко», а также трансформацией инфинитива "to ask" в личную форму глагола «просят».

Лексические трансформации, главным образом, вызваны эврисемией или широкозначностью. Эврисемия, согласно определению В. Я. Плоткина, представляет собой расширение значения служебных слов в аналитических лексемах [9, с. 205].

Следующий пример демонстрирует лексическую трансформацию широкозначного глагола состояния "be" в глагол действия «открывать», который представляется наиболее удачным для данного контекста.

For a young man with no assets but his personality and his wits the law ***is*** *the way to power* [17, p. 264].

Молодому человеку, *наделенному лишь сильным характером и умом*, *юриспруденция* ***открывает*** *дорогу к власти и богатству* [10, с. 504].

По сравнению с другими типами структурно-уровневых трансформаций, стилистические преобразования характеризуются низкой частотой употребления в репрезентативных РА. Как правило, они объясняются стремлением усилить воздействие на адресата, придав фрагменту большую стилистическую окраску.

He'll probably be spending the next twenty years in one of our ***fine*** *prisons* [15, p. 294].

Скорее всего, *следующие двадцать лет он проведет в одной из наших* ***расчудесных*** *тюрем* [3, с. 594].

Приведенный пример иллюстрирует сарказм, основанный на противопоставлении «прекрасная тюрьма», которое при переводе на русский язык усиливается преобразованием нейтрального прилагательного "fine" (прекрасный, чудесный) [6, с. 171] в усилительное прилагательное «расчудесный», наиболее характерное для разговорного стиля [8, с. 889].

Поскольку в репрезентативных группах РА преобладают структурно-уровневые трансформации, содержательные преобразования встречаются в них гораздо реже. Наиболее часто из данного класса ПТ используются выпрямление (40 %) и ситуативно-семантические преобразования (29 %). Меньшей частотностью отличаются антонимический перевод (13 %) и перераспределение содержания (12 %). Экспликация содержания практически не встречается в репрезентативах (5 %).

Выпрямление содержания, как правило, вызвано желанием трансформировать косвенное высказывание в прямое:

Or she might ***entertain the idea*** *of a financial settlement* [14, p. 378].

Может, *она* ***рассчитывает*** *на денежную компенсацию* [4, с. 821].

Ситуативно-семантические преобразования, как и лексические трансформации, часто обусловлены эврисемией. В следующем примере ситуативно-семантическая трансформация типа состояние → действие представлена преобразованием глагола состояния "was" в глагол действия «проводить».

She was home for a month [12, p. 40].

Она провела месяц дома [5, с. 1495].

Антонимический перевод чаще всего представлен заменой какой-либо части речи на ее антоним с изменением «знака».

... said more than once that she will run a ***hard*** *campaign and has every intention of winning* [13, p. 276].

... не раз повторяла, *что проведет эту* ***нелегкую*** *кампанию и серьезно настроена выиграть* [2, с. 569].

Следующий пример демонстрирует перераспределение содержание, заключающееся в перегруппировке семантических компонентов " they used a private company to track you down" → «тебя выследила частная компания, к которой они обратились».

Our theory is that they used a private company to track you down [15, p. 211].

Одно из предположений – тебя выследила частная компания, *к которой они обратились* [3, с. 429].

Случаи возникновения экспликации в репрезентативных РА практически единичны. Следующий пример иллюстрирует данную ПТ, заключающуюся в нахождении формы, которая более точно соответствует содержанию:

It must have been ***something fierce*** [16, p. 426].

Должно быть, ***ранило на войне*** [10, с. 591].

В ходе изучения особенностей реализации ПТ в репрезентативных РА было установлено следующее.

1. Возникновение ПТ наиболее характерно для утверждений, в то время как констативы и предположения менее подвержены переводческим преобразованиям.

2. Тем не менее, среди всех групп репрезентативов нередко встречаются случаи полного отсутствия ПТ.

3. Во всех репрезентативных РА (констативах, утверждениях, предположениях) наиболее часто встречаются структурные преобразования.

4. Содержательные преобразования менее характерны для репрезентативов, однако в основном они представлены выпрямлением содержания и ситуативно-семантическими изменениями.

5. Как правило, переводческие трансформации вызваны типологическими особенностями английского и русского языков, а так же стилистическими факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарев А. И. Лингвистические механизмы образования косвенных речевых актов в английском языке: дис.... канд. филол. наук. – Волгогр. гос. пед. университет. – Волгоград, 2013. – 24 с.

2. Гришэм Джон. Апелляция / пер. с англ. Е. Филипповой. – М.: АСТ, 2016. – 384 с.

3. Гришэм Джон. Рэкетир / пер. с англ. А. Кабалкина. – М.: АСТ, 2015. – 384 с.

4. Гришэм Джон. Юрист / пер. с англ. Ю. Кирьяк. – М.: АСТ, 2016. – 384 с.

5. Драйзер Т. Американская трагедия: роман / пер. с англ. З. Вершининой и Норы Гааль; вступ. ст. В. Татаринова. – М.: Эксмо. – 800 с.

6. Дубровин М. И. Современный англо-русский и русско-английский словарь: 180 000 слов, словосочетаний и идиоматических выражений. Изд-е 2-е, доп. – М.: Цитадель-трейд; РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 992 с.

7. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособ. для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.

8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд-е, доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

9. Плоткин В. Я. Строй английского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. ин. яз. – М.: Высш. шк., 1989. – 239 с.

10. Шоу И. Богач, Бедняк / пер. с англ. И. Басавиной. – М.: АСТ, 2010. – 720 с.

11. Шоу И. Ночной портье / пер. с англ. А. Санина. – М.: АСТ, 2010. – 400 с.

12. Dreiser. American Tragedy. Volume Two. Foreigh Languages publishing house. Moscow. 1951. 402 p.

13. Grisham, J. The Appeal. N.Y.: A Divison of Random Housem Inc. 2008. 485 p.

14. Grisham, J. The Associate. N.Y.: A Dell Book, 2009. 434 p.

15. Grisham, J. The Racketeer. N.Y.: Belfry Holdings, 2012. 389 p.

16. Shaw, I. Nightwork. Спб.: Каро, 2009. 457 с.

17. Shaw, I. Rich Man, Poor Man. Спб.: Каро, 2008. 638 с.

REFERENCES

1. Bochkarev A. I. Lingvisticheskie mekhanizmy obrazovaniya kosvennykh rechevykh aktov v angliyskom yazyke: dis.... kand. filol. nauk. – Volgogr. gos. ped. universitet. – Volgograd, 2013. – 24 c. [in Russian]

2. Grishem Dzhon. Apellyatsiya / per. s angl. E. Filippovoy. – M.: AST, 2016. – 384 s. [in Russian]

3. Grishem Dzhon. Reketir / per. s angl. A. Kabalkina. – M.: AST, 2015. – 384 s. [in Russian]

4. Grishem Dzhon. Yurist / per. s angl. Yu. Kir'yak. – M.: AST, 2016. – 384 s. [in Russian]

5. Drayzer T. Amerikanskaya tragediya: roman / per. s angl. Z. Vershininoy i Nory Gaal'; vstup. st. V. Tatarinova. – M.: Eksmo. – 800 s. [in Russian]

6. Dubrovin M. I. Sovremennyy anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar': 180 000 slov, slovosochetaniy i idiomaticheskikh vyrazheniy. Izd-e 2-e, dop. – M.: Tsitadel'-treyd; RIPOL KLASSIK, 2004. – 992 s. [in Russian]

7. Latyshev L. K., Semenov A. L. Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya: ucheb. posob. dlya stud. perevod. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2003. – 192 s. [in Russian]

8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. 4-e izd-e, dop. – M.: Azbukovnik, 1999. – 944 s. [in Russian]

9. Plotkin V. Ya. Stroy angliyskogo yazyka: ucheb. posobie dlya in-tov i fak. in. yaz. – M.: Vyssh. shk., 1989. – 239 s. [in Russian]

10. Shou I. Bogach, Bednyak / per. s angl. I. Basavinoy. – M.: AST, 2010. – 720 s. [in Russian]

11. Shou I. Nochnoy port'e / per. s angl. A. Sanina. – M.: AST, 2010. – 400 s. [in Russian]

12. Dreiser. American Tragedy. Volume Two. Foreigh Languages publishing house. Moscow. 1951. 402 p.

13. Grisham, J. The Appeal. N.Y.: A Divison of Random Housem Inc. 2008. 485 p.

14. Grisham, J. The Associate. N.Y.: A Dell Book, 2009. 434 p.

15. Grisham, J. The Racketeer. N.Y.: Belfry Holdings, 2012. 389 p.

16. Shaw, I. Nightwork. Спб.: Каро, 2009. 457 с.

17. Shaw, I. Rich Man, Poor Man. Спб.: Каро, 2008. 638 с.

81.347.78.034

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК КИТАЙСКОЙ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В СУНСКИХ ЦЫ

Чжао Хун, Дубкова Ольга Владимировна

Сианьский университет иностранных языков, *Сиань*, *КНР*,
xwzhaohong@163.com, *linuan12@mail.ru*

Аннотация. В сунских цы в силу культурно-исторической специфики содержится пласт лексики, которая вызывает трудности при переводе на русский язык. Требование структуры поэтического текста и имплицитные смыслы диктуют необходимость использования различных переводческих приёмов. При переводе безэквивалентных лексических единиц необходимо сочетать транскрипцию с элементами транслитерации, калькирование, генерализацию и конкретизацию с последующим подстрочным комментарием, в котором раскрываются особенности культурно-исторического пространства сунского периода, а также его связи с китайскими классическими текстами. В статье на конкретных примерах описаны типичные случаи комбинации различных приёмов при переводе сунских цы на русский язык.

Ключевые слова: сунские цы; приёмы перевода; безэквивалентная лексика.

METHODS OF TRANSLATING INTO RUSSIAN THE CHINESE NON-EQUIVALENT VOCABULARY IN THE CÍ POETRY OF THE SONG DYNASTY

Zhao Hong, Doubkova Olga Vladimirovna

Xi'an University of Foreign Languages, *Xi'an*, *PRC*

Abstract. In the Song poetry, due to cultural and historical specifics, there is a layer of vocabulary that causes difficulties in translating into Russian. The requirement of a structure of a poetic text and implicit meanings dictate the necessity of using various interpreting techniques. When translating non-equivalent lexical units, it is necessary to combine transcription with elements of transliteration, calculating, generalization and concretization followed by a footnote commentary, which reveals the peculiarities of the cultural and historical space of the Song period, as well as its connection with Chinese classical texts. In the article, on specific examples, typical cases of a combination of different techniques are described when translating the Song poetry into Russian.

Keywords: cí poetry of the Song dynasty; methods of translation; equivalent vocabulary.

Цы – особый жанр китайской песенной поэзии, получивший особую популярность в сунский период (960–1279). Как справедливо отмечает А.В. Дащенко, при переводе сунских цы фактически игнорируются искажения, присущие тем или иным принципам передачи поэтических образов китайской поэзии [1]. В силу этого целесообразным является описание приёмов, которые используются при переводе на русский безэквивалентной лексики, которая широко представлена в поэтических текстах сунских цы.

Существуют различные приёмы перевода китайских безэквивалентных единиц на русский язык [2], однако трудности перевода безэквивалентной лексики сунских цы связаны с разными причинами, одной из которых становится структура поэтического текста. В данном случае целью исследования является описание основных приёмов перевода, которые используются при трансформации китайских поэтических текстов в эквивалентные тексты на русском языке. Как отмечают И.Ю. Марковина и Ю.А. Сорокин, «именно то, что не совпадает в двух культурах, становится препятствием для взаимопонимания в процессе общения, нуждается в интерпретации, комментарии, оставаясь в ряде случаев неадекватно или недостаточно адекватно понятым, стереотипизируясь и существуя как негативное (или искажённое) отношение к чужой культуре» [3, с. 5].

В силу традиции перевода одного китайского слова одной стопой поэтического текста обычно используется приём транскрипции с элементами транслитерации. Обычно так переводятся имена собственные (топонимы, антропонимы). Так как китайские собственные именования неизвестны реципиентам, необходимо сочетать приём транскрипции с построчным комментарием. Так, в цы «Чжэгутянь» Хэ Чжу встречается название западных ворот г. Сучжоу «Чанмэнь»: «*Опять вхожу в Чанмэнь*, *и все дела без смысла*, *И спутница моя не может быть со мной*». В данном случае «Чанмэнь» указывает на г. Сучжоу. Необходимо отметить, что название «Чанмэнь» состоит из двух иероглифов, первый из которых имеет значение «запад», второй – «ворота».

Приведём несколько аналогичных примеров. «Юйцзяо» Фань Чунъяня: «*Гуси летят в Хэнъян*, *но в этом нет смысла*» (Хэнъян – совр. городской округ пров. Хунань); «Сянцзяньхуань» Чжу Дуньжу: «*Пусть ветер осени*, *все горькие слёзы мои В Янчжоу доставит*» (Янчжоу – название места, находится на территории совр. пров. Цзянсу, в период династии Южная Сун являлось передним краем, подвергалась неоднократным нападениям армии государства Цзинь (1115 – 1264 гг.), состоявшей из чжурчжэней, киданей и других народов).

Важно отметить, что среднее и нижнее течение Янцзы по-китайски называется «*Чанцзян*» (букв. «длинная река»), в сунский период эти территории были особенно значимы и поэтому часто встречаются в поэтических произведениях. Для перевода названия реки также используется приём калькирования: «*И только Чанцзяна воды Беззвучно плывут на восток*» (Лю Юн «Башэн

ганьчжоу»), «*Я живу у истока Чанцзяна*, *Ты у устья Чанцзяна живёшь*» (Ли Чжии «Бусуаньцзы»).

Кроме того, приём транскрипции также используется для названий отдельных районов: Цзяннань, Цзянбэй и др.: «*Дождь ненавижу*, *по облакам тоскую*, *Но пейзажи Цзянани всё также прекрасны*» (Ван Юйчэн «Дяньцзянчжунь»), «*В Цзянбэе садишься в обратную лодку И смотришь на южный берег реки*» (Чжоу Цзычжи «Пусюаньцзы»).

Цзяннань – район к югу от Янцзы, в концепции сравнительной географии указывает на южные районы среднего и нижнего течения реки. С древности до наших дней «Цзяннань» является географическим понятием, которое непрерывно меняется и наполняется богатым содержанием, его литературный образ не совсем одинаков, но обычно у современников представляется образ богатой водоёмами местности, здесь много природных ресурсов и много людей, развиты культура и образование.

Цзянбэй – (букв.) «север реки». Согласно китайской сравнительной географии, Цзянбэй – северные районы нижнего течения Янцзы, противопоставляется понятию Цзяньнань. Основные районы Цзянбэй включают современные провинции Цзянсу и Аньхой или районы рек Янцзы и Хуайхэ. В древности район Цзянбэй являлся одним из центров экономики юго-востока страны, формируя экономический центр вдоль севера Янцзы с городами Янчжоу и Хуайань, в настоящее время это место является экономической зоной в дельте реки Янцзы.

Антропонимы также переводятся приёмом транскрибирования в сочетании с другими приёмами перевода. Приведем примеры.

«*Боюсь*, *от стыда провалюсь При встрече с героем Лю Ланом*» Синь Цицзи «Шуйлунъинь». Лю Лан – основатель и первый император Царства Шу периода Троецарствия Лю Бэй.

«*Тигра сам убью*, *Подобно господину Суню*» Су Ши «Цзянчэнцзы». Господин Сунь (Сунь Лань) – Сунь Цюань, правитель Царства У в период Троецарствия (годы правления 222 – 252 гг.), так автор метафорически называет себя. Согласно «Записям о Трёх царствах. Хроники Царства У. Жизнеописанию Сунь Цюаня», «*В октябре 23 года генерал Цюань лично верхом направился в У*, *чтобы застрелить тигра*, *и поднялся в беседку*, *тигр поранил его коня*. *Цюань метнул шуаньцзи*, *тигр был повержен*. *Свита била копьями и поразила цель*».

В некоторых случаях при переводе китайских имен собственных используется прием калькирования. Чжу Дуньжу в написанном в Западной столице цы на мелодию «Чжэгутянь» пишет: «*Я господин всех гор и рек в Цинду*, *Правитель Неба дал мне власть и силу*». Господин всех гор и рек в Цинду – чиновник, ведающий горами и реками на небесах. Цинду – указание на царство Небожителей, противопоставляемое мирской суете и внешнему блеску.

Другие случаи использования приёма калькирования: Западный парк (Сиюань) – название места около озера Сиху в Ханчжоу, где жили поэты со своими возлюбленными, здесь также проходили расставания. Произведение У Вэньина на мелодию «Фэнжусун» переводится следующим образом: «*В западном парке день за днём убирают беседку*, *Там как прежде наслаждаюсь новым погожим днём*». Красный мост – мост с красными перилами (мост Чиланьцяо). Аналогично цы Чжоу Банъяня на мелодию «Юйлоучунь» переводится следующим образом: «*Когда-то ждали друг друга на Красном мосту*». В данном цы автор ссылается на классический источник, в котором в качестве весны представлено описание моста и ив, что соответствуют лирическому значению танских ши.

Авторы сунских цы часто используют классические источники, вплетая цитаты из классической литературы в ткань нового произведения. Так, Чжан Шуньминь в цы на мелодию «Майхуашэн» используется название «Яньгуан». Янгуань – это древняя пограничная застава (династии Хань), расположенная на юго-западе уезда Дуньхуан совр. пров. Ганьсу. Название древней мелодии «Янгуань саньде» или «Янгуаньцюй» (Янгуаньская песня) используется Ван Вэем в стихотворении в жанре ши «Провожаю Юаня Второго, назначенного в Аньси». В данном цы Чжан Шуньминь именование «Янгуань» используется для описания горечи расставания: «*Я не на запад еду из Вэйчэна*, *Не надо петь* «*Янгуань*». «*Шуйдяо*» *я*, *держа вино*, *внимаю*», – пишет в цы на мелодию «Тяньсяньцзы» Чжан Сянь. Шуйдяо – название мелодии. Согласно легенде, император Суй Янди (569 – 618 гг.), прокладывая канал Бяньхэ, лично создал мелодию «Шуйдяогэ».

Приём транскрипции с элементами транслитерации также используется для перевода названий временных периодов и традиционных праздников: Чунъян, Цинмин, Синьшэ и др. Ср.: «*Неба дыхание жаждет Чунъяна приход*» Янь Шу «Сунчжунцин», «*Прояснилось лишь в день Чунъян*, *В восторге Перед рекой стою у адских врат*» (Хуан Тинцзянь «Динфэнбо»); «*Снова приходит праздник Чунъян*, *Не согревают подушка и полог*» (Ли Цинчжао «Цзуйхуаинь»). Чунъян – указание на 9 число 9 месяца по лунному календарю, в который отмечается день Двойной девятки. Во время встречи этого праздника обычно поднимаются на вершину, любуются хризантемами, пьют вино из хризантем, вставляют в волосы веточки кизила, едят сладости из рисовой муки с орехами. Так как по-китайски «девять-девять» созвучно словам «долгое время», то в этот день приносят жертвы предкам и оказывают знаки уважения и почитания пожилым людям и родителям.

«*Когда прилетают ласточки*, *приходит Синьшэ*, *Когда опадают груши цветы*, *приходит Цинмин*» (Янь Шу «Почжэньцзы»). Синьшэ (Жертвоприношение земле) – это день, когда в древности приносили жертву Духу Земли, в это время молили об урожае. Существовало два обряда жертвоприношения Земле – весной и осенью. В данном случае речь идёт о празднестве в середине

весны, который отмечается после Личуня до наступления Цинминцзе. Цинмин (букв. «покой, спокойствие») – китайский традиционный праздник, другое название – Тацинцзе (букв. «день прогулки по траве»), он соединяет середину и конец весны (второй и третий месяц весны), приходится на 108 день после дунчжи – зимнего солнцестояния – 4–5 апреля по солнечному календарю. Цинминцзе – один из важнейших ритуальных праздников, в который приносят жертвы предкам и убирают могилы. Традиция празднования у китайского народа начинается примерно в династию Чжоу и до сегодняшнего дня насчитывает более 2,5 тысяч лет.

Для перевода безэквивалентных именований отрезков времени используется приём калькирования: «*Луна в третью стражу Освещает грушевый снег во дворе*» (Хэ Чжу «Ициньэ»); «*Ночью выпил в Дунпо*, *протрезвел и напился опять*, *Вернулся*, *похоже*, *уж третья стража пришла*» (Су Ши «Линьцзянсянь»); «*Очнулся от долгого сна*, *Третья стража прошла*» (Юэ Фэй «Сяочуншань»). Третья стража – третья ночная стража. В древнем Китае ночное и дневное время считалось и именовалось по-разному. Время днём называлось «колокол», ночью – «стража» или «барабан». В древности во всех городах и посёлках были колокольная и барабанная башни, удары в колокол и в барабан возвещали начало очередного периода времени. Ночное время делится на 5 страж: первая соответствует современному интервалу с 19:00 до 21:00, вторая – 21:00 – 23:00, третья – 23:00 – 01:00 и т. д. Третья стража – первый большой час суток, отделяющий один день от другого. По количеству ударов колотушкой стражниками ночного дозора определялось время, поэтому время ночью получило название «ночная стража», в некоторых местах для обозначения времени использовали барабан, отсюда возникло название «удары в барабан».

Как отмечает Г.Т. Хухуни, различие между культурами приводит при трансформации исходного текста к элиминации или преобразованию элементов, могущих быть неадекватно воспринятыми, либо непонятыми читателям авторского текста [4, с. 210]. Понятно, что безэквивалентная лексика в поэтических текстах всегда включена в более широкие культурные и социальные контексты, поэтому перевод требует экспликации множества смыслов, заложенных в её структуре. Так, в цы на мелодию «Цюэцяосянь» Цинь Гуаня при переводе используется приём калькирования. Приведем примеры.

«*Любовь воде подобна*, *Кратки встречи что мечта*, *Как же на Сорочий мост не оглянуться*». Сорочий мост – свидание супругов (влюблённых) после долгой разлуки. Аналогично цы Линь Бу: «*Узел любви двум сердцам не сплести*». Узел любви – узел, завязываемый влюблёнными на шёлковом поясе, символ помолвки, обмена подарками при женитьбе.

Цы Лю Юна «*У длинной беседки наступает вечер*», Чжоу Банъяна «*Путь к длинной беседке Из года в год неизменен*». В древности на дорогах каждые 10 ли (5 км) была установлена беседка для отдыха путешественников, которую называли «длинная беседка [через] 10 ли». В древности беседку, расположен-

ную около города, использовали как место прощания. Цы Пань Лана посвящено великолепному зрелищу прилива, которое бывает ежегодно 18 августа по лунному календарю в Чжэцзяне на реке Цзяньтайцзян, когда огромная приливная волна, поднимаясь на десятки метров, обращает вспять реку. В данном случае также используется приём калькирования с экспликацией смыслов в комментариях: «*Прилива картина встаёт предо мной*».

Названия флоры и фауны переводятся как приёмом транскрипции, так и приёмами генерализации с последующими комментариями: «*Здесь осенью мы встретим гуйхуа*» (Лю Юн «Ванхайчао»), «*На дворе поблекла мэйхуа*» (Оуян Сю «Тасосин»), «*У берега реки раскрылась мэйхуа И ветви редкому бамбуку протянула*, *Лишь пара веточек легла*» (Чао Чунчжи / Ли Бин «Ханьгунчунь»), «*Встаю в сомнении с кровати*, *И тенью мэйхуа расчерчено окно*» (Ван Цзао «Дяньцзянчунь»), «*В древнем ущелье ветка мэйхуа цветёт*, *Совсем не похожа на ту*, *что закрыта в саду*» (Чжу Дуньчжу «Бусуаньцзы»), «*Ещё не наступил айвовый дождь*, *Но груша уж покрылась снегом*» (Ван Пан «Яньэрмэй»), «*Красные листья*, *жёлтые цветы*, *Моим грустным мыслям под стать*» (Янь Цзидао «Сыюаньжэнь») и т. д. В каждом отдельном случае используются развёрнутые комментарии к безэквивалентным словам. Гуйхуа – китайское название османтуса. В исходном тексте используется слово «гуйцзы» – персонифицированное именование коричного дерева. Цветы этого вечнозелёного дерева обладают приятным ароматом, в литературных произведениях является символом красоты и благородства. Мэйхуа – китайская слива, её цветы – символ ранней весны. Айвовый дождь – указание на опадение цветов айвы японской или хеномелеса, одного из известных уникальных китайских растений. Бутоны его имеют красный цвет, а когда раскрываются, становятся нежно-розовыми. Цветы этого растения славятся за своё «национальное очарование», никого не оставляют равнодушными, с древности до наших дней этот цветок воспеваются в поэтических произведениях. Груша – указание на весну. В древности говорили: «*Яблоня непременно распускается с дождём*, *время цветения груши сравнимо со снегом*». Красные листья – листья клёна, воспринимаются как символ души. Из-за необычности часто используются как символ твёрдости, непреклонности и решительности. Кленовые листья также символизируют воспоминания о прошлом, безостановочное изменение вечности и времени в жизни человека, чувство тоски о человеке, которого любили в прошлом. Жёлтые цветы – цветы хризантемы, которые обозначают тихую и затаённую любовь.

Как показывает контрастивный анализ, в исходных текстах сунских цы наличествует большое количество лексических единиц, не имеющих прямых соответствий в русском языке, поэтому при переводе необходимо использовать разные приёмы перевода, но наиболее важным является комбинирование двух-трёх приёмов перевода для экспликации исходных смыслов и реализации принципов эквивалентности и адекватности переводных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дащенко А. В. Проблемы передачи поэтических образов эпохи Сун (на примере жанра цы) [Электронный ресурс]. – Электронный ресурс: http://litmisto.org.ua/?p=26016. – Загл. с экрана

2. Дубкова О. В. Репрезентация безэквивалентной лексики в китайско-русских словарях // Вестник Омского университета. – Омск: Издательство ОмГУ, 2010. – № 1. – С. 99–101.

3. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.

4. Хухуни Г. Т. Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 210–211.

REFERENCES

1. Dashhenko A.V. Problemy peredachi pojeticheskih obrazov jepohi Sun (na primere zhanra cy) [Jelektronnyj resurs] / A.V. Dashhenko. – Rezhim dostupa: http://litmisto.org.ua/?p=26016. [in Russian]

2. Dubkova O.V. Reprezentacija bezjekvivalentnoj leksiki v kitajsko-russkih slovarjah / O. V. Dubkova. – Vestnik Omskogo universiteta. – Omsk: Izdatel'stvo OmGU, 2010. – № 1. – S. 99-101. [in Russian]

3. Markovina I.Ju., Sorokin Ju.A. Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiju: ucheb. posobie/ I.Ju. Markovina, Ju.A. Sorokin. – M.: GJeOTAR-Media, 2010. – 144 s. [in Russian]

4. Huhuni G.T. Hudozhestvennyj tekst kak ob#ekt mezhkul'turnoj i mezh#jazykovoj adaptacii/ Jetnokul'turnaja specifika jazykovogo soznanija. – M., 1996. – S. 210-211. [in Russian]

УДК 811.113.6

ОБРАЗНОСТЬ КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СОВРЕМЕННОГО ШВЕДСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА UTVECKLING ‘РАЗВИТИЕ’)

Яцко Владислав Вячеславович

Новосибирский государственный педагогический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *Wend14@yandex.ru*

Аннотация. Образная составляющая концепта UTVECKLING при его реализации в шведском политическом дискурсе обнаруживает развитую систему смысловых и формальных средств. Исходные области метафорической номинации относятся к большому количеству разнообразных предметных сфер. К наиболее употребительным средствам образности относятся интернациональные метафоры, метафоры-клише, оригинальные авторские метафоры, перифразы и эпитеты, отражающие культурно-историческую специфику Швеции.

Ключевые слова: политический дискурс; шведский язык; когнитивно-дискурсивный подход; образность; концепт.

FIGURATIVENESS AS THE SUBSTANTIAL COMPONENT OF THE MODERN SWEDISH POLITICAL DISCOURSE SPHERE OF CONCEPTS (BASED ON THE REALIZATION OF THE CONCEPT UTVECKLING (DEVELOPMENT))

Yatsko Vladislav Vyacheslavovich

Novosibirsk State Pedagogical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The figurative component of the concept UTVECKLING (development) reveals a mature system of formal and notional means. Initial fields of metaphorical nomination belong to a wide range of object spheres. The most commonly used figurative means are: international metaphors, clichés, original metaphors, periphrases and epithets that reflect cultural and historical specifics of Sweden.

Keywords: political discourse; the Swedish language; cognitive-discourse approach; figurativeness; concept.

Когнитивные, функциональные и ситуативные параметры политического дискурса обусловили формирование и употребительность определённой системы средств образности в данном типе дискурса. Применительно к реализации ключевого концепта UTVECKLING, изучаемой с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, речь идёт о такой системе метафор, которую, на наш

взгляд, формируют, прежде всего, «ядерные» метафоры, метафоры-интернационализмы, метафоры клише и авторские метафоры. Исходные области метафорической номинации могут также относиться к большому количеству разнообразных предметных сфер.

Для концептуального анализа метафор в политическом дискурсе, на наш взгляд, необходим учёт крупных блоков метафоризации, выделенных в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [3]. Согласно их точке зрения, метафорика какой-либо конкретной области организована на основе базовых концептуальных метафор, группирующихся в более объёмные крупные блоки [3; 4, с. 258]. При этом необходимо также установить специфику их языковой объективации в соответствующем типе дискурса. Мы предлагаем рассматривать подобные базовые концептуальные метафоры как «ядерные» метафоры в Шведском политическом дискурсе по аналогии с исследованиями О.М. Готта и А.Н. Комковой, проведённых соответственно на материале датского и норвежского языков в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию политического дискурса с применением количественных статистических методов [1; 2].

К таким «ядерным» метафорам относятся, на наш взгляд, средства образности, посредством которых реализуются основные когнитивные признаки понятийной составляющей концепта UTVECKLING: «деятельность», «прогресс», «работа».

Важной метафорой в данной группе является метафора «utveckling – rörelse» («развитие – это движение»):

«Samtidigt som den borgerliga regeringen blickar bakåt och med näbbar, klor och ett trixande med statistiken försvarar det nya normalläget har vi en politik för framtiden och bygger nya arbetsmetoder för att bära fram förslag som visar på vad som verkligen kan föra Sverige framåt». («В то время как буржуазное правительство продолжает смотреть назад и всеми средствами, в том числе и игрой со статистикой защищает настоящее положение дел мы разрабатываем политику будущего и внедряем новые действенные методы для продвижения идей которые действительно выражают то, что будет двигать Швецию вперёд») [8]. Существенным указанием при этом служат пространственные координаты, то есть имеется ввиду движение вперёд вверх («rörelse fram(åt)», «upp(åt)», «fördjupning»): «Nu måste vi vidareutveckla och fördjupa samarbetet inför valet 2014 och visa svenska folket att vi förtjänar deras förtroende ytterligare en gång» («Сейчас мы должны продолжать развитие и углубление сотрудничества перед предстоящими выборами и показать, что мы всё ещё заслуживаем доверие шведского народа») [5].

Семантически связан с предыдущей метафорой «развитие – это путь» («utveckling – väg») «развитие – это рост» («utveckling – växt»): «För oss socialdemokrater är vägvalet odiskutabelt» («Для нас, социал-демократов выбор пути не подлежит дискуссии») [10]. К числу распространённых интернацио-

нальных клише относятся: «Vi ska ständigt sträva efter att stärka människans förutsättningar att utvecklas och växa» (Мы постоянно должны укреплять возможности для роста и развития людей) [5].

Наряду с локальными индикаторами при употреблении метафор «развитие – это путь», «развитие – это движение» особую значимость имеют и темпоральные индикаторы, связанные с семантикой скорости и темпа движения: «Men för att bättre kunna bära fram våra idéer och för att stärka vår politikutveckling genomför vi just nu det största förnyelsearbetet av Socialdemokraterna på 20 år» («Но для того, чтобы эффективнее продвигать наши идеи и усиливать развитие нашей политики, мы за последние 20 лет проделали огромную работу по обновлению нашей партии») [8].

Среди пространственных координат «развития как деятельности» наиболее существенными являются устойчивые интернациональные метафоры-клише: «prioritera» («придавать большое значение»), «satsa på något» («делать упор, делать ставку»), «placera någon/något mitt i...» («ставить, помещать в центр»), «internationell skala» («мировой масштаб»): «Samtidigt prioriterar vi att få till stånd en snabbare tillståndshantering, och genomför också andra reformer som ligger helt i linje med det som Riksrevisionen efterlyser i sin granskning». («В то же время мы делаем акцент на ускорении процесса выдачи разрешений и проводим другие реформы сферы, находящийся под контролем Государственной ревизионной комиссии») [7]; «För det tredje: Vi ska placera oss mitt i samhället genom en ny strategi för fler samarbeten med näringsliv, akademi och engagerade aktörer i det civila samhället». («В третьих, мы должны ставить себя в центр общественной жизни посредством новой стратегии сотрудничества с экономикой, образованием и трудящимися») [8].

В шведском политическом дискурсе чрезвычайно употребительна метафора «Развитие – это работа»: «Vårt arbete är inte på långa vägar klart». («Но мы должны принять тот факт, что перед страной еще стоит много трудностей и альянсу нужно еще много сделать. Наша работа в долгосрочной перспективе не полностью ещё ясна») [5]; «Arbetslinjen har återupprättats» («Работа снова пошла в нужном направлении») [5].

Созидательное, конструктивное развитие как работа, деятельность, характеризующееся позитивной оценкой, охватывает метафоры из таких традиционных областей, как строительство, сельское хозяйство, транспорт, экономическая сфера в целом, а также метафоры из области повседневной реальности. Метафоры из области строительства: «Vi behöver bygga ett sammanhållet samhälle, inte genom symbolhandlingar eller speciella klädförbud, utan genom att skapa möjligheter för svenskar födda utomlands till utbildning, välfärd och jobb som alla andra» («Нам нужно строить сплочённое общество не только посредством издания символических указов или запретов на ношение определенной одежды и при этом даже не давая жителям Швеции, рожденным за границей, равных с другими возможностей для получения образования, работы, социальных гарантий») [8].

В группе метафор, исходной областью которых является сельское хозяйство, преобладают метафоры, являющиеся интернациональными клише: «Men vi kan – och vi måste – göra allt som står i vår makt för att bekämpa såväl terrorismen som dess grogrund, i Sverige likaväl som i andra länder» («Но мы можем и должны делать всё, что в наших силах для борьбы как с терроризмом, так и с его корнями, как в Швеции, так и в других странах») [6].

Метафоры из области экономики и финансовой сферы, в основном, являются интернациональными метафорами-клише. Так, например, в качестве уже стершейся метафоры-символа воспринимается словосочетание «дыра в бюджете», которое, тем не менее, не теряет своей экспрессии: «Kvar står svenska folket med stora hål i den offentliga ekonomin» («Населению Швеции же достается огромная дыра в экономике государства») [12].

В рассматриваемой группе продуктивна модель глагольно-именных словосочетаний с частично десемантизированным глаголом. Они могут быть заимствованными из различных областей:

– из области спорта: «Varje år sedan 2006 har investeringarna i energisektorn satt nya rekord och i år beräknar branschorganisationen Svensk Energi att omkring 30 miljarder kommer att investeras i energisektorn i Sverige» («Каждый год начиная с 2006 инвестиции в сектор энергетики ставили все время новые рекорды и за весь этот год по расчетам компании «Энергия Швеции» в энергетику будет направлено около 30 млрд. крон») [7];

– из области игорного бизнеса: «Därför inför vi utbildningskontrakt för unga utan gymnasieexamen och satsar på yrkesutbildningar och högre utbildning» («Для этого мы планируем создать систему образовательных контрактов для молодых людей без аттестата о завершённом школьном образовании и делаем ставку на профессиональное и высшее образование») [8];

– из области повседневной жизни: «Krig och konflikter har präglat vår världsdels historia» («Войны и конфликты наложили отпечаток на историю нашего региона») [11].

Метафоры рассматриваемой группы выполняют не только функцию позитивной характеристики развития как деятельности, но и функцию действенной критики деятельности политических оппонентов. К данной подгруппе относятся различные по структуре метафоры:

1) абстрактные существительные;
2) глагольно-именные словосочетания;
3) словосочетания, построенные по определённым продуктивным моделям;
4) метафорические перифразы.

Некоторые типичные примеры:

1. «Раскол» (Splitring) – устойчивая метафора-клише из области повседневной реальности; применительно к современному шведскому политическому дискурсу она обозначает «разобщённость», «отсутствие единства», «недружественные отношения»: «Splittring har varit Europas eviga bekymmer» («Раскол был вечной проблемой Европы») [11];

«этнические чистки» (etnisk rensning) – интернациональная метафора-символ, обозначающая физическое уничтожение определённой части населения страны по этническому признаку: «En region som för tjugo år sedan bröt samman av våld och etnisk rensning» («Регион, который 20 лет назад распался из-за насилия и этнических чисток») ((РЕС 31) [11];

«нытьё», «хныканье» (gnäll) – здесь – метафора из области повседневной жизни: «Europadebatten i Sverige har kommit att bli för ängslig och för gnällig» («Европейские дебаты в Швеции проводились в атмосфере тревожности и нытья») [11]. Относящаяся к обиходно-разговорному стилю и не совсем характерная для политического дискурса Швеции, данная метафора несёт отрицательный эмоционально-оценочный заряд, характеризуя позицию оппонентов как незрелую, как отсутствие у них твёрдой политической воли;

«цена» (Pris) – международная метафора-символ: «Priset för att långsiktigt stå utanför ett sådant samarbete kan komma att bli högt, i form av förlorat inflytande och förlorade möjligheter för utrikeshandel» («Цена за долгосрочный отказ от участия в такой работе может стать высокой в форме потери влияния и возможностей торговли с другими странами») [11]. Как правило, данная метафора формирует речевые акты «предостережение» и «опасение».

2. Среди глагольно-именных сочетаний, в которых глаголы с общим значением частично десемантизированы, а семантический центр сдвигается на именные компоненты (существительные и прилагательные), различаются: а) метафоры-клише, например, «выявлять слабые места»: «Sedan jag tillträdde som infrastrukturminister har jag därför sett som min uppgift att identifiera sårbarheten i systemet och därefter konstruera effektiva förslag som kan komma till rätta med problemen» («С того момента, как меня назначили министром инфраструктуры, я поставила перед собой задачу выявить слабые места в системе, а затем приступить к разработке проекта (предложения), который сможет решить проблемы») [12]; б) авторские метафоры, характеризующиеся необычной и яркой наглядностью, к примеру, «выгибать гордо спину» (sträcka på ryggen), то есть гордиться свой страной: «Vem har inte sträckt på ryggen när vi på utlandsresan fått beröm för vårt moderna och progressiva land som kombinerar en stark ekonomi och låg arbetslöshet med omtanke om varandra?» («Кто из нас во время поездок за рубеж не выгибал гордо спину потому, что Швеция известна всем как современная и прогрессивная страна, сочетающая сильную экономику и низкую безработицу с заботой о гражданах?») [8].

3. К наиболее интересным продуктивным метафорическим моделям рассматриваемого типа относится интернациональная модель «существительное «политика» + определение (substantiv *politik* + definition (в генитиве или атрибутивное словосочетание). Также к ним относится специфическая метафора «политика первого взмаха лопатой» («första spadtags – politik»): «Det är denna "första spadtags"-politik som gör stora hål i marken, som sedan får fyllas igen när pengarna tar slut» («Это так называемая политика «первого взмаха лопатой», которая образует в земле большую яму, которая снова заполняется, когда кончаются деньги») [12]. Данная метафора служит для обозначения целенаправ-

ленной деятельности по социально-экономическому развитию страны и характеризуется ярко выраженной негативной коннотацией. «Первый взмах лопатой» символизирует неквалифицированный физический труд, а здесь применительно к социально-экономической деятельности означает упрощение, неуместный план, курс действий по решению проблем.

4. Метафорические перифразы в рассматриваемой группе метафор также несут ярко выраженную пейоративную окраску. Как правило, исходной областью в данном случае является повседневная жизнь: «På ena sidan en borgerlighet som förlorat sitt nytänkande och fastnat i egna gamla hjulspår» («С одной стороны – потерявшая чувство современности и застрявшая в своей старой колее буржуазия») [8].

Также в текстах шведского политического дискурса употребительны авторские эпитеты, например, с эмоционально-оценочной коннотацией «symbolhandlingar» («символические действия»): «Vi behöver bygga ett sammanhållet samhälle, inte genom symbolhandlingar eller speciella klädförbud, utan genom att skapa möjligheter för svenskar födda utomlands till utbildning, välfärd och jobb som alla andra» («Нам нужно строить сплочённое общество не только посредством символических указов или запрета на ношение определенной одежды и при этом даже не давая жителям Швеции, рожденным за границей равных возможностей для получения образования, работы, социальных гарантий») [8]. Данная метафора несёт негативный оценочный потенциал. Специфичностью отличается также и метафора-олицетворение «smarta nät» («интеллектуальные сети»), которая используется для обозначения высокотехнологичных, энергоэффективных и, соответственно, экологически безопасных систем передачи электроэнергии: «Särskilt viktiga är här områden som solenergi, smarta nät och energilagring» («Особенно важны следующие области исследования: солнечная энергия, современные интеллектуальные сети и транспортировка энергии») [9].

Итак, образная составляющая концепта UTVECKLING в шведском политическом дискурсе обнаруживает развитую систему смысловых и формальных средств. Для её реализации используются следующие метафоры:

а) интернациональные метафоры-клише, характерные для целого ряда европейских языков (английский, немецкий, французский, итальянский). Они основаны на стёршихся образах и относятся к традиционным метафорам из разных исходных областей человеческой жизни и деятельности;

б) оригинальные авторские метафоры, перифразы и эпитеты, отражающие культурно-историческую специфику Швеции, а также современный социально-культурный контекст политической деятельности. Авторские средства образности часто обладают эмоционально-оценочной коннотацией, отражают непосредственное отношение автора текста к действительности.

В плане выражения они представляют собой отглагольные существительные (UTVECKLING (развитие) и его лексико-семантические варианты), глаголы, прилагательные, глагольно-именные сочетания с частично десемантизированным глаголом, сложные существительные, метафоры-перифразы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Готта О. М. Прагматика функционирования ключевых концептов в риторике датских политических партий: дисс. … к. филол. н. – М., 2008. – 220 с.

2. Комкова А. Н. Динамика норвежского политического дискурса: ключевые концепты: дисс.... канд. филол. н. – М., 2012. – 260 с.

3. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М., 1990. – С. 387 – 415.

4. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. – Спб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.

5. Alliansen ska utvecklas till valet 2014. Nya moderaterna. [Электронный ресурс]. URL: http://www.moderat.se/debatt/alliansen-ska-utvecklas-till-valet-2014 (Дата обращения: 06.03.2017).

6. Bekämpning av terrorism görs bäst i dialog med andra. Nya moderaterna. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dn.se/debatt/bekampning-av-terrorism-gors-bast-i-dialog-med-andra/ (Дата обращения: 03.03.2017).

7. Elförsörjningen blir tryggare. Svd, Opinion, Brännpunkt. [Электронный ресурс]. URL: http://www.svd.se/opinion/brannpunkt/elforsorjningen-blir-tryggare_8592484.svd (Дата обращения: 05.03.2017)

8. Socialdemokraterna – framtidspartiet. Socialdemokraterna. [Электронный ресурс]. URL: http://www.socialdemokraterna.se/Pressrum/nyheter/Socialdemokraterna---Framtidspartiet/ (Дата обращения: 05.03.2017).

9. Solenergi ger gröna jobb. Vänsterpartiet. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vansterpartiet.se/solenergi-ger-grona-jobb (Дата обращения: 02.03.2017).

10. Sverige ska vara utan fossila bränslen. Socialdemokraterna. [Электронный ресурс]. URL: https://www.socialdemokraterna.se/Pressrum/nyheter/Aktiv-klimatpolitik---for-hallbar-framtid/ (Дата обращения: 02.03.2017).

11. Utveckla samarbetet I Europa. Folkpartiet. [Электронный ресурс]. URL: http://www.svd.se/opinion/brannpunkt/utveckla-samarbetet-i-europa_8322318.svd (Дата обращения: 01.03.2017).

12. Vi måste bygga järnväg nu. Nya moderaterna. [Электронный ресурс]. URL: http://www.moderat.se/debatt/vi-maste-bygga-jarnvag-nu (Дата обращения: 03.03.2017).

REFERENCES

1. Gotta O. M. Pragmatika funktsionirovaniya klyuchevykh kontseptov v ritorike datskikh politicheskikh partiy: diss. … k. filol. n. M., 2008. 220 s. [in Russian].

2. Komkova A. N. Dinamika norvezhskogo politicheskogo diskursa: klyuchevye kontsepty: diss.... k. filol n. M., 2012. 260 s. [in Russian].

3. Lakoff D. Metafory, kotorymi my zhivem. [Tekst] / D. Lakoff, M. Dzhonson // Teoriya metafory: [Sb] / pod red. N.D. Arutyunovoy, M.A. Zhurinskoy. – M., 1990. – S. 387–415 [in Russian].

4. Nikitin M. V. Osnovaniya kognitivnoy semantiki. [Tekst]: uchebnoe posobie / M.V. Nikitin: Rossiyskiy gos. ped. universitet im. A.I. Gertsena. – Spb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2003. – 277 s. [in Russian].

5. Alliansen ska utvecklas till valet 2014. Nya moderaterna. [Электронный ресурс]. URL: http://www.moderat.se/debatt/alliansen-ska-utvecklas-till-valet-2014 (Дата обращения: 06.03.2017).

6. Bekämpning av terrorism görs bäst i dialog med andra. Nya moderaterna. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dn.se/debatt/bekampning-av-terrorism-gors-bast-i-dialog-med-andra/ (Дата обращения: 03.03.2017).

7. Elförsörjningen blir tryggare. Svd, Opinion, Brännpunkt. [Электронный ресурс]. URL: http://www.svd.se/opinion/brannpunkt/elforsorjningen-blir-tryggare_8592484.svd (Дата обращения: 05.03.2017)

8. Socialdemokraterna – framtidspartiet. Socialdemokraterna. [Электронный ресурс]. URL: http://www.socialdemokraterna.se/Pressrum/nyheter/Socialdemokraterna---Framtidspartiet/ (Дата обращения: 05.03.2017).

9. Solenergi ger gröna jobb. Vänsterpartiet. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vansterpartiet.se/solenergi-ger-grona-jobb (Дата обращения: 02.03.2017).

10. Sverige ska vara utan fossila bränslen. Socialdemokraterna. [Электронный ресурс]. URL: https://www.socialdemokraterna.se/Pressrum/nyheter/Aktiv-klimatpolitik---for-hallbar-framtid/ (Дата обращения: 02.03.2017).

11. Utveckla samarbetet I Europa. Folkpartiet. [Электронный ресурс]. URL: http://www.svd.se/opinion/brannpunkt/utveckla-samarbetet-i-europa_8322318.svd (Дата обращения: 01.03.2017).

12. Vi måste bygga järnväg nu. Nya moderaterna. [Электронный ресурс]. URL: http://www.moderat.se/debatt/vi-maste-bygga-jarnvag-nu (Дата обращения: 03.03.2017).

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК 082

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ХАНТЫ В ИДИОСТИЛЕ Е. Д. АЙПИНА

Агакишиева Улдуз Джамиловна, Сироткина Татьяна Александровна

Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, *Россия*, *sirotkina71@mail.ru*

Аннотация. В статье на материале художественных произведений хантыйского писателя Еремея Даниловича Айпина рассматриваются средства создания образа ханты. Описывается функционирование в текстах этнографизмов и сочетаний с отэтнонимными прилагательными, репрезентирующими национальные обычаи и традиции.

Ключевые слова: идиостиль; Е. Д. Айпин; образ ханты.

TOOLS FOR CREATING AN IMAGE IN THE KHANTYIDIOSTILE E. D. AIPIN

AgakishievaUlduz Dzhamilovna, Sirotkina TatianaAlexandrovna

Surgut State Pedagogical University, *Surgut*, *Russia*

Abstract. The article on the material of works of art of the Khanty writer Eremey Danilovich Aipin considered a means of creating an image of the Khanty. It describes the operation of the texts and combinations with ethnographismo-tetnonimnymi adjectives that represent national customs and traditions.

Keywords: idiostyle; E. D. Aipin; the image of the Khanty.

Еремей Данилович Айпин – известный хантыйский писатель и публицист. В его художественной прозе получает яркую репрезентацию картина мира хантыйского народа, отражаются особенности культуры и быта ханты. В настоящей статье на примере этнографизмов, функционирующих в текстах его произведений, а также этнонимов и словосочетаний с этнонимами рассмотрим, каким образом в повестях и романах писателя отражается национально-специфический компонент его творчества.

На фоне общеупотребительной лексики особенно ярко выделяются национально маркированные лексические единицы – этнографизмы (слова, обозначающие реалии быта и жизни ханты, которые являются героями произведений писателя). В словаре «Языковые контакты» В. М. Панькина и А. В. Филиппова данные лексические элементы трактуются как «названия предметов, понятий, характерных для быта, хозяйства какой-то национальной культуры, не адекватных каким-либо предметам или понятиям другой национальной культуры» [6, с. 130].

Интересен способ ввода автором в текст этнографизмов. В романе «Божья Матерь в кровавых снегах» 21 раз используется слово *ягушка*, поясняемое в этнографическом словаре как *женская распашная одежда из меха у народов Западной Сибири* [8]. При этом ни разу не приведено пояснение этого слова, отсутствует оно и в затекстовых примечаниях. О том, что обозначает данная лексема, читатель имеет возможность самостоятельно узнать из контекста: «*Меховая ягушка*, *стянутая поясом*, *держалась только на левом плече*, *правая грудь*, *плечо и рука были свободными*» [1, с. 7], «*Чёрная с проседью толстая коса на белом песцовом воротнике ягушки*» [1, с. 152]. Таким образом вводится писателем в текст большая часть этнографизмов, хотя комментарии, которые даёт автор, как и комментарии, приведённые в конце произведений, в книгах Айпина также присутствуют.

Этнографизмы помогают писателю ввести читателя в мир жизни хантов, погрузить его в повествование, насыщенное реалиями жизни. Именно этнографизмы придают тексту, написанному автором по-русски, национальный колорит.

Особое место в структуре повествования Айпина темы семьи и дома обусловливает наличие лексем, поясняющих устройство дома ханты. Это, в первую очередь, слово *чум*. Чум для героев произведений Айпина – это убежище от бед и природных катаклизмов; устройство чума постоянно, выверено и закреплено вековыми традициями; в чуме есть *материнская половина*, где находятся дети: «*Те* (дети. – У. А.) *нехотя возвращались на материнскую половину чума*» [3, с. 94]. Как наиболее актуальное слово, данный этнографизм не нуждается в специальных пояснениях писателя. В Этнографическом словаре говорится, что чум есть переносное жилище народов Сибири, представляющее конический каркас из жердей, покрытый шкурами (нюками) зимой и парусиной или берестой (тисками) летом [8]. Элементы устройства чума, наименования которых наверняка будут незнакомы читателю, Айпин поясняет в затекстовых примечаниях. В тексте: «*На макодан давило студёное небо*» [1, с. 23], в примечаниях: макодан – дымовое отверстие чума.

Для наименования того места, где чумы устанавливаются хантами, автор использует слово *становье*. При устройстве становья соблюдаются постоянные правила. Айпин сообщает, что становья – это места, определённым образом оборудованные и предназначенные для жизни хантов в то или иное время года: «*Тут ведь всё связано воедино*: *становья осенние и весенние*, *летние и зимние*. *Все эти избушки*, *лабазы*, *навесы связаны тропами и дорогами*, *что*

много лет назад проложили предки» [4, с. 82]. Становье символизирует дом, и разорение становья обозначает беду: «*Матерь Детей направилась к дому по разорённому становью*, *залитому человеческой кровью*» [1, с. 25].

Тема кочевья, постоянных перемещений как неотъемлемой части образа жизни хантов представлена в тексте с помощью целого ряда этнографизмов. Одно из слов, *аргиш*, употребляется автором практически без пояснений: «*А зимой взяла его погонщиком оленей*, *когда стала водить аргиши с рыбой в районный центр*» [1, с. 134]. Пояснение данного слова находим в словаре В. И. Даля: «арьюш у зырян, аргиз у коряков, олений обоз. Ехать аргишами, идти обозом». В одном из примеров обнаруживаем комментарий данного этнографизма и в тексте Айпина: «*Его семья могла жить безбедно и каслать большим аргишем – кочевать большой группой упряжек – с одного места на другое*» [3, с. 220]. Как видим, здесь пояснён также глагол *каслать* – кочевать.

Ряд этнографизмов, которые использует автор, связаны с домашними животными хантов, в первую очередь, с оленями и уходом за ними. Это слова *кораль* – загон для выпаса оленей, *копаница* – ‘яма в снегу, разгребаемая оленем для добычи ягеля’ и др. Чаще всего используется слово *кораль*, понимаемое как часть дома, расположенная на его границе, на окраине становища: «*Через открытые ворота он направил упряжку прямо в кораль*, *в котором стояли две бревенчатые избушки с крытыми сенями из жердей*» [4, с. 84].

Для текста, повествующего о событиях частной жизни героев-хантов, значимы этнографизмы, обозначающие предметы обихода. Это может быть домашняя утварь, устройство или материал, которой характерен для хантыйской культуры: «*Вздохнув*, *она взяла с полки куженьку – небольшую коробку из бересты – и начала собирать гостинцы сыновьям*» [4, с 12]; «*Нарубил рогульки для таганка и колышки для пологов и навеса*, *развёл костер*, *а чуть в сторонке – дымокур от комаров*» [4, с. 122]. В первом случае автор даёт пояснение для лексемы *куженька*, во втором – пояснение отсутствует, и читатель сам может догадаться, что речь идёт о предмете, предназначенном для приготовления пищи на костре. Сохраняя культурное наследие своего народа, Айпин нередко даёт в тексте пояснения этнографизмов, которые указывают на мифологические особенности мировосприятия хантов, закреплённые в предметах материальной культуры: «*У куженек все четыре угла согнуты и пришиты в одну сторону*, *вправо*, *“по солнцу”*« [4, с. 238]. Айпин вводит целый ряд слов, обозначающих предметы обихода и домашнюю утварь хантов: *кевл*, *кеуль* – ковшик, *набирка* – берестяная посуда для сбора ягод, *сак* – черпак для чистки лунок ото льда’ и др. К числу наиболее употребительных наименований национально специфичных предметов относится в тексте Айпина слово *нарты* – сани в оленьей или собачьей упряжке у народов Сибири [8]. Нарты – жизненно необходимый для северных народов предмет; в текстах писателя данное слово используется как одно из самых естественных для героев наименований: «*Промысловые снасти чини*, *мастери ловушки и нарты*» [3, с. 182].

Ещё одна группа этнографизмов – наименования предметов одежды и обуви: *гусь* – мужская глухая одежда мехом наружу, надеваемая на малицу, *сак* –

женская меховая шуба мехом внутрь, *бурки* – меховые сапожки с орнаментами и другими украшениями из сукна и бисера, *ныpики* – летняя замшевая обувь до колена или выше и др. В книге «Божья Матерь в кровавых снегах», описывая жестокое противостояние хантов и красноармейцев, подавляющих их восстание, автор не считает нужным пояснять смысл слова *малица*. Динамичный характер повествования требует в данном случае краткости при описании: «*Два красноармейца вытянули его за ноги из снежного окопчика под нартами*, *бросили у ног главаря*. *Малица задралась до пояса*, *и было видно*, *как сочится кровь из перебитых ног*» [1, с. 10]. Из словаря узнаём, что *малица* – мужская одежда глухого покроя длиной ниже колен, с капюшоном у ненцев и соседних народов. Шилась из оленьих шкур мехом внутрь [8]. Другой этнографизм, *кумыш*, в книге «У гаснущего очага» поясняется весьма подробно: «*На нарту сесть некуда*. *На ней поклажа*, *прикрытая кумышом – мужской глухой одеждой мехом наружу*, *что надевается поверх малицы*» [3, с. 197]. То есть наличие в тексте пояснений слов, которые могут быть непонятны читателю, зависит от авторского замысла, от особенностей повествования. Наименование обуви – *кисы* – также даётся автором обычно без пояснений: «*Допив вторую кружку сладкого чая*, *он надел старенькие кисы и малую малицу и вышел из дома*» [1, с. 13]. Из затекстовой ссылки узнаём: *кисы* – меховая обувь до паха [1, с. 329].

Наименования национальных продуктов питания, еды и напитков, присутствующие в тексте, выражены посредством этнографизмов. Это нередко слова, обозначающие блюда из рыбы – характерного для хантов продукта питания: *подовушка* – рыба, обычно щука, разрезанная на ломтики и зажаренная на колышках у открытого огня, *патымка*, *патомка* – строганина из мерзлой рыбы, *порса* – ‘блюдо из толченых рыбных костей, *сел* – копченые чебаки и подъязки. Рассказывая об этих блюдах, автор даёт справки о том, кода, при каких обстоятельствах ханты едят порсу: «*Когда наступал голод – ели порсу*» [3, с. 210].

С рыбной ловлей как традиционным промыслом ханты связаны также различные наименования лодок и снастей: *кремневое весло* – весло из твёрдой древесины; *неводни*к – большая четырехвесельная лодка, с которой забрасывают невод, неводят; *облас*, *обласок* – лодка из цельного ствола осины или кедра и др. Айпин попутно, к слову, не выходя за пределы повествования, делает замечания, касающиеся устройства данных объектов, особенностей и удобства их использования: «*Но он-то знал*, *каково это*, *даже человеку бывалому*, *высидеть на облосе целый день*. *А путнику непривычному*! *Иной раз покажется*, *что легче пройти пешком*, *чем проплыть это же расстояние на вёртком судёнышке*, *где лишний раз не шелохнешься*, *ибо всё время нужно сохранять равновесие*, *чтобы не зачерпнуть бортом воду*» [4, с. 45].

Наименования людей также встречаются среди используемых писателем этнографизмов. В романе «Божья Матерь в кровавых снегах» помощниками войск Красной Армии в подавлении остяцкого восстания становятся каюры: «*На озере остался только помощник Мингал со своим каюром и парой красноармейцев*» [1, с. 69]. Как истинный хант, Айпин по-особому относится к

оленям, и каюры нередко упоминаются в связи с повествованием об этих животных: «*И в войну*, *вместе с воинами-каюрами*, *олени сражались на фронте*» [4, с. 73]. Пояснение данного термина, не разъясняемого автором в тексте, находим в толковом словаре С. И. Ожегова: *каюр* – погонщик собак или оленей, запряжённых в нарты [5, с. 271] с пометой *областное*.

Айпин вводит в текст несколько национально специфичных наименований явлений природы. Чтобы обозначить скорое наступление утра, женщина говорит: «*Ногастый Зверь вверх пришёл*» [1, с. 30]. Такие наименования, которые сложно понять из контекста, обычно поясняются в затекстовых ссылках: «*Ногастым Зверем или Лосем остяки называют созвездие Большой Медведицы*» [1, с. 252]. Природа является частью жизни, средой и пространством существования для героев Айпина, причём природа эта необычна для русских читателей произведений автора, живущих в другой местности. Подчеркнуть экзотичность описываемых предметов и явлений призваны особые слова: *сухара* – высохшее на корню дерево, *урий* (*урия*), или *курья* – речной залив и др.

Фауна северных территорий, являющихся местом действия в произведениях Айпина, наряду с общеупотребительными наименованиями, обозначается экзотизмами, восходящими, чаще всего, к языку ханты (*лав* – конь, *масс* – корова, *пупи-ики* – медведь-старик) или этнографизмами, которые являются иносказательными: *хвостатый* – собака, *Чернолицый* – медведь и др. Экзотические наименования животных используются автором не всегда, обычно в тексте встречаются общеупотребительные слова. Но если речь идёт о каком-то обычае ханты, их древнем веровании, то автор прибегает к экзотизмам: «*До сих пор*, *по словам стариков*, *самой большой жертвой Богу считается лав*, *– припоминал отец обряды старины*. *– Потом мас*. *Среди домашних животных у них самая высокая честь*. *Лав и мас*. *А после уже идёт олень*» [4, с. 29].

Обратившись к примерам функционирования словосочетаний с отэтнонимными прилагательными в романе Айпина «Божья матерь в кровавых снегах», мы видим, какие национальные проблемы волнуют автора. Это, прежде всего, вопросы

– сохранения национальных традиций и уважительного отношения к традициям соседних этносов: «*”С удачей-здоровьем*!*” – сказал Демьян обычный хантыйский тост*» [2, с. 176]; «*Демьян без стука открыл дверь – ведь по древнему обычаю предков гость не стучится в дверь*: *он всегда желанный человек в доме*, *и его приход никогда не бывает некстати… Поэтому в хантыйские дома поселка Демьян не стучался*, *так входил*. *Русские дома – другое дело*. *На толстых дверных обивках он обычно с трудом отыскивал какую-нибудь дощечку и деликатно скрёбся – из уважения к обычаям другого народа*. *Коль у них так принято – чего же не постучаться*, *рука не отвалится*» [2, с. 253];

– роли истории родного народа в жизни страны: «*Когда-то в давние времена Ленин побывал среди нашего народа*, *– рассказывали ханты*. *– Побывал в наших краях*. *Проехал по этим землям*, *останавливался в каждом селении*, *раз-*

говаривал с людьми: *с охотниками и рыбаками*, *с их жёнами и детьми*, *с древними стариками*. *Смотрел*, *как они живут*, *расспрашивал*, *в чём нуждаются*, *о чём думают*, *о чём мечтают*, *каким представляют своё будущее*. *Так он объехал всю Югру*, *землю остяков и вогулов – от Уральских гор до Енисея*, *от Тобольска до побережья Ледовитого океана*. *Летом на лодке*, *а зимой на оленях*» [2, с. 293];

– будущего хантыйских поселков: «*Но сегодня для решения социально-экономических задач должны прийти коммунисты – последователи и ученики тех "двадцатипятитысячников"*, *которые поднимали колхозы страны в тридцатые годы*» [2, с. 133].

Таким образом, в идиостиле Айпина получают яркую репрезентацию национальные обычаи и традиции народа ханты; язык его произведений включает множество этнографизмов, отражающих реалии хантыйской культуры. Все это подтверждает мысль известного литературоведа А.-В. Шаррена о том, что «Еремей Айпин, обратив историю и трагедию хантыйского народа в общечеловеческую историю и трагедию, навсегда спасает свой народ от забвения» [7, с. 382]. В этом, наверное, и состоит миссия истинно национального писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – М.: Амфора, 2010. – 256 с.

2. Айпин Е. Д. Собрание сочинений в 4 т. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014.

3. Айпин Е. Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях и обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во; М.: Фактория Арктики, 1998. – 256 с.

4. Айпин Е. Д. Ханты, или Звезда утренней зари. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 336 с.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

6. Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты: краткий словарь. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 160 с.

7. Шаррен А.-В. Некоторые размышления о возрождении народа и о сути литературного творчества // Айпин Е. Собрание сочинений в 4 т. – СПб.: ЗАО Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – С. 375–382.

8. Этнографический словарь. 2014 [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: http://ethno_ru.academic.ru (дата обращения: 12.12.2016).

REFERENCES

1. Ajpin E. D. Bozh'ja Mater' v krovavyh snegah. – M.: Amfora, 2010. – 256 s. [in Russian]

2. Ajpin E. D. Sobranie sochinenij v 4 t. – SPb.: ZAO «Torgovo-izdatel'skij dom «Amfora», 2014. [in Russian]

3. Ajpin E. D. U gasnushhego ochaga: Povest' v rasskazah o verovanijah i obychajah, obrjadah i predanijah naroda hanty (ostjakov) Obskogo Severa. – Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo; M.: Faktorija Arktiki, 1998. – 256 s. [in Russian]

4. Ajpin E. D. Hanty, ili Zvezda utrennej zari. – M.: Molodaja gvardija, 1990. – 336 s. [in Russian]

5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. – M.: Azbukovnik, 1999. – 944 s. [in Russian]

6. Pan'kin V. M., Filippov A. V. Jazykovye kontakty: kratkij slovar'. – M.: Flinta, Nauka, 2011. – 160 s. [in Russian]

7. Sharren A.-V. Nekotorye razmyshlenija o vozrozhdenii naroda i o suti literaturnogo tvorchestva // Ajpin E. Sobranie sochinenij v 4 t. – SPb.: ZAO Torgovo-izdatel'skij dom «Amfora», 2014. – S. 375–382. [in Russian]

8. Jetnograficheskij slovar'. 2014 [Jelektronnyj resurs] // Slovari i jenciklopedii na Akademike. – URL: http://ethno_ru.academic.ru (data obrashhenija: 12.12.2016). [in Russian]

УДК 82-31

РОЛЬ ЭПИГРАФОВ ИЗ «ЕГИПЕТСКИХ НОЧЕЙ» А. С. ПУШКИНА В РОМАНЕ Ф. РОЗИНЕРА «НЕКТО ФИНКЕЛЬМАЙЕР»

Букаты Евгения Михайловна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *bukaty@ngs.ru*

Аннотация. Незаконченная повесть А. С. Пушкина «Египетские ночи» и роман Ф. Розинера «Некто Финкельмайер» посвящены судьбе поэта, рассмотрению природы творчества, поэзии и импровизации. Сюжет Розинера по-своему изображает романтический конфликт «поэт и чернь», преображая его в конфликт таланта и завистников, таланта и советской идеологии. Создавая образ поэта-изгоя, Розинер трансформирует идеи пушкинского претекста и разрабатывает свою философию творчества.

Ключевые слова: русская литература; третья волна эмиграции; А. С. Пушкин, Ф. Розинер; эпиграф.

ROLE OF EPIGRAPHS FROM "THE EGYPTIAN NIGHTS" OF A. S. PUSHKIN IN F. ROZINER'S NOVEL "SOMEBODY FINKELMAYER"

Bukaty Evgenija Mikhailovna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The incomplete story of A. S. Pushkin "The Egyptian nights" and F. Roziner's novel "Somebody Finkelmayer" is devoted to destiny of the poet, consideration of the nature of creativity, poetry and improvisation. Roziner's plot on the represents the romantic conflict "the poet and common people", changing him in the

conflict of talent and envious persons, talent and the Soviet ideology. Creating an image of the poet of the derelict, Roziner transforms the ideas of a Pushkin pretext and develops the philosophy of creativity.

Keywords: Russian literature; third wave of emigration; A. S. Pushkin, F. Roziner; epigraph.

Феликс Яковлевич Розинер **(**1936–1997**)** – русский писатель, поэт, эссеист и музыковед, представитель **«третьей волны» эмиграции.** В культурологической прозе этого автора важное место занимают тема искусства и судьба творческой личности: поэт в романе «Некто Финкельмайер» (1975), композитор в романе «Ахилл бегущий», то же – в беллетризованных биографиях Э. Грига (1972), литовского художника и композитора М. Чюрлёниса (1974) и С. Прокофьева (1978).

В романе «Некто Финкельмайер» изображается трагедия поэта, конфликт с действительностью и картина жизни русской интеллигенции в советское время, в 1960–1970-х гг.

Весь роман Розинера насыщен интертекстуальными элементами – цитатами, реминисценциями и аллюзиями, что позволяет считать психологическую, реалистическую прозу писателя культурологической, где эрудированный автор, знакомый с классикой русской и мировой литературы, создаёт образ главного героя (Финкельмайера), столь же начитанного, талантливого поэта. Источниками интертекстуальных элементов являются произведения Данте, Пушкина, Тютчева, Пастернака и др.

Эпиграфы из «Египетских ночей» А. С. Пушкина, используемые в романе «Некто Финкельмайер», при более глубоком рассмотрении обнаруживают латентную ориентацию Розинера на пушкинский претекст. Сходство произведений этих авторов мы обнаруживаем на уровне системы персонажей, композиции, элементов сюжета и др. В центре произведений Пушкина и Розинера – тема поэта-творца, размышления о природе поэтического творчества, взаимоотношения поэта с собратьями по перу и с обществом.

Незавершенная повесть Пушкина «Египетские ночи» (1835) состоит из трёх глав, каждая из которых начинается эпиграфом-цитатой: 1) иронической цитатой из диалога, 2) цитатой из стихотворения «Бог» Р. Г. Державина «*Я царь*, *я раб*, *я червь*, *я Бог*» [3, с. 276], 3) цитатой из «Афишки»: «*Цена за билет 10 рублей*; *начало в 7 часов*» [3, с. 280].

Тот же композиционный рисунок мы находим в романе «Некто Финкельмайер» [4]: роман состоит из трёх частей, каждая из которых начинается эпиграфом-цитатой из пушкинской повести. На заимствованный характер композиционной структуры указывает и то, что первый эпиграф у Розинера – это цитата не из основного текста «Египетских ночей», а буквальное повторение первого пушкинского эпиграфа. Трехчастность композиции у Розинера навеяна не только пушкинской повестью, но и «Божественной комедией» Данте, которая в романе также активно цитируется.

Если Пушкин «впервые делает двух поэтов центральными фигурами прозаической повести из современной жизни» [2, с. 27] – Чарского и итальянца-импровизатора, то у Розинера поэт Финкельмайер получает возможность печататься после знакомства с «импровизатором» Манакиным, представителем северного народа тонгоров. Под видом переводов несуществующих стихов Манакина Финкельмайер (по совету Мэтра) публикует свои собственные стихи.

Н. Н. Петрунина считает: «”Египетские ночи” – одна из вершин искусства композиции у Пушкина. Начало повести состоит из трёх глав, из которых каждая разыгрывается на новой “сценической площадке”. Действие первой происходит в кабинете Чарского, два его участника – Чарский и импровизатор. Их знакомство начинается с внезапной размолвки, а та едва не приводит к разрыву: безвинно раздражив тщеславие хозяина, импровизатор невольно навлекает на себя его гнев. Раскаяние Чарского и тот новый оборот, который принимает его беседа с гостем, когда он узнаёт в нем собрата по искусству, приводят к зарождению взаимопонимания между ними» [2, с. 42]. Затем Чарский помогает итальянцу организовать концертные выступления.

В свою очередь, роман Розинера начинается со сцены невольного знакомства Финкельмайера и Никольского, который весьма раздражён нелепым поведением незнакомца. Но затем на смену внезапной размолвке двух еще незнакомых людей приходит взаимопонимание, а в будущем между ними возникает духовная близость, особая доверительная дружба. В романе Розинера судьба и образ главного героя, поэта Финкельмайера, изображается преимущественно глазами его друга Никольского, который становится и почитателем его поэзии, и покровителем-помощником для непрактичного поэта.

Явственна разность отношения Финкельмайера и Чарского к покровительству. Чарский говорит итальянцу: «*Наши поэты не пользуются покровительством господ*; *наши поэты сами господа*, *и если наши меценаты* (*черт их побери*!) *этого не знают*, *то тем хуже для них*. *<…> У нас поэты не ходят пешком из дому в дом*, *выпрашивая себе вспоможения*» [3, с. 273-274]. Чарскому претит покровительство, оно приемлемо для него лишь как деловая помощь от собрата-поэта: Чарский помогает бедному итальянскому поэту. Финкельмайер же нуждается в покровительстве и принимает его ото всех, кто пользуется его уважением (от Никольского, Мэтра, Леопольда Михайловича), даже от женщин. Никольский и автор-повествователь объясняют это беззащитной ранимостью поэта перед жестоким миром.

И. М. Нусинов писал: «Контраст Чарского и импровизатора – условный, временный, относительный. Постоянно и абсолютно в них – их единство. То, что они прекрасны как поэты, и то, что они оба пленники черни, хотя плен их различный» [1, с. 346–347]. Так же условен у Розинера контраст Финкельмайера и Никольского: первый – поэт, второй – лишь (по)читатель, талантливый реципиент; первый нелеп и не приспособлен к реальности, второй – практичен и опытен, ловок в обращении с людьми; Финкельмайер счастлив с Данутой, а Никольский влюблён в неё без надежды на взаимность и т. д. Но при этом постоянно их единство, взаимная дружеская необходимость друг в друге, взаи-

модополняемость этих персонажей. После убийства Финкельмайера Манакиным (Манакин – тень и завистник главного героя) именно Никольский становится хранителем его рукописей и памяти о нём.

«На всем протяжении трех глав повести мы вместе с Чарским приближаемся к импровизатору, фигура которого предстает перед ним, а вместе с тем и перед читателем, в ряде сменяющихся ракурсов. Каждый из них приоткрывает в итальянце новые грани, и это вызывает соответствующую реакцию Чарского, которая сообщает новую глубину также и его облику [2, с. 42]. «Автор попеременно побуждает нас становиться на точку зрения то Чарского, то импровизатора, смотреть на одного из них глазами другого» [2, с. 38].

Подобная двойственность и взаимоосвещение героев имеет место и в романе Розинера, с той лишь поправкой, что обе точки зрения направлены на одно лицо – поэта Финкельмайера. У Розинера Финкельмайер изображается преимущественно глазами Никольского, проникающегося симпатией и сочувствием к поэту. Эта позиция раскрывает характер и самого Никольского, как проницательного наблюдателя-психолога, тонкого ценителя поэзии, обладающего интуитивным чувством слова, стиля. В романе также есть фрагменты, где Финкельмайер рассказывает Никольскому о себе и о своём прошлом.

И у Пушкина, и у Розинера живая поэтическая импровизация производит ошеломляющее впечатление на слушателей, спонтанность творчества вызывает восхищение. Но если у Пушкина импровизатор-итальянец создаёт высокую поэзию, то у Розинера импровизация – это или шаблонное рифмование слов (армейская «поэзия» Финкельмайера как цирковой трюк), или пение-импровизация на не известном слушателям тонгорском языке подвыпившего охотника Манакина. В последнем случае Манакин – своеобразная сниженная пародия на пушкинского импровизатора, который тоже импровизирует на не понятном большинству слушателей итальянском языке: «*”Но если у вас никто не понимает итальянского языка*, *– сказал*, *призадумавшись*, *импровизатор*, *– кто ж поедет меня слушать*?*” – “Поедут – не опасайтесь*: *иные из любопытства*, *другие*, *чтоб провести вечер как-нибудь*, *третьи*, *чтоб показать*, *что понимают итальянский язык*; *повторяю*, *надобно только*, *чтоб вы были в моде*; *а вы уж будете в моде*, *вот вам моя рука*» [3, с. 276].

Одна из важных функций эпиграфа как рамочного компонента текста – предварять, указывать на содержание последующего текста. Такая смысловая связь пушкинских эпиграфов с текстом романа Розинера тоже наблюдается. Эпиграф к первой части романа: «*”Quel est cet homme*?*” – “Ha*, *c'est un bien grand talent*, *il fait de sa voix tout ce qu'il veut” – “Il devrait bien*, *madame*, *s'en faire une culotte”*« («*”Что это за человек*?*” – “О*, *это большой талант*; *он делает из своего голоса все*, *что он хочет”*. *– “Ему бы следовало*, *сударыня*, *сделать себе из него штаны*») [3].

Ироническое замечание о бедности и неустроенности пушкинского поэта-импровизатора у Розинера становится указанием на неустроенность Финкельмайера, простого служащего, талантливого поэта, стихи которого не публикуют.

Эпиграф ко второй части романа: «*Зло самое горькое*, *самое нестерпимое для стихотворца есть его звание и прозвище*, *которым он заклеймен и кото-*

рое никогда от него не отпадет» [3]. Это цитата из второго абзаца первой главы повести «Египетские ночи», где автор-повествователь в саркастическом тоне рассказывает о «невыгодах и неприятностях» положения стихотворца в обществе. У Пушкина главная причина этого зла указана в следующем предложении текста: «*Публика смотрит на него <поэта> как на свою собственность*; *по ее мнению*, *он рожден для ее пользы и удовольствия*» [3, с. 271]. У Розинера же во второй части романа акцент переносится на тотальную несвободу всякого человека, а не только поэта: «*Вообще же*, *Никольский исповедовал ту мысль*, *что современный человек полностью принадлежит самому себе*, *лишь когда он принимает ванну и плещется в душе или когда неподвижно восседает на унитазе*» [4]. В этой ситуации Финкельмайер не ищет личной славы, признания, и потому не возражает против того, что его стихи публикуются под фамилией Манакина, который охотно принимает на себя выгодную роль поэта – представителя искусства малого северного народа тонгор. Никольского возмущает такая несправедливость (нарушение авторских прав). Таким образом, здесь смещаются акценты: у Пушкина проблема – кому (не) принадлежит поэт? А у Розинера же: кому принадлежит поэтический текст? Народу? «Нет», – считает Финкельмайер. На вопрос Никольского: «Если ты ведёшь себя так, будто твои стихи никого не касаются, зачем вообще ты их публиковал?» Финкельмайер отвечает: «*О-о*! *Вопрос вопросов для всех пишущих*! *Давай*, *попробую объяснить*. *Но что бы я на этот вопрос ни ответил*... *Любой ответ будет только частью правды*. *Всей правды не знает никто*. *Во-первых*, *публиковал*, *потому что так полагается*. *Во-вторых*, *меня уговаривал Мэтр*. *В-третьих*, *деньги*, *– они почему-то всегда были очень кстати*. *В-четвёртых*, *страх перед смертью*. *Не понятно*? *Животный или мистический*, *как угодно*, *страх*, *что умрёшь*, *и ничего не будет*, *– тьма*, *пустота*, *холод*. *А написанное тобой*, *когда это отпечатано и размножено*, *создает иллюзию*, *что ты будешь существовать и после своей кончины*» [4]. Надежда на бессмертие не тела, но духа (с помощью текста), – вот что волнует Финкельмайера.

Интересно, что Розинер меняет форму последнего глагола во втором эпиграфе: у Пушкина использован глагол настоящего времени, несовершенного вида: *не отпадает*, у Розинера в эпиграфе *не отпадёт* – глагол будущего времени совершенного вида. Эта замена нам кажется неслучайной, она заменяет длящееся в настоящем действие (звание поэта никогда от него не отпадает) на некий постоянный, неизменный приговор поэту (никогда не отпадёт).

Третий эпиграф: «*Жизнь его могла быть очень приятна*; *но он имел несчастье писать и печатать стихи*» [4], – это цитата из первого абзаца первой главы пушкинской повести [3, с. 270], характеризующая положение Чарского в обществе, который стремится скрыть своё звание поэта под маской светского человека. У Розинера ироническая тональность пушкинского текста сменяется трагизмом положения поэта-изгоя, во-первых, не соответствующего идеологическим требованиям советского общества, во-вторых, окружённого злыми завистниками. Жизнь Финкельмайера в третьей части романа оканчивается гибелью: его осуждают на четыре года ссылки в северных краях (аллюзия на суд

в 1964 году над Иосифом Бродским), где спустя некоторое время его убивает Манакин. Подобный финал, с точки зрения автора, является типичным для свободного художника в тоталитарном государстве. И сам Розинер ожидал репрессий в свой адрес, так как его роман «Некто Финкельмайер», отвергнутый советскими издательствами, нелегально распространялся в самиздате.

Эпиграфы в романе «Некто Финкельмайер» не только обнажают неявное присутствие автора в тексте, его предпочтения в отборе цитируемых произведений. Эпиграфы также вскрывают диалогическую природу текста: Розинер как будто продолжает пушкинский текст, перенося его вопросы и проблемы в новую ситуацию 1970–1980-х гг. Если в последней импровизации пушкинского итальянца звучит тема связи сладострастия и смерти: за ночь наслаждения любовники Клеопатры платят своей жизнью, то у Розинера поэт тоже расплачивается своей жизнью за мгновения наслаждения поэтическим вдохновением.

Таким образом, Розинер заимствует преимущественно форму пушкинской повести о поэте и поэзии, наполняя эту форму своим содержанием, отражающим социально-историческую и психологическую проблемность существования поэта в советском обществе второй половины XX в.

Если у Пушкина важным был реалистический поворот в освещении романтического конфликта поэта и черни, Пушкин вкладывает в уста и мысли Чарского свои собственные иронические наблюдения над потребительским, неуважительным отношением общества к поэту, над неадекватным взглядом общества на контраст между, с одной стороны, полётом вдохновения, поэзией как божественным искусством и, с другой стороны, материальной, земной заинтересованностью автора в достойной оплате своего труда.

У Розинера же мы видим, с одной стороны, усиление трагического положения поэта, не вписывающегося в рамки господствующей советской идеологии, с другой стороны, Финкельмайер и его старшие наставники (Мэтр, Леопольд Михайлович) осмысляют сложные вопросы философии творчества вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. – М.: Советский писатель, 1941. – 397 с.

2. Петрунина Н. Н. «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкин. Дом). – Л.: Наука, 1978. – Т. 8. – С. 22–50 [Электронный ресурс] // URL: http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is8/is8-022-.htm (дата обращения: 12.02.2017).

3. Пушкин А. С. Египетские ночи // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 5. Романы, повести. – С. 270–285 [Электронный ресурс] // URL: http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0868.htm (дата обращения: 12.02.2017).

4. Розинер Ф. Некто Финкельмайер. – М.: Терра, 1990. – 597 с. [Электронный ресурс] // URL: http://www.belousenko.com/wr_Roziner.htm (дата обращения: 12.02.2017).

5. Розинер Ф. Записки паломника: Эссе и статьи о литературе, музыке и советской цивилизации. – М.: Третья волна, 1998. – 336 с.

REFERENCES

1. Nusinov I. M. Pushkin i mirovaya literatura. – M.: Sovetskiy pisatel', 1941. – 397 s. [in Russian]

2. Petrunina N. N. "Egipetskie nochi" i russkaya povest' 1830 godov // Pushkin: Issledovaniya i materialy / AN SSSR. Institut russkoi literatury (Pushkin. Dom). – L.: Nauka, 1978. – T. 8. – S. 22–50 [Jelektronnyj resurs] // URL: http://feb-web.ru/feb/pushkin/ serial/is8/is8-022-.htm (data obrashhenija: 12.02.2017) [in Russian]

3. Pushkin A. S. Egipetskie nochi // Pushkin A. S. Sobranie sochineniy: v 10 t. – M.: GIHL, 1959–1962. – T. 5. Romany, povesti. – S. 270–285. [Jelektronnyj resurs] // URL: http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0868.htm (data obrashhenija: 12.02.2017) [in Russian]

4. Roziner F. Nekto Finkel'mayer. – M.: Terra, 1990. – 597 s. [Jelektronnyj resurs] // URL: http://www.belousenko.com/wr_Roziner.htm (data obrashhenija: 12.02.2017) [in Russian]

5. Roziner F. Zapiski palomnika: Esse i stat'i o literature, muzyke i sovetskoj civilizacii. – M. : Tret'ya volna, 1998. – 336 s. [in Russian]

УДК 82.091.03

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ЗНАКИ КУЛЬТУРНОГО КОДА ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМЕДИИ ДЕЛЬ АРТЕ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЬЕСАХ 1920-х ГОДОВ

Воробьёва Татьяна Леонидовна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, *Томск*, *Россия*, *tatnick@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию традиции итальянской commedia dell’arte в русской драматургии 1920-х годов. Отмечается необходимость учета полигенетичности поэтики пьес Н.Р. Эрдмана, М.А. Булгакова, Е.И. Замятина, восходящих не к одному, а к нескольким претекстам. Характерные черты commedia dell’arte, такие как масочность, импровизационность, актуализация игровой функции слова и зрелищных форм театральности, а также наличие постоянных мотивов, наслаиваются на эксцентрику балагана, на традицию русской классической драматургии. Для комедиографии 1920-х годов характерно опосредованное освоение итальянской традиции, воспринятой через ее рецепцию в русском литературном и театральном символизме. Обращение к этой традиции обусловлено активным поиском новых форм эстетического выражения в литературе этого периода и имеет свои отличительные особенности: усиление пародийных, сатирических элементов, травестирование узнаваемых мотивов, трагикомический характер гротеска, переосмысление концепта «маски», обретающего новую семантику двойничества, балансирования на грани жизни и смерти и утраты подлинности. Знаки культурного кода

commedia dell'arte реализуются не только через образно-тематический план поэтики пьес, но и на уровне их конструктивных принципов.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие; претекст; комедия масок; травестия.

LITERARY WORK IN THE CONTEXT OF A DIALOGUE OF CULTURES: SIGNS OF THE CULTURAL CODE OF THE ITALIAN COMMEDIA DELL'ARTE IN DOMESTIC PLAYS 1920S

Vorobyeva Tatiana Leonidovna

National Research Tomsk State University, *Tomsk*, *Russia*

Abstract. The article researches tradition of the Italian commedia dell'arte in the Russian drama of 1920s. It's necessary to take into account the polygenetic poetics of plays by N.R. Erdman, M.A. Bulgakov, E.I. Zamyatin which have several pretexts. The characteristic features of commedia dell'arte such as using masks, improvisation, play on words, spectacular forms of theatricality and permanent motives are superimposed on the eccentricity of farce and Russian classic drama tradition. The comedy of the 1920s is characterized by the mediated reception of the Italian tradition perceived through Russian literary and theatrical symbolism. The appeal to this tradition is results from the active search for new forms of aesthetic expression in the literature of this period and has its own distinctive features, including the amplification of parodic satirical elements, travesty of the recognizable motives, tragicomic nature of grotesque, rethinking of the concept of the mask that acquires a new semantics of duality, balancing on the verge of life and death and the loss of authenticity. The signs of the Italian commedia dell'arte cultural code are realized not only through the imagery-thematic plan of the poetics but also on the level of its constructive principles.

Keywords: intercultural interaction; pretext; comedy of masks; travesty.

Диалог культур предполагает бесконечное развертывание и формирование новых смыслов каждого вступающего в межкультурное взаимодействие литературного произведения, особенно это значимо для установления межтекстовых связей в контексте «большого времени». Рассматривая произведение в интертекстуальном контексте, важно учитывать полигенетичность поэтики многих текстов, восходящих одновременно не к одному, а к нескольким претекстам, что создает сложное межтекстовое взаимодействие. Это в полной мере относится к традиции commedia dell'arte, которая является важной составляющей интертекстового арсенала русской литературы в целом и драматургии в частности, привлекая внимание художников своей демократичностью, зрелищностью, возможностью импровизации и самовыражения актера, бурлескным комизмом и острой злободневностью. Как отмечают современные исследователи [4, с. 145], эстетическая актуализация традиции commedia dell'arte

происходит в эпохи переходные, связанные с поиском новых форм эстетического выражения в искусстве. Так, в драматургии 1920-х годов характерные черты commedia dell'arte, такие как масочность, импровизационность, актуализация игровой функции слова и зрелищных форм театральности, а также наличие постоянных мотивов, наслаиваются на эксцентрику балагана, на традицию русской классической драматургии. Влияние комедии масок на становление русской драмы первой трети XX века шло, безусловно, не по прямой линии, а было опосредовано ее рецепцией в западноевропейском и русском символизме. Влияние итальянской импровизационной комедии сказалось не только на литературе, но и на развитии театра начала века. Для В. Мейерхольда, А. Таирова, Е. Вахтангова, Н. Евреинова commedia dell'arte была средством возвращения на сцену искусства «чистой», самодовлеющей театральности, основой которого было действие, непосредственно влияющее на зрителя, устанавливающее с публикой сиюминутный эмоциональный контакт. Обнажение условной природы театра, игра истинного и мнимого, лица и личины, бытия и быта воспринимались ими как победа идеи преображения жизни над принципом ее копирования, миметического отображения.

В 1914 г. выходит фундаментальный труд К.М. Миклашевского о commedia dell'arte, не утративший своего значения и сегодня, в нем подчеркивалась «низовая» природа театра масок. Именно этот аспект жанра актуализируется в искусстве послереволюционной эпохи, воспринявшем само существо комедии – l'anima allegre (радостная душа) – ощущение полноты и радости жизни. Поставленная в 1922 г. Е. Вахтанговым «Принцесса Турандот» стала воплощением игры как метода жизнестроительства и формой выражения характерного для того времени карнавального ощущения новизны мира.

Особое влияние на комедиографию 1920-х годов в аспекте освоения традиции итальянской комедии оказало творчество В.Э. Мейерхольда – доктора Дапертутто, сраженного на всю жизнь commedia dell'arte и увидевшего в ней модель своего синтетического театра. Мейерхольд, поставивший «Балаганчик» Блока и сыгравший в нем роль Пьеро, прекрасно уловил пародийно-ироничный характер авторской позиции и передал его сочетанием комического гротеска с трагическим. Режиссер, прошедший путь от изысканного «балагана» пантомим 1910 гг. до политического «балагана» «Мистерии-буфф», изучал приемы импровизационного театра масок для воспитания нового актера и создания нового, доступного всем театрального языка. В 1920-е гг. принципы театра масок становятся для Мейерхольда универсальным методом, реализующим подход к любой пьесе. Знаток commedia dell'arte Н. Соловьев назвал театральную драматургию Мейерхольда сценарием, так как любую пьесу режиссер брал в работу как основу для игры: систему сценических положений, типов (масок) и предметов для игры (например, платье императрицы в «Мандате»). Актер у Мейерхольда, подходя к работе над ролью, в первую очередь должен был разобраться, какие сценические функции ей присвоены, к какому амплуа она принадлежит и к какому жанру драматургии относится пьеса, т. е. обговорить исходные условия игры. Так поступали актеры комедии масок,

приступая к сценическому воплощению комического сценария. Безусловно, театральные искания начала века, актуализировавшие традицию итальянской комедии, оказали существенное влияние на развитие драматургии 1920-х гг., впитавшей в себя игровую стихию театральности, масочности и импровизации.

Знаки культурного кода commedia dell'arte проявляются в замятинской «Блохе» (1924), жанр которой обозначен как «игра в 4-х действиях», где ведут представление три халдея, по ходу действия перевоплощающиеся в разных персонажей. В предисловии к пьесе Евгений Замятин обозначает генеалогию этих героев: «Халдеи пришли в «Блоху» одновременно и из старинного русского «действа», и из итальянской импровизационной комедии. Их русские предки – скоморохи, Петрушка, масленичный балаганный дед, медвежий вожак; их итальянские родичи – Бригелла. Панталоне, Капитан, Пульчинелла, Труфальдино» [3, с. 721]. При осознании связи «Блохи» с известным лесковским сюжетом возможным откликом на комедию масок представляется и «инсективное» название пьесы: говоря о происхождении имени Пульчинелла, К. Миклашевский шутя выдвигал гипотезу его рождения от pulce – блоха. «Гипотеза эта может быть подчеркнута тем, что комические слуги для увеселения публики иногда занимались исканием блох» [6, с. 68].

Еще более условный, гротесковый характер, открыто обнажающий природу театральной игры, носит другая комедия Е.И. Замятина «Африканский гость» (1929-1930). Действие в ней выстраивалось как импровизированный, разыгрываемый на глазах зрителя спектакль, устроенный главный героем Витькой Жудрой, образ которого восходит к маске Бригеллы – умного, предприимчивого, богатого на выдумку, искусно плетущего нить любовной интриги, он одновременно является героем высокой и низкой сюжетных линий, характерных для сценариев commedia dell'arte. В борьбе за любовь герой является в дом своего тестя под маской африканского гостя – обезьяны, которая по пути «советского хлеба поела – и издохла» [2, с. 137]. В бурлескной форме Замятин обнажал перевернутую логику мира, где обезьяну принимают как почетного гостя, черную жертву империализма, а бывший дьякон, очень напоминающий скупца Панталоне, пытающийся приспособиться к новым условиям, готов отдать ему руку своей дочери. Яркой комической фигурой предстает Доктор, подобно своему итальянскому сородичу, высказывающий ученую бессмыслицу, он излагает утопический проект о преодолении вырождения нации путем скрещивания человека с обезьяной. Грубая комика и цирковая клоунада действия с бесконечными переодеваниями были направлены на сатирическое развенчание сциентистского мифа 1920-х гг. (вспомним «Собачье сердце») и, кроме того, носили характер самопародирования: Замятин травестийно обнажал абсурдность своей излюбленной идеи о возрождении одряхлевшей цивилизации с помощью свежей варварской, скифской крови. Оптимистический финал пьесы, не характерный для драматурга, где молодые герои, преодолев все препятствия на пути своей любви, отправлялись учиться в Москву, чтобы строить новую жизнь, вполне коррелировал с сюжетной логикой комедии масок.

Однако в середине 1920-гх гг. чуткие к веяниям времени драматурги уловили усиливающееся ощущение зыбкости, неустойчивости двоящегося бытия, вынуждающего человека балансировать на грани жизни и смерти. В трагической буффонаде Булгакова «Зойкина квартира» (1926) как аллюзия на блоковский «Балаганчик» появляются вечно живые маски любовного треугольника Арлекин-Коломбина-Пьеро (Аметистов-Зойка-Абольянинов), вовлеченные в безумие затянувшегося карнавала. Особенностью commedia dell'arte является строго иерархичное удвоение типов: высокому варианту отношений возлюбленной пары противостоит сниженный вариант любовной интриги слуг. В комедии Булгакова подобное удвоение типов, «зеркальность» образов (Аметистов – Абольянинов – Зойка и китайцы Гандзолин – Херувим – Манюшка), приобретающих подчеркнуто травестийный характер, призваны передать трагическое ощущение надвигающихся событий. Буффонные и фарсовые элементы комедии выявляют не радостное чувство праздничности, а трагикомическое освещение дисгармоничности и призрачности реальности, ускользающей от всех попыток героев «приспособить» ее под себя в целях выживания.

Драматург Николай Эрдман прошел школу «театра социальной маски» В.Э. Мейерхольда, унаследовав великолепное искусство построения интермедий – вставных коротких шуточных сценок, генетически связанных в русской литературе с театром масок. Среди множества написанных им интермедий к разным спектаклям есть и эпизоды к сказке Карло Гоцци «Принцесса Турандот», в которых драматург шутливо, в рамках традиции commedia dell'arte обыгрывает значимые для эпохи темы, в частности тему перерождения и усвоения «нового мировоззренчества, мироощущенчества и миросозерцианчества» [9, с.258]. Гротескный, зрелищный, словесно изощренный и пародийно-травестийный театр Н.Р. Эрдмана сопрягает противоположные, разноречивые стихии, подчиняя их единой, пластичной игровой манере автора, бросающего «в комедийную топку традиции, освященные столетиями, приемы комедии положений, открытия «новой драмы», знакомые мотивы русской классики» [8, с. 217]. Способность драматурга сохранять узнаваемую инвариантную основу претекстов, парадоксально трансформируя ее в отклике на злободневные проблемы и одновременно переводя на иной универсальный уровень обобщения, характеризует специфику работы драматурга с разнообразными художественными традициями. Думается, новаторство эрдмановской комедиографии связано в первую очередь с совершенно уникальной и всеобъемлющей формой авторской игры, осуществляемой поверх персонажных масок и распространяющейся на самих героев, на изображаемую действительность и на все приемы поэтики, в том числе на взаимодействие с другими текстами. Уникальный «метадиалог» в пьесах Н. Р. Эрдмана, позволяющий автору через персонажей, которые не осознают смысла сказанного, напрямую обращаться к зрителям, формируется, несомненно, под воздействием мейерхольдовского принципа «остранения», «предыгры», предоставляющего актеру возможность «выходить» из рамок маски и отыгрывать свой пантомимический комментарий, вы-

ражая оценку играемого персонажа. Такая форма, по убеждению Мейерхольда, должна была решить проблему импровизационности нового театра, важнейшую для режиссера в освоении традиции commedia dell'arte.

Приемы театра масок органично вошли в структуру комедий Н.Р. Эрдмана. Таков характерный для итальянской комедии мотив постоянного, неутолимого голода – fame arretrata у Арлекина, Пульчинеллы. Дзанни голоден всегда, это его второе «я», такой же неотделимый признак, как и маски. Непреодолимое чувство голода героя нередко становилось важнейшим компонентом сюжета в commedia dell'arte, первопричиной, образующей завязку комедии, а также пружиной, двигающей ее действие. Этот принцип используется Эрдманом в завязке комедии «Самоубийца» (1928). Именно мотивом голода, не дающего Подсекальникову уснуть, открывается действие пьесы: «А когда я с тобой на супружеском ложе голодаю всю ночь безо всяких свидетелей, тет-а-тет под одним одеялом, ты на мне колбасу начинаешь выгадывать» [9, с. 105]. Предел мечтаний – ливерная колбаса – становится выражением чувства униженности безработного героя, загнанного в угол и проявляющего свой протест в домашних скандалах. Образ еды, возникая как маркер социального положения Семена Семеновича Подсекальникова, разрастается в ночном абсурде до символа границ между жизнью и смертью.

Тема голода в традициях commedia dell'arte всегда была содержанием разнообразных лацци, строящихся по принципу анаколуфа: логической несовместимости частей действия, когда первая – создает референциальные ожидания, а вторая разрешает их непредвиденным способом, создавая комический эффект qui pro quo. Арлекин показывал под плащом ружье, вызывая страх окружающих, когда доставал – оказывалась на самом деле бутылка [5, с. 110]. Так, Калабушкин, чтоб предотвратить самоубийство, пытается отобрать у Подсекальникова револьвер, который тот засовывал в рот, но на поверку опасная «штука» оказывается все той же злополучной ливерной колбасой.

Карнавальный мотив поглощения пищи как способа приятия/неприятия мира становится сквозным в действии «Самоубийцы», приводя героя к пародийному воскресению из мертвых, потому что для Подсекальникова жить – это значит есть. Подобные сцены типичны для комедии масок. В интермедии «4 Арлекина», представленной при дворе Анны Иоанновны в 1733-35 гг., дзанни притворяется мертвым, но услышав Смеральдину, которая в отчаянии от его кончины, потому-то не знает, кто теперь съест приготовленные макароны, Арлекин вскакивает на ноги, чтоб утолить свой ставший притчей во языцех голод [7, с. 6]. У Эрдмана герой, пролежавший в гробу больше суток, не выдерживает искушения и буквально восстает из праха, одержимый чувством голода: «Рису, рису мне, Маргарита Ивановна, дайте рису (Вырывает кутью) Товарищи, я хочу есть. (Ест). Ночь, и еще ночь, и еще день пролежал я в этом гробу. И только один раз удалось мне выбраться из часовни и купить себе пару булок. Товарищи, я хочу есть, но больше, чем есть, я хочу жить» [9, с. 212].

Комедийное действие эрдмановских пьес плотно насыщено бурлескными, фарсовыми элементами, бесконечным разыгрыванием, клоунским поведением, импровизированными шутками, грубой комикой, цирковыми трюками. Эти эпизоды, имеющие несомненное сходство с лацци, помещенном, как правило, в конец актов, не участвуют в развитии действия, не несут особой смысловой нагрузки, но создают смеховую атмосферу дисгармоничного мира, где отсутствует норма. Это эпизод из конца первого действия «Мандата» (1924), когда Надежда Петровна, устроившая молитву под граммофон, говорит Насте поменять пластинку и вместо служения обедни слышит разудалые звуки уличной песни. В «Самоубийце» расчувствовавшийся во время панихиды Подсекальников встает из гроба, чтоб смахнуть слезу: ремарка «Все хлопочут вокруг Марии Лукьяновны. Глухонемой со свечкой в руке опускается на колени, отвешивает земной поклон. Хор поет. Семен Семенович не выдерживает и, сев в гробу, лезет в карман за платком. В это время глухонемой поднимается с колен, поднимает руку, чтоб перекреститься, откидывает голову и видит сидящего в гробу покойника, который вытирает платком слезы. Глухонемой вскрикивает и падает навзничь.

Голоса. Что случилось?

– Еще один!

Бросаются к нему. Входит Александр Петрович с факельщиками.

Аристарх Доминикович. Уносите его. Уносите скорей.

Факельщики берут гроб. Уносят. Хор поет.

Марья Лукьяновна (очнувшись). Умер. Умер.

К ней подбегает глухонемой, в ужасе показывает жестами то, что он видел. Вынимает платок, прикладывает его к глазам.

– Жалко? Плачете? А мне-то как жалко, и сказать не могу. (Обнимает глухонемого) [9, с. 200]».

В этой травестийно шекспировской сцене, балансирующей на грани эпитафии и балаганного циркового представления, буффонные трюки, вызывая смех зрителя, усиливают ощущение абсурдности происходящего.

Эрдман экзистенциально переосмысливает концепт маски, доминантный для итальянской комедии, связанный в карнавальной культуре, по словам М.М. Бахтина, «с радостью смен и перевоплощений, с веселой относительностью, с веселым же отрицанием тождества и однозначности, с отрицанием тупого совпадения, самим собой; маска связана с переходами, метаморфозами, нарушениями естественных границ, с осмеянием, с прозвищем (вместо имени); в маске воплощено игровое начало жизни, в основе ее лежит совсем новое взаимоотношение действительности и образа, характерное для древнейших обрядово-зрелищных форм» [1, с. 46–47]. Не утратив своего определяющего значения, этот ключевой мотив в творчестве Эрдмана трансформируется в мотив утраты подлинности, потери своего «я», в стремление героя, «разжалованного в массу», избавиться от приросшей к нему маски, понять, что скрывается под ней. Герои драматурга в целях выживания готовы принять любую личину: коммуниста, вождя, монархиста, самоубийцы, обывателя, живущего «шепо-

том». Так, Подсекальников, загнанный в угол, соблазненный видением похорон и прекрасных лошадей в белых попонах, решает стать заложником идеи, лозунгом, ведь маска самоубийцы гарантирует ему социальный статус, которым он обделен при жизни. Но эрдмановский герой перерастает рамки социальной маски, ускользает от четкой идентификации, постоянно примеряя к себе то роль жертвы, то маску мученика-борца, то вдохновляясь положением диктатора. Эрдман словно играет архаической семантикой обряда надевания маски, с одной стороны, как способа вступления в контакт с миром мертвых, с нечистой силой, с другой – как своеобразного оберега, помогающего направить нечистую силу по ложному следу. Опасность ряжения в том, что маска прирастает к лицу, в ней индивидуальное подавляется социальным, «огромной массой масс», и под личиной может скрываться пустота (Егорушка). Маска в commedia dell'arte предполагала отождествление с определенным амплуа и социальным типом, у Эрдмана в концепте маски идентифицирующая функция воспринимается героями как единственная возможность их социализации, при этом актуализируется семантика двойничества, балансирования на грани жизни и смерти, утраты подлинности.

Таким образом, освоение традиции commedia dell'arte в пьесах драматургов 1920-х гг. реализуется не в прямых реминисценциях, как в творчестве их предшественников –символистов (А. Блока, М. Кузьмина), но проявляется имманентно на образно-тематическом уровне пьес, выражаясь в травестийном переосмыслении характерных мотивов, и на уровне конструктивных принципов, организующих композицию системы персонажей, единство драматического действия, речевую структуру произведений. Вступая в сложное межтекстовое взаимодействие с другими традициями, русская рецепция commedia dell'arte обогащает драматические тексты XX века стихией театральной импровизации, обнаженной условности, гротескной игрой масок, постоянными трагикомическими метаморфозами действия, а также пантомимическими и словесными лацци.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.

2. Замятин Е. И. Африканский гость // Лепта. – 1994. – № 18. – С. 108–138.

3. Замятин Е. И. Предисловие. «Блоха» // Замятин Е.И. Избранные произведения. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 721–765.

4. Лебедева О. Б. Традиции commedia dell'arte в лирике и драме Александра Блока («Стихи о Прекрасной Даме» – «Балаганчик» «Снежная маска») // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 1. – С. 145–164.

5. Мария Кьяра Пезенти. Комедия дель арте и жанр интермедии в русском любительском театре XVIII века. – СПб.: Балтийские сезоны, 2008. – 264 с.

6. Миклашевский К.М. La commedia dell'arte или Театр итальянских комедиантов XVI, XVII и XVIII столетий. – СПб., 1914. – 112 с.

7. Перетц В. Н. Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоаонновны в 1733–1735 гг.: Тексты. – Петроград, 1917. – с. 6.

Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1965. – 543 с.

8. Сухих И. «Самоубийца» Н. Эрдмана // Звезда. – 2003. – № 12. – С. 215–217.

9. Эрдман Н. Самоубийца: Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой. – Екатеринбург: У-Фактория, 2000. – 592 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i

2. Zamyatin E.I. Afrikanskiy gost' // Lepta. – 1994. – № 18. – S. 108–138.

3. Zamyatin E.I. Predislovie. «Blokha» // Zamyatin E.I. Izbrannye proizvedeniya. – M.: Sovetskiy pisatel', 1989. – S. 721–765.

4. Lebedeva O.B. Traditsii commedia dell'arte v lirike i drame Aleksandra Bloka («Stikhi o Prekrasnoy Dame» – «Balaganchik» «Snezhnaya maska») // Imagologiya i komparativistika. – 2014. – № 1. – S. 145–164.

5. Mariya K'yara Pezenti. Komediya del' arte i zhanr intermedii v russkom lyubitel'skom teatre XVIII veka. – SPb.: Baltiyskie sezony, 2008. – 264 c.

6. Miklashevskiy K.M. La commedia dell'arte ili Teatr ital'yanskikh komediantov XVI, XVII i XVIII stoletiy. – SPb., 1914. – 112 c.

7. Peretts V.N. Ital'yanskie komedii i intermedii, predstavlennye pri dvore imperatritsy Anny Ioaonnovny v 1733-1735 gg.: Teksty. – Petrograd, 1917. – s. 6.

Renessansa. – 2-e izd. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1965. – 543 c.

8. Sukhikh I. «Samoubiytsa» N. Erdmana // Zvezda. – 2003. – № 12. – S. 215–217.

9. Erdman N. Samoubiytsa: P'esy. Intermedii. Perepiska s A. Stepanovoy. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2000. – 592 c.

УДК 821.111+82-31

ФИГУРАТИВНЫЙ АСПЕКТ СИМВОЛИКИ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ «THE PAINTED VEIL» У. С. МОЭМА

Жихарева Татьяна Юрьевна

Тюменский государственный университет, *Тюмень*, *Россия*,
t.zhikhareva2014@yandex.ru

Аннотация. В данной статье изучена пейзажная составляющая в романе У. С. Моэма «The Painted Veil» в фигуративном аспекте. Пейзаж можно рассматривать как компонент символики пространства. Китайский пейзаж (река, холмы, бастион на холме, рощи, поля) связан с идеей становления, духовного просветления, с китайской философией. Пространственная символика используется автором с целью показать мысли и чувства главной героини, обнаружить направленность её эмоций внутрь, показать духовное взросление.

Ключевые слова: фигуративный аспект; фигура; пейзаж; символ; символика пространства.

THE FIGURATIVE ASPECT OF THE SYMBOLICS OF SPACE IN THE NOVEL BY W.S MAUGHAM "THE PAINTED VEIL"

Zhihareva Tatyana Yurevna

Tyumen State University, *Tyumen*, *Russia*

Abstract. In the article given we took up observing the landscape component in its figurative aspect in the novel by W.S. Maugham "The Painted Veil", considering landscape a component of the space symbolics. The Chinese landscape (river, hills, fortress on the hill, bamboo groves, rice fields) is connected with the idea of becoming mature, spiritual enlightening, with the Chinese philosophy. The symbolics of space is used by the author to show the thoughts and feelings of the main heroine, to reveal the direction of her emotions inwards, to attract our attention to her spiritual growing up.

Keywords: figurative aspect; figure; landscape; symbol; space symbolics.

Темы символики в разные времена касались Г.-В.-Ф. Гегель, Ф. Шеллинг, Э. Кассирер, К. Г. Юнг, М. Хайдеггер, А. Лосев, П. А. Флоренский и др. Кассирер указывает на неразрывную связь символа с языком, поскольку научное мышление всегда опирается на *символику* и *семиотику*. Духовная сторона выражается через символы, язык становится основным средством выражения духа, так как именно благодаря языку происходит движение от мира элементарных ощущений к миру созерцаний и представлений. «Он уже в зародыше заключает в себе интеллектуальную работу, продолжающуюся потом в образовании понятия, специального научного термина, логического формального единства» [2, с. 23]. Принадлежность символа к сфере идеального доказывается его обобщающей и оформляющей функцией, его способностью запечатлевать содержание, совокупность моментальных ощущений. Символ может трактоваться как образ, несущий помимо основного значения дополнительные значения. Символы могут быть рассмотрены и в фигуративном аспекте, который функционален [4, с. 6–7]: например, фигура *лотоса* играет в восточных культурах пространственно-оформляющую роль, а также указывает на пассивное женское начало и на недеятельный, созерцательный характер восточных культур. Фигура *луны* и *бубна* (тамбурина) связана с постижением Нирваны в буддистской философии [1]. Интересно, что символ круга или кольца именно в своем фигуративном аспекте стал популярен в европейской поэзии и философии в XIX в. (Теннисон пишет стихотворение "The Lotus-Eaters", Вагнер создает оперу «Кольцо Нибелунгов», Ницше использует метафоры «кольцо колец», «кольцо Возвращения» в «Заратустре»). В XX в Б. Шоу в пьесе "Back to Methuselah" представил кольцеобразное развитие мира, Хайдеггер продолжил иррационалистическую традицию через символ кольца в работах «Вещь» и «Исток художественного творения». Честертон в работе «Вечный человек», говоря о важности феномена христианства, касается символа *креста* и тоже в фигуративном аспекте: он противопоставляет буддистский символ кольца

христианскому символу *креста*. Фигура *кольца* является жизнеотрицающей, в то время как фигура *креста*, напротив, жизнеутверждающей.

Итак, фигуративный аспект важен для познания философской системы взглядов: он указывает и на отношение к жизни и смерти, к пространству и времени, к когнитивной составляющей и многим другим аспектам мировосприятия и мироощущения.

Мы полагаем, что пейзаж также можно рассматривать как совокупность символов, каждый из которых может быть представлен как фигура. Задача нашего исследования – показать, что пейзажные зарисовки, использованные Моэмом в романе «The Painted Veil», во-первых, помогают автору раскрыть внутренний мир главных героев в динамике, в развитии, во-вторых, являются средством выражения автором определённых философских взглядов, в частности, выражают в определённой степени принятие Моэмом некоторых моментов восточной философии буддизма.

Символика пейзажа занимает достаточно большое место в романе Моэма «Разрисованный занавес» ("The Painted Veil") при описании Китая. Заметим, что английский пейзаж в этом романе не представлен. Китайский пейзаж первоначально связан с идеей смерти, поскольку город Мей-тан-фу заражен холерой. Моэм описывает холмы (hills), монументальную арку (archway), рисовые поля (rice-fields), кладбище (graveyard), бамбуковые рощи (bamboo groves), реку (river), городскую стену (city wall). Главная героиня романа, Кити, будучи в расстроенных чувствах, испытывает отчаяние, неразделённая любовь, а потому воспринимает пейзаж как нечто необычное, фантастическое, от увиденного ей становится не по себе (it made her uneasy). Ей кажется, что из бамбуковой рощи кто-то или что-то следит за ней [5, с. 95]. Фигуративный аспект пейзажной символики связан с чувством тайны, загадки. Насколько просто и ясно всё было для героини в Англии, настолько всё непостижимо в Китае. Сон Кити включает в себя китайский пейзаж и наполнен тягостным чувством; в этом сне города – большие и туманные, улочки – узкие, извилистые; все те, мимо кого героиню проносят в палантине, стоят и смотрят на неё; порой звучит издевательский смех [5, с. 102]. Возможно, душа героини полна раскаянья: она чувствует себя виноватой перед мужем, которому была неверна. И всё это она поняла только в Китае – в стране, полной загадок и недосказанностей. Здесь, в китайском пейзаже, присутствует туман, скрадывающий очертания предметов: «*The dawn had just broken and from the river rose a white mist shrouding the junks… There were hundreds of them*, *and they were silent*, *mysterious in that ghostly light*, *and you had a feeling that their crews lay under an enchantment*, *for it seemed that it was not sleep*, *but something strange and terrible*, *that held them so still and mute*» [5, с. 102–103]. Внезапно из белого тумана появляется мощный бастион – немыслимый, фантастический, появляется как по мановению волшебной палочки: «*it rises out of nothing at the touch of a magic wand*» [5, с. 103]. Лучи восходящего солнца преобразуют его во дворец богов – причудливый, прекрасный: *wayward and extravagant*, *but of unimaginable richness*, вместе с тем невесомый, парящий в воздухе: *too airy*, *fantastic and unsubstantial to be the*

work of human hands [5, с. 103]. Образ этой крепости, меняющей свои формы при первых утренних лучах, производит на Кити неизгладимое впечатление, переносит её в мир чистого духа и сообщает ей духовное просветление: «*Here was Beauty*. *She took it as the believer takes in his mouth the wafer which is God*» [5, с. 104]. Фигура *крепости* оказывается связана с духовной стороной жизни главной героини и с аксиологическим аспектом: крепость подчёркивает духовное перерождение Кити, постепенный отход от прежней системы ценностей, развитие в ней способности вчувствоваться в окружающий мир. Показательно, что в Англии Кити не испытывала подобного просветления духа: там всё её свободное время было занято развлечениями, ценила она в основном материальные блага. Таким образом, идея духовного восхождения реализуется через пейзажную составляющую, представленную в данном случае символом *крепость*, в котором пересекаются идеи красоты и морального совершенствования.

В духовном становлении Китти принимает участие Уоддингтон, который уже много лет живёт в Китае, знает китайскую культуру, язык, историю и философию. С точки зрения китайской философии, европейцы – варвары (barbarians), их жизнь – вереница глупых поступков (*folly*). Только в Китае оказывается возможным увидеть в жизни некую реальность: то, что видят в жизни западные народы, далеко от подлинной реальности [5, с. 111]. Впервые Кити задумывается о своём земном предназначении, впервые она начинает воспринимать чужую культуру, основанную на других принципах; всё, что она могла сказать об азиатских странах, исчерпывалось представлениями, заложенными в неё английским социумом. Эти представления включали в себя понятия *грязное*, *упадническое*, *неописуемое* (в значении *отвратительное*): *decadent*, *dirty*, *unspeakable*. Мельком она видит совсем иной мир, более богатый красками, более значительный, более прекрасный. Разговор с Уоддингтоном происходит тоже на фоне пейзажа: с высоты холма видны зелёные рисовые поля, кругом спокойно, тихо; сельский, почти пасторальный пейзаж, простор… Всё это даёт отдых душе, измученному сердцу Кити: «*the wide expanse of country brought a sense of restful melancholy to the tortured heart*» [5, с. 115]. Мы полагаем, что фигуративный аспект пейзажа (холмы, поля – высота, ширь) связан и с цветообозначением: здесь превалирует зелёный цвет: *green rice fields*, и, опять же, с идеей духовного взросления, постепенного понимания другой культуры.

Центральное место в создании пейзажного образа занимает *арка*, которая является символом: она характеризуется такими лексемами как *richly carved*, *fantastic*, *ironical*, *like a landmark* [5, с. 114], *flamboyant* [5, с. 119], *aerial*, *lovely* [5, с. 103]. Фигуративность символа арки, прослеживаемая через эти лексемы, создаёт 1) образ волшебного, невесомого и прекрасного произведения искусства, 2) является фоном другой культуры, непостижимой и загадочной. Созерцание арки на холме помогает Кити прийти к осознанию реальных ценностей: героиня смогла по-другому взглянуть на высокие душевные качества своего мужа Уолтера (на его доброту, преданность, храбрость) и оценить их в верном контексте («*She could not but admit that he had remarkable qualities*, <…> *there*

was even in him a strange and unattractive greatness» [5, с. 135]. Вместе с тем Кити начинает понимать ничтожество своего возлюбленного, Чарльза Таунсэнда, который ранее пленил её внешностью и манерами.

Таким образом, фигура *арки* в романе Моэма связана с аспектом переоценки прежних ценностей, с постепенным изменением былых взглядов главной героини.

Одним из ключевых символов китайской культуры, через который возможно постижение мира (как объясняет Уоддингтон), является *Тао*, который обозначает и *предел*, и *путь*, *ведущий в никуда* [5, с. 188]. Будучи связанным с пространством, с достижением, с горизонтом, Тао выражает неопределённость, непостижимость. Так же понимает его и Уоддингтон: *всё и ничто*, *все в мире пытается сообразоваться с ним*, *и к нему всё возвращается*: «*all things conform to it and to it al last all the things return*» [5, с. 216]. Тао не имеет формы и в сути своей противоречиво с точки зрения европейского человека: «*it's a square without angles*, *a sound which ears cannot hear*, *and an image without form*. *<…> Desire not to desire it teaches*» [5, с. 216]. Здесь можно наблюдать в некотором смысле отрицание фигуративности. Показательно, что символ *Тао* косвенно связан с образом маньчжурской принцессы, с которой живёт Уоддингтон. Образ этой принцессы не связан прямо с пространственной символикой, напротив, он выписан на фоне интерьера, закрытого пространства, но именно через этот образ автор даёт Кити возможность если не постичь восточную культуру, то хотя бы прикоснуться к ней. Восточная культура манит Кити в мистическую область чистого духа: *the mystic land of spirit* [5, с. 167]. Для того, чтобы объяснить Кити непонятную для англичан сущность замкнутой китайской культуры, Уоддингтон и прибегает к понятию *Тао*. При всей своей бесформенности и неопределённости Тао заключает в себе основные принципы китайской буддистской философии созерцания: не пытаться изменить мир, предоставить вещи естественному ходу событий, победить себя через отказ от всех желаний. Подобную трактовку Тао можно видеть в сочинении китайского философа Лао-цзе: Тао отрицает всякую деятельность, учение и учёность, утверждает *разрушение в небытие* и пустоту: «*Единственная вещь*, *которой я боюсь*, *– это быть деятельным*»; «*Тот*, *кто знает Тао*, *не может быть учёным*, *а тот*, *кто учён*, *не знает Тао*»; «*Если человек избавится от света ума*, *то он может стать свободным от всякой немощи*»; «*Откажись от учения и избавишься от печали*»; «*Разрушение в небытие – вот движение Тао*, *немощь – вот действие Тао*»; «*Тао есть пустота*» [Цит. по: 3, с. 361– 362].

Таким образом, через отрицание фигуративности Моэм даёт нам возможность постичь один из основных принципов китайской философии буддизма: неопределённость, ненаправленность.

Пейзажную символику Моэм использует, описывая характер настоятельницы католического монастыря, *Mother Superior*, и передавая отношение Кити к ней. Достаточно необычно, на наш взгляд, сравнение характера настоятельницы с местностью (*country*), которая при первом взгляде кажется холодной и негостеприимной, хотя и величественной: *grand but inhospitable* [5, с. 192].

По мере того, как привыкаешь к такому нраву, становится возможным различать веселые деревеньки среди фруктовых деревьев между величественных гор – *majestic mountains* – и спокойные добрые реки, текущие между сочных лугов – *pleasant ambling rivers that flow kindly through lush meadows* [5, с. 192]. Эти приятные моменты в пейзажной зарисовке сообразуются, видимо, с добрыми чертами характера Матери-настоятельницы. Но и суровые черты тоже метафорически отмечены пейзажными элементами. Моэм упоминает горные высоты и пространства, овеянные ветрами: *tawny heights and windswept spaces*. Такой пейзаж не предрасполагает к душевной близости, Кити чувствует дистанцию между настоятельницей и собою. Характер Mother Superior внушает, скорее, почтение, трепет, нежели располагает к дружеской открытости. Фигуративность природных объектов (гор, полей, лесов) оказывается связанной здесь с изображением характера героини: через символ фигуративность проникает в образ.

Еще раз читатель получает возможность увидеть китайский пейзаж, когда Кити покидает Мей-тан-фу. Еще раз разворачиваются перед нами холмы, зелёные рисовые поля, бамбуковые рощи; снова автор рисует туман, опускающийся на поля и делающий их сказочными. Чувство, с которым Кити созерцает всё это, описано как *a sense of beautitude*, *which she made no effort to resist* [5, с. 227]. Чувство нереальности сопутствует китайскому пейзажу: *elegant colour*, *unexpected distinction*, *strangeness*. Всё пережитое главной героиней определяется автором как важное для осознания, но лишённое ключа к толкованию: «*and yet you could see no clue*, *no clue*» [5, с. 227]. Фигуративность пейзажных зарисовок имплицирует ирреальность, загадочность, непостижимость, закрытость китайской культуры, с одной стороны, и положительное восприятие её главной героиней, с другой стороны. Нам представляется, что в данном случае фигуративность выявляет позицию автора: Дальний Восток содержит большое количество тайн, иную цветовую гамму, в отличие от Европы и Англии, совершенно другие нравственные максимы, другой способ размышления, рассуждения о мире, о жизни и смерти. В этом романе Моэма энергичный Запад не противопоставлен ленивому, спящему Востоку.

Пейзажную зарисовку использует Моэм при передаче чувства *свободы*, к сознанию которой пришла, наконец, Кити: свобода лежит в основе будущего – туманного, но радужного, как туман над рекой в рассветных лучах: «*though the future was so dim*, *it was iridescent like the mist over the river where the morning sun fell over it*» [5, с. 230]. Моэм рисует свободу и от брачных уз, тяготивших Кити, и свободу от ужаса смерти, пережитого героиней в Мей-тан-фу, и свободу от любви, унижавшей ее (эту свободу автор сравнивает со свободой бестелесного духа). В самом конце романа, в заключительной сцене, вновь появляется пейзажная зарисовка, связанная опять же с чувством освобождённости и с надеждой на будущее. Внутренним взором Кити смотрит вдаль, в направлении к горизонту: *as far as the eye could reach*, и пространство – рисовые поля, река, равнина, даль – открывается ей, давая возможность найти новый жизненный путь, преодолеть трудности. И, скорее всего, это желание Кити связа-

но не с Тао – дорогой, ведущей в никуда, а с путём, выбранным католическими монахинями: этот путь ведет к примирению с собой, к победе над своими страстями.

Итак, фигуративный аспект пейзажной составляющей играет определённую роль в повествовании Моэма: через объекты пейзажа в их фигуративном осмыслении (крепость, арка, поля, холмы, река, рощи) читатель видит трансформацию традиционных ценностей. В частности, восприятие пейзажа главной героиней романа сопряжено с несколькими этапами её духовного развития. Первоначально пейзаж соединен с душевным (внутренним) страданием, когда героиня воспринимает всё окружающее лишь визуально, не вчувствуясь, не постигая иноязычную культуру. Затем, по мере того, как главная героиня проходит стадии нравственного очищения, духовного взросления, пейзажные зарисовки становятся более насыщенными, через них уже становится возможным постижение чужой культуры. Можно предположить, что вчувствование в другую культуру есть чисто авторский взгляд, авторская способность, однако мы полагаем, что автор в определённой мере наделяет и свою героиню способностью постигать мир, развиваясь духовно. От светской жизни в Лондоне и Гонконге, при описании которой отсутствует пейзаж, а сама культура Англии не осмысливается героиней, Моэм уводит Кити в Китай, где характер и система ценностей этой женщины подвергаются значительной трансформации, потому что в ментальное пространство человека входят другие ценности. Вполне возможно, что Кити ещё не готова воспринять нравственные максимы Китая, усвоить их; скорее всего, «диалог» с иноязычной культурой пока не нужен этой героине, однако нравственное перерождение Кити состоялось, и Моэм рисует динамику её внутреннего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жихарева Т. Ю. Взаимосвязь символа и языка в культурологическом контексте // Діалог культур – діалог про мир і в им’я миру: Матеріали І Міжнародної науково-практичної конференції. – Т. І. – Дніпропетровск, 2012. – С. 65–70.

2. Кассирер Э. Философия символических форм. – Т. 1. – Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 271 с.

3. Шафаревич И. С. Социализм как явление мировой истории. – М.: Феникс, 1991. – 447 с.

4. Щербинин М. Н. Фигуративность социальности: эстетико-антропологический поиск // Вестник ТюмГУ. – Социально-экономические и правовые исследования. – Вып. № 10. – 2011. – С. 6–15.

5. Maugham W. S. The Painted Veil. – М.: Изд-во «Менеджер», 2000. – 272 с.

REFERENCES

1. Zhihareva T. Ju. Vzaimosvjaz' simvola i jazyka v kul'turologicheskom kontekste // Dialog kul'tur – dialog pro mir i v im’ja miru: Materiali I Mizhnarodnoi naukovo-praktichnoi konferencii. – T. I. – Dnipropetrovsk, 2012. – S. 65–70. [in Russian]

2. Kassirer Je. Filosofija simvolicheskih form. – T. 1. – Jazyk. – M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2001. – 271 s. [in Russian]

3. Shafarevich I. S. Socializm kak javlenie mirovoj istorii. – M.: Feniks, 1991. – 447 s. [in Russian]
4. Shherbinin M. N. Figurativnost' social'nosti: jestetiko-antropologicheskij poisk // Vestnik TjumGU. – Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovanija. – Vyp. № 10. – 2011. – S. 6–15. [in Russian]
5. Maugham W. S. The Painted Veil. – Moskva: Izd-vo Menedzher, 2000. – 272 s.

УДК 82-1

НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ Д. МАЛИКОВА

Зайналова Лариса Арабшаховна

Дагестанский государственный университет,
Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи, *Махачкала*, *Россия*, lar99955@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются изобразительно-выразительные средства, использованные в песенных текстах Д. Маликова на протяжении определённого периода его творчества с точки зрения их коммуникативной роли. Автор статьи проводит анализ лексических и грамматических средств выразительности текстов раннего и позднего периодов Д. Маликова. Обозначены основные мотивы и идеи Д. Маликова, выявлены выразительные средства в соответствии с их культурологической ценностью.

Ключевые слова: культурологическая ценность; коммуникативная роль; изобразительно-выразительные средства; троп; поэзия; система образов.

SOME LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF LYRICS BY D. MALIKOV

Zaynalova Larisa Arabshakhovna

Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy named by A.A. Takho-Godi, *Makhachkala*, *Russia*

Abstract. The article deals with figurative and expressive means used in the D. Malikov's lyrics for a certain period of his work. The author analyzes the lexical and grammatical means of expression texts of early and late periods. As a result, it managed to identify the main motives and creative activity of the executive ideas.

Keywords: cultural value; communicative role; expressive means; trope; poetry; system of images.

Высокий профессионализм и многогранный музыкальный талант, настоящее мастерство и высокая культура Маликова помогают по-особенному относиться к его выбору репертуара. Наиболее впечатляющим и ценным в песнях

Маликова является чувство звукового образа, основанное на новых источниках ритмических энергий. Композитор ищет новые, смелые пути и вместе с тем остаётся верен классическим традициям. Именно этим и определяется его яркая творческая индивидуальность.

В произведениях композитора ясно просвечивается чисто маликовская мелодика и гармония; стиль и почерк его всегда узнаваемы. Все сочинения Маликова выстраданы и продуманы от первой до последней ноты. В каждом из них – та музыкальная суть, та оригинальная идея, из которой вырастает вся изумительная композиция, отражающая характер его жизни и дух его творчества.

Природа идеи определяется нравственными принципами народа, такими константами его культуры, как *святость*, *истина*, *правда*, *красота*. Опираясь на это, человек оценивает мир, приобщается к идеалам народа. Это учитывается при чтении и анализе песенного творчества поэтов-песенников, при определении условий по созданию межкультурного взаимодействия, моделей организации диалога культур в целях сохранения и развития национально-культурного наследия, традиций как основ нравственно-эстетического воспитания молодежи.

Песнь как словесное творчество занимает значительное место в процессе культурогенеза человечества, представляя собой в раннем творчестве своеобразную невербальную знаковую коммуникативную систему. По сути это являлось попыткой человека выразить свой внутренний мир, эмоции, чувство сопричастности к окружающему миру. Профессионально сочинённая песня должна являть собой живую картину страстей, нравов, обычаев, обрядов и бытовых особенностей какого-нибудь народа, где автор и исполнитель говорят с душой зрителя.

Песни являются не только внешним отражением внутреннего мира народа, выраженным посредством специфических мыслей, но и репрезентацией личности в пространстве. При этом песня, не представляя собой исключительно предлог для озвучивания группы слов, выражает внутреннюю суть мысли, является комплексной материализацией внутренней и внешней духовной энергии. Соответственно, если песня – это своеобразный язык для сохранения, презентации и передачи накопленного опыта, то её нужно уметь читать. Зритель должен понимать и расшифровывать «закодированную» информацию. С этой целью мы обратились к репертуару Д. Ю. Маликова и попытались проанализировать его с точки зрения использования в нём выразительных средств. В связи с тем, что основным средством выразительности поэзии является её уникальный и неповторимый язык, характер и мировоззрение исполнителя в той или иной мере предопределяют система образов, особенности и содержание песен, отбор изобразительно-выразительных средств. Любовь к «стороне родной», к родителям, к родному краю, поиск смысла жизни – ведущие темы в творчестве Маликова.

Не могла не отразиться на этом фоне особая напряженность чувств Маликова, достигающаяся не только богатой палитрой фигур и тропов, но и глубиной содержания стихов вкупе с высокой духовностью, содержательностью ис-

полнителя. Обращают на себя внимание интересные случаи использования в качестве выразительного средства эллипсиса – намеренного пропуска слов: «*жизнь – игра без правил*, *но нельзя*, *нельзя в ней проиграть*»; «*эта жизнь – не пустяк*, *просто так не будет взят барьер*, *<…> не будет взят барьер – такой простой пример*», «*Я не сломлюсь*, *я не стану*, *конечно*, *слабей*».

Из множества изобразительных средств, встречающихся в песнях исполнителя, можно также выделить метафорические эпитеты – выразительные средства языка, соединяющие в себе признаки метафоры и эпитета / Спомощью эпитетов Маликов передаёт сугубо личное видение мира; в эпитетах реализуется фантазия и обыденные вещи приобретают необычные значения или признаки: «*плыли моря и горы*», «*разноцветные глаза городских витрин*», «*соль поцелуя*», «*в твоих руках кусочком льда день завтрашний*».

На фоне описания событий, наполненных будничными реалиями, метафоры в творчестве Маликова носят поэтический, возвышенный, подчеркнуто эстетический характер, придают тексту певучесть, оригинальность и непревзойденную стройность. Одним словом, метафоры в песнях Маликова оригинальны, красочны и органично вписываются в контекст, создают ёмкие образы, основанные на ярких, зачастую неожиданных, смелых ассоциациях.

Хотелось бы обратить внимание на синтаксические особенности поэзии Маликова и рассмотреть инверсию в его творчестве: «*а на что мне небо*, *да зачем эти звезды*, *если я останусь один*»; «*солнца луч*»; «*дом чужой*», «*нежно где-то у плеча беззащитно бьётся твоё сердце*». При помощи инверсии передаётся особая атмосфера лёгкой, светлой, возвышенной печали.

«*Мерный звук могучих слов*» слышен в маликовских риторических обращениях- высказываниях, непосредственно адресованных конкретному лицу. Являясь средством выразительной речи, риторические обращения содержат особую экспрессию, усиленную напряженность высказывания: «*Люди*, *ради Бога*, *не судите строго*»; «*Но*, *Папа*! *Ты – мой друг*»; «*Я люблю тебя*, *дорогая мама*, *<…> привязан к тебе*, *родная*», «*Сердце*, *не бойся*, *не бойся*, *небось*». В творчестве Маликова прослеживается высокая духовность истинного интеллигента.

Максимальную выразительность образам в песнях Маликова придают 1) парцелляция: «*Вечер*. *Шумное веселье*. *Гости*. *Полон дом друзьями*. *Встреча – словно наважденье*», 2) сравнительные обороты: «*словно вечность*, *небеса надо мною*», «*мы рассыпались*, *как стекло*, *брызгами звонкими*», «*сны*, *как стекло*», «*снег*, *словно гость непрошеный*», «*твоя печальная душа*, *словно лист*, *слетевший с ветки*», «*время как вода*», «*я так скучаю по тебе*, *как ночь без звёзд свое сиротство ощущает*», «*как раны ножевые*, *на асфальте неживые горы пепла после бала*», «*да любовь – она*, *что в небе звездном луна – лишь одна*», «*Под месяцем одиноким я еду*, *как он*, *один*».

Слова и мысли в песнях Маликова приобретают самостоятельную жизнь, существуют как образы, неотрывно связанные с судьбой исполнителя: ведь это его слова, его образы, при помощи которых поэт создал необыкновенный музыкально-поэтический мир. У исполнителя нет ничего обычного, всё самое заурядное принимает в его песнях необыкновенный, загадочный, таинствен-

ный смысл: «*непостижима мистика лунных снов*, *мистика жеста*», «*близко-близко к небесам застыл я у черты*, *я – узник облаков*, *я – пленник высоты*»; «*птицы-облака кораблями вдаль плывут*, *за собой зовут куда-то в поднебесье*». Маликовское видение-звучание придаёт песням яркость, неповторимую красочность, выразительность. Его песенные тексты притягивают, заставляют вникнуть, понять, задуматься, осмыслить. Удивительные картины навсегда оставляют в сердце слушателя образ, который они создали.

Знаменательны фразы Маликова: «*зовет меня дорога к дому*», «*вот она какая – сторона родная*», «*озеро – алтарь*, *лес – государь*», «*от равнодушия землю спаси*». Эти строки, безусловно, являются неотъемлемой составляющей национального самосознания. Они свидетельствуют о том, что сердце исполнителя наполнено трепетной любовью к России, представленной как полнокровный образ и занимающей достойное место в творчестве Маликова.

В песнях Маликова отразились не только события его жизни, но и черты его характера: чувство долга, ответственность («С днем рождения, мама»; «Мой отец»), искренность («Тайная история»), верность («Ждать новой весны»), живой темперамент («Краденое счастье»; «Грех»), стремление к теплу, покою («Волки»; «Изумрудный город»). В песенных текстах Маликова слышится неповторимое звучание, особая музыка. Музыка для Маликова – первооснова творчества, имеющая сверхъестественную силу, воплощённую в стихию движения, в динамику самой жизни; строки его песен затрагивают самые тонкие струны души.

На современном этапе, в условиях глобализации процессов и активного культурного обмена успешная межкультурная коммуникация предполагает, наряду с владением русским языком, и умение адекватно интерпретировать его с учётом его различий и варьирования от культуры к культуре.

УДК 82-311.6

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПУТЕШЕСТВИЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ МАРКА ТВЕНА

Катермина Вероника Викторовна

Кубанский государственный университет, *Краснодар*, *Россия*,
veronica.katermina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению концептуализации понятия «путешествие» в произведениях американского писателя Марка Твена. Предложен анализ компонентов данного концепта. В статье подчёркивается, что концептуализация мира в художественном тексте – это процесс преломления в сознании автора окружающего его мира.

Ключевые слова: концептуализация; концепт; художественный текст; языковая личность; путешествие; Марк Твен.

CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION "TRAVELLING" IN MARK TWAIN'S WORKS

Katermina Veronika Viktorovna

Kuban State University, *Krasnodar*, *Russia*

Abstract. The article is devoted to the conceptualization of the notion "travelling" in the works by an American writer Mark Twain. The components of the given concept are thoroughly analysed in the article. The idea of conceptualization in a literary text as a process of interpretation of an environment in the author's consciousness is considered to be the basic idea.

Keywords: conceptualization; concept; literary text; language personality; travelling; Mark Twain.

Язык художественного текста характеризуется неоднозначностью семантики, множественностью интерпретаций. Мы присоединяемся к мнению современных лингвистов, полагающих, что указанная множественность возможных толкований зависит от ряда причин: от многогранности художественного образа, от различия кодов читателя и писателя, от тех социально-исторических, культурных и языковых изменений, через которые проходит литературное произведение на пути к читателю.

Понимание художественного текста зависит от способности читателя воспринимать произведение, опираясь на знание языка, совокупность всех литературных, художественных и культурных представлений, моральных, этических и эстетических ценностей, способов языкового выражения, которые являются «указателями на то, что лежит за пределами текста и тесно связано с его пониманием» [4, с. 133].

Лингвисты, занимающиеся вопросами анализа текстов художественных произведений, пришли к выводу, что в тексте писателя каждое слово вступает не только в связи и отношения чисто грамматического характера, но и в другие, обусловленные его художественной природой. Вследствие существования этих специфических связей слово в поэтическом тексте «реализует» сразу несколько своих валентностей, то есть предстаёт не только как компонент нормативной синтаксической синтагмы, но и как часть ассоциативно-авторской парадигмы. Наличие парадигматических, наряду с синтагматическими, отношений является одной из существеннейших предпосылок для реализации многозначности слова в художественном тексте, тем самым – многозначности и переменчивости художественного образа, бесконечно семантической перспективы, информационной открытости [2, с. 6]. Как полагал Л. В. Щерба, искусство художника заключается в том, чтобы «направить возможные и необходимые, хотя и нечёткие ассоциации по определённому пути» [7, с. 101], то есть таким образом построить «ближний» и «дальний» контекст, чтобы актуализировать эти «смутные» ассоциации.

Художественные тексты демонстрируют два вида концептуализации: общекультурную, которая включает межнациональный и национально-специфический компонент, и индивидуально-авторскую, то есть модально-концептуальные смыслы конкретного текста или всего творчества данного автора. Концептуальное пространство текста отражает национальную и авторскую картину мира. Своеобразие художественного текста как объекта исследования заключается в том, что он, имея самостоятельную значимость, опирается на исторически сложившиеся культурные ценности, пропущенные через языковую личность писателя. Вслед за Н. Н. Болдыревым под концептуализацией мы понимаем «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов (т. е. фиксированных в сознании человека смыслов)» [1, с. 22].

Понятие «путешествие» является знаковым концептом в общечеловеческой культуре. Своей значимостью и содержательной наполненностью концепт «путешествие» во многом обязан европейской философии. Философские взгляды на данный концепт как на часть культуры народа оказывают огромное воздействие на становление концепта и его отражение в литературе. Путешествие, являясь концептом европейской культуры, воспринимают, с одной стороны, как освоение пространства, движение в поисках дома, обретение себя в своем месте, а с другой – как путешествие прочь от дома, статичного бытия, преодоление своих границ, познание чуждого мира и самопознание.

Само «путешествие» чрезвычайно важно для Марка Твена. Имея огромный опыт и побывав практически в каждом уголке нашего мира, американский писатель считал, что путешествия позволяют человеку шире мыслить, избавляют от национальной замкнутости и националистического чванства: «Путешествия гибельны для предрассудков, фанатизма и ограниченности, вот почему они так остро необходимы многим и многим у нас в Америке. Тот, кто весь свой век прозябает в одном каком-нибудь уголке мира, никогда не научится терпимости, не сумеет широко и здраво смотреть на жизнь» [4, с. 125].

Основным мотивом жизни героев книг Марка Твена «Жизнь на Миссисипи» и «Приключения Гекльберри Финна» становится путешествие. Автор в «Жизни на Миссисипи» на пароходе и Гек Финн с беглым негром Джимом живут этим путешествием, река становится дорогой для них, дорогой, вдоль которой и на которой постоянно что-то происходит. Там они спят, едят, думают, взрослеют. А река причудливо несёт их своим течением к тем испытаниям или, наоборот приятным сюрпризам по своей собственной, одной ей известной прихоти.

Являясь опытным путешественником, Марк Твен предпринимал попытки описать не только путешествие как перемещение в пространстве. В своём сатирическом романе «Янки при дворе короля Артура» писатель затрагивает тему перемещений во времени. На пересечении времени и пространства и рождается одна из первых книг о путешествии во времени. Для того, чтобы совершить это перемещение, герой получает удар по голове и приходит в себя в

IV веке в Англии. Связь и соприкосновение времён в этом романе осуществляется посредством хронотопа дороги. В целом он выполняет и композиционную функцию: жирной линией проходит через большую часть сюжета, но дорога и после своего завершения даёт знать о себе и произошедшем на ней.

В твеновском хронотопе «большой дороги» бесчисленное множество всякого рода встреч. Единство пространственного и временного раскрывается с исключительной чёткостью и ясностью. На дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути разных людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь встречаются те, кто в обычной жизни разъединён социальной иерархией или пространственной далью, на «большой дороге» возникают любые контрасты, сталкиваются и переплетаются различные судьбы, преодолеваются абсолютно все социальные дистанции. На дороге время вливается в пространство и течёт по нему. Особенно важно в таком хронотопе то, что дорога может пройти только по родной стране, а не в заморском экзотическом мире. Сам Хэнк так описывает большую дорогу: «*This company of pilgrims resembled Chaucer's in this*: *that it had in it a sample of about all the upper occupations and professions the country could show*, *and a corresponding variety of costume*. *There were young men and old men*, *young women and old women*, *lively folk and grave folk*. *They rode upon mules and horses*, *and there was not a side-saddle in the party*».

На основе анализа словарей английского языка были выявлены следующие аспекты значения слова *путешествие*: 1) передвигаться (*to walk or run*; *to move*, *pass*, *or be transmitted from one point or place to another*); 2) ездить (*to go from one place to another*; *make a journey or journeys*); 3) далёкие расстояния (*to make a journey*, *usually over a long distance*); 4) период времени, срок [8]. Таким образом, концепт *путешествие* характеризуют такие ассоциирующиеся с ним понятия, как *личность*, *передвижение*, *расстояние*, *длительный срок*, *виды транспорта*.

В исследуемых текстах была отмечена высокая частотность употребления лексических единиц, формирующих концепт *путешествие*, что свидетельствует о его актуальности и значимости в англоязычной картине мира. Так, например, слово *travel* в «Жизни на Миссисипи» встречается 48 раз, слово *journey* – 10, *voyage* – 20, *trip* – 80, не считая тех лексических единиц, которые косвенно связаны с этим понятием.

Основываясь на анализе частотности употребления лексических единиц, составляющих концепт *путешествие*, можно утверждать, что для Марка Твена важнейшими компонентами путешествия являются транспорт и способ путешествия. И если в «Приключениях Гекльберри Финна» и «Жизни на Миссисипи» основной мотив – водное путешествие: river (145 и 491 словоупотреблений соответственно), *boat* (41 и 226 словоупотреблений соответственно), *steamboat* (32 и 70 словоупотреблений соответственно), *ship* (10 и 56 словоупотреблений соответственно), то в «Янки при дворе короля Артура» основным мотивом является пешее передвижение, а потому самые частотные слова *wanderings*, *pilgrimage*, *road*.

Хотелось отметить также специфические для писателя лексические единицы, входящие в периферию исследуемого концепта. Сюда, например, можно отнести профессионализмы, используемые моряками в «Жизни на Мисисипи» и главным героем рассказа «Путешествие капитана Стормфилда в рай»: *pilot* (лоцман), *sounding* (промер), *larboard* (левый борт судна), *leadsman* (лотовой) и пр.

С лексическим уровнем проявления концепта тесно связан стилистический, вскрывающий, при помощи каких средств автор передаёт своё понимание путешествия.

Марк Твен в автобиографии писал: «*И снова я вижу огромную лошадь, а на ней – гордого мальчугана с золотыми волосами, падающими на плечи. Мы все собрались поглазеть, сгорая от зависти, когда два года спустя он вернулся в ореоле ослепительной славы, – ведь он совершил путешествие! Никто из нас не уезжал дальше, чем за сорок миль от родного города, а он пересек весь континент. <…> он совершил ещё более удивительный подвиг: он побывал на кораблях – на кораблях, которые плавали по настоящему океану, по трём настоящим океанам. <…> Каждый из нас, не задумываясь, продал бы душу чёрту за честь поменяться местом с Джоном*». Именно в этих словах отражается тот самый безудержный восторг и заветная мечта самого автора. Очевидно, с самого детства путешествие было для Марка Твена смыслом жизни, пределом всех мечтаний. Работа лоцманом была одним из самых привлекательных видов деятельности: маленьким помощникам лоцмана завидовали все мальчишки, а сам лоцман был величественной фигурой: «*Your true pilot cares nothing about anything on earth but the river, and his pride in his occupation surpasses the pride of kings*». Именно этот самый смысл существования и вручил Марк Твен маленькому Гекльберри Финну, который «<…> бежит прочь, к тишине реки, к плоту, где его ждет негр Джим» [4, с. 176]. Вырисовывается картина, очертания которой имеют символический, обобщенный характер. Маленький плот, на котором плывут по реке беспризорный мальчуган и негр-невольник, становится средоточием подлинно человеческих отношений посреди окружающей фальши, обмана, насилия: «*We said there warn't no home like a raft, after all. Other places do seem so cramped up and smothery, but a raft don't. You feel mighty free and easy and comfortable on a raft*». Для главных героев «Приключений Гекльберри Финна» путешествие неразрывно с понятием свободы: «*Huck Finn helped a nigger to get his freedom*».

Вот описание ощущений автора при первичном осознании того, что его Путешествие начинается: «*When we presently got under way and went poking down the broad Ohio, I became a new being, and the subject of my own admiration. I was a traveler! A word never had tasted so good in my mouth before. I had an exultant sense of being bound for mysterious lands and distant climes which I never have felt in so uplifting a degree since. I was in such a glorified condition that all ignoble feelings departed out of me, and I was able to look down and pity the untraveled with a compassion that had hardly a trace of contempt in it*». Итак, первым и наиболее, по нашему мнению, важным компонентом структуры концеп-

та *путешествие* в видении Марка Твена является путешествие как состояние души человека: путешествие делает человека лучше, сильнее, «окрыленнее»: «*I became a new being <…>I never have felt in so uplifting a degree since*». Наполняя человека новыми ощущениями, путешествие привносит совершенно новое понимание, именно то, что позволяет автору жалеть тех, кто не путешествует – *the untraveled*, и гордое осознание самого себя, начавшего осуществлять свою настоящую мечту: «*I was a traveler*!»

По мере того, как автор становится старше, растет и значимость путешествия в его жизни: «*I supposed – and hoped – that I was going to follow the river the rest of my days*, *and die at the wheel*». Путешествие поглощает его целиком, становится смыслом всего существования и приносит немалое удовольствие.

По ходу повествования и по течению жизненных перипетий, что разворачивает перед героями великая река Миссисипи («*the great Mississippi*, *the majestic*, *the magnificent Mississippi*»), можно проследить и еще один «пласт» исследуемого концепта,а именно: путешествие как способ узнавать что-то новое, тайное, скрытое от других. Обладание секретным языком реки позволяет автору почувствовать себя приближённым к чему-то непознанному, доступному только избранным: «*The face of the water*, *in time*, *became a wonderful book – a book that was a dead language to the uneducated passenger*, *but which told its mind to me without reserve*, *delivering its most cherished secrets as clearly as if it uttered them with a voice*. *<…> it had a new story to tell every day*. *<…>there was never a page that was void of interest*, *never one that you could leave unread without loss*, *never one that you would want to skip*. *<…>*. *There never was so wonderful a book written by man*; *never one whose interest was so absorbing*, *so unflagging*, *so sparkingly renewed with every re-perusal*».

В «Жизни на Миссисипи» Марка Твена пассажиры на корабле наслаждаются пейзажем, но для штурмана V-образная форма двух холмов, которыми восхищаются пассажиры, означает сигнал резко повернуть, а прекрасные волны посередине реки предвещают опасные скалы. Изменилась психологическая связь этих «стимулов» с действиями, и, следовательно, изменился смысл. Лоцман остаётся единственным по всей Миссисипи по-настоящему свободным человеком. Он никому не подчинялся и ни от кого не зависел. Он был всегда в пути, горизонт его видения не замыкало монотонное однообразие повседневного «житья-бытья» в богом забытом Ганнибале. Путешествие дарит автору и безграничную свободу, и полную власть над собственной (и не только) жизнью.

Преобладание над «непосвященными» пассажирами придаёт этому чувству особую остроту, там, где обычный человек увидит лишь спокойную поверхность воды, настоящий профессионал безошибочно определит коварную скалу, поджидающую пароход или корягу, намеревающуюся процарапать днище: «*The passenger who could not read it was charmed with a peculiar sort of faint dimple on its surface*; *but to the pilot that was an italicized passage*; *indeed*, *it was more than that*, *it was a legend of the largest capitals*, *with a string of shouting exclamation points at the end of it*; *for it meant that a wreck or a rock was buried*

there that could tear the life out of the… vessel. <…> In truth, the passenger who could not read this book saw nothing but all manner of pretty pictures. <…> whereas to the trained eye these were not pictures at all, but the grimmest and most dead-earnest of reading-matter».

Другая сторона путешествия – открытие чего-то нового и доселе неизвестного. В «Жизни на Миссисипи» примером тому могут быть многочисленные индейские предания и легенды, связанные непосредственно с самой рекой: «*All this part of the river is rich in Indian history and traditions. Black Hawk's was once a puissant name hereabouts; as was Keokuk's, further down*».

В романе «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» всё пронизано познанием посредством путешествия. В течение первой поездки ради спасения прекрасных дам главный герой, Хэнк, познаёт новый для себя мир – мир средневековья. Попав в IV век, Хэнк старается добавить в средневековую Англию всё то, что было привычно для него, а именно блага цивилизации. Получив привилегированное положение в обществе, он стремится стать благородным советником короля. И поэтому отправляется инкогнито во второе путешествие, чтобы *to scour the country and familiarize myself with the humbler life of the people*. Постоянное познание чего-то нового – именно то, чего не хватает душе человека.

Таким образом, в концепт *путешествие* Марка Твена добавляется познавательный, когнитивный компонент: автор познаёт этот мир в пути.

Перед читателем, однако, предстают и такие практичные стороны путешествия, как торговля. Не имея никаких иных путей сообщения, жители небольших городов вынуждены пользоваться рекой – самым древним известным способом иметь связи с другими поселениями. Для жителей этих городков путешествие является единственным способом, жизненной необходимостью, а река – основным транспортным узлом: «*the river <…> may be said to have become the vehicle of anything like a regular and active commerce*». Основным средством передвижения и торговли оставался пароход. Однако для автора торговля была скорее не целью, а поводом к путешествию. Миссисипи менялась чуть ли не каждую неделю, поэтому каждая следующая поездка по ней превращалась в новое испытание, от чего и загорались глаза лоцманов.

В романе «Янки при дворе короля Артура», с точки зрения Хэнка, странствующие рыцари, ничем не занимаясь, невольно становятся по его инициативе распространителями средневековой рекламы: «*I saw that he wore a plumed helmet, and seemed to be otherwise clothed in steel, but bore a curious addition also a stiff square garment like a herald's tabard. <…> I got nearer and read this sign on his tabard: "Persimmon's Soap – All the Prime-Donna Use It"*».

Одним из обязательных компонентов концепта является удовольствие, получаемое от путешествия. Янки описывает своё первое путешествие как что-то безмятежное, спокойное, приносящее наслаждение: «*Straight off, we were in the country. It was most lovely and pleasant in those sylvan solitudes in the early cool morning in the first freshness of autumn. From hilltops we saw fair green valleys lying spread out below, with streams winding through them, and island groves of trees here and there, and huge lonely oaks scattered about and casting black blots of shade*».

Наконец, путешествие, совершаемое ради путешествия, путешествие, бывшее в юные годы Марка Твена чем-то волнующим и захватывающим, требующим пристального внимания, когда лоцман на корабле был маленьким богом, «*важнее самого капитана*», становится чем-то совершенно привычным и обыденным. Умирает пароходство, приходят на смену ему железные дороги. В словах писателя сквозит невыносимая горечь: «*Half a dozen sound-asleep steamboats where I used to see a solid mile of wide-awake ones*! *This was melancholy*, *this was woeful*. *The absence of the pervading and jocund steamboatman from the billiard-saloon was explained*. *He was absent because he is no more*».

На примерах этих произведений мы можем наблюдать, как документальный факт становится художественным образом, срастаются реальное и вымышленное и являют читателю в полной мере Путешествие глазами Марка Твена.

Концептуализация мира как особым образом организованный тип познавательной деятельности человека может осуществляться на разной основе посредством разных когнитивных механизмов. Это может быть 1) непосредственное восприятие мира с помощью органов чувств на уровне обыденного сознания, 2) теоретическое осмысление мира через научный концептуальный аппарат, 3) эстетическое освоение мира в художественных образах. Концептуализация мира в художественном тексте интерпретируется нами как процесс преломления в сознании автора окружающего его мира, его объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2001. – 123 с.

2. Болотнова Н. С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста: Лекция. – СПб.: Рос. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1992. –21 с.

3. Назарова Т. Б. Филология и семиотика. – М. Высшая школа, 1994. – 255 с.

4. Старцев А. И. Марк Твен и Америка: Монография. – М.: Советский писатель, 1985. – 304 с.

5. Твен М. Из автобиографии [Электронный ресурс] // URL: http://lib.rtg.su/ memor/ 54/61.html (дата обращения: 12.02.2017).

6. Толстых Л. И. Смысловые парадигмы в тексте и их лексическое выражение: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1988. – 16 с.

7. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 158 с.

8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Cambridge: CUP, 2001. – 1548 p.

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Kognitivnaja semantika: Kurs lekcij po anglijskoj filologii. – Tambov: Izd-vo Tamb. gos. un-ta, 2001. – 123 s. [in Russian]

2. Bolotnova N. S. Garmonizacija obshhenija i leksicheskaja struktura hudozhestvennogo teksta: Lekcija. – SPb.: Ros. gos. ped. in-t im. A. I. Gercena, 1992. –21 s. [in Russian]

3. Nazarova T. B. Filologija i semiotika. – M. Vysshaja shkola, 1994. – 255 s. [in Russian]

4. Starcev A. I. Mark Tven i Amerika: Monografija. – M.: Sovetskij pisatel', 1985. – 304 s. [in Russian]

5. Tven M. Iz avtobiografii [Jelektronnyj resurs] // URL: http://lib.rtg.su/memor/54/61.html (data obrashhenija: 12.02.2017). [in Russian]

6. Tolstyh L. I. Smyslovye paradigmy v tekste i ih leksicheskoe vyrazhenie: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – L.: LGU, 1988. – 16 s. [in Russian]

7. Shherba L. V. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. – M.: Uchpedgiz, 1957. – 158 s. [in Russian]

8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Cambridge: CUP, 2001. – 1548 p.

УДК 821. 161. 1-97

РОМАН ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В ПЕРЕКРЕСТКЕ СУЖДЕНИЙ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ УЧЕНЫХ: ГЕРОИ И КОМПОЗИЦИЯ

Масолова Елена Александровна, Чжан Сюань

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *masolova@list.ru*, *Valya.valerievna@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются основные подходы современных китайских и русских исследователей к трактовке героев и композиции романа Толстого «Анна Каренина». Акцент сделан на освещение взглядов китайских учёных, чьи работы не переведены на русский язык. Выявлено, что китайские толстоведы в большей степени поднимают этические проблемы, а русские – вопросы поэтики.

Ключевые слова: Толстой; Китай; Россия; «Анна Каренина»; главные герои; композиция.

TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA" AT THE CROSSROADS OF JUDGMENTS OF CHINESE AND RUSSIAN SCIENTISTS: CHARACTERS AND COMPOSITION

Masolova Elena Aleksandrovna, Zhang Xuan

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. We analyze the main approaches of modern Chinese and Russian scientists to the treatment of characters and composition of Tolstoy's novel "Anna Karenina." We put emphasis on the interpretation of Chinese scientists' views, whose works are not translated into Russian. It is revealed that Chinese tolstovists are more likely to raise ethical issues, but Russian scientists consider more poetics.

Keywords: Tolstoy; China, Russia; "Anna Karenina"; main characters; composition.

Роман «Анна Каренина» (1878) вызывает неизменный интерес читателей и исследователей и в России, и в Китае. Первый перевод «Анны Карениной» с английского на китайский появился в сокращённом виде в 1917 г. и был озаглавлен «История Анны». В 1940–1950-е гг. роман «Анна Каренина» был переиздан в КНР 17 раз, с конца 1980-х гг. по 2006 г. – 14 раз; в настоящее время появляются новые переводы. В КНР, начиная с 1950 г, опубликовано более 500 статей, посвящённых «Анне Карениной»; с начала XXI в. защищено 11 диссертаций по этому роману. Китайские учёные в большей степени анализируют героев Толстого и в меньшей степени – композицию «Анны Карениной». Сопоставим взгляды китайских и русских исследователей на героев и композицию этого романа Толстого.

В китайском литературоведении XX в. Анну трактовали как женщину передовую смелую, искреннюю и открытую (в чём сказалось влияние долгое время господствовавшего и Китае, и в России, социологического подхода к анализу художественного текста). В настоящее время китайские учёные шире интерпретируют образ Анны, говоря о глубине её переживаний. Чжан Вэньлань считает, что у Анны противоречивый характер и желание дистанцироваться от всех. Чжан Лу видит трагедию Анны в том, что у этой героини нет независимого экономического положения. Согласно Цзя Сяолин, консервативное общество, муж и любовник подтолкнули Анну к гибели. Чжао Гуанхуй полагает, что конфликт между разными статусами Анны привёл её к трагедии: Анна, бывшая до поездки в Москву идеальной женой и матерью, стала любовницей Вронского и не смогла смириться с этим. Сунь Цайся называет причинами трагедии Анны её 1) пребывание в высших сферах общества, где господствует ложь, 2) недовольство мужем и любовником, 3) презрение к себе. Чжан Цзяньхуа отмечает, что страх, стыд и чувство вины от украденной любви приводят Анну к раздвоению личности; трагедия Анны, пишет китайский исследователь, связана с браком без любви, разрушенной семьёй, расставанием матери и ребенка, осознанием невозможности вечной любви и духовным страданием; причины трагедии Анны физиологические, общественные, моральные, психологические, духовные; мир толстовской героини богат, но в то же время хрупок и беден. Чжао Сюань поднял вопрос о том, что трагедия Анны – в игнорировании ею религии. Ху Юн и Се Цзинцзюнь связывают гибель героини с отсутствием гармонии в семье и также интерпретируют трагедию Анны в религиозно-этическом плане.

Е. А. Маймин в трагедии Анны обвиняет общество, которое закрывает глаза на лёгкие светские измены, но не прощает человеку серьёзных чувств. В. Г. Одиноков основной причиной трагедии Анны видит её принадлежность к дворянскому обществу, к «системе», которая не позволяет стать настоящим человеком. Согласно Н. В. Каргашиной, причина обречённости любви Анны и Вронского в том, что их любовь не может вписаться в фальшивое общество [5, с. 69]. Анализируя мотив смерти в романе Толстого, В. Г. Одиноков отмечает, что близость смерти во время родов привела Анну к временному выходу из «системы» Вронского и Каренина, что позволило героине осознать нрав-

ственную силу смерти. В. Г. Одиноков считает, в «Анне Карениной» даны две оценки заглавной героини: оправдывающая, идущая от Долли и сына Анны, и обвиняющая, принадлежащая матери Кити и матери Вронского. Полагая, что Толстой далёк от однозначной оценки своей героини, В.Г. Одиноков трактует самоубийство Анны как способ избавления от страданий и мести обществу. С точки зрения В. А. Свительского, Толстой-моралист осуждает Анну, хотя это осуждение не совпадает с общей логикой создания её образа. Мы не можем согласиться с В. А. Свительским, поскольку Толстой ни в статьях, ни в дневниковых записях не осуждал свою героиню, а сцена гибели Анны лишена дидактизма и ригоризма.

О. А. Кириченко отмечает раздвоенность Анны с момента её встречи с Вронским [6, с. 63]. Трагедия Анны, отмечает Н. Г. Набиев, предопределена тем, что любовь к Вронскому пришла к ней, когда она уже была связана долгом матери и жены. Анну, пишет Н. Г. Набиев, постоянно преследует ощущение ложности своего положения, чувство одиночества и отторженности от общества и Бога; Вронский компенсирует Анне утраченные связи с обществом и занимает для нее место Бога, при этом любовь не связывает, а разъединяет этих героев, поэтому потеря любви и гибель Анны неизбежны [9, с. 170]. А. К. Степаненко трактует самоубийство Анны как следствие логической и «психологической» последовательности, напоминающей мотивацию греческой трагедии [14, с. 37]. А. В. Данилов считает, что Анна, для которой любовь стала и величайшим счастьем, и трагедией, пала жертвой общественных стереотипов, поскольку не смогла смириться с участью «павшей» женщины; самоубийство Анны исследователь неправомерно связывает с её зависимостью от морфина [4, с. 528].

А. М. Буланов выявляет, что в толстовской героине понятие стыда тесно связано с понятием вины: пытаясь отогнать от себя ощущение вины, Анна перекладывает вину на других и утрачивает возможность видеть мир в истинном свете, а потому её любовь-страсть к Вронскому переходит в любовь-ненависть [3, с. 103]. Толстой раскрыл все стороны социально-психологической драмы главной героини через постепенное нагнетание экспрессии и показ её внутренних переживаний. А. П. Алиева подчёркивает, что отношения Анны с другими людьми тревожны, хотя сама героиня представляется окружающим здоровой и физически, и нравственно; в ней есть внутренняя сила, благотворно действующая на других; бессознательный страх Анны становится причиной ее гибели [1, с. 22].

Ряд учёных проводит параллели между женскими образами Толстого и героинями западноевропейских писателей. Н. В. Каргашина [5] и Д. В. Решетов [12] сравнивают Каренину и госпожу Бовари Флобера. Сюй Янь также полагает, что у Флобера и Толстого во многом одинаковое отношение к своим героиням: оба писателя и сочувствуют им, и критикуют их. В китайском литературоведении сопоставлений Анны Карениной с героинями мировой литературы намного больше, чем в работах русских толстоведов. Чжан Сяосяо, анализируя процессы пробуждения женского сознания у Анны Карениной и Норы из «Ку-

кольного дома» Ибсена, подчёркивает, что обе героини смелые и стремятся к настоящей любви. Гэ Лицзюань сравнивает Джейн Эйр и Анну Каренину. Ли Шули, Хань Мэйцзюань, Чжан Ваньюй, Дин Нинтао проводят параллели между Анной, героиней романа Цао Сюециня «Сон в красном тереме» и героиней пьесы Цао Юй «Гроза». Нин Вэй полагает, что китайским героиням присуще страстное стремление к любви, а в Анне доминирует религиозное начало; идеал в пьесе Тан Сяньцзу «Павильон пионов» – гармоничная красота и тонкое ощущение любви, а в романе Толстого – конфликтная красота и драматичный сюжет.

Долгое время китайские учёные трактовали Каренина как негативный образ, противопоставленный Анне, и называли его куклой, бюрократической машиной. Чжэн Кэлу пишет, что Каренин – корыстный, равнодушный лицемер, бюрократ, у которого отсутствуют жизненные силы. Согласно Чжу Вэйчжи, Каренин хочет от Анны не любви, а сохранения статуса женатого мужчины, а потому его не волнуют переживания Анны; Каренин – воплощение старого режима, делает вывод Чжу Вэйчжи. По мысли Хань Ся, Каренин стремится к приличию и избегает эмоционального наслаждения, что провоцирует его жену к измене.

Ян Чжэнсянь, Ся Лачу, Хань Ся, Ван Сяоин полагают, что у Толстого максимально объективное отношение к Каренину. Ся Лачу считает, в Каренине изначально были любовь и прощение, но общество изуродовало его душу. Ян Чжэнсянь подчёркивает, что не надо оценивать поведение Каренина через призму восприятия его женой.

В интерпретации русских толстоведов образ Каренина претерпел значительные изменения: долгое время его трактовали как карьериста и сухаря; в работах последних лет Каренина всё чаще интерпретируют как христианина, приписывая ему в сцене родов Анны черты праведника [6]. Н. Г. Набиев полагает, что Каренин проходит свой путь духовного развития [9, с. 220]. Мы не согласны с Т. Д. Проскуриной, называющей Каренина честным и порядочным человеком, который не может помочь жене в силу своего общественного положения [11, с. 96]: Каренин, с нашей точки зрения, предал свою жену и отказался нести за неё ответственность. Утверждение Т. Д. Проскуриной о том, что у постели умирающей Анны проявляется духовная связь супругов Карениных [11, с. 94], мы так же не можем полностью принять, потому что муж не стал бороться за свою семью после выздоровления Анны.

В работах русских исследователей обращается большое внимание на особенности психологического анализа в «Анне Карениной», чего почти нет в китайском толстоведении. Исследуя особенности психологизма в «Анне Карениной», О. В. Барабаш [2] акцентирует внимание на композиционно-повествовательных формах, портретах (статических и психологических), вербальных и невербальных способах самораскрытия героев, на внутреннем монологе и пейзажных зарисовках. Ю. А. Рубичева, рассматривая невербальное самопроявление героев Толстого, приходит к выводу, что у Анны психофизиологические особенности поведения и реальные чувства не совпадают, что усиливается к

концу романа [13]. А. В. Лебедева обращает внимание на синтаксис мимических выражений Анны, раскрывающих её характер [7].

Однозначно негативную оценку китайских исследователей получил Вронский. Ни Жуйцин называет Вронского вульгарным жизнелюбом. Н. Г. Набиев пишет, что Вронский считает себя лучше всех и презирает остальных [9, с. 223]. Вронского и Каренина, с точки зрения Н.Г. Набиева, объединяет бессемейность [9, с. 220].

В толстоведении один из самых дискутируемых вопросов – вопрос о композиции романа «Анна Каренина». В 1878 г. С. А. Рачинский писал Толстому об «Анне Карениной»: «Последняя часть произвела впечатление охлаждающее, не потому, чтобы она была слабее других (напротив, она исполнена глубины и тонкости), но по коренному недостатку в построении всего романа. В нём нет архитектуры». На что Толстой так ответил Рачинскому: «Я горжусь, напротив, архитектурой – своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи». Согласно А. В. Станкевичу, в «Анне Карениной» две, казалось бы, ничем не связанные между собой сюжетные линии, и не один роман, а два. С момента публикации романа Толстого споры о своеобразии его композиции не прекращаются.

Лю Я считает, что в «Анне Карениной» существуют следующие связи между персонажами: конфликтная, контрастная, отношения «ведущий-ведомый». Чжан Цзяньхуа акцентирует арочную структуру этого романа.

В качестве ведущего принципа композиции «Анны Карениной» Э. Г. Бабаев называет принцип концентрических кругов, где каждый круг представляет собой круг жизни отдельного героя. Т. П. Цапко утверждает, что в «Анне Карениной» лейтмотивы семейности-бессемейности связывают Анну и Лёвина, чьи судьбы развиваются параллельно [15, с. 17–19]. Согласно О. Н. Осмоловскому, оригинальность композиции «Анны Карениной» в том, что ценностный сюжет этого романа образуют связи Анны и Лёвина с другими героями [10, с. 287] (заметим, что аналогичное утверждение применимо почти к любому произведению). О. В. Барабаш пишет, что композиционно-повествовательная организация романа Толстого строится на внешнем контрасте и внутреннем единстве линий Анны и Лёвина, причём на уровне повествования линия Анны представлена фрагментарно, скачкообразно, импульсивно, а линия Лёвина создаёт впечатление непрерывного потока жизни, в своей эмпирической замедленности призванной восстановить и укрепить равновесие авторской картины мира [2, с. 17].

Мы полагаем, что в «Анне Карениной» формально замкнутые, отдельные главы предстают частями идейно-тематической целостности, состоящей из строго упорядоченного сочетания трёх типов циклов и одиночных глав. В четырёхглавных циклах говорится о фальши в человеческих отношениях; в двухглавных циклах герои страдают от усугубляющейся неустроенности жизни и растущего взаимонепонимания; в одиночных главах герой стоит в преддверии новой жизни; в трёхглавных циклах нарисована привычная жизнь ге-

роев и жизнь, направленная на единение с *мы*; отсутствие заключительной одиночной главы в последней части романа – свидетельство единения *я* с *мы*, сопряжения *мысли народной* с *мыслью семейной* [8, с. 133].

Итак. При интерпретации «Анны Карениной» китайскими и русскими исследователями есть совпадения и различия, что обусловлено и разными методами анализа художественного текста, и спецификой национальной картины мира учёных этих стран. Говоря о героях романа Толстого, китайские толстоведы в большей степени поднимают этические проблемы, а русские исследователи – вопросы поэтики. В последнее время русские исследователи чаще трактуют героев Толстого в парадигме христианского литературоведения, допуская определённые перегибы в «реабилитации» мужа Анны. Сопоставление различных подходов к роману Толстого демонстрирует уникальность этого гениального писателя, столь неоднозначно прочитываемого в разных странах, и открывает новые перспективы межкультурного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева А. П. Мотив страха в романе Толстого «Анна Каренина» // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Серия: Педагогика, психология. –2014. – № 1. – С. 20–22.

2. Барабаш О. В. Некоторые особенности психологического анализа в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Пенза: Изд-во ПГУ, 2006. – 92 с.

3. Буланов А. М. Художественная феноменология стыда в романах Достоевского и Толстого // Русская литература. – СПб., 2001. – № 1. – С. 93–106.

4. Данилов А. В. Тема морфинизма в романе Толстого «Анна Каренина» // Международный журнал экспериментального образования. – М., 2016. – № 4. – С. 527–528.

5. Каргашина Н. В. Самоубийство в романах «Госпожа Бовари» и «Анна Каренина» // Вестник Новгородск. гос. ун-та. – Новгород, 2003. – № 25. – С. 66–70.

6. Кириченко О. А. Роман Толстого «Анна Каренина» в контексте православия // Литература и культура в контексте христианства: Материалы III Междунар. науч. конф. – Ульяновск, 2002. – С. 59–67.

7. Лебедева А. В. О невербальном поведении героев романа Толстого «Анна Каренина» // Толстовский сборник-2008. – Тула, 2008. – Ч. 1. – С. 227–232.

8. Масолова Е. А. Циклизация в романе толстого «Анна Каренина» // Новый филологический вестник. – М., 2007. – № 2 (5). – С. 124–133.

9. Набиев Н. Г. Человек в мире Толстого. – М.: Диалог МГУ, 1999. – 278 с.

10. Осмоловский О. Н. «Анна Каренина» как новый тип философско-психологического романа // Проблемы литературных жанров: Материалы XМеждунар. науч. конф. – Томск: ТГУ, 2002. – Ч. 1. – С. 286–291.

11. Проскурина Т. Д. Семейные отношения в романах Пушкина «Евгений Онегин» и Толстого «Анна Каренина» в контексте времени // Филологические науки. – М., 2000. – № 2. – С. 93–98.

12. Решетов Д. В. Романы Г. Флобера «Мадам Бовари» и Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: философско-эстетическое осмысление проблемы самоубийства: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2005. – 24 с.

13. Рубичева Ю. А. Невербальный диалог и его функции в романах Толстого // Сравнительное и общее литературоведение. – М., 2006. – Вып. 1. – С. 195–204.

14. Степаненко А. К. Мотив железной дороги в романе Толстого «Анна Каренина» // Вестник Дагестанск. гос. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. – Махачкала, 2005. – № 6. – С. 36–39.

15. Цапко Т. П. Композиция сюжета романа Толстого «Анна Каренина»: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Харьков, 1994. – 25 с.

REFERENCES

1. Alieva A. P. Motiv straha v romane Tolstogo "Anna Karenina" // Vektor nauki Tol'jattinskogo gos. un-ta. Serija: Pedagogika, psihologija. –2014. – № 1. – S. 20–22. [in Russian]

2. Barabash O. V. Nekotorye osobennosti psihologicheskogo analiza v romane L. N. Tolstogo "Anna Karenina". Penza: Izd-vo PGU, 2006. – 92 s. [in Russian]

3. Bulanov A. M. Hudozhestvennaja fenomenologija styda v romanah Dostoevskogo i Tolstogo // Russkaja literatura. – SPb., 2001. – № 1. – S. 93–106. [in Russian]

4. Danilov A. V. Tema morfinizma v romane Tolstogo "Anna Karenina" // Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija. – M., 2016. – № 4. – S. 527–528. [in Russian]

5. Kargashina N. V. Samoubijstvo v romanah "Gospozha Bovari" i "Anna Karenina" // Vestnik Novgorodsk. gos. un-ta. – Novgorod, 2003. – № 25. – S. 66–70. [in Russian]

6. Kirichenko O. A. Roman Tolstogo "Anna Karenina" v kontekste pravoslavija // Literatura i kul'tura v kontekste hristianstva: Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. – Ul'janovsk, 2002. – S. 59–67. [in Russian]

7. Lebedeva A. V. O neverbal'nom povedenii geroev romana Tolstogo "Anna Karenina" // Tolstovskij sbornik-2008. – Tula, 2008. – Ch. 1. – S. 227–232. [in Russian]

8. Masolova E. A. Ciklizacija v romane tolstogo "Anna Karenina" // Novyj filologicheskij vestnik. – M., 2007. – № 2 (5). – S. 124–133. [in Russian]

9. Nabiev N. G. Chelovek v mire Tolstogo. – M.: Dialog MGU, 1999. – 278 s. [in Russian]

10. Osmolovskij O. N. "Anna Karenina" kak novyj tip filosofsko-psihologicheskogo romana // Problemy literaturnyh zhanrov: Materialy XMezhdunar. nauch. konf. – Tomsk: TGU, 2002. – Ch. 1. – S. 286–291. [in Russian]

11. Proskurina T. D. Semejnye otnoshenija v romanah Pushkina "Evgenij Onegin" i Tolstogo "Anna Karenina" v kontekste vremeni // Filologicheskie nauki. – M., 2000. – № 2. – S. 93–98. [in Russian]

12. Reshetov D. V. Romany G. Flobera "Madam Bovari" i L. N. Tolstogo "Anna Karenina": filosofsko-jesteticheskoe osmyslenie problemy samoubijstva: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Magnitogorsk, 2005. – 24 s. [in Russian]

13. Rubicheva Ju. A. Neverbal'nyj dialog i ego funkcii v romanah Tolstogo // Sravnitel'noe i obshhee literaturovedenie. – M., 2006. – Vyp. 1. – S. 195–204. [in Russian]

14. Stepanenko A. K. Motiv zheleznoj dorogi v romane Tolstogo "Anna Karenina" // Vestnik Dagestansk. gos. un-ta. Serija 2: Gumanitarnye nauki. – Mahachkala, 2005. – № 6. – S. 36–39. [in Russian]

15. Tcapko T. P. Kompozicija sjuzheta romana Tolstogo "Anna Karenina": Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Har'kov, 1994. – 25 s. [in Russian]

УДК 81.111

СОЦИОЛЕКТ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Полянкина Софья Юрьевна

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск*, *Россия*, *polyankina@corp.nstu.ru*

Аннотация. В статье профессиональный социолект рассмотрен как экзистенциальный вариант языка и неотъемлемый элемент языковой картины мира профессионала. Представлены результаты промежуточных исследований юридических и медицинских социолектизмов в современных американских романах в лексикологическом и переводческом аспектах. Намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: профессиональный социолект; профессиональная картина мира; юридические социолектизмы; медицинские социолектизмы; англоязычная современная проза.

SOCIOLECT AS A MEANS FOR LANGUAGE REPRESENTATION OF THE PROFESSIONAL WORLDVIEW IN THE ENGLISH FICTION

Polyankina Sophia Yurievna

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The author views professional sociolect as the existential version and the integral element of the language worldview of the professional. The article presents the results of the intermediate studies of professional legal and medical sociolectisms in the modern American novels in lexicological and translation aspects. Finally, the author proposes the prospects for future research.

Keywords: professional sociolect; professional worldview; legal sociolectisms; medical sociolectisms; modern English prose.

Принадлежность к тому или иному профессиональному сообществу становится всё более весомым фактором при формировании идентичности человека в настоящее время благодаря огромному диапазону выбора специальностей и условиям для академической мобильности. Следовательно, несмотря всё меньшую популярность стратегии выбора профессии на всю жизнь (по принципу продолжения династии или во имя стабильности), профессиональное образование и овладение специальностью на практике, по нашему мнению, не могут не накладывать отпечаток на личность. Обладатели же солидного трудового стажа в той или иной сфере могут иметь профессиональную деформацию личности, т. е. значительный уровень стереотипности восприятия, мыш-

ления, действий и стратегий коммуникации. Так или иначе, принадлежность к профессиональному сообществу и сильная профессиональная идентичность формируют особый тип картины мира человека и находят своё выражение в речевом общении.

Биологической основой профессиональной дифференциации является узкая специализация нейронов коры головного мозга и морфологические изменения её строения в зависимости от личного опыта индивида и профессиональных компетенций, приобретённых им на протяжении всей жизни. Люди, обученные разным вещам, будут отличаться друг от друга, в том числе, и на уровне морфологии, и «формирование нового удачного акта в процессе научения может быть рассмотрено как увеличение подробности, степени дифференцированности соотношения индивида со средой» [1, с. 20]. Социальной предпосылкой профессиональной дифференциации выступает разделение труда, неизбежное при прогрессивном развитии любого общества, которое делает специализацию профессионалов обязательной и более выгодной для функционирования сложной и дифференцированной социальной системы. Специализация достигает своего пика в индустриальном обществе, которое требует огромного количества профессионалов, обладающих знаниями в достаточно узкой сфере деятельности и решающих технические вопросы производства.

Но обратной стороной профессиональной дифференциации общества является интеграция его членов в профессиональные сообщества. Ю. Н. Харари убеждён, что любое широкомасштабное человеческое сотрудничество (в том числе, и профессиональное) зиждется на способности создавать воображаемую реальность из слов, что позволяет множеству незнакомых людей работать слаженно вместе. Он приводит в качестве одного из примеров такой эффективной работы людей в таком воображаемом мире эффективную работу судебных систем, функционирующих за счёт единых юридических миров: «Два незнакомых юриста найдут общий язык: они оба верят в существование законов, справедливости и прав человека» [7, с. 36–37]. Законы, справедливость и права человека – не более чем «юридическая фикция» или «социальный конструкт», т. е. концептуализированные элементы *воображаемой реальности*. Таким образом, обитатели одной и той же *воображаемой реальности* оперируют одними и теми же словами, обозначающими социальные конструкты, но при этом именно этот язык является одним из атрибутов их дифференцированности от представителей других профессий, т. е. обитателей иных *воображаемых реальностей*, лишь отчасти пересекающихся с их миром. Язык становится инструментом как социальной интеграции, так и социальной дифференциации.

Этот факт объясняет, что лингвисты также заинтересованы в том, как профессиональная дифференциация общества сказывается на речи его носителей. В настоящее время отечественными лингвистами изучаются профессиональное сознание (Е. Н. Азначеева, С. В. Мыскин, В. А. Цвык), языковое сознание специалистов (Л. С. Антонова и др.), профессионализация языковой личности (Г. В. Кубиц), профессиональная языковая личность (Е. А. Алексеева и др.),

место профессионального языка в структуре языковой личности (М. И. Солнышкина и др.).

Профессиональное сознание (языковое и неязыковое) противопоставляется сознанию обыденному [2] и может включать как элементы научной, так и наивной картины мира специалистов. Одним из наиболее важных показателей сформированности профессионального языкового сознания представляется оформленная профессиональная языковая картина мира, т. е. наличие, актуализация и постоянное пополнение профессионального тезауруса, состоящего из профессиональной лексики (терминов, профессионализмов, профессиональных жаргонизмов и сленга), а также системных связей между его элементами. В совокупности со стереотипами восприятия, мышления и деятельности профессиональная картина мира обеспечивает успешное ведение профессионального дискурса. Эта успешность определяется тем, что, при наличии общих целей и общности профессиональной культуры, представители одной и той же профессии достигают единства профессиональных сознаний [4]. Ведущую роль в подобной синергии играет общий языковой код, в определённой степени непрозрачный для представителей иных профессиональных общностей, в результате вышеупомянутых языковых (преимущественно лексических) средств репрезентации профессиональной картины мира.

Ведущим средством репрезентации профессиональной картины мира является профессиональная лексика, составляющая специальный подъязык, или подсистему национального языка, которую можно выделить при его социальной дифференциации. Эта особая лексика используется представителями определённой профессии при общении на специальные темы как в официальных, так и неофициальных ситуациях. Различают несколько видов профессиональной лексики, используемых в разных ситуациях. Для их номинации в работах отечественных лингвистов используются такие обозначения, как *терминология*, *профессионализмы*, *профессиональный сленг*, *профессиональный жаргон*, *профессиональный диалект*, *арго*.

Терминология относится к стандартному специальному подъязыку, поскольку термины имеют чёткую связь с конкретным научным или научно-техническим понятием или объектом, обладают системностью, ограниченной омонимией, полисемией, синонимией и коннотативным значением (им присущи эмоциональная и экспрессивная нейтральность в научном или техническом дискурсах, стремление к точной дефиниции денотата и контекстной неизменяемости). Характерным свойством терминов можно считать их заимствованный характер: в настоящее время основными языками-источниками для терминосистем являются латинский и греческий, а для русскоязычных терминосистем – английский.

Профессионализмы, *профессиональный сленг*, *профессиональный жаргон*, *профессиональный диалект* и *арго* будут относиться к субстандарту специального подъязыка, или профессиональному социолекту. Социолектом В. П. Коровушкин предлагает именовать «исторически сложившуюся, относительно устойчивую для данного этапа автономную, полуавтономную или неавтоном-

ную форму существования общенародного языка национального периода, обладающую своей системой социолингвистических норм второго уровня, функционально и понятийно закреплённую за определённым социальным профессионально-корпоративным или антиобщественным (антисоциальным и асоциальным) социумом или социализированной субкультурой, обладающую специфичной просторечной лексической системой, элементы которой могут носить этнизированный и локализованный характер и варьироваться по качеству и количеству инвентарем внелитературных грамматических и фонетических особенностей, обусловленных социолингвистическими характеристиками его носителей» [3, с. 219]. Социолект имеет свои специфические языковые единицы. Для их обозначения вводится термин *социолектизм*, т. е. элемент фонетической, морфологической, синтаксической, лексико-фразеологической и семантической систем социолекта, обладающий соответствующими признаками [3, с. 219].

Таким образом, по нашему мнению, зонтичным понятием для профессионализмов, профессиональных жаргонов, сленга, диалектов и арго можно считать понятие *социолектизм*.

К наиболее явным различиям между *терминами* и *социолектизмами* предлагаем относить следующие. Во-первых, *термины* и *социолектизмы* используются в различных регистрах общения (официальном и неофициальном), т. е. термины принадлежат к научному стилю, а социолектизмы – к разговорному. Во-вторых, данными терминами номинируются объективные общие и конкретные понятия науки, а социолектизмы обозначают не все денотаты, а чаще называют конкретные явления, с которыми специалисты сталкиваются в своей ежедневной работе. И, в-третьих, согласно теории Ф. Энгельса о происхождении языка в трудовой деятельности, социолектизмы первичны по отношению к терминам, т. к. «терминов в первобытном обществе, естественно, не было» [6, с. 400]. *Термины* и *социолектизмы* являются средствами языковой репрезентации разных картин мира. *Термины* отражают научную картину мира индивида, в то время как *социолектизмы* – наивную картину мира индивида.

Б. Ю. Норман определял *социолект* как «групповой язык», являющийся промежуточной ступенью абстракции между языком личности – идиолектом – и языком целого общества [5]. Мы полагаем, что именно *социолектизмы* служат наиболее яркими средствами языковой репрезентации профессиональной картины мира личности.

В обществе объективно наблюдается профессиональная дифференциация, ведущая к появлению многочисленных типов профессиональных сознаний, неотъемлемой частью которых являются профессиональные картины мира, манифестируемые в языке с помощью гаммы языковых и речевых средств, ведущее место среди которых занимают лексические социолектизмы. При реконструкции писателями на страницах своих произведений языковых личностей персонажей, принадлежащих к той или иной профессии, наблюдается «изобилие» данных языковых средств, направленных на создание достоверного или же идеализированного образа профессионала в той или иной сфере.

Подтверждение данному предположению находим в исследованиях, проводимых под нашим руководством студентами НГТУ направления «Лингвистика» (студенты изучают этимологию и структурно-семантические особенности профессиональной юридической лексики английского языка на материале произведений Джона Гришэма и особенности перевода медицинских социолектизмов с английского языка на русский на материале произведений Артура Хейли и Тесс Герритсен). Так, в юридическом детективе Джона Гришэма «Адвокат» методом сплошной выборки было обнаружено 95 лексических единиц, отвечающих критериям принадлежности к профессиональному подъязыку системы английского национального языка (в его американском варианте). Среди них преобладают термины (52 лексические единицы) и профессионализмы (39 единиц). В данном художественном тексте 1) арго отсутствует, поскольку автор не описывал жизнь преступников, принадлежащих характерной субкультуре, 2) преобладают однокомпонентные лексические единицы, за счёт чего автору удалось добиться динамичности повествования и ёмкости переданной информации.

Предполагалось, что в юридическом триллере большая часть использованной автором профессиональной лексики будет принадлежать к юридической сфере, однако нам встретились примеры из экономической, политической, бизнес и военной сфер. В анализируемых нами текстах среди юридической лексики преобладают слова, относящиеся к тематическим группам *уголовный процесс*, *правоохранительные органы*, *правомерная деятельность неюристов и противоправные действия*. Гришэм использует два обозначения профессиональной речи юристов, а именно *legalese* (образованное по аналогии с формированием обозначений для языков мира, таких как Chinese, Japanese) и *legalspeak* (по аналогии с Newspeak в романе Джорджа Оруэлла «1984»).

Результаты этимологического анализа позволили заключить, что абсолютное большинство найденных примеров профессиональной лексики является заимствованиями из латинского языка (напрямую и через французский и испанский языки) и по большей части появились в составе английского языка в период позднего Средневековья XIV– XVI вв.

В производственном романе «Окончательный диагноз» А. Хейли и детективном триллере «Хирург» Т. Герритсен также используются медицинские социолектизмы для формирования верного образа врача у читателей и достоверной репрезентации языковой картины мира профессионалов в медицинской сфере. А. Хейли и Т. Герритсен используют медицинские социолектизмы как стилистический приём для придания тексту большей эмоциональности и выразительности. В рамках исследования было проанализировано в общей сумме 70 примеров использования этими авторами медицинских социолектизмов и их перевода на русский язык. Выявлено, что самыми частотными способами перевода медицинских социолектизмов в романе А. Хейли «Окончательный диагноз», использованными Н. А. Кузнецовой, Т. Н. Шинкарь и Д. Мишне, являются функциональный перевод относительными и абсолютными эквивалентами, через функциональный аналог и описательный перевод, контекстуаль-

ный перевод, конкретизация значения. Описательный перевод, контекстуальный перевод и конкретизация значения используются для того, чтобы читатель мог легко понять, о чём идет речь, с целью погружения в атмосферу произведения. В триллере «Хирург» самыми распространёнными способами перевода, использованными И. А. Литвиновой, стали функциональный перевод относительными и абсолютными эквивалентами, контекстуальный перевод и генерализация значения. Особенностью данного перевода является создание переводчиком неологизмов для передачи экспрессивной нагрузки медицинских социолектизмов («*Everyone's spread thin*. *They've got a head injury in Trauma One and a code down the hall*» («*Все заняты*. *В первой операционной – черепно-мозговая травма*, *в приёмном – помирашка*»). Переводчики обоих произведений, при отсутствии в языке перевода полного эквивалента и функционального аналога, используют относительные эквиваленты при одновременном употреблении приёма компенсации с целью сохранения экспрессивной нагруженности текста.

Итак, социолектизмы в качестве языковых средств репрезентации профессиональной картины мира персонажей современной англоязычной прозы могут быть исследованы с разных позиций. Лексикологические исследования этимологии, на наш взгляд, помогут установить источники языковых единиц, составляющих ядро языковой картины мира главных персонажей, а также то, насколько древней или современной является эта картина мира. Структурно-семантический анализ выявляет основные тематические группы, языковые единицы которых доминируют в составе тезауруса профессионалов, и продуктивные способы их формирования. Переводческий же аспект исследования сопоставляет стратегии передачи элементов картины мира зарубежных профессионалов на русском языке и выявляет существующие в нём аналоги с оригинальными социолектизмами, что, в свою очередь, предоставляет данные для сравнительно-сопоставительного анализа языковых средств репрезентации профессиональных картин мира в двух лингвокультурах.

Мы полагаем, что необходимо изучать то, как элементы образа той или иной профессии отражаются современными англоязычными писателями на страницах романов, посвящённых описанию будней профессионалов и их межличностному общению, поскольку художественная литература обладает потенциалом влияния на профессиональную дифференциацию общества. Актуальность подобного исследования объясняется способностью художественных произведений формировать в сознании читателей имидж представителей той или иной профессии, что, в свою очередь, может (сознательно или неосознанно) повлиять на восприятие её в качестве престижной или непрестижной, социально значимой или незначимой, привлекательной или непривлекательной и т. п. Сопоставление репрезентаций тех или иных профессиональных картин мира в художественных произведениях разных лингвокультур позволит сопоставить положение данных профессий в различных социумах. В качестве перспектив для дальнейших исследований выделяем сопоставление нор-

мативного и индивидуально-личностного аспектов, а также выявление этнокультурного компонента в репрезентации профессиональной картины мира в современной англоязычной прозе; планируется продолжать исследования на материале современной художественной англоязычной прозы, героями которой являются представители других профессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Ю. И. Дифференциация и развитие // Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 17–28.

2. Антонова И. С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание» // Социосфера. – 2010. – № 4. – С. 52–57.

3. Коровушкин В. П. Основы контрастивной социолектологии: Монография: В 2 ч. – Ч. 1. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. – 245 с.

4. Мыскин С. В. Профессиональное сознание: языковое и неязыковое // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12 (30). – Ч. 2. – С. 135–140.

5. Норман Б. Ю. Теория языка. Вводный курс. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.

6. Сердобинцева Е. Н. Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка // Известия ПгПу им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 396–401.

7. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Я. Сумм. – М.: Синдбад, 2016. – 520 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov Ju. I. Differenciacija i razvitie // Teorija razvitija: Differencionno-integracionnaja paradigm / Sost. N. I. Chuprikova. – M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. – S. 17–28. [in Russian]

2. Antonova I. S. O sootnoshenii ponjatij «jazykovoe soznanie» i «professional'noe jazykovoe soznanie» // Sociosfera. – 2010. – № 4. – S. 52–57. [in Russian]

3. Korovushkin V. P. Osnovy kontrastivnoj sociolektologii: Monogafija: V 2 ch. – Ch. 1. – Cherepovec: GOU VPO ChGU, 2005. – 245 s. [in Russian]

4. Myskin S. V. Professional'noe soznanie: jazykovoe i nejazykovoe / Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 12 (30). –Ch. 2. – S. 135–140. [in Russian]

5. Norman B. Ju. Teorija jazyka. Vvodnyj kurs. – M.: Flinta: Nauka, 2004. – 296 s. [in Russian]

6. Serdobinceva E. N. Professionalizmy v sisteme special'noj leksiki i sisteme nacional'nogo jazyka //Izvestija PgPu im. V. G. Belinskogo. – 2012 – № 27. – S. 396–401. [in Russian]

7. Harari Ju. N. Sapiens. Kratkaja istorija chelovechestva / per. s angl. Ja. Summ. – M.: Sindbad, 2016. – 520 s. [in Russian]

УДК 81.38

ЖАНР ПРОЩАНИЯ В РУССКОЙ МОНАШЕСКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Смолина Анджелла Николаевна

Сибирский федеральный университет, *Красноярск*, *Россия*,
angelic2009@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена функционированию жанра прощания в русской монашеской эпистолярной прозе. Языковые особенности прощания в духовных письмах монахов находятся в тесной связи с исихастским мировоззрением корреспондентов; в языке воплощаются идеи обожения, спасения, самоумаления. Смысловой план этих христианских идей создаётся с помощью использования православной лексики (слов, именующих Бога, называющих состояние духа и др.), этикетных формул, употребительных в наше время исключительно в церковно-религиозной сфере; интертекстуальных включений из Ветхого и Нового Заветов, молитв.

Ключевые слова: прощание; жанр; этикетная формула; монашеская литература; исихазм; православная лексика; интертекстуальные включения.

THE GENRE OF FAREWELL IN THE RUSSIAN MONASTIC EPISTOLARY CULTURE OF THE 20TH CENTURY: SUBSTANTIVE AND LINGUISTIC FEATURES

Smolina Andzhella Nikolaevna

Siberian Federal University, *Krasnoyarsk*, *Russia*

Abstract. The article is devoted to functioning of a genre of farewell in the Russian monastic epistolary prose. The author focuses on the assertion that the linguistic features of farewell in the spiritual letters of monks are in close connection with the hesychast worldview of the correspondents and the ideas of deification, salvation, self-control (and others) are embodied in the language. The author shows that the semantic plan of these Christian ideas is created through the use of orthodox vocabulary (the words that name the God, name the condition of the spirit, etc.); etiquette formulas, that are exclusively used in the church and religious sphere nowadays; intertextual inclusions from the Old and the New Testaments, prayers.

Keywords: farewell; genre; etiquette formula; monastic literature; hesychasm; orthodox vocabulary; intertextual inclusions.

Современная русская церковно-религиозная эпистолярная культура XX – начала XXI вв. сохраняет древнерусские и более поздние традиции XVIII–XIX вв. Весьма значимы с точки зрения влияния на духовную эписто-

лярную культуру общения XX – начала XXI в.в. письма Паисия Величковского, Макария Оптинского, Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, Амвросия Оптинского. Преемственность наблюдается как в сохранении многих этикетных речевых формул (приветствия, прощания, благопожелания, подписи и др.), так и в языковом оформлении в целом. Однако главным здесь становится следование тем христианским идеям, которые воплощались в эпистолярных текстах прошлого и определяли языковые особенности писем церковных писателей. К таким идеям, получающим развитие в духовных письмах и посланиях разных эпох, прежде всего, следует отнести идеи любви к Богу и ближним, идеи смирения и самоумаления человека. Идея любви к Богу как основополагающая проявляет себя более всего в том, что во всех значимых структурных частях письма обычно присутствуют именования Бога (*Бог*, *Господь*, *Иисус*, *Христос*) и родственные им слова. Во всех фрагментах текста, содержащих слова *Бог*, *Господь*, *Иисус*, *Христос*, отражаются искренняя вера и любовь автора к Богу, стремление следовать заповедям, надежда на помощь Бога, благодарность Богу и другие, подобные им, чувства, мысли и намерения.

Связь с литературным наследием прошлого проявляется также в том, что церковные писатели продолжают традиции христианского этического учения «о пути человека к единению с Богом» [7, с. 193], именуемого исихазмом, важные положения которого представлены в трудах Евагрия Понтийского (IV в.), Симеона Нового Богослова (X–XI вв.), Григория Паламы (XIV в.) и других богословов. Говоря об исихазме в его отношении к церковной литературе, важно отметить, что следование этому учению более всего наблюдается в произведениях монашествующих авторов, поскольку как духовно-практическое делание исихазм возникает в среде монашества [4]. Это учение развивается как в теоретическом, так и в практическом аспектах преимущественно монахами. Сама же практика исихазма в полной мере доступна верующим, ушедшим в монастырь. В этой связи не случайным становится выбор в качестве языкового материала для проведения данного исследования текстов писем русских монахов. Возможность показать неповторимость русской духовной эпистолярной культуры в большей степени дают именно письма монашествующих. Уникальность духовных эпистолярных текстов определяется, прежде всего, исихастской составляющей, которая в большей полноте предстаёт в творениях монахов, идущих по пути исихазма. Духовное наставничество как форма руководства учениками (на Руси и в России), воспитание в вере складывалась в монашеской среде. Духовными наставниками (их именуют старцами) преимущественно становились православные монахи. Такое руководство осуществлялось как через беседу и проповедь (если наставник и духовный ученик находились в одном монастыре) или через письма. Большая часть духовных писем, входящих в корпус русской церковно-религиозной эпистолярной литературы, принадлежит наставникам-монахам. В настоящее время русская монашеская литература как культурный феномен не исследована ни литературоведами, ни лингвистами.

Исихастские идеи об***о***жения, понимаемого как «уподобление по мере возможности Богу и единение с Ним» [3] и спасения, понимаемого как исцеление от греха, его последствий и обретение Царствия Божьего [6], как и уже названные идеи любви, смирения, самоумаления, несомненно, проявляют себя в частях писем, содержащих поучения и наставления. Однако в стандартных для всех частных писем компонентах эти идеи также присутствуют. Так, например, пожелание авторов спасения своим близким выражается в таких формулах приветствия: «*Спаси*, *Господи*», «*Спасайтесь о Господе*». Идея обожения воплощается в приветственных словах «*С нами Бог*», «*Господь с вами / тобою*», «*Да будет Господь с вами / тобою ныне и вовеки*!», «*Да будете с Господом*!», «*Христос посреди нас*!» В обращении идея обожения воплощается в формулах «*возлюбленный*(*-ая*) *о Господе*», «*честнейший*(*-ая*) *о Господе*», «*брат* (*сестра*) *о Господе*», «*досточтимый*(*-ая*) *о Христе*» и других. Любовь к Богу – в словах «*боголюбивый*(*-ая*)», «*боголюбивейший*(*-ая*)». В подписи адресанта идеи обожения и любви к Богу могут выражаться с помощью таких сочетаний, как «*Почитающий тебя собрат во Христе…*», «*Во Христе Боге брат…*», «*С любовью о Господе…*», «*С любовью во Христе…*», «*С любовью о Христе…*» *Идея самоумаления – в формулах* «*ваш* (*твой*) *убогий сомолитвенник…*», «*ваш* (*твой*) *недостойный сомолитвенник…*», «*ваш* (*твой*) *сомолитвенник многогрешный…*», «*грешнейший паче всех…*» и др.

Специфика прощания также определяется воплощением основных христианских идей в языке этого этикетного жанра. Вера в Бога, любовь к Богу, стремление к спасению души, молитве отражаются в лексике. К основным лексическим особенностям эпистолярного жанра следует отнести частое обращение авторов к православной лексике, а именно – единицам семантических полей «именования Бога», «именования Божьей Матери» (представлены словами *Господь*, *Бог*, *Христос*, *Богородица*, *Матерь Божия*, *Пречистая Матерь Дева Богородица*, *Царица Небесная*). Приведём пример из письма Иоанна (Крестьянкина): «*Решимость нужна и доверие Богу*. *Укрепи тебя Господь и умудри*». Из письма схиигумена Иоанна (Алексеева): «*Вот на твоё длинное письмо моё вышло маленькое*, *прости за краткость*. *<…> Храни вас Господь и Царица Небесная*». Из письма преподобноисповедницы Параскевы (Матиешиной): «*<…> до свидания*, *будьте здоровы и Богом хранимы*». Также писатели-монахи обращаются к единицам семантического поля «состояние духа», которые представлены словами *спасение*, *мир*, *молиться*, *молитесь*, *помолитесь*, *ростите*. В письме преподобного Никона Оптинского читаем: «*Укрепим себя на дальнейшее в надежде на милость и помощь Божию*. *Мир и спасение да будет с нами*». Схиархимандрит Андроник (Лукаш) пишет: «*Простите и помолитесь*. *Всегда помнящий вас ваш духовный отец…*». Важную коммуникативную роль играют и единицы семантического поля «помощь Бога», представленные словами *благословение*, *благословит*. Так, митрополит Иоанн (Снычев) в конце писем призывает Божие благословение, желая тем самым, прежде всего, духовного благополучия адресатам своих писем, а также их

близким: «*Да хранит тебя*, *твоего мужа и Ирину Господь*. *Божие благословение да пребудет на всех твоих делах*». Частотна такая форма прощания и в письмах епископа Афанасия (Сахарова): «*Господь да хранит Вас и всех Ваших близких и нашу общую заботницу тётю Женю*. *На всех призываю Божие благословение*». Встречается такая форма и в письмах епископа Григория (Лебедева): «*За всё*, *всё*, *идущее от Вас*, *примите мой поклон*. *Благословение Господа на Вас да будет нерушимо*».

Рассмотрим особенности функционирования этикетных формул прощания. Главное, о чем здесь следует сказать, – это о содержательной составляющей. Уникальность формул прощания в письмах авторов-монахов заключается в духовном наполнении. Тексты писем в целом и концовка, содержащая прощание, являются проповедью веры, духовным проводником. Содержательным центром жанра прощания в церковно-религиозных эпистолярных текстах преимущественно становятся чувства к Богу, мысли о Боге или Божией Матери. Этикетные формулы, используемые писателями-монахами при прощании, разнообразны по типам. Наиболее частотны формулы, содержательно представляющие собой благопожелание: «*Храни вас / тебя Господь*», «*Да хранит и укрепит вас / тебя Господь*», «*Господь да благословит вас / тебя*», «*Да поможет вам / тебе Господь*», «*Господь в помощь*» и др. Достаточно часто встречаются формулы, представляющие собой призыв к адресату: «*Спасайся / спасайтесь*», «*Спасайся / спасайтесь о Господе*», «*Пребудьте всегда со Христом*», «*Пребудьте в любящих руках Христа*». Епископ Григорий (Лебедев) одно из писем завершает так: «*Да благословит Вас Господь в искании и поможет в выборе*! *<…> Пребудьте всегда со Христом*». Игумен Никон (Воробьёв) прощается: «*Самооправдание и фарисейство ведут на дно адово*. *Спасайся*!» Как формулы прощания используются и устойчивые выражения, совмещающие в себе прославление Бога и благодарность Ему: «*Слава Богу*», «*Слава Богу за всё*». Часто подобное окончание письма встречается в письмах преподобного Никона Оптинского: «*Погода стоит тёплая*, *сухая*, *несколько дней было даже весьма жарко*. *Слава Богу за всё*». Еще одна форма прощания с адресантом письма – это просьба о прощении. Обычно она однословная: *прости*(*те*). Хотя форма прощания может быть и частью более крупной единицы, например, как в одном из писем игумена Никона (Воробьёва): «*Простите меня за огорчение*. *Недостойный Н*.» Просьба о прощении в духовных письмах связана с осознанием церковными писателями греховной природы человека, отречением от грехов, их искоренением, с покаянием перед Богом и людьми и самоумалением. Отношение к себе как к существу греховному [вспомним Евангелие от Иоанна: «*кто из вас без греха*, *первый брось на нее камень*» (Ин. 8:7)], пребывание в молитве и борьбе с грехом, стремление к стяжанию добродетелей скромности, смирения, кротости определяет покаянное состояние авторов, выражающееся в просьбах о прощении и формулах подписи адресанта (*грешный*, *многогрешный*, *недостойный* и др.). Формула *прости*(*те*), используемая в концовке письма (при прощании), соотносится с формулой

прощай(*те*). В «Словаре русского речевого этикета» А. Г. Балакая о формулах «*прости*(*те*), «*прости*(*те*) *меня Христа* (*Господа*) *ради*» говорится: «То же, что прощай(те) [От обычая при расставании просить прощения друг у друга. <…> “Прости(те)” – изначально просьба сделать “простым”, т. е. освободить от вины, греха] [1]. Однако, рассматривая функционирование данной формулы в церковно-религиозной эпистолярной прозе, важно подчеркнуть, что её использование – это не простое проявление вежливости; слово *простите* – и единица речевого этикета, служащая для размыкания контакта, и значимый смысловой компонент. В его использовании мы видим проявление одной из главных христианских добродетелей – смирения. Также данная формула выполняет дидактическую функцию: обращаясь с просьбой о прощении, наставник учит и своих духовных детей покаянию, смирению, осознанию греховности. Еще один тип прощания – просьба о молитве; значение этого типа прощания связано, прежде всего, с тем, что молитва занимает центральное место в исихастской практике, имеет исключительную важность для монаха. И. Ф. Мейендорф об этом писал: «Не исключая внешних правил, жизнь монаха-исихаста определялась внутренней молитвой, “умным деланием”, стремлением к личному “обожению” как началу преображения других людей и всего мира» [5, с. 292]. Поскольку рассматриваемые нами тексты написаны писателями-монахами, следует сказать, что в частой встречаемости прощаний, содержащих в себе просьбы молиться, видится отражение религиозного мировоззрения человека, достигающего духовного совершенствования с помощью молитвы и ведущего по этому пути своих учеников. Приведём примеры использования этикетных формул прощания такого типа из писем игумена Никона (Воробьёва): «*Прошу ваших св. молитв*»; «*Молись*, *всегда старайся иметь Бога пред собою*»; «*Молись всегда за Сергея*, *чтобы Господь не допустил его до погибели*»; «*Я болен. <…> Помолись за меня*». Из писем Афанасия (Сахарова): «*Поминаю всех вас и прошу взаимных молитв*»; «*Желаю здоровья. Прошу Ваших святых молитв*».

Специфическая формула прощания, о которой скажем в рамках данной работы, – формула *Аминь*, означающая «несомненно», «воистину», «бесспорно» [2], маркирует духовное письмо и включаемый в него речевой жанр прощания. Это «наречие, производное от древнееврейского корня, содержащего представление о твёрдости, верности» [2] в концовке духовного письма используется, в том числе, и для того, чтобы подчеркнуть верность сказанного. В предшествующем контексте при этом чаще всего мы видим духовный совет, благопожелание, обращение к Богу. Так, например, в письме схиигумена Иоанна (Алексеева) формуле *Аминь* предшествует совет исполнять заповеди Евангелия: «*Справедливее всего идти общим путем – исполнением заповедей Христовых. Аминь*». В письме преподобного Никона Оптинского – совет молиться, удаляться от греха, предаться воле Божьей: «*Молись Богу о удалении от тебя напасти и вместе отрекайся своей воли*, *как воли греховной*, *воли слепой*; *предавай себя*, *свою душу и тело*, *свои обстоятельства и настоящие и*

будущие <…> воле Божией, *всесвятой и премудрой*. *Аминь*». В письме Игумена Никона (Воробьёва) слову *аминь* предшествует пожелание Божьей помощи: «*Да поможет вам Господь до конца донести посланные вам кресты*. *Аминь*». У схиархимандрита Серафима Глинского (Романцова) встречается молитвенное обращение к Богу о даровании добродетелей: «*Подаждь нам*, *Господи*, *покаяние истинное и смирение нелицемерное*, *и воздержание*, *и подвизание благоразумное*, *дух сокрушен и трезвение сердечное*. *Аминь*».

Еще одна важная особенность функционирования жанра прощания в духовных письмах – использование интертекстуальных включений в качестве этикетных формул прощания. Мы встречаем текстовые фрагменты из Ветхого и Нового Заветов, молитв, творений святых. Например, в письме архимандрита Софрония (Сахарова) в самом финале письма звучат слова «*Да будет благословенно имя Господне*», обращающие адресата к ветхозаветной книге пророка Даниила, главе II, стиху 20: «*И сказал Даниил*: *да будет благословенно имя Господа от века и до века*!» В письме игумена Никона (Воробьёва) прощальной становится фраза: «*Доколе буду с вами*, *доколе терплю вас*, *– помни эти слова Спасителя*». В синодальном переводе Евангелия от Матфея (Мф. 17: 17), фрагмент которого представлен в приведённом отрывке, читаем: «*Иисус же*, *отвечая*, *сказал*: *о*, *род неверный и развращённый*! *доколе буду с вами*? *доколе буду терпеть вас*?» Письмо святителя Макария (Невского) заканчивается молитвенным текстом: «*Сами себя*, *друг друга и всю жизнь нашу предадим Господу*». Эта реминисценция обращает адресата к прошению из Великой ектении: «*Пресвятую*, *Пречистую*, *Преблагословенную*, *Славную Владычицу Нашу Богородицу*, *и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувши сами себя*, *и друг друга*, *и весь живот наш Христу Богу предадим*». Поскольку ектении звучат во время богослужения, их включение в текст может способствовать возникновению у читателя воспоминаний о Храме, церковной службе, что важно с точки зрения дидактических целей духовного письма. Одна из основных функций интертекстуальных включений – аргументативная. Используя реминисценции или цитирование при прощании, авторы обычно подтверждают верность своих суждений по тем вопросам православной веры, о которых шла речь в письме. Однако здесь важно сказать, что интертекстуальные включения по большей части используются и как фигуры: они усиливают выразительность текста, участвуют в создании орнаментальности. Приведём пример прощания из письма игумена Никона (Воробьёва): «*Да поможет Вам Господь во всем добром*, *да вразумит*, *укрепит*, *утвердит “на камени заповедей Своих” и приведёт ко спасению и радости на веки веков*». В этом примере орнаментальный рисунок создаётся с помощью перечисления, полисиндетона, гомеотелевтона (повторения финальных частей слов) и фигуры интертекста – фрагмента из Песни третьей Великого канона святого Андрея Критского. В каноне читаем: «*На недвижимом*, *Христе*, *камене заповедей Твоих*, *утверди моё помышление*». Выражение экспрессии через общее с адресатом письма воспоминание о значимом христианском тексте, читаемом во

время Великого поста каноне, способствует диалогизации, сближению автора-наставника и читателя-ученика, что важно для переписки. Говоря об интертекстуальных включениях в целом, подчеркнём, что они и указывают читателю на важные христианские тексты, и направляют по тому пути духовного и нравственного совершенствования, который человек проходит под руководством своего наставника, и становятся средством эстетического воздействия.

Неповторимость русской монашеской литературы (если смотреть шире, то церковной литературы в целом) можно увидеть и при обращении к жанрам, функционирующим исключительно в церковно-религиозной сфере (например, келейные записки, проповедь), и при обращении к жанрам, встречающимся также и в иных сферах. Например, наблюдение за функционированием в церковно-религиозной сфере частного письма – жанра письменной разговорной речи – показывает, что и содержание, и язык жанра весьма специфичны. Это позволяет выделить субжанр частного письма – духовное письмо. Наблюдение за функционированием таких этикетных жанров, как просьба и совет, также даёт основание говорить об особенностях их реализации в церковно-религиозной сфере. Воплощение этикетного жанра прощания в монашеской эпистолярной прозе тоже своеобразно. Основные особенности содержания заключаются в присутствии исихастских идей спасения и обожения. Исихазм проявляет себя в языке в частом обращении к православной лексике (особенно к именованиям Бога), использовании интертекстуальных включений из значимых произведений христианской культуры, этикетных формул, характерных (в наши дни) исключительно для общения в церковно-религиозной среде («*Господь да благословит вас / тебя*», «*Спасайся / спасайтесь о Господе*», «*Аминь*» и др.). На примере функционирования одного жанра в русской монашеской литературе мы можем увидеть, что письменная культура русского монашества – это особое явление, изучение которого открывает филологам и культурологам широкие перспективы исследования взаимодействия языка и религии, христианского мировоззрения, русской культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: ок. 6000 этикетных слов и выражений. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 767 с.

2. Богословско-литургический словарь [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/bogoslovsko-liturgicheskij-slovar/35 (дата обращения: 14.02.2017).

3. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/o-tserkovnoj-ierarkhii/ (дата обращения: 14.02.2017).

4. Лепахин В. В. Исихазм: содержание понятия и его границы [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/isixazm-soderzhanie-ponyatiya-i-ego-granicy (дата обращения: 14.02.2017).

5. Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. XXIX. – Л., 1974. – С. 291–305.

6. Новоселов М. А. Спасение и вера по православному учению [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Novoselov/spasenie-i-vera-po-pravoslavnomu-ucheniju/1 (дата обращения: 14.02.2017).

7. Русская философия: словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. – М.: Республика, 1995. – 655 с.

REFERENCES

1. Balakaj A. G. Slovar' russkogo rechevogo jetiketa: ok. 6000 jetiketnyh slov i vyrazhenij. – M.: Astrel': AST: Hranitel', 2007. – 767 s. [in Russian]

2. Bogoslovsko-liturgicheskij slovar' [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/bogoslovsko-liturgicheskij-slovar/35 (data obrashhenija: 14.02.2017). [in Russian]

3. Dionisij Areopagit. O cerkovnoj ierarhii [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://azbyka.ru/ otechnik/Dionisij_Areopagit/o-tserkovnoj-ierarkhii/ (data obrashhenija: 14.02.2017). [in Russian]

4. Lepahin V. V. Isihazm: soderzhanie ponjatija i ego granicy [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://azbyka.ru/isixazm-soderzhanie-ponyatiya-i-ego-granicy (data obrashhenija: 14.02.2017).

5. Mejendorf I. F. O vizantijskom isihazme i ego roli v kul'turnom i istoricheskom razvitii Vostochnoj Evropy v XIV veke // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – T. XXIX. – L., 1974. – S. 291–305. [in Russian]

6. Novoselov M. A. Spasenie i vera po pravoslavnomu ucheniju [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Novoselov/spasenie-i-vera-po-pravoslavnomu-ucheniju/1 (data obrashhenija: 14.02.2017). [in Russian]

7. Russkaja filosofija: slovar' / Pod obshh. red. M. A. Maslina. – M.: Respublika, 1995. – 655 s. [in Russian]

УДК 81.42

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БАЗОВЫХ КОМПОНЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ ОТЕЛЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АРТУРА ХЕЙЛИ «ОТЕЛЬ»)

Чернова Ирина Валериевна

Кубанский государственный университет, *Краснодар*, *Россия*,
irochka.chernova00@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу смыслообразующих компонентов понятия *отель* в романе Артура Хейли «Отель». Исследование индивидуально-авторского восприятия и отношения к действительности позволит сформировать целостное представление о поэтической концепции автора, выявить и описать ключевые принципы создания художественного мира автора.

Ключевые слова: концептуализация; концептуализированное понятие; оценочная номинация.

CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE BASIC COMPONENTS OF THE NOTION “HOTEL” (BASED ON THE NOVEL "HOTEL" BY ARTHUR HAILEY)

Chernova Irina Valerievna

Kuban State University, *Krasnodar*, *Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main components of the notion “hotel” in A. Hailey’s novel “Hotel”. The study of the author’s perception and attitude towards the reality allows us to form a holistic understanding of the author’s poetic conception, clarify and describe the key principles of the author’s literary world.

Keywords: conceptualization; conceptualized notion; evaluative nomination.

В данной статье нами выделяются смыслообразующие компоненты концептуализированного понятия *отель* в романе Артура Хейли «Отель», анализ которых способствует более глубокому и полному пониманию специфики индивидуально-авторской картины мира. Вслед за Н. Н. Болдыревым, под концептуализацией мы понимаем «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов (т. е. фиксированных в сознании человека смыслов)» [1, с. 22]. По мнению В. А. Новосельцевой, концептуализация – это появление у единиц различного уровня, от слова до текста с его категориальными признаками, семантических приращений объективных, развивающих значения слова, представленного в словаре, и субъективных, ассоциативно связанных с объективными приращениями [3]. Согласно И. Я. Чернухиной, художественный текст – это «эстетическое средство опосредованной коммуникации, цель которой есть изобразительно-выразительное раскрытие темы, представленное в единстве формы и содержания и состоящее из речевых единиц, выполняющих коммуникативную функцию» [5, с. 24]. Концептуализация мира в художественном тексте интерпретируется нами как процесс преломления в сознании автора окружающего его мира, существующих в последнем объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними. Исследование концептуальных признаков понятия *отель* показало, что для описания отеля используются лексемы, характеризующие такие его параметры, как размер, архитектура, свойства конфигурации, возраст.

Уоррен Трент, владелец отеля, видит в «Сент-Грегори» возвышающееся над городом монументальное строение, олицетворяющее величие его священной империи, его философии: «*He had seen it grow from insignificance to prominence*, *from a modest initial building to a tower in edifice occupying most of acuity block*» («*На его глазах заурядная гостиница превратилась в знаменитый отель*, *из скромного здания она выросла в величественное строение*, *похожее башню*, *занимавшую почти целый квартал*»).

Лексема *edifice* (*a large impressive building such as palace or a church*) [7, с. 450] – *величественное сооружение* – воплощает представление автора о том, как должен выглядеть храм гостеприимства. Архитектура отеля напоминает архитектуру дворца или церкви, а внутренние помещения настолько велики и многочисленны, что для осваивания каждого уголка можно организовывать настоящие научно-исследовательские экспедиции: «*Soon after his arrival at the St. Gregory, Peter set out to learn the geography and workings of the hotel, even to its remotest parts. In the course of one expedition he discovered the incinerator*» («*Питер решил познакомиться с "географией" отеля и работой всех служб, вплоть до самых незначительных. В одно из своих очередных путешествий по отелю он и обнаружил мусоросжигательную печь*»).

Так, лексика, связанная с исследовательской деятельностью, путешествиями и географическими открытиями, помогает нам оценить не только размеры отеля, но и представить размах деятельности гостиничного предприятия, объём выполняемых им функций, которые необходимы для обеспечения качественного обслуживания гостей.

Содержание исследуемого понятия дополняют именования гостиничных номеров (*executive suite – номер высшей категории для руководства отелем*, *presidential suite – президентский люкс*, *owner's private suite – личный номер-люкс руководителя отеля*, *them an aging director's suite – офис / номер-люкс управляющего директора*, *apartments – апартаменты*). Описанию апартаментов автор уделяет особое внимание, тщательно прорисовывая самые роскошные из них. Практически все номера, упомянутые в романе, – это номера категории люкс (а *suite in a hotel or other public accommodation denotes a class of luxury accommodations, the key feature of which is multiple rooms*), состоящие из трёх и более жилых комнат (гостиной / столовой, кабинета и спальни) и предназначенные для размещения состоятельных клиентов. Данный факт подтверждает высокий статус отеля, его ориентацию на определённую клиентскую группу – влиятельных людей, чьё положение в обществе требует высококлассного приёма и обслуживания. Размеры номеров, их техническая оснащённость и богатство интерьера создают образ роскошного отеля, где созданы все условия для комфортного проживания постояльцев. Практически все номера в этом отеле – номера высшей категории, выполненные в стиле изысканной роскоши, служащей неотъемлемой частью великосветского общества, почётные представители которого проживают в отеле.

Образ отеля ярко представлен в романе в виде авторских метафор и сравнений. Так, Артур Хейли видит в отеле *ветерана боевых действий – like a veteran combat soldier*, который вдыхает в бездушное здание жизнь, заставляя читателя думать о нём как о человеке, ветеране, отдающем свою жизнь во благо других людей. Персонифицируя отель, автор наделяет его свойствами человека, даёт оценку его физическому состоянию, служащему основой для создания живого образа отеля.

Проведенный анализ позволил нам изобразить отель в виде схемы, согласно которой он представляет собой не только материальный объект, но нечто

нематериальное, важную часть жизни людей, проживающих и работающих в нем:

Индивидуально-авторское отношение к служащим отеля выражается в романе при помощи эстетической и интеллектуальной оценки. Портретные номинации человека формируются на основе зрительного восприятия как главного способа эстетического восприятия. В художественном произведении словесный портрет призван выполнять сразу две значимые и неотделимые друг от друга функции: визуального изображения и психологической характеристики [2].

В номинации внешнего облика старшего посыльного отеля автор использует прилагательное *sleazy* [*adj*. *defog* cheap, dirty, poor-looking, and often suggest in immorality; unpleasant and morally wrong, often in a way that relates to sex] [8, с. 1305], рисуя портрет непривлекательного, мерзкого человека, который к тому же пренебрегает как общепринятыми моральными принципами, так и теми правилами, которые существуют в отеле: «*What ought to be done*, *he knew*, *was immediated is missal of the* ***sleazy bell captain***, *which would be like purging the hotel of a nunclean spirit*» («*Что действительно необходимо предпринять*, *так это незамедлительно избавиться от этого слизняка – старшего посыльного – что будет сравнимо изгнанию нечистого духа из отеля*»).

Имя *sleazy* устойчиво ассоциируются не только с внешностью героя, но и с его действиями, поступками, поведением, внутренним миром в целом. Словарная помета *derogatory* (пренебрежительно) подчёркивает негативное отношение автора к личности старшего посыльного, дополняя характеристику внешнего и внутреннего мира человека, который не только неопрятен и неприятен внешне, но и обладает скверной душонкой и скользким нравом.

В ходе исследования мы установили, что семантической основой для образования оценочных номинаций лица также служат метафорические выражения (*plain as a cement block wall – уныла // непривлекательная*, *как цементная стена*, *lean cadaverous figure – худой*, *мертвенно-бледный человек*), которые, не называя человека напрямую некрасивым или изможденным, формируют в сознании читателя гораздо более точное и эмоциональное представление о его внешности.

Характеристики интеллектуального потенциала служащих отеля, их умственных способностей и особенностей мыслительной деятельности содержат в своём составе лексемы *mind* и *to think*, приобретающие в контексте произведения приращённые значения, связанные с *профессиональным чутьем* и *рассудительностью*. Характеристика интеллектуальных способностей главного

бухгалтера осуществляется с помощью эпитетов *shrewd* (проницательный), *encyclopedic* (энциклопедический) и существительного *mind* (ум, интеллект). Как мы видим, выражение *shrewd encyclopedic mind* (*проницательный энциклопедический ум*) используется для положительной оценки интеллектуальных способностей человека. Наряду с основным значением *природный ум*, существительное *mind* приобретает в контексте романа Хейли новое значение: профессиональные навыки, профессиональный интеллект.

При характеристике гостей автору важно обращение к эмоциональной стороне изучения личности, а потому Хейли акцентирует вербальные и невербальные средства религиозной коммуникации (*ритуальный акт*, *молитву*), а также невербальные средства выражения эмоций (*мимику*, *жесты*, *цвет лица* и др.), отражающие индивидуально-авторскую оценку эмоциональной сферы личности героев – гостей отеля. Участником религиозной коммуникации в нашем исследовании является отельный магнат Кэртис О'Киф, основным нравственным качеством личности которого является чрезвычайная набожность: «*Curtis O'Keefe*, *he remembered*, *was not ably devout times*, *some said*, *to the point of ostentation"* (*Но тут он вдруг вспомнил одно обстоятельство. Ведь Кэртис О'Киф – человек чрезвычайно набожный*, *порой даже слишком*»).

Лексема *devout* (*набожный*) характеризует отельного магната как человека, глубоко погружённого в религию, верящего в Бога настолько сильно, что эта вера в его случае оказывается на грани хвастовства. Существительное *ostentation* (хвастовство) выступает в данном контексте словом-интенсификатором, иллюстрирующим то, как легко можно стереть грань между праведностью и богохульством, искренней верой в Бога и потребительским светским отношением к нормам религиозного ритуала. Словарная помета *derogatory* в определении слова *ostentation* указывает на то, что автор даёт отрицательную оценку поведению героя, намеренно стремящемуся выставлять напоказ свою религиозность.

В ходе исследования мы установили, что основными невербальными средствами выражения эмоционального состояния героев – гостей отеля в романе Хейли выступают *мимические жесты* (*TheDuke's face was white*; *two high points of color appeared in the paleness of the Duchess of Croydon's cheeks*; *two spots of color appeared on the Duchess of Croydon's cheeks*), *движения рук* (*his hands trembled*; *his hands clenched*), *телодвижения* (*springing to her feet*) и *жесты*, *связанные с изменением тембра и тональности голоса* (*his voice choked*; *her voice was a whiplash*). Все жесты, отражающие состояния гнева, страха, тревоги, отчаяния, порывисты, резки, даже болезненны; их основная задача – передать эмоциональное состояние героев в моменты высшего духовного напряжения. Крик, движения рук, положение тела героев становятся будто бы физически ощутимыми для самого читателя (*There was a* ***trace of hysteria in*** *theDuke of Croydon's* ***voice***. *She* (*the Duchess*) *put a hand to her forehead in a gesture of despair*. *Wearily*, *in a gesture of surrender*, *the Duchess of Croydon sank back into her chair*). Жесты словно выходят за пределы возможного для чело-

веческого организма, принимая на себя основную функцию речи – передачу информации, но посредством языка тела.

По мнению Е. Г. Самарской, художественный текст представляет собой четыре своеобразных диалога, каждый из которых выполняет определённую роль. Это, во-первых, диалог между писателем и той аудиторией, к которой он обращается и кому адресует своё произведение. Во-вторых, это диалог тех личностей, которые представлены в самом тексте, то есть героев самого произведения. В-третьих, это диалог между автором и его героями. И, наконец, это диалог между героями текста и читательской аудиторией. Каждый диалог не существует сам по себе, а является частью целого комплекса отношений, на которых базируется коммуникативная цепочка «автор (писатель) – текст (художественное произведение) – реципиент (читательская аудитория)» [4, с. 24]. Следовательно, об акте художественной коммуникации можно говорить «как о процессе многовекторном, происходящем одновременно на нескольких уровнях структуры произведения» [6, с. 13].

Итак. Путём подбора и сочетания различных индивидуальных черт и свойств в жизни и деятельности своих персонажей Артур Хейли выделяет и развивает те стороны их характеров, которые представляются ему наиболее существенными, и выражает вместе с тем через это сочетание индивидуальных подробностей соответствующую эмоциональную оценку героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. О функционально-семиологическом подходе к анализу языковых единиц // Когнитивная лингвистика: Современное состояние и перспективы развития. Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998 г. – В 2 ч. – Ч. I. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1998. – С. 116–19.

2. Гурович Н. М. Портрет персонажа в структуре эпического произведения: гротескный и «классический» типы: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2009. – 25 с.

3. Новосельцева В. А. Концептуализация времени в русской фразеологии и художественных текстах (на материале произведений 40-80-х гг. XIX века): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Краснодар, 2005. – 24 с.

4. Самарская Е. Г. Автобиографическое представление как репрезентант личности персонажа в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2008. – 137 с.

5. Чернухина И. Я. Элементы организации художественного текста. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 240 с.

6. Шуников В. Л. «Я» – повествование в современной отечественной прозе: принципы организации и коммуникативные стратегии: Дис.... канд. филол. наук. – М., 2006. – 195 с.

7. ALED – Advanced Learner’s English Dictionary. Great Britain: HarperCollins Publishers, 2003. – 1712 p.

8. LDELC – Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 2005. – 1620 p.

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. O funkcional'no-semiologicheskom podhode k analizu jazykovyh edinic // Kognitivnaja lingvistika: Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija. Materialy Pervoj mezhdunarodnoj shkoly-seminara po kognitivnoj lingvistike, 26-30 maja 1998 g. – V 2 ch. – Ch. I. – Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 1998. – S. 116–19. [in Russian]

2. Gurovich N. M. Portret personazha v strukture jepicheskogo proizvedenija: grotesknyj i «klassicheskij» tipy: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – M., 2009. – 25 s. [in Russian]

3. Novosel'ceva V. A. Konceptualizacija vremeni v russkoj frazeologii i hudozhestvennyh tekstah (na materiale proizvedenij 40-80-h gg. XIX veka): Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Krasnodar, 2005. – 24 s. [in Russian]

4. Samarskaja E. G. Avtobiograficheskoe predstavlenie kak reprezentant lichnosti personazha v hudozhestvennom tekste: Dis.... kand. filol. nauk. – Krasnodar, 2008. – 137 s. [in Russian]

5. Chernuhina I. Ja. Jelementy organizacii hudozhestvennogo teksta. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1986. – 240 s. [in Russian]

6. Shunikov V. L. «Ja» – povestvovanie v sovremennoj otechestvennoj proze: principy organizacii i kommunikativnye strategii: Dis.... kand. filol. nauk. – M., 2006. – 195 s. [in Russian]

7. ALED – Advanced Learner's English Dictionary. Great Britain: HarperCollins Publishers, 2003. – 1712 p.

8. LDELC – Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 2005. – 1620 p.

УДК 82-31

«ПОСТОРОННИЙ» КАМЮ В АСПЕКТЕ ПРАГМАТИКИ

Чурляева Татьяна Николаевна

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, *Россия*, *churlaeva@ngs.ru*

Аннотация. В статье представлен прагматический аспект анализа повести А. Камю «Посторонний», вероятность которого заложена в самой стратегии текста. Автор доклада проводит мысль о том, что Камю сознательно избирает подобную повествовательную стратегию с тем, чтобы спровоцировать читателя на выстраивание собственной парадигмы понимания. Представленный в основной части статьи опыт такого чтения / понимания является своеобразным откликанием на провокацию Камю.

Ключевые слова. Камю; прагматическое значение; сюжетная структура; нарративная позиция.

«STRANGER» CAMUS IN THE ASPECT OF PRAGMATICS

Churlyaeva Tatiana Nikolaevna

Novosibirsk state technical University, *Novosibirsk*, *Russia*

Abstract. The article presents the pragmatic aspect of the analysis of the novel by A. Camus "the Stranger", the probability of which is inherent in the strategy text. The author of the report holds the idea that Camus deliberately chooses this narrative strategy, in order to provoke the reader into forming their own paradigm of understanding. Presented in the main part of the article the experience of the reading/understanding is a kind of response to the provocation Camus.

Keywords: Camus; pragmatic meaning; narrative structure; narrative position.

Напомним фабулу повести А. Камю «Посторонний» (1940). В ней две главы, основным нарратором является герой, ведущий повествование от первого лица. Первая глава завершается рассказом об убийстве, вторая глава посвящена судебному разбирательству и назначению наказания преступнику.

История убийства и наказания, передоверенная А. Камю рассказчику, становится ещё более семантически насыщенной, если рассматривать её на уровне прагматических значений. Камю-автор намеренно актуализирует в сюжетно-композиционной структуре нарратива прагматический аспект. Разбираемое судом дело убийцы Мерсо лишается денотата, через который могло бы быть интерпретировано; никого на суде не интересует жертва убийства – алжирский араб. Сначала следователь, а потом и прокурор выстраивают обвинение на материале, непосредственно с убийством не связанного (отправка матери в дом призрения, похороны матери, связь с Мари сразу после похорон, знакомство с соседом-сутенером и пр.). Между конкретным убийством и совершившем это убийство связь утрачена настолько, что самому обвиняемому Мерсо кажется, что судят не его, а кого-то другого, а сам он лишь зритель какого-то «чудного» ритуала, разыгрываемого правосудием. Таким образом, в повести остаётся и доводится до максимальной степени выраженности то значение, которое определяется реакцией на преступление других участников судебного разбирательства и самого Мерсо-рассказчика, созерцающего себя словно Другого. Его нарративное «Я» распадается на «Я-рассказчика» и «Я-воспринимающего».

Делая Мерсо рассказчиком, Камю вовсе не предлагает его в качестве аксиологического центра повести, не делает его главным героем. Речь рассказчика намеренно беспристрастна, в ней лишь фиксация «фактов». Рассказчик Мерсо – лишь субъект синхронного наблюдения, обеспечивающий своего рода синхронный репортаж с места событий. Организованный таким образом нарратив позволяет обнаружить: 1) «гражданское» равенство всех участников судебного разбирательства, их тождественность себе и другому и тем самым их внутреннюю несвободу, зависимость от внешних императивов, задающих парадигмы ритуального поведения; 2) непроницаемость всякого другого «не-я»,

которое нельзя постичь, но можно ничего не значащими словами очертить форму, которая впоследствии может быть заполнена так или иначе понимаемым уже самим читателем содержанием. Роль потенциально понимающего отводится именно читателю как свободной в отношении к себе индивидуальности, над которой не довлеет общая чужая мерка. Камю оставляет для читателя право быть свободным в выборе собственного личностно обусловленного понимания причин и следствий преступления.

Роль постороннего наблюдателя за процессом суда позволяет рассказчику увидеть театрализованность и фарсовость судебного действа: «*Получалось как-то так*, *что моё дело разбирают помимо меня*. *Всё происходило без моего участия*. *Решалась моя судьба – и никто не спрашивал*, *что я об этом думаю*» [2, с. 65]. С этой точки зрения, для Камю важно показать сдвиг морали в вопросе правосудия и общественных институций как ригористически окостеневающих принципов, выхолощенность и ритуальность общественной морали, мёртво и неподвижно замыкающихся в себе.

Преступление Мерсо становится для суда и общественности значительным и исключительным событием, нарушившим установленный ритм и ритуал традиционного, замкнутого в себе общества. В силу чего происшествие для окружающих может быть проинтерпретировано сугубо в категориях противопоставления повседневного – исключительно событийному: преступник не раскаивается в содеянном, не просит о пощаде, более того, отказывается от каких-либо объяснений своего преступления, кроме тех, которые суд не принимает во внимание: «<…> *всё вышло из-за солнца*». Прокурор пытается своими вопросами и обвинительными речами раскрыть целеполагание поступка Мерсо, т. к. причины преступления ему вполне понятны, и эти причины свидетельствуют об убийце как об изверге, совершившем убийство намеренно. Показания свидетелей суд трактует только как доказывающие преднамеренный характер убийства. Так, показания одного из свидетелей, Селеста, свидетельствующего о том, что преступление Мерсо – это *несчастье*: «*Всякий знает*, *что такое несчастье*. *Так вот*, *я считаю*, *это было несчастье*», прокурор парирует безапелляционным выводом: « <…> *мы здесь для того и находимся*, *чтобы судить такого рода несчастья*» [2, с. 62]. Факты из биографии Мерсо ригористически обыгрываются прокурором, в результате чего свидетельские показания превращаются в обвинительные. Суть показаний Мари, в интерпретации прокурора, рассматриваются «от противного»: только «<…> *посторонний человек мог предложить кофе*, *а вот сын у бездыханного тела той*, *которая дала ему жизнь*, *должен быть от этого кофе отказаться*» [2, с. 60–61]; «<…> *на другой день после смерти матери этот человек едет на пляж купаться*, *заводит любовницу и идёт в кино на развеселую комедию*» [2, с. 63]; «*Вот человек*, *который на завтра после смерти родной матери предавался постыдному распутству*, *и этот же самый человек по ничтожному поводу*, *лишь бы покончить с грязной*, *безнравственной сварой*, *совершил убийство*» [2, с. 64].

Общество, судящее Мерсо, объявляет себя призванным к тому, чтобы охранять добродетельный «основополагающий» порядок, источником которо-

го является высших Порядок, Бог, изливающий свет с высоты неба. Источником же злодеяний Мерсо становится безверие, пустота, отпадение от Бога, которое и вменяется ему в вину как самое гнусное преступление. Для прокурора убийство – это закономерный этап окончательного падения «преступной души», отпавшей от мира добра, *убийство с заранее обдуманным намерением* кровожадного изверга. Его судят за попрание *нравственных принципов*, *ограждающих человеческое сердце от порока*. Суд, по мнению прокурора, должен вынести Мерсо суровое наказание «*<…> ибо пустыня*, *которая открывается <…> в сердце этого человека*, *грозит развернуться пропастью и поглотить всё*, *на чём зиждется наше общество*». Мерсо – эволюционное «преддверие», подготовительная ступень бунта против мира людей, неукоснительно соблюдающих высший порядок, поэтому его «*соразмерно этой вине надлежит покарать*» [2, с. 67].

По мнению прокурора, совсем не случаен тот факт, что после Мерсо суд будет рассматривать «*дело о гнуснейшем из злодеяний – убийстве родного отца*», в котором Мерсо, согласно риторике прокурора, также виновен, «*ибо первый открывает путь деяниям второго*, *в известном смысле предвещает их и узаконивает*» [2, с. 68], Убийство отца переводится в глобальную метафору убийства Бога. Тема отцеборчества соотносится с темой богоборчества, т. е. с противопоставлением Бога человеку. Не случайно Мерсо в повести получает второе имя – Антихрист.

Рассказчик занимает позицию беспристрастного повествователя, лишь констатирующего, описывающего события, о чём свидетельствует протокольный, лишённый какой-либо художественной образности язык. «Я» – нарратор лишь обозначает события и участников, вовлечённых в действие. Повествование отчасти может быть соотнесено с приёмом сменой кадра. Большая часть событий относится к фиксации внешнего для нарратора мира, а сама речевая ситуация никак не связана с ситуацией изображающей речи, т. к. речь рассказчика могла бы исходить от любого носителя сознания. Рассказчик обозначает только некое положение дел: «*Он посмотрел*» // «*Он заглянул*» // «*Он перебил*» // «*Он сказал*». Рассказчик выступает как наблюдатель, в сознании которого осуществляется самая необходимая мыслительная деятельность, как-то: приписывание какого-либо признака предмету рассказывания: «*Он посмотрел ясными глазами*»; «*Потом пожал руку и долго не отпускал*»; «*Внутри очень светло*, *стены выбелены известкой*, *крыша стеклянная*». Есть только выражение объективной действительности: информация о ситуации и её первичное осмысление. Нет оценки, выражения чувств или воли, нет выраженного отношения к рассказываемому. Но в такой наррации нет ничего, что отвлекало бы читателя от собственно истории убийства, выявления истинных причин, заставивших Мерсо нажать на курок, а затем еще выпустить в уже мёртвого араба четыре пули. Думается, что именно это значение и должно быть актуализированным в сознании читателя.

С другой стороны, подобный характер повествования может свидетельствовать и о самом субъекте рассказывания, как о личности, не способной к

самостоятельному выстраиванию причинно-следственной логики излагаемых им событий. По собственному признанию Мерсо, он «*отвык разбираться в своих чувствах*». По глубокому наблюдению С. Великовского, «<…> подробности, попавшие в поле зрения рассказчика, <…> бесследно пропадают в пустоте. <…> Память не делает усилий организовать их, увязать разрозненные сиюминутные фрагменты во временную психологическую, рациональную или любую иную протяжённость, в картину» [1, с. 430]. Рассказчик бессилен не только связывать между собой фрагменты действительности, но и собственный внутренний мир оказывается для него непроницаемым, «<…> ведущее рассказ “я”, утратив аналитическое: самосознание, раскрыть себя изнутри не способно» [1, с. 430]. Образ Мерсо в его ипостаси рассказчика раскрывается в своей неспособности к какой-либо аналитике и рефлексии, т. е. в тех умениях, которые и могут свидетельствовать о его личностной обеспеченности. Сознание Мерсо-рассказчика разрывается между эмоциями и размышлениями, оно не способно соединить фрагменты жизни в некую целостность, понять что-либо в ней. Нарратив вскрывает какой-то глубинный конфликт между разумом и чувством, словом и мыслью, смыслом и бессмыслием, носителем которых оказывается Мерсо. Мерсо – символ чего-то тотально непроясненного, конфликтного, разрушительно-стихийного, укоренённого в человеке вообще и в реальности, его порождающей.

Данный нарративный план высвечивает фигуру Мерсо, объективированную в нарративе «Я-рассказчика». «Я-воспринимающее» Мерсо лишь немногим отличается от «Я-рассказчика», а именно тем, что оказывается способным заполнять пустоты смысла ощущениями: «*И подумал – вот и прошло воскресенье*, *маму похоронили*, *завтра я пойду на работу*, *и*, *в сущности*, *ничего не изменилось*» [2, с. 20].

Его рассудок, обычно апатичный и вялый, просыпается лишь в ситуациях непосредственного контакта с телесно-материальным миром. Он внимателен к запахам (чувствует *запах ночи и цветов*), различает малейшие шорохи и звуки («<…> *изредка слышался какой-то странный звук*, *я не мог разобрать*, *откуда он*. *Потом наконец понял*: *некоторые старики всовывали щеки внутрь*, *и тогда в беззубом рту странно щелкало*» [2, с. 12]). В своей способности ощущать мельчайшие нюансы цвета, звука, запаха Мерсо больше напоминает существо природного мира, нежели человеческого. Поэтому на суде, объясняя убийство влиянием жары и солнца («*все вышло из-за солнца*»), Мерсо вовсе не вводит суд в заблуждение и не пытается уйти от ответа. Он вполне искренне объясняет случившееся желанием укрыться в тени скалы и отдохнуть от палящего солнца у прохлады родника. Путь ему преградил араб, и он его убил. Араба убил не человек, а некое существо, природа которого телесно-материальна, стихийно-неразумна. Но Мерсо не слушают, в зале раздаются смешки.

Однако стоит вглядеться в рассказ Мерсо гораздо внимательнее, чем это сделал суд. Мерсо испытывает неподконтрольное со стороны разума влияние, оказываемое на него природными стихиями. Воля героя оказывается парали-

зованной, абсолютно во власти разрушительного влияния ослепительного солнечного света и жары, пробуждающих в нём страшное – желание убийства. Воля Мерсо загадочным образом зависит от стихий солнца, воды (моря) и земли. Солнце буквально руководит поведением Мерсо, вводит в состояние экстаза, заставляя нажать на спусковой крючок пистолета и убить араба: «*<…> раскалённый знойный берег словно подталкивал меня вперед. <…> Солнце жгло мне щеки, на брови каплями стекал пот. <…> Я не мог больше выдержать и поддался вперед. Я знал: это глупо, я не избавлюсь от солнца, если сдвинусь на один только шаг. И все-таки я сделал его – один единственный шаг вперед. <…> Море испустило жаркий, тяжелый вздох. Мне почудилось – небо разверзлось во всю ширь, и хлынул огненный дождь. Все во мне напряглось, пальцы стиснули револьвер. <…> спусковой крючок поддался*» [2, с. 41–42]. Создаётся впечатление, что Мерсо пребывает под воздействием какого-то внутреннего природного ритма, колебания которого чутко улавливает его организм. Сила воздействия природы определяет его чувство комфорта или дискомфорта. Ему приятно плавать в море, вода охлаждает опалённое солнечным огнем тело. Солнце же оказывает на него агрессивное влияние, полностью парализуя волю («*дорога и солнце слепили глаза*»). Он убивает араба, находясь под властью очередного солнечного наваждения. Четыре выстрела, прозвучавшие после, – это лишь результат остаточных влияний солнечной волны.

В моменты же душевного равновесия, когда ослабевает влияние солнца, Мерсо склонен передавать свои наблюдения в художественно-изысканной форме: «*Под ногами валялись желтоватые камни и ярко белели на фоне неба, уже налившегося густой синевой асфодели*»; «*Еще не дойдя до края плоскогорья, мы увидели неподвижное море. Поодаль прозрачную воду разрезал тяжёлый сонный мыс*» [2, с. 35]. Его дар поэта просыпается в моменты, когда Мерсо чувствует полную слиянность со вселенной, испытывает ощущение единства своего тела с телом бытия. Строя поэтические образы, Мерсо-художник интуитивно приводит в порядок стихийное хаотическое безначалие, придаёт ему гармоническое звучание. Может быть, эта та часть Мерсо, которая жила с мамой до того, как у него не пропал к ней интерес, и он не отправил ее в дом призрения?

Мерсо – посторонний, не потусторонний, не за пределами мира, он в мире, в тесной с ним связи. Он лишь мир человеческий отринул, с его смертельностью, телесной убогостью и духовно-душевной ущербностью. Когда Мерсонаходился в мертвецкой, при ослепительном свете ламп, отвесно падающем с потолка, ему с пронзительной ясностью открылось своими натуралистическими подробностями всё безобразие и беспомощность стареющей человеческой плоти: «*<…> Никогда прежде я не замечал, что у старух бывает такой большой живот. Мужчины были почти все тощие и опирались на палки. Больше всего меня поразило в их лицах, что я не мог разглядеть глаз, только что-то мерцало в сети морщин. Когда они уселись, многие посмотрели на меня и неловко наклонили головы; у всех были беззубые, запавшие рты*» [2, с. 11]. Если в человеческой жизни есть единственная истина, и эта истина о смерти,

то зачем все? Мерсо возвращает обществу *билет*, отказываясь быть верным исполнителем всему, что ему *сулили и навязывали*, потому что всё обессмысливается смертью, и не смертью вообще, какой-то абстрактной смертью, а его собственной смертью. Герой делает свой собственный выбор – он «брачуется» с Бытием во всём многообразии его проявлений.

В финале повести Камю представляет Мерсо, без сожаления расстающегося с жизнью человеческой, смысл которой только в томительном, страшном ожидании смерти. Он освобождается от жизни, как от тяжкого бремени, раскрываясь «*навстречу тихому равнодушию мира*. *Он так на меня похож*, *он мне как брат*, *и от этого я чувствую – я был счастлив*, *я счастлив и сейчас*». Мерсо окончательно порывает с миром человека, вверяя себя миру природы, бескрайнему океану вселенной, возвращаясь «к телесному первородству» [1, с. 430]. Стихийно-неразумное, дионисийское в этой повести Камю одержало окончательную победу над человеком, которого при этом трудно назвать побежденным, скорее, сознательно принявшим волю абсурда как единственно возможную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великовский С. «Проклятые вопросы» Камю // Камю А. Избранные произведения. – М.: Панорама, 1993. – С. 421–447.

2. Камю А. Посторонний // А. Камю. Избранные произведения. – М.: Панорама, 1993. – 448 с.

REFERENCES

1. Velikovskij S. «Prokljatye voprosy» Kamju // Kamju A. Izbrannye proizvedenija. – M.: Panorama, 1993. – S. 421–447. [in Russian]

2. Kamju A. Postoronnij // A. Kamju. Izbrannye proizvedenija. – M.: Panorama, 1993. – 448 s. [in Russian]

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абаева Евгения Сергеевна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Агакишиева Улдуз Джамиловна – аспирант кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

Антропова Вера Владимировна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Грошева Алла Владимировна – магистрант, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Архипова Елена Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Белова Марина Сергеевна – аспирант кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Бентя Евгения Викторовна – аспирант кафедры истории и типологии языков и культур факультета иностранных языков, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Блинова Анастасия Олеговна – магистрант, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Богатырева Оксана Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Брем Наталья Сергеевна – аспирант кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет; преподаватель, Новосибирское высшее военное командное училище

Букаты Евгения Михайловна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Василенко Татьяна Егоровна – аспирант кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет; преподаватель кафедры иностранных языков, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия

Варламенко Илья Геннадьевич – аспирант кафедры английской филологии, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Воробьёва Татьяна Леонидовна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Гилёва Екатерина Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет; доцент кафедры социологии, политологии и психологии, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия

Голышкина Людмила Александровна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры филологии, декан факультета повышения квалификации, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Грицко Мария Игоревна – канд. филол. наук, младший научный сотрудник сектора русского языка в Сибири, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Дебренн Мишель – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры французского языка, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

Деркач Анна Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Дубкова Ольга Владимировна – канд. филол. наук, доцент, Сианьский университет иностранных языков, Сиань, КНР

Жихарева Татьяна Юрьевна – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Зайкина Злата Михайловна – преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Зайналова Лариса Арабшаховна – старший преподаватель факультета довузовской подготовки, Дагестанский государственный университет, научный сотрудник, Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи, Махачкала, Россия

Захарова Евгения Захаровна – магистрант, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Имяминова Шухратхон Салижановна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Карпова Елена Валерьяновна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Катермина Вероника Викторовна – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Ковалёва Дарья Игоревна – аспирант, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Коломейцев Егор Александрович – аспирант, Новосибирский государственный технический университет; старший преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения, Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, Россия

Колышкина Светлана Сергеевна – старший преподавтель кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Кокова Александра Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Коршунова Анастасия Вячеславовна – преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Кротова Анастасия Григорьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Кузнецова Алена Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Курчина Мария Александровна – студент 4 курса, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Кушнина Людмила Вениаминовна – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Масолова Елена Александровна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Массалова Александра Эдуардовна – преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Тюменское высшее военно-командное инженерное училище им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия

Масюк (Басырова) Анна Евгеньевна – аспирант кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет; преподаватель, Новосибирское высшее военное командное училище, Новосибирск, Россия

Машкович Ольга Александровна – магистрант, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Мелкадзе Нанули Самсоновна – канд. филол. наук, доцент, ассистент-профессор, Государственный университет имени Акакия Церетели, Кутаиси, Грузия

Мелёхина Елена Анатольевна – канд. пед. наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета**,** Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Нагаева Ксения Эдуардовна – канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Николенко Ольга Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и лингводидактики, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Ольховская Александра Игоревна – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Онал Инна Олеговна – старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Осолодченко Марина Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Отургашева Наталья Вадимовна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных основ государственной службы, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия

Полянкина Софья Юрьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Ражабова Сабохат – студентка 3-го курса, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Ржаникова Юлия Владиславовна – преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Тюменское высшее военно-командное инженерное училище им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия

Русанова Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Савицкая Сардана Валерьевна – аспирант, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

Сироткина Татьяна Александровна – д-р филол. наук, доцент, доцент кафедры филологического образования, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

Смирнов Евгений Сергеевич – преподаватель кафедры русского языка, литературы и языковой коммуникации, Институт филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Смолина Анджелла Николаевна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Соснина Анна Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Трофимова-Коваленко Наталья Игоревна – аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Цвенгер Лариса Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Чернова Ирина Валериевна – канд. филол. наук, преподаватель кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Чурляева Татьяна Николаевна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры филологии, заместитель декана факультета гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Чжан Сюань – магистрант, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Чжао Хун – д-р филол. наук, директор Института русского языка, Сиань-ский университет иностранных языков, Сиань, КНР

Шалда Дарья Андреевна – магистрант, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Шабунина Ксения Дмитриевна – преподаватель кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Шапошникова Ирина Владимировна – д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

Яцко Владислав Вячеславович – аспирант кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сборник материалов

VII Международной
научно-практической конференции

В авторской редакции

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *Л.А. Веселовская*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 17.10.2017. Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная. Тираж 80 экз.
Уч.-изд. л. 32,55. Печ. л. 23,25. Изд. № 256. Заказ № 1287. Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20